

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

НОВЫЕ МОСТЫ

Annotation

Мия и Адриенна продолжают свой путь.

Трепещет Эврона – на ее улицах появилось чудовище. Убийца, которой безразличны чужие жизни и судьбы. Она готова нести смерть везде, всюду, любому человеку. Главное, чтобы за это платили.

Постигает сложную купеческую науку Лоренцо – и ни на миг не забывает о своей любви к Адриенне. Увы, сделать ей предложение он не может, а девушка никогда не ответит ему взаимностью. Но вдруг?..

Плетет интриги эданна Франческа. Чахнет у ее ног влюбленный принц. Ах, ей бы родить, но если бог не дает детей? Тогда надо обращаться к Дьяволу.

Адриенна спокойно живет в СибЛевране. Спокойно ли? Сбежавшая эданна, покушение на убийство, разбойники – не такая уж и тихая эта провинция. Но жить – надо. И жить достойно. Так, чтобы летать, а не ползать.

Справятся ли девушки с этой задачей?

Кто знает...

- [Галина Гончарова](#)

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
-

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Новые мосты

Гончарова Г. Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Адриенна

Как уж там в столице, девушка не знала. А в СибЛевране зима выдалась снежная, ветреная... выглядываешь из окна – и видишь сугробы, сугробы, а потом опять и снова сугробы. Красивые, белоснежные, большие – и непроходимые хоть для конного, хоть для пешего.

А еще над сугробами летит поземка, срывает у них макушки, закручивает снежную крупу, и видятся в ее полете то облака, то драконы, то мифические герои...

Красиво. На это можно смотреть часами из окна. А потом пойти и погреться.

В такие дни приятно сидеть у очага, протягивать к огню руки, о чем-то разговаривать с близкими людьми, может быть, отпивать маленькими глоточками горячий глинтвейн – не ради алкоголя, просто для настроения. Можно и ягодный взвар, тоже вкусно.

Раньше Адриенна так вечера и проводила. А сейчас вот появление эданны Сусанны поделило СибЛевран на две части. И в одной остались эданна, ее муж и сын. А в другой сама Адриенна. И дан Рокко, который полюбил составлять ей компанию.

«Хотите верьте, дана, хотите – нет, – как-то сознался он в приступе откровенности, – хорошо рядом с вами. Словно солнышко греет. И легче становится. Я ведь помирать готовился, а сейчас чую – еще лет пять, но проживу. Глядишь, еще и на вашей свадьбе погуляю, коли позволите».

Что могла ответить на эту откровенность Адриенна? Сказать, что так проявляется кровь Морганы? Что она – свет, здоровье и счастье для своих людей? И пока дан Рокко на ее землях, он тоже под ее защитой? Лучше уж не рисковать. Она просто от души порадовалась за хорошего человека.

Зима...

Что может выгнать человека из дома в такую погоду?

Нужда, беда, болезнь и голод. То, с чем лучше не сталкиваться.

Никто и не ждал, и не гадал, но когда в ворота замка постучали... открыть, конечно, пришлось. Не сами ворота, калитку, ворота так замело, что часа два расчищать придется. Что еще остается? А уж когда из телеги выбралась измученная женщина с мальчиком и оба упали на колени почти посреди двора...

Кое-как зашли – и силы кончились. Само осознание, что они здесь, что добрались, что в безопасности... впрочем, в безопасности ли? Им просто очень повезло.

Адриенна как раз была занята на конюшне, но голос эданн Сусанны расслышала бы через любые стены.

– Это что еще такое?! Кто позволил привезти эту грязь в мой замок?! Выпороть всех!!! И выкинуть!!!

Как не выйти ради такого?

А еще – ради унижения эданн Сусанны. Злила она Адриенну и раздражала, до бешенства, до белых глаз, до стиснутых кулачков. И Адриенна с удовольствием делала эданне гадости при первой же возможности.

Сусанна в долгу не оставалась, война раскручивалась, втягивая в себя новых и старых обитателей СибЛеврана, и сейчас намечалась очередная битва.

Услышав шум, Адриенна поплотнее закуталась и выглянула во двор. Не любила она холод. Вот не любила – и все тут! Но кони ждать не будут, показалось старшему конюху, что у гнедого подозрительная проплешина... ага, подозрительная!

Если даешь коня идиотке – так хоть оседлай по-человечески! Конечно, один из ремней и натер...

Адриенна ругалась, смазывая воспаление специальной мазью. Конюхи почтительно внимали, хотя ничего крамольного девушка не говорила – не подобает. Но хозяйка ведь!

И как коней понимает!

Ходили в их среде слухи, что есть, мол, *конское слово*.

Кто его знать будет, того все лошади будут слушаться, словно родного. Вот не иначе как его дане и шепнули. К ней любой конь бежит, разве что хвостом не виляет! Вызвать бы, да кто ж поделится? И на том спасибо, что дана сама ручки запачкать не брезгует!

Адриенна натолкнулась взглядом на Рино – парня из деревни, который подрабатывал извозом. И на две фигурки посреди двора.

Такие... безнадёжные.

Женщина прижимала к себе маленького ребенка, словно закрывая от гнева эданна Сусанны, а тот уткнулся в ее одежду. Вцепился, притих...

Это же мама!

Она его от любой беды защитит, правда?

Только вот и мама на ногах чудом Божьим держится, и малыш скоро свалится...

Ругаться на дворе Адриенна не стала.

Наклонилась.

Снежок так удачно скруглился в ладони... и прямо-таки в цель уложился, сбив с эданна кокетливую меховую шапочку.

Та заткнулась на полуслове. Да никто и не спешил ни хватать, ни пороть... это еще чей тут замок? И что дана Адриенна скажет? А пуще того – дан Рокко? Дан Марк – тот жене потакать будет, так он ведь и не хозяин. До конца-то...

– Ай! – неблагородно взвизгнула эданна. Развернулась – и получила вторым снежком в грудь. Надо бы в лицо, да Адриенна промазать побоялась, выбрала цель покрупнее. Хорошо еще, первый раз попала, куда целилась!

И словами добавила. Так, для доходчивости:

– Не смей распоряжаться в моем доме!

– Ты! – взвизгнула эданна.

Она бы с удовольствием поругалась на тему «кто в доме хозяйка», но Адриенна уже не обращала на нее внимания. Она быстрым шагом шла к женщине с ребенком.

– Имя?

– Эданна Джачинта Леони. Мой сын – дан Анжело Леони.

Адриенна кивнула. Кто это такие, чего им надо – потом разберемся. И так понятно, что они сюда явились не от хорошей жизни. И спрашивать их посреди двора – скотство. Поэтому...

– Вы измучены и не стоите на ногах. Рино!

– Слушаю, дана? – подскочил возчик.

– Видишь – эданна на ногах не стоит? Сопроводи ее в залу, сам иди на кухню, выпей горячего и скажи кухарке, пусть найдут тебе

место переночевать. Ну и ужин, конечно. На сколько вы договаривались?

– Так это... четыре сольди.

– Эданна их отдала?

– Нет пока, дана Адриенна.

Адриенна молча достала из кармана серебряный дарий.

– Тебе. Чтобы не трепал зря языком. И лошадку устрой, через калитку она пройдет, а пока ворота откопают... сам видишь!

Надо бы откопать. Но припасов хватало, последний подвоз был чуть не десять дней назад, следующий – еще дней через пять, Адриенна и махнула рукой. Чего их каждый день откапывать? Тогда уж один раз почистят... ладно, теперь – два.

– Спасибо, дана!

Рино аж подскочил на месте, подхватил на руки мальчишку, не особо вежливо толкнул под локоть пассажирку, чтобы та вцепилась в его плечо, и потащил обоих в залу. Благо преотлично знал и что, и где. Не раз грузы возил.

Адриенна повернулась к эданне Сусанне.

Хотелось сказать многое. И что не стоит распоряжаться в чужом доме, и что эданна здесь никто, и что придет пора, она отсюда вылетит как пробка... Да, и обозвать ее покрепче тоже хотелось.

Вместо этого Адриенна прищурила глаза:

– Еще один такой случай – урежу содержание.

– Не посмеешь!

– Еще как. Это мой замок. Мои люди. Мое право. Не понимаешь словами, будем разъяснять лоринами.

Эданна Сусанна аж задохнулась от возмущения.

Она зачем замуж выходила?!

Чтобы поместье, чтобы деньги, чтобы спокойствие... и что?! Какая-то сопля ее самого ценного лишает, понимаешь! И ведь ничем ее не остановишь.

Адриенна не стала ждать, пока эданна отплюется от застрявшего в горле возмущения. Она прошла в замок, в общую залу.

Там было жарко и уютно, горел огонь в большом камине, а гостя и ее сын уже сидели неподалеку от очага, на удобных лавках. И в руках у них были чашки с бульоном.

Рози хлопотала вокруг, приговаривая, что сразу после долгого голода много кушать нельзя, так что пусть эданна не упрямится. И молочка им горяченького нельзя, а вот простоквашка вкусенькая на кухне есть. Ее на ночь точно можно, и сыра кусочек...

Гости сосредоточенно пили.

Адриенна пока приглядывалась.

А красивая гостя. Среднего роста, но хорошо сложена, волосы рыжеватые, глаза большие, карие, личико бледное, сейчас настолько, что веснушки на переносице выделяются четко и ясно.

Мальчик?

Ее копия. Только у матери волосы рыжие с каштановым оттенком, а у него каштановые с легким уклоном в рыжину. Лет пяти-шести на вид. Симпатичный, но худой, аж на просвет видно. И одеты они не так чтобы дорого. Тепло, добротно, но это крестьянская одежда. Шерсть, сукно, кожа...

Даны предпочли бы бархат, меха... здесь этого нет.

И все же Адриенна косу готова была дать на отрезание – это дана. Она не лжет.

Но почему здесь и в таком виде?

Адриенна дождалась, пока гости выпьют бульон, и только тогда присела напротив.

– Эданна Леони? Мое имя Адриенна СибЛевран. Вы сейчас гости в моем замке. Добро пожаловать.

И так это прозвучало для измученной невзгодами женщины...

Успокойтесь. Вы в безопасности. Я помогу...

Джачинта всхлипнула – и едва не залилась слезами. Адриенна помешала, вовремя заметив опасные признаки. Вот не надо сейчас истерики, сначала расскажите, зачем приехали, а потом плакать будете.

– Эданна, минуту.

– А?

Тон у хозяйки был такой, что остановился бы даже конь на всем скаку.

– Эданна, сначала объясните мне, что привело вас в СибЛевран. А потом я устрою вас на ночлег – и вы сможете дать волю слезам. Пока же не пугайте сына.

Другие бы слова, может, и не подействовали. Но сын!

Ради него Джачинта позволила бы себе руку отпилить! А уж сдержат истерику... какую еще истерику? Она спокойна! И слез никаких нет, и голос не дрожит, вот!

— Мое девичье имя Джачинта Вентурини.

Тут Адриенне и гадать не пришлось:

— Вы дочь дана Рокко?

— Да...

— М-да...

Адриенна подумала, что дане (эданне) явно не повезло. За стол с гостями ей точно садиться не стоит. Это ж надо так подгадать?

В любой другой день, в любое другое время дан Рокко прекрасно бы и увидел, и услышал дочь, и отвратительной сцены во дворе не случилось бы. Но вчера дан переоценил свои силы.

То ли перегулял, то ли оделся недостаточно тепло... в результате его свалила вульгарная простуда, которая проявилась уже вечером соплями, чиханием и легким жаром. Кто-то и лечиться бы не стал, начихав на болезнь, но дан Рокко себе такой вольности не разрешил. Не с его здоровьем. И он лежал в кровати. Пил подогретое вино с травами, спал...

Не слышал он ничего по техническим причинам. И окна его не туда выходили, и скорее всего он именно что спал.

— Что с отцом?! Он жив?! Умоляю!!!

— Жив, здоров... то есть не вполне здоров. Простыл вчера. Марко! Долго звать и искать не пришлось.

— Что, дана?

— Слетай к дану Рокко, спроси, может ли он принять гостей? Важных? И уже взглядом оцени состояние. Если ему плохо, то цыц! Не смей тогда ничего говорить до завтра-послезавтра! Дочь там, не дочь... дан Рокко Вентурини Адриенне был дороже неизвестной эданн с ее интересами и проблемами.

Марко все понял и умчался. Адриенна погладила бедолажную эданну по руке:

— Успокойтесь. Мы вас в любом случае не выставим на улицу. Вы в безопасности.

— Я...

— А вот о ваших делах сначала стоит рассказать отцу, — строго осекла Адриенна.

Эданна Леони оглянулась, увидела эданну Сусанну, которая входила в зал с видом королевы в изгнании, и опустила ресницы. Поняла...

– *Это* еще здесь?

Действительно, рядом с Сусанной, которая была облачена в верхнее платье из бархата винного цвета и нижнее из кремовой тонкой шерсти, Джачинта казалась замарашкой и побирушкой.

– Обязательно скажу дану Вентурини, как вы уважительно отнеслись к его дочери, эданна, – парировала Адриенна. И повернулась к Марко, который влетел в зал.

– Можно, дана.

– Идемте, Джачинта. Идем, Анжело.

Гости поднялись и послушно отправились за хозяйкой.

Оставлять родственников наедине Адриенна не собиралась. Пусть сначала дан Рокко ее об этом попросит.

* * *

Дан Рокко таких глупостей говорить не собирался. Он отлично понимал, что Адриенна его главный друг и союзник. Более того, она хозяйка замка. Здесь ее право – и его сила.

Что бы ни случилось с его дочерью – расхлебывать им совместно. А удачно ли расхлебается?

Это и от Адриенны зависит во многом.

Поэтому дочь он встретил улыбкой:

– Чинта! Анжело!

И обернулся к Адриенне:

– Дана Риен, я надеюсь, вы нас не бросите? – И снова дочери: – От Риен у меня секретов нет.

Джачинта покосилась на дану, но поняла, что выбора у нее тоже нет.

– Папа... ох, папочка...

– Что случилось, Чинта? Не трать время на слезы, рассказывай...

Джачинта усилием воли взяла себя в руки. Вытерла те капельки, что уже брызнули из глаз, и коротко так, часа на полтора, поведала свою историю.

Адриенна слушала.

Терялась, конечно, в подробностях, но слушала.

Анжело поступил умнее всех. Он залез на кровать, под бочок к деду, да и придремал там. Тепло, сытно, спокойно – что еще надо малышу? Только ощущение безопасности. Комната, где звучит и мамин голос, и голос деда, где обнимают надежные сильные руки, где нет снега, холода и страха. Сегодня он будет спать без кошмаров.

Если выжать из истории всю лишнюю воду, она была проста, как тряпка.

Джачинта была замужем за даном Леони. Тоже, кстати, Анжело, сына назвали в честь отца. Но во время эпидемии (тут виновато опустила глаза Адриенна) дан Леони умер.

Дан был не из бедных, но и не из богатых. Поместья у него не имелось, а вот дом в городе и пай в торговых делах – были. И был младший брат.

Бартоломео Леони.

Дальше ситуация развивалась, увы, по печальному варианту.

Если кто-то и бывает столь благороден, что приютит вдову брата с ребенком или детьми, поможет, позаботится, поддержит...

Бывает, кто бы спорил! Хороших людей у нас много.

Но вот Бартоломео к ним никак не относился. Понятно, все состояние по завещанию отходило Анжело-младшему. Но!

А если Анжело не доживет до совершеннолетия?

Второго племянника у дана Бартоломео нет. А Джачинта... а ее можно и того... жениться можно. Будет у нее еще трое детей, мигом о первенце забудет, по принципу: «Бог дал – Бог взял».

Это если вкратце. А если описывать все поползновения Бартоломео в сторону молоденькой вдовы, все его домогательства, все попытки убить Анжело...

А попытки были.

Не напрямую, нет.

Но открыть у ребенка окно, когда тот болеет, – запросто.

Предложить покататься на лошадке, на которую и взрослому садиться страшно...

Сводить на ярмарку и потерять... чудом малыш нашел дорогу. Чудом Господним...

После ярмарки Джачинта и поняла, что рано или поздно ее сына изведут. Не одним, так другим способом. До того еще можно было что-то списать на глупость или случайность. А вот на ярмарке... три раза случайности – это уже закономерности. Сообразив это, Чинта решила не оставаться рядом с подлецом.

Благо дело происходило в столице. Отец уехал, но куда – она отлично знала. Подготовилась, взяла деньги и драгоценности, что попали под руку, – и вперед. К сожалению, попало ей мало, потому что Бартоломео все держал у себя, в тайнике. Но хоть что-то...

Джачинту гнал вперед страх за сына.

Деньги она, увы, не рассчитала. Там пришлось заплатить больше, здесь... К тому же она не рассчитывала на благородство Бартоломео. Будут ее преследовать и искать?

Да обязательно!

На то, чтобы сбить погоню со следа, тоже нужны были деньги. Она наняла еще двух женщин с рыжими детьми, и все выехали из столицы в один день, только в разных направлениях. Две другие вернутся потихоньку. Джачинта – нет.

Дан Рокко выслушал весь этот слезоразлив. Подумал.

А потом слез с кровати.

– Залезай, дочка.

– Отец?

– Ты сегодня спишь здесь. А я посплю на кушетке...

– Но...

– Ложись и спи. Мы тебя не выдадим, но обговаривать план действий будем завтра. Ты себя еще слишком плохо чувствуешь.

С этим Джачинта и не спорила.

Плохо? Это еще слишком мягко сказано! Отвратительно она себя чувствует, чудом еще на ногах стоит. Если б не сын, давно бы ее косточки под кустом вороны расклевали.

Она залезла под одеяло как была, едва скинув обувь, притянула к себе поближе сына, который почуял мать и уткнулся лицом в родную теплую грудь, – и уже через минуту в спальне сопели два носа. А дан Рокко вопросительно смотрел на Адриенну:

– Дана?

– Предлагаю поговорить у вас в кабинете, – махнула рукой Адриенна. – Пусть спят, не будем им мешать.

В кабинете Адриенна уселась в кресло и побарабанила пальцами по подлокотнику:

– Дан Рокко, у нас сложная ситуация.

– Это верно, дана.

– Давайте я все изложу, а вы мне объясните, где я не права. Итак, у нас есть ваши дочь и внук. Но опека над ними у Бартоломео. Вам ее никто не отдаст. Разве что ехать в столицу, кидаться королю в ноги... Теоретически я могу попросить. Но практически – когда дойдет мое письмо? Что потребует его величество за свое покровительство? И... кто будет первым? Бартоломео или письмо?

– Я бы поставил на Бартоломео. Я его видел... он неглуп и достаточно настойчив.

Адриенна продолжила барабанить пальцами:

– Тогда сложности увеличиваются. Если он приезжает и требует отдать ему Чинту – мы вынуждены отдать. Так?

– Особенно если он сразу приедет со стражей. Он может.

– Люблю умных врагов. На обед. Что мы могли бы сделать? Первое – король. Но время, время...

– Согласен.

– Мы все равно напишем его величеству, изложим эту ситуацию. Но решение придется принимать раньше. Не говоря уж о том, что у нас в тылу предатели. Эданна Сусанна и глазом не моргнет, даже если вашу дочь у нее на глазах удавят. Кстати, за похищение сына и наследника от его опекуна... что Чинте полагается?

– Три года тюрьмы.

– Вообще замечательно. Плюсую еще и шантаж. Мой отец, Леонардо... никто не вступится. Так что вариант с королем отпадает. Можно бы спустить на вашего... Леони собак. Или волков.

– Увы, это вряд ли.

– Знаю. Силовое решение проблемы мне недоступно. – Адриенна даже порадовалась себе. Вот как она уже выражается! Не зря дан Рокко ей законы вдалбливал. – Не в моем возрасте. Увы.

Было у нее подозрение насчет волков. Но... страшновато.

Допустим, она пойдет в лес. Найдет там волков. И даже поймет, что им надо. А волки точно поймут, что ЕЙ от них надо? Или

предпочтут слопать того, кто поближе? Адриенна не считала серых хищников дураками и рисковать не желала.

– Согласен.

– Мы могли бы выдать вашу дочь замуж. Но вашего внука это из-под удара не выведет.

– Увы.

– Мы в тупике?

– Практически, дана, практически.

Адриенна подняла брови:

– То есть?

– Существует вариант, при котором Бартоломео сам отказывается от опекунства.

– У нас нет таких рычагов давления. Или есть?

– Я попробую, – с сомнением сказал дан Рокко. – Кое-что у меня есть, но подозреваю, этого будет мало для полноценного шантажа.

Адриенна сосредоточенно думала. Вспоминала законы.

– Минутку, дан Рокко. Кажется... если Бартоломео сойдет с ума, его лишат опекунства? Безумец ведь не может быть опекуном мальчика?

– Нет. Но...

– Я знаю, есть травы, которые вызывают помутнение сознания. А у нас в деревне есть знахарка. Тетка Ата...

– Ага, – уловил дан Рокко. – Но ведь это ненадолго?

Адриенна покривилась:

– Странное поведение благородного дана должны удостоверить три благородных свидетеля. И у нас как раз они есть. Я, увы, не могу, но вы – можете. Мой отец может. Леонардо – может.

– Дана?

– А СибЛевран выдержит этот расход.

– Дана!

И столько благодарности было в голосе пожилого человека. Столько тепла...

Дан Рокко отлично понял, что сейчас сделала Адриенна. Она просто приняла его дочь, как свою. Поверила, подумала, как решить ее проблемы... мало?

Вот так, первый раз в жизни видя Чинту и ее сына. Это дан Рокко знал, что дочка не врет, а вот Адриенна этого знать не могла.

И все же – помогает.

Адриенна лукаво улыбнулась:

– Дан Рокко, предлагаю вам сегодня отдохнуть как следует. Завтра у нас будет тяжелый день.

– Безусловно, дана.

– Вы меня не поняли, дан Рокко. Нам предоставлять отчеты его величеству. А вам думать, как выкроить из бюджета деньги на взятки. Думаю, это не меньше двухсот лоринов...

Дан Рокко оценил:

– Спасибо вам, дана. Я отслужу. Клянусь.

Адриенна серьезно посмотрела на пожилого усталого мужчину:

– Я, Адриенна СибЛевран, принимаю вашу клятву. Обещаю не требовать от вас ничего, противного чести и совести.

И... показалось им?

Да чушь, конечно, кто б спорил! Зима же и ночь!

Но где-то там, далеко, за окном, хрипло и отчетливо каркнул ворон.

Мия

Что за зеркала, которые отражают метаморфов в их истинном облике?

Почему ее видно в серебряном зеркале мастера Сальвадори?

Кстати говоря – откуда вообще взялись метаморфы? Мать Мие так и не смогла ответить на этот вопрос, увы. А узнать очень хотелось.

Что творится на Линдано?

Куда вообще пропал знаменитый мастер?

Чье наследство распродает дан Джанмария Дуранте?

Вот на последний вопрос Мие было ответить легче и проще всего. Последнее время она не гуляла по городу: что она там забыла? Последнее время она охотилась.

Узнать, где находится особняк дана Дуранте, было несложно. Есть люди, у людей есть языки, у Мии есть деньги. Эти категории прекрасно сочетаются.

Мия не могла расспрашивать напрямую, дядя не понял бы. Но вот с утра потолкаться на рынке... понятно, не в своем облике.

Мия готовилась заранее, отрабатывая личину перед зеркалом. Обычным, не мастера Сальвадори.

Мальчишка-нищий получился на славу. Укорачивались и темнели волосы, становясь из золотых грязно-соломенными. Цвет глаз Мия сильно не меняла, ладно уж. Только разрез. Менялась форма губ – с полных на узкие и сжатые, нос – на длинный и хрящеватый, с приплюснутым кончиком.

Исчезли и так незаметные глазу округлости и выпуклости, а остальное придется корректировать одеждой. Здесь подложить, там уплотнить...

Одежду Мия менять на себе не могла. Большой минус для ее целей.

А как хорошо бы!

Одна мысль – и ты в платье! Вторая – и ты в штанах! Но, кажется, так даже прабабка не могла. Мама рассказывала, та использовала двусторонние платья, чтобы мгновенно поменять наряд. Скинуть верхнее платье, вывернуть – и уже внешность изменилась.

Пододевала под юбку штаны. Для той же цели.

Мия так пока не могла. Надо будет потом обсудить с дядей гардероб, а сейчас у Мии было только то, что положено юной дане из хорошей семьи. Если требовалось что-то сверх, дядя сам приносил одежду.

Мия над этим раньше не задумывалась, а вот сейчас, когда что-то понадобилось ей, да так, чтобы дядя не узнал...

А ведь она и правда у Джакомо как на ладони. Неприятное ощущение.

Мия решила подумать над этим потом, а пока узнать, что можно, про дана Дуранте. Но не успела и появиться на рынке. Дядя пришел к ней первым.

– Мия, у нас намечилось хорошее дело. Хочешь заработать денег?

– Сколько? – тут же уточнила девушка.

– Ну... лоринов сто.

– А что за дело?

– Недавно умер один из самых богатых людей столицы. Дан Кармело Мартино.

– И оставил наследство? – догадалась Мия. Хотя было бы о чем догадываться. Если человек умер, то за ним кто-то наверняка что-то да наследует.

– Наследство там невероятно богатое. Старик всю жизнь собирал антиквариат, у него была богатейшая коллекция, а наследник, мот и ничтожество, сейчас ее распродает.

– А как зовут наследника?

– Джанмария Дуранте.

Мия даже ахнула от неожиданности. И дядя тут же впился в нее глазами:

– Мия?

Девушка уже знала, что отпираться не стоит. А зачем? Что такого она сделала?

– Дядя, я просто недавно заходила в одну лавку. И купила там несколько приятных безделушек... вот, зеркальце, кулончик... хотела к нему еще серьги, спросила, кто продал украшение, и мне сказали про дана Дуранте.

– Что за лавка?

– Кажется, «Товары с кораблей», – сморщила носик Мия. – Не помню точно... показать могу. Сходим? От нефритовых сережек я бы не отказалась.

Джакомо улыбнулся и потрепал племянницу по голове. В тот день за ней как раз следили, так что про лавку он знал, но раз девочка рассказала все сама? Чего настаивать?

Обычный бабский поход по магазинам.

– Полагаю, серьги тоже есть. Ты не хочешь посмотреть дома у самого дана Дуранте? Обещаю, если они найдутся... никто тебе выворачивать карманы не станет.

Мия прищурилась:

– И как я должна это сделать?

– Сколько ты можешь удерживать личину? Уже часа два?

Мия кивнула.

На самом-то деле и больше, но тут многое зависело и от изменений, и от внешних условий... может, и больше. А может, и меньше. Красноглазое острозубое чудовище со змеями вместо волос (да, Мия изучала мифологию!) вообще продержалось минут пять, а головную боль по себе на весь день оставило. Хотя никаких змей там

так и так не было, просто косички приняли такой вид. И не извивались, а просто лежали на плечах.

– Тогда нет ничего сложного.

– А можно услышать, что именно не составит для меня сложностей? – невинным тоном поинтересовалась Мия.

– Можно. У него в доме есть любвеобильная служанка. Кстати, не намного крупнее тебя. Недавно за ней начал ухаживать один из наших людей. Выманим дуреху, оглушим, потом ты переоденешься в ее одежду и вернешься в дом. Ночью, когда все будут спать, пройдешь по двору...

– Просто пройду?

– Собаки тебя боятся. Так что не тронут.

Мия хмыкнула:

– Я их тоже боюсь.

Джакомо понял все правильно.

– Мы это учтем, когда будем торговаться. Итак, ты открываешь дверь в дом, открываешь калитку и выпускаешь собак. Они убегают, мы заходим.

– А потом?

– Зависит от тебя. Если ты сможешь подсыпать людям снотворное, они не пострадают... почти. Зачем убивать тех, кто не сопротивляется?

– Всем наверняка не смогу, – задумалась Мия. – И за это только сто лоринов?

– На каждого из вас. Тебе, Энцо, девочкам.

– Дядя, прибавьте нолик. На каждого. И я соглашусь.

– Мия, за такую сумму нам проще нашуметь.

– Не проще, – сощурилась Мия. – Ограбить и убить дана? Искать будут тщательно.

– И что? Это случается регулярно. Даны тоже люди... и потом, это же не живые деньги! Это товар, который надо будет еще пристроить, реализовать так, чтобы не возникло проблем...

– А сто лоринов – это вообще курам на смех. Хорошо, девятьсот. На каждого.

Торговля продолжалась еще около часа. Сошлись на шестистах лоринах. На каждого из Феретти. Причем деньги в банк будут положены сразу же после завершения дела. ДО реализации добычи. И

не надо рассказывать, что король Грязного квартала так обеднел! У него и в сто раз больше найдется, надо только потрясти правильно. Да и у вас, дядя...

Разговоров о своих деньгах Джакомо не любил. Так что они с Мией сошлись на указанной сумме, и Джакомо кивнул девушке на шкаф:

– Собирайся. Сходим в таверну из дешевых, посмотришь, кого тебе подменять придется. Послушаешь. Вот верхнее платье. Лицо – ньора из небогатых. Плащ и обувь внизу.

Мия кивнула.

Белье она оставляла свое. И нижнее платье у нее было подходящее, из простого полотна, но теплое и уютное. А верхнее можно и это надеть.

Испачканное, с прилипшими к подолу кое-где водорослями, с брызгами грызи и рыбьей чешуи...

По одежде тоже можно многое узнать о человеке. Мия это изучала. Сейчас она девчонка из рыбацкой деревни.

Итак, укладываем волосы, как принято на побережье для незамужних, заплетаем косу, заматываем ее в узел на затылке, в него гребень, грубоватый, вырезанный из дерева... На гребень – платок. Сейчас холодно, и ньоры из небогатых поступают именно так. Даны обычно обходятся плащом с капюшоном. И муфтой. Даже небогатые... так принято.

Теперь начинаем менять лицо и тело. Тело – ладно. Можно пододеть кое-что с набивкой в нужных местах, Мия это уже сделала. Можно надеть башмаки на толстой подметке.

Лицо.

Меняется кожа – на загруbevшую, обветренную. Меняются глаза – на голубые, чуточку опухшие, глубоко посаженные, с поросычыми ресницами...

Меняется цвет волос. Теперь они непонятно-темные. И даже руки, которые о многом могут сказать понимающему человеку.

Теперь они с короткими толстыми пальцами, загруbevшие, в цыпках...

Мия поморщилась и спустилась вниз.

– Великолeпно, детка! – восхитился Джакомо.

И Мие стало приятно. Лесть, конечно. Но как же хорошо, когда признают твои заслуги!

* * *

Название таверны девушку позабавило. И кто их только придумывает?

– «Лиловая свинья». Забавно...

– Название должно быть звонким, броским и запоминающимся, – пожал плечами Джакомо. – Закон торговли. И вывеску нарисовать просто.

Мия хмыкнула.

Что ж. Действительно, «Принцессу эльфов» или «Королевскую милость» не каждый нарисует. А и нарисует – иногда лучше б не рисовали, убивать надо за некоторые художества.

А вот лиловую свинью – запросто. Об этом она и сказала Джакомо.

Дядя неожиданно развеселился:

– И такой случай был. Ты же знаешь, для оформления вывесок нанимают студентов?

– Знаю.

Раздеваться Мия не спешила. И без плаща останешься, потому как его здесь сопрут, и вообще – холодно. По ногам дует, ветер гуляет, от очага хоть и тепло, но его миглом выдувает из входной двери. Дешевая таверна, и этим все сказано.

– Так вот. Нарисовал один бездарный мазила короля. Не учел только, что король мимо проехал... это еще при Филиппо Втором было.

Мия задумчиво кивнула.

Историю династий Джакомо преподавал со своей колокольни. И Эрвлины у него представляли ну вовсе не благородными освободителями, как вещал ньор Луиджи. По словам Джакомо, имел место обычный захват. Даже не самый благородный... Что ж. Бывает всякое. Но первое время, пока Эрвлины не уселись прочно своим задом на чужой трон, они были особенно чувствительны к своему статусу.

– То ли у него король трехглазый получился, то ли шестиногий... сие уже истории неизвестно. Но только по названию и опознать можно было.

– Король обиделся?

– Еще как. Призвал и трактирщика, и художника, первого приказал выпороть, а со второго содрать шкуру и повесить над дверью той самой таверны.

– Фу.

– Говорят, художник орал, что он так видит и это его творческое... мировоззрение, что ли? Нет, не помню. Все равно дело закончилось содранной шкурой.

– Я не знаю о такой таверне.

– Она быстро разорилась. Да и не красит та история короля, вот и стараются не вспоминать.

Пока шел разговор, Джакомо проводил Мию к столику, заказал крабов, принес молотки, которыми надо было разбивать панцири, служанка приволокла плошки с маслом...

Минут десять дядя и племянница сосредоточенно жевали. Разбивали панцири молотками, вытаскивали кусочки мяса, окунали их в плошки с растопленным маслом...

Дешево, конечно. Зато горячо, вкусно и сытно, что и требуется местным клиентам. А потом Джакомо толкнул Мию ногой под столом.

Девушка обратила внимание на дверь.

Девушка, кавалер... все обычно и привычно. Вот на девушку и надо было обратить внимание.

Невысокая, лет пятнадцати, круглолицая, смешливая... явно из деревни... чья-то родственница? Если ее взяли в дом к дану, а не выкинули на панель?

– К тетке приехала. Ты смотри, не отвлекайся.

Мия кивнула.

И смотрела.

Как девушка улыбается, как поправляет прядку волос, как кокетливо стреляет глазками, как разговаривает, благо кавалер усадил ее неподалеку... Даже как натерты у нее щеки мелом и свекольным соком. И свеклой же намазаны губы, и сажей подведены брови. Жуть жуткая, но Мие так еще и легче. Под этой краской морды и не видно.

Зачем?

Мие притворяться два-три часа. Недостаточно просто один раз посмотреть. Надо послушать. Усвоить характерные словечки вроде «здоровьичка» и «спасибки», посмотреть на жесты, улыбку, на то, как девчонка вроде бы кокетливо, а на самом деле ужасно глупо хлопает глазами...

Это надо впитать, усвоить, ей предстоит так делать. И Мия честно делила внимание между крабами и служанкой. И только когда та ушла, отвлеклась, заговорила с дядей:

– Как ее хоть зовут?

– Моника Амато.

Мия кивнула.

Что ж. Моника так Моника. Авось и не собьется. Операция была назначена через два дня.

* * *

Столица!

Моника млела от самого слова. От его музыки, от самого значения...

Сто-ли-ца!

Это не их убогие Верхние Пеньки! Это город! Это самый прекрасный город мира! И спасибо тетке – она здесь!

Да, уехать из деревни было хорошо. Там у нее перспектив нет. Никаких. Слово «перспектива» Моника, правда, не знала, но что жить там сложно, это уж факт.

И семнадцать детей в семье, и мамка, которая рожала, как не из себя, и отец, который впахивал, чтобы всю эту ораву обеспечить, но на земле легко не бывает. Работать приходилось со вторых петухов до темноты. Спать – как повезет. Кушать – тоже как повезет.

И на ней вся эта орава детей тоже висела. Старшая ж!

Помощница маменькина!

Даже когда младшие подрастать начали, так новые появлялись! И вот несправедливость! У соседки четверо поумирали, а у них – все здоровы! Хоть ты сама подушкой накрывай!

Вечной мамашиной помощницей Монике быть не хотелось, и она нацелилась на Луку, сына старосты. Выйти б за него замуж – и горя не

знать, нищеты не нюхать. Но кто ж знал, что он такой подлец?

В любви клялся, платочек подарил, ленту тоже... а потом и на сеновал позвал. Моника и сама не поняла, как там оказалась.

Наверное, потому, что иначе Лука ушел бы к Розке. А это уж вовсе недопустимо.

Увы, сеновал не оказался гарантией счастья. Моника поняла это очень быстро, когда от нее начали отворачиваться деревенские парни, да и девушки. Хранить секрет Лука тоже не счел нужным.

Отец вразумил рыдающую дуру вожжами, но что было делать дальше?

Ребенка не случилось – хоть в этом повезло. Но и замуж в деревне тоже теперь не выйдешь, разве что за нищего вдовца с детьми. Этого уже не хотелось Монике.

Становиться деревенской шлюхой?

Не то чтобы Монике был противен сам путь, но слишком уж неудобно. Вот в городе, говорят, за любовь и деньги дают, и золотые украшения дарят, и дома покупают...

А в деревне что?

Бабы волосы выдрать могут, а мужики разве что куль муки притащат – и будь тем довольна. Нет, так неинтересно...

Приглашение от тетки пришло как нельзя более вовремя.

Сначала тетка приехала в гости. Она уж лет двадцать как работала кухаркой у дана Дуранте. Раньше-то плохо было, денег у дана, считай, и не было, платил через раз, но хоть требовал немного. А сейчас дан разбогател, можно нанять себе помощницу, ну и как тут не порадеть своим?

Моника? А и пусть едет в город, раз в деревне жизни нет. У матери еще дочки подросли, найдется, кому по хозяйству помочь.

Тетка сразу предупредила, что, коли девчонка будет гулять, учить ее будут ухватом. Но и согласилась, что в городе про Луку никто знать не будет, жизнь устраивать надо, а мужиков обманывают с сотворения мира. Склянки с куриной кровью в первую брачную ночь никто еще не отменял. Авось кто и найдется? Подходящий для женитьбы?

Вот и гуляла Моника по городу.

И с Пьетро познакомилась... вот ведь как! Лука тому и в подметки не годился!

Пьетро был веселым, ласковым, подарил золотую цепочку, хоть и тоненькую, но золотую же! Если б мамка увидела и сестры... ой, нет! Не надо! Точно б отобрали!

В деревне никто таких дорогих подарков не делал. Даже у старостиhi такого не было.

Но здесь же СТОЛИЦА!

Вот и сейчас Моника вырвала свободный часок и помчалась на встречу с любимым мужчиной. Интересно, куда ее сегодня поведут? Может, Пьетро ей предложение сделает?

А что? Неужто она хуже разных там городских?

Так, размышляя о своем, о женском, Моника и шла на встречу с Пьетро.

Вот и любимый мужчина. Улыбается, дарит ей цветок, обнимает... а потом Моника вдруг поняла, что в глазах темнеет.

Попыталась что-то сказать, шевельнуться – и не смогла. Просто потеряла сознание.

* * *

Пьетро, который вообще-то был вовсе не Пьетро, а Белка, один из подручных Комара, довольно улыбнулся.

Так-то... достала его эта девка до печенок, но коли надо, он потерпит. До поры до времени.

Удав гнилушки не сливает, если он сказал – значит, слушаться придется. Тогда и звенелки будут, и побрякушки, и дело сделается. Это знали все подручные Комара.

И слушались.

Последнего, кто решил повыступать, вынесли за дверь со стилетом в глазу. Других недовольных не было. А вот, собственно, и Удав. И девка какая-то с ним. Так себе... тощая, невидная. Белка бы на такую не полез.

– Готова? – покосился Джакомо на тело Моника.

– Жива, дышит, – отчитался Белка. – Чего с ней будет?

– Надеюсь, ничего, – нахмурилась девушка. – Давайте ее раздевать...

Единственное, что позволила себе Мия, – это тонкая шелковая рубашка под самый низ. Вся остальная одежда была от Моники.

Белка наблюдал за этим с сомнением.

Ну, можно переодеть дану в одежду этой шлюхи. Но чтобы выдать одну за другую?

А вы павлина за ворону еще не выдавали? Они же так похожи, ну ТАК похожи! Обе – птицы.

Джакомо помог племяннице все надеть, расправить складки, затянуть и уложить. И поманил Белку за собой:

– Выйдем минут на десять.

– Как скажешь, Удав.

Белка и не собирался спорить. А когда он вернулся минут через десять...

Одна Моника, прикрытая старым плащом, лежала на полу, на соломе.

Вторая стояла над ней и улыбалась. Точь-в-точь как эта деревенская дурища!

– Матерь Божия! – не удержался Белка, который и в церкви-то никогда не был. Кажись, и не крестили его, кому оно на помойке надобно?

– Похожа, ми-илый?

Слова Мия растягивала точь-в-точь как Моника. И улыбалась так же. И даже локон на палец накрутила тем же жестом.

Белка суеверно перекрестился. Девушка подмигнула ему:

– Хорошая краска и парик – наше все!

Белка кивнул. Только вот... кому другому в уши чуши! А то он не видит ничего! А то он слепой!

Нет на девчонке ни грамма краски! Кроме свеклы и мела. Ну и сажи на бровях. Но черты-то!

Сама морда!

Не-ет... такое не подделаешь... нечисть какая, что ли?

Ох, страшно. Белка хоть и резал глотки, словно огурец на завтрак, хоть и лил кровь, как воду, все равно оставался достаточно суеверным парнем. И сейчас дал себе слово зайти в церковь.

Хоть крестик купить, что ли?

Или пусть святой водой попрыскают?

Но было, было у мужчины подозрение, что против этой нечисти ничего не поможет.

Джакомо проводил девушку почти что влюбленным взглядом:

– Хороша! Ты посмотри, как идет! Копия!

Белка послушно поглядел. Кивнул:

– Авось что и сработает. А с той чего делать будем?

– Или по горлу – и в воду, или в заведение мамыши Крюк. Комар сказал – лишь бы потом не всплыла.

– У мамыши не всплывет, – обрадовался Белка.

И быстро, пока Удав не передумал, пошел в комнату с Моникой.

Нет, не из сострадания. И не из милосердия. Просто за дохлую девку никто и монеты не даст. Да еще потом труп тащи, да еще живот распарывай, к ногам что привязывай... Белка спокойно убивал, но убирать за собой не любил.

А вот если ее к мамаше Крюк...

Долго она там так и так не проживет, у мамыши бордель для *особых* клиентов. То есть вообще с особенными пристрастиями. Которые могут только или когда избивают, или когда душат, когда убивают... а Белка еще ее попросит особо позаботиться о девчонке.

Так что не больше месяца та протянет, может, вообще дня три-четыре.

Но монета ему за это капнет! А деньги Белка любил. Это он людей ненавидел, а вот лорины – его маленькая слабость. Цвет, звук... даже вкус. Его прелесть!

Хотя за эту деревню больше двух монет и не дадут. Но хоть так... все приятно.

И забегая вперед – примерно так и сложилось. Это в красивых сказках герой спасает девицу ДО использования, или случается землетрясение, благодаря которому девица бежит, или в нее влюбляется главный злодей.

А в жизни...

В жизни все проще и печальнее.

Бордель.

Клиент с интересными пристрастиями.

А потом – люк в подвале, который выходил прямым на реку. Тела там исчезали совершенно бесследно. Разве что рыбы расплодилось...

Но ее там давно и щедро подкармливали. Так что... в деревне Монику никто не искал и не ждал, а в городе и искать-то было уже некому. Комару и его подручным в очередной раз все сошло с рук.

* * *

Мия прошла по улице.

Шаг она тоже подделывала под семенящую походочку Моники. Вот и нужный ей дом. Ключи.

Собаки...

Собаки послушно заскулили, поджали хвосты и удрали в дальнюю часть сада. И как их потом выгонять прикажете?

Ладно, разберемся... кусок мяса вон взять, позвать, кинуть – и побегут как миленькие.

– Явилась? – встретила ее недовольным голосом тетка Моники. – Давай живо, тебя посуда ждет не переждет...

Мия молча кивнула и направилась к большому чану с замоченной в нем посудой. Да, вот такие обязанности были у Моники.

Мыть, чистить, убираться... тетка готовила, девчонка скребла все, на что взгляд упадет.

Тетка продолжала ворчать:

– Ишь ты, раскрасилась... учти – в подоле принесешь, так выкину взащей...

Мия не обращала внимания на ворчание. Она послушно оттерла посуду, потом перемила кучу овощей, перечистила их на завтра...

Тетка отвязалась и замолчала.

Мия коснулась снотворного в кармане и подумала, что – увы. Ничего у нее не получится. Дядя хотел, конечно, без лишнего шума, но – как? Как вы это себе представляете?

В доме около десятка человек. Слуги, конюхи, псарь, сам хозяин... и все они будут есть или пить что-то одно и то же? Вряд ли.

Один способ усыпить всех окружающих у Мии был. Лютня. Но до нее еще добраться, на ней еще поиграть всласть, да и засыпают только те, кто слышит музыку. Тоже... она что – Крысолов из известной сказки?

Чтобы идти по дому, а все вокруг засыпали и засыпали?

Ладно, Крысолов за собой людей выманивал. Но ему ж и легче было! Он на дудочке играл! А вы поиграйте на лютне – в движении? Посмотрим, какой у вас кошачий концерт получится!

Так что Мия послушно мыла, терла и ждала ночи.
И дождалась.

* * *

Конечно, спать пришлось на кухне, рядом с теткой. На узенькой лежанке, на матрасе, который по толщине мог поспорить с листом бумаги. Уснуть на таком?

Настолько Мия не устала, право слово.

Пришлось просто лежать бревном и ждать, пока уснет тетка. Вот та захрапела почти мгновенно. Мия поднялась.

Сейчас она выйдет во двор... да, надо кусок мяса с собой прихватить, вот оно, замариновано на завтра...

Девушка подошла к столу. Аккуратно достала нужное...

– Моника?

Тетка подняла голову. То ли от прохлады, Мия-то встала, а воздух холодный, одеяло тонкое, они, считай, друг о друга грелись. То ли Мия чем неосторожно брякнула...

Женщина еще ничего не видела, еще не понимала, что происходит, но далеко ли до шума?

Считай – пара секунд.

Тесак, которым резали мясо, словно сам собой оказался в руках у девушки. Движение, удар...

Мия целилась по шее, по шее и попала. А с перерезанным горлом, если что – не слишком-то и поговоришь. Не крикнешь, не поднимешь тревогу. Только вот и все остальное...

Кровь хлынула потоком. Голова женщины откинулась назад, в разрезе показалось что-то белое, влажно хлюпнуло... и нет. Сразу человек, которого так ранили, не умирает...

С бандитом было иначе, там Мия не видела, не смотрела. А вот здесь...

Убежать никуда не получится. И отвернуться тоже почему-то нельзя. И... эта женщина ничего плохого ей не сделала, она просто

жила, работала, любила свою племянницу, а Мия... Мия ее...

Зрелище было настолько омерзительное, что девушка сначала проблевалась в углу, а потом опомнилась. И поняла, что личина с нее сползла, словно снег с крыши.

Так... вернуть на место.

Никто из дядиных подручных ее в настоящем облике не видел – и не надо. Даже туда, где лежала Моника, Мия пришла уже с частичными изменениями. Не тот цвет волос, не те глаза...

Дядя знает, и этого достаточно. Остальным уж точно ни к чему.

Тесак валялся рядом с убитой.

Мия вдохнула, выдохнула... вот сейчас ее затрясло. Бросить бы все, убежать...

Энцо.

Девочки.

Дядя...

Убежать-то можно. А вот что им дальше делать?

Если сейчас она сломается, если сейчас закричит, побежит... кстати – куда? С ней все равно все будет кончено. Она УЖЕ убийца, она уже заслуживает казни. Она уже преступила закон.

Ее не защитят. Единственный, кому она нужна, – ее дядя. И от него сейчас они все зависят. И она, и брат, и сестры. От его доброй воли.

Мысль о близких сработала не хуже любой нюхательной соли. Девушка резко провела ладонями по лицу, словно стирая что-то грязное, заставляя себя не думать, не помнить, вытащила тот самый кусок мяса, отворила кухонную дверь и вышла. Собаки сначала шарахнулись, потом почуяли мясо, заскулили... псарь уже спал. Вот и ладненько. Мия спокойно, никого не встретив, дошла до калитки, отворила ее – и выкинула туда мясо. И отошла подальше. В направлении псов.

Собачья логика была проста.

Здесь – гадкое и страшное существо. Которое даже не человек.

Там – вкусное мясо. И воля!

Какой пес не мечтает хоть раз удрать? И всласть поноситься, где захочется?

Тем более что...

Подручные Комара отлично видели и как открывается калитка, и как вылетает на улицу мясо, и...

– Выпускай! – махнул рукой один из них.

Идеальное средство. Течная сучка.

Через десять минут ни в саду особняка Дуранте, ни в его окрестностях не осталось ни одной собаки. А мужчины серыми тенями заходили в калитку, скользили дальше, к особняку...

От Моники отлично было известно и сколько слуг в доме, и кто где ночует... Белка все выспросил. Прикинулся влюбленным ревнивцем, ну девка и повелась. Чего б нет?

А ты где спишь? А по ночам к тебе никто не пристаёт? А то небось у вас там и слуги, и стража, и конюхи... Моника разболтала и то, чего не знала.

Серые тени зашли в конюшню.

Серые тени зашли в дом.

В людскую, где спали слуги...

В покои, в которых жил дан Джанмария Дуранте...

Единственное место, в котором правки не требовалось, – это кухня. Жаль, но резня все же состоялась. Не оставлять же живых свидетелей?

Джакомо (а он зашел в числе первых) на кухне выговаривал Мии:

– Ты не могла их усыпить?

– Я дана вообще не видела, конюхи на кухне не появлялись, эта дура вышла к любимому после ужина, – отрезала Мия. – Если б ДО – другой вопрос, за общим ужином можно и снотворное подсыпать. А так – нереально.

– Грязно получилось, – вздохнул Джакомо. – Тихо, но грязно.

Мия равнодушно пожала плечами. Вот уж этот вопрос ее не волновал.

– Возьмите да особняк подожгите. И все.

Джакомо кивнул.

Понятно, они так и сделают. Идея хорошая... но сколько ж добра тут сгорит! Хотя самое ценное они заберут.

– Ты отсюда что хочешь взять? Может, какие побрякушки? Или еще что?

– Нефритовые серьги, если найдутся, – тут же напомнила Мия.

– Обязательно. Не в счет твоей доли добычи, обещаю. А еще?

Мия качнула головой:

– Я бы в библиотеке порылась, пока есть время. А так – неинтересно.

– Пока – есть. Комар людей сюда отрядил, выносить много чего будем.

И выносили.

Тащили мешками, тащили сумками и тюками... первым делом в сумки отправились драгоценности. Дана Дуранте сразу убивать не стали. Связали и сейчас аккуратно допрашивали. Аккуратно – не в том смысле, что его берегли. Чего с будущим трупом церемониться? У дана уже и ухо отвалилось, и несколько пальцев...

Аккуратно в том смысле, чтобы не орал. Зачем шум поднимать, людей беспокоить? Пусть спят, нечего мешать ночным трудягам. Им еще столько перетаскать предстоит!

Нашлись и деньги, и побрякушки, и кое-какие интересные шуршалки...

Мия в это время была в библиотеке.

Ее интересовали остров Линдано и мастер Сальвадори. И она не прогадала.

Именно в библиотеке она нашла толстенный гроссбук с записями, что, когда и у кого куплено. Странно?

Да ничуть!

Дан Дуранте в антиквариате вообще не разбирался, продавал ценности чуть ли не по цене материалов, а в книгу даже и не заглядывал. Какая разница, у кого и чего там дядька купил?

Да тьфу на него.

А книга? Так книга же! В библиотеку!

Почерк у покойного антиквара был четким и ясным, Мия листала странички... и чуть зубами не заскрипела.

Зеркало. М. Э. Сальвадори. Шкатулка из палисандрового дерева с инкрустацией перламутром. Набор курительных трубок.

Цена...

Продано – неизвестным. И циферка – один.

Учитывая, что напротив других предметов частенько стояло название лавки или фамилия продавца... значит, кто-то приходил один

раз. Как поняла это Мия.

А кто, что...

Говорите, шкатулка?

Набор курительных трубок?

Покойный антиквар человеком был предусмотрительным. И даже описывал, что и куда дел. Напротив зеркала было помечено – главный зал, коллекция.

Напротив курительных трубок – курительная.

Напротив шкатулки – опять курительная. Ага, понятно. Трубки в шкатулке и лежали...

А где тут курительная?

Мия вышла из библиотеки, пошла направо, дергая по дороге все двери... по идее – рядом. Библиотеку, кабинет, курительную – все это делают неподалеку. Вот и отлично...

Курительная нашлась через две двери. Роскошная...

Тут и кресла, тут и шикарные наборы трубок – несколько видов, и кальяны, и что пожелаешь... сугубо мужское гнездо. Мия принялась осматривать шкатулки.

Одна, вторая...

А вот эта – из палисандра. Это она уже могла отличить, пожив в доме купца. Еще как могла. Да и перламутром крышка была только у нее выложена.

Мия хозяйственно открыла ее, убедилась, что трубки на месте, закрыла и забрала. Пригодится.

Что еще себе забрать?

Да как-то ничего особенно и не нужно. Разве что книги какие в библиотеке посмотреть? И нет, Мия не боялась, что ее потом уличат в краже или убийстве. Во-первых, не факт, что кто-то знает все унаследованное имущество наперечет.

Во-вторых, дан Дуранте распродал наследство своего двоюродного деда по всем лавкам. Можно сказать, что она его купила.

Добычей Мии – так, сувениром для девочек, – стали два шикарных молитвенника и четыре книги с легендами и преданиями. Все великолепно выполненные, в инкрустированных переплетах, с потрясающими иллюстрациями, явно нарисованными вручную.

Не книги – произведения искусства.

Что ж. Мия, считай, их спасает. От огня и гибели. Можно собой гордиться.

Джакомо, видя добычу племянницы, не сильно удивился. Разве что...

– А трубки тебе зачем?

– Незачем, – фыркнула девушка. – Мне шкатулка понравилась. Я в ней гребешки хранить буду, те свои, с инкрустацией перламутром. А трубки... Не выкидывать же?

Джакомо кивнул и отвязался. Ему было не до того.

Удав распоряжался погрузкой самого ценного.

Ну да.

Мало прийти в дом. Надо ж еще определить, что из него забрать! А кто будет определять?

Белка, который как был трущобной крысой, так и остался? Сам Комар?

Ладно... последний уже вырос до размеров ну очень крупной крысы, но в хороших вещах он разбирается плоховато. Это Джакомо, как купеческий зять, отлично знает цену и одного, и второго, и третьего... да, хорошо, что Мия сообразила. В библиотеку тоже бы наведаться. Иные книги сейчас по весу в золоте стоят, а то и по два веса.

А времени мало, так мало...

Джакомо прямо-таки мучения испытывал, глядя на то, сколько всего придется оставить. Но рисковать не стоит.

Это – дан.

Скажем честно, если так получилось, пришел пьяный, свечу толкнул, та загорелась... это – одно. Тут стража попытается закрыть глаза на происходящее, особенно с некоторой смазкой. Пожар ведь! Кто от такого уберется?

А вот если найдут особняк с трупами... э, нет! Тут уж снисхождения не жди. Дойдет до короля, тот из принципа прикажет найти негодяев и кишки им размотать. А дойти может.

Это кому-то может показаться, что в столице все сидят за своими заборами и соседей не видят... Как же ж! Первыми вернутся к родному дому псы. Начнут скулить, проситься домой, их никто не пустит, они взбудоражат соседей... это еще хорошо – соседские собаки молчат. Ну, так привыкли.

Если собака начнет на каждый шум у соседа лаять или выть, ее просто пришибут рано или поздно. Ты знай свой двор береги. А в чужом пусть хоть голяком по крыше ходят – их дело.

Но выть собаки точно начнут. На такое число покойников-то...

Потом еще молочник, мясник, зеленщик...

Это кто попроще идет на рынок и там закупается. Стоило дану Дуранте разбогатеть, как он приказал доставлять ему все на дом.

Он же ДАН!

Ему так положено!

То, что он только и может, что наследство прожирать, что сам он на редкость бесполезное существо, что толку с него меньше, чем с тех собак...

Да вы что?!

Благородные даны – опора трона! Правда, вот эта конкретная опора кроме карт и костей ни в чем интересном замечена не была, но мало ли что? Может, и такое трону пригодится?

Нет, рисковать и оставлять особняк запертым хоть на один день попросту нельзя. Так что тащим, что можем, а остальное подождем.

Вынести тела, а особняк запереть? Мол, уехали куда?

Нереально. Кровь не замоешь, следы не спрячешь. Да и родственники понабегут. Это у кухарки родня в деревне, а у других-то в городе!

Так что...

Грузим, ребяташки, не стесняемся! Грузим!

* * *

Дома Мия уселась перед зеркалом.

Перед зеркалами.

И медленно, очень медленно выдохнула, словно отпуская себя на волю. Приказывая разжаться ледяным тискам внутри.

Сегодня, именно сегодня она стала убийцей.

Для самозащиты не считается. А вот когда по ее вине – себе врать не надо! – именно по ее вине погибли эти несчастные...

Комар все равно нашел бы тропинку в особняк?

Джакомо придумал бы другой план?

Да, безусловно. И Мия осталась бы неиспачканной. Наверное...

А может, они и отступились бы, понимая, что добыча им не по зубам? Мия об этом никогда не узнает. Никогда...

Потому что она виновата.

Она пришла, она открыла двери, она... она убила своими руками.

Снова накатили воспоминания о том, как кухарка бьется на убогом ложе и подняться не может, потому что она уже умирает, она просто не осознала эту смерть, а вокруг кровь, красная, и руки у Мии тоже по локоть в крови...

Почему это произошло с ней?!

За что?!

Чем она таким успела нагрешить?!

Мия тихо застонала. Почему-то даже кричать сил не было, горло стиснуло, словно клещами. Почему, ну почему в ее возрасте даны учатся вышивать и молиться, ждут предложения от будущего супруга, ходят в храм... и все, пожалуй.

А она?

Как получилось, что ее жизнь превратилась вот в это?

С другой стороны... она бы хотела иного? Она бы хотела тишины, покоя, уюта... и чтобы вышивка и молитвы, хозяйство и дети, и так день за днем, день за днем, а потом смерть, которая приходит, словно избавление от затянувшегося кошмара?

Нет. Такого она для себя не желала...

Она не сможет, не сумеет. Еще тогда, когда умирал отец, она приняла все как должное. Она все взяла на себя, она стала главой семьи, она, а не эданна Фьора. Да и нет у нее выбора.

Никогда не было.

Она метаморф, проклятая Богом тварь, ее просто убьют, если узнают. Так что не будет у нее никогда ни дома, ни детей... ничего не будет. Вот и жалеть не о чем.

Ее бы убили, и эти люди смотрели бы, как ее сжигают или четвертуют. Так почему она должна их любить, уважать, заботиться? Почему?

В природе волк ест зайца, и его никто за это не осуждает. Вот и она себя осуждать не будет. Эти люди – ее добыча.

Ее пища!

Не нравится? А мы посмотрим, кого еще нужно скушать!

Мия нашла гармонию в этом решении. Я вам чужая? Вот и отлично, значит, вы по праву моя пища, потому что я сильнее и хищнее. И не мучила ее больше совесть, и не думала она о несчастных и ни в чем не повинных слугах. Все ее мысли были о неизвестном, который продал шкатулку, трубки и зеркало.

На Линдано она в ближайшее время не попадет. А это... это хоть какой-то след.

Может быть, пустой и зряшный. Тоже вполне возможно. Мало ли кто мог продать зеркало, мало ли к кому оно могло попасть в руки? Мастер Сальвадори для того эти зеркала отливал, чтобы торговать. Но...

Но вдруг?

Ну, хоть что-то интересное?

Мия вытащила трубки, осмотрела каждую на предмет клейм и инициалов. Нет, все девственно-чистые. Кажется, даже необкуренные. Просто лежали.

Красивый набор, но и только.

Шкатулка?

Что ж, и ее стоит осмотреть. И дно, и вообще все...

Мия прощупывала, осматривала, простукивала... ага, как же! Это только в любимых романах девочек обязательно есть и призраки, и тайны, и письма под вторым дном в шкатулке. А в реальности такого не дождешься!

Никто не думает о бедной Мие!

Могли бы хоть записочку оставить...

Так? А это что такое?

Это – чей знак? Или герб?

Мия в жизни не заметила бы его, если бы не подняла бархат, которым было выстлано дно шкатулки. Но... минутку?

Трехлучевая звезда?

Герб... ладно, фирменный знак мастера Сальвадори? Только без букв?

Да ладно! Вы мне хотите сказать, что эти трубки принадлежали мастеру? Для этого они выглядят слишком свеженькими! Или...

Минутку. А могло быть иначе? Мия сняла со стены зеркало, примерила его к шкатулке. А ведь подходит... практически идеально! Вместилось, улеглось, как родное...

Мия потерла лоб.

Могло ли так быть? Есть трубки, зеркало, шкатулка? Зеркало из нее вынули, трубки положили? Да так и продали?

Но зачем? В чем смысл действия? Разве что зеркало – одно, а трубок несколько? Их неудобно было сваливать кучей? Как-то это нелогично. Но ведь факт! Похоже, что шкатулка и зеркало – парные. А вот трубки доложены уже потом...

Дядя застал Мию над шкатулкой:

– Племянница, ты нефритовые серьги хотела?

– Да, дядя. Неужели попались?

Плевать было Мие на серьги. Но если уж сказала про них, надо играть до конца.

– Конечно. Вот, держи.

В ладони Мии опустились красивые сережки. И верно, подходят к кулону. Мия не удержалась, надела, полюбовалась.

– Прелесть! Спасибо, дядя.

– Собираешься их в шкатулку уложить?

– Мне кажется, там все и так хорошо легло? Разве нет?

– Как родное. А с трубками что делать будешь?

– Не знаю...

– Вообще, тут полный набор. Несколько трубок, разные чашки, мундштуки, ершики, ножики, крышечки – все как полагается. Комплект.

Мия задумчиво кивнула:

– Интересно, а кто мастер?

– Клейм нет?

– Я не нашла.

– Сделано вроде недавно. – Джакомо тоже заинтересовался, повертел трубки в руках. – Мне кажется, такое может сделать только один человек.

– Кто?

– Мастер Гаттини. Фабрицио Гаттини. Кстати, он и клейма на свои трубки не ставит. Ни на одну. Вот смотри, как сделано. Чистенько, аккуратно, изящно даже...

Мия только вздохнула.

Имя мастера ей ни о чем не говорило. Но... она запомнила. Надо бы наведаться, узнать, кому он продал эти трубки. А вдруг?

И кстати...

— Дядя, а когда вы мои деньги отдадите?

Джакомо улыбнулся:

Ну да. Трофеи трофеями, трубки трубками, а деньги — это святое! Племянница! Сразу родная кровь чувствуется.

— Завтра же, дорогая племянница. Завтра же сходим в банк.

— Ловлю на слове.

Ей-ей, Джакомо был горд подрастающим поколением.

Сегодня Мия убила человека, поприствовала при убийстве еще нескольких людей, собрала трофеи, не забыла спросить про деньги... У него чудесная племянница, не правда ли?

Глава 2

Адриенна

И Адриенна, и дан Рокко исходили из того, что времени у них практически нет. Что там могла запутать Джачинта?

Даже не смешно!

Исходя из того, что у противника голова на плечах, а не тыква...

Допустим, он будет поглупее, будет носиться по всем городским воротам, будет кого-то опрашивать... или попросту сядет и подумает? Недолго, так, минут пять.

Куда может податься Джачинта? Притом что за ней наверняка следили и любовника у нее нет? Да к отцу или к сестре! Тоже мне, ребус!

Просто надо еще узнать, куда назначен дан Рокко, а это не афишировалось. Его величество точно не будет давать Бартоломео отчета. Джачинта уверяла, что никто другой о назначении отца не знает. Она и сестрица, она дану Леони ничего не говорила, сестра тоже, надо полагать, молчала. Если кому и сказала, так своему супругу...

Опять же сестра жила ближе. Буквально в трех днях пути.

То, что Джачинту не догнали до сих пор, это просто потому, что одна из найденных ею женщин выехала в нужном направлении. Туда Бартоломео и направился.

Но это ненадолго, доберется до сестры, расскажет «охотничью историю», узнает, куда назначили дана Рокко, и приедет. Прямо сюда.

Так что надо исходить из того, что погоня уже движется по пятам. День, может, два – и дан Леони будет здесь. И выставить его не получится. Придется или идти на открытую ссору, или действовать по намеченному плану. Второе лучше, потому как безопаснее для Джачинты.

С утра дан Рокко еще расспросил дочь, получил те же ответы, что и ранее, и Адриенна отправилась в деревню. Им срочно было нужно снадобье.

Яд?

Честно говоря, не будь в доме эданны Сусанны – Адриенна бы подумала и над этим. Если человек готов ради денег убить беззащитного ребенка, то жить ему всяко не стоит.

Хотя страшновато как-то...

Все внутри Адриенны противилось убийству. Это ведь живой человек... и он когда-то был ребенком, и у него была мама, и раскаяться он может, и что-то осознать. Но только живой.

У мертвых такого шанса нет.

Дан Рокко с Адриенной не спорил – зачем? Он был мудрее и знал: жизнь еще научит дану своей горькой мудрости. Но пусть пока она немножечко еще побудет ребенком. Так что – деревенская знахарка.

А вот и избушка на отшибе. Старая, но крепкая, еще сто лет простоит. Дым из трубы идет. И кажется, что от нее травами пахнет.

– Дана, может, не надо?

Марко эта затея не нравилась.

Адриенна пожала плечами:

– Подожди здесь. Я скоро вернусь.

– А может...

– Марко, я при тебе о своих интимных делах говорить должна?

Марко смутился и отстал. Даже ему Адриенна и дан Рокко всей правды не сказали. И никому не скажут. И так... нет, лучше о таком молчать.

Адриенна спрыгнула с коня, бросила Марко повод и постучала в избушку. Хрипловатый голос отозвался изнутри:

– Входите, коль не шутите.

Адриенна точно не шутила. Толкнула дверь и вошла.

* * *

Знахарка была похожа на знахарку, и в то же время в ней было что-то неправильное. Не простонародное. Не забитое, не деревенское.

Посмотришь – деревенская бабка, старая, сторбленная, в каких-то лохмотьях... А глаза ясные, острые, умные. Так и блестят среди морщин. И светится в них вовсе не деревенская мудрость.

– День добрый, дана.

Адриенна даже не удивилась. Она тут одна такая на всю округу.

– Здравствуйте. Вы меня знаете?

– На вашей земле живу, – без особой враждебности откликнулась знахарка. – И не знать дану СибЛевран?

– А я вот вашего имени не знаю, – вздохнула Адриенна.

– Когда-то Иларией звали. Сейчас тетка Ата.

– Так и называть?

– А называйте, дана. Имя не сума, руки не оттянет.

– Хорошо... тетушка Ата, – согласилась Адриенна. – Скажите, вы в травах хорошо разбираетесь?

– Приворотного делать не буду. И не умею, да и глупо это.

Адриенна фыркнула:

– Приворотное мне и не нужно. Перебыюсь.

– А что тогда?

– Скажите, есть ли у вас такое средство, чтобы человек... ну, как с ума сошел? Ненадолго только?

– Такое средство у всех есть, самогон называется. – Знахарка подсмеивалась, а сама смотрела испытующе. Словно ждала чего-то такого от даны... серьезного, важного, очень нужного и самой Адриенне. А это... как испытание. Поймешь, дана? Или разгневаешься?

– Мне бы побыстрее.

– И такое есть. Не для мачехи ли?

Адриенна качнула головой:

– Отец с ней так и так не расстанется. Хоть она на башне голяком танцуй. Это для другого человека, который в беду попал.

Женщина явно сомневалась. Но и выдавать первой же знахарке их с даном Рокко план? На такое Адриенна пойти не могла. Это не ее тайна и не ее дочь. Но она бы тоже на все пошла, чтобы спасти своего внука, разве нет?

Адриенна подняла руку:

– Хотите, на Библии поклянусь? Крест поцелую?

Знахарка внезапно рассмеялась. Весело и живо.

– Ой, уморила, дана! Не могу! На Библии! Да тебе можно просто слово дать – судьба такая.

– Судьба?

– Я уж и не думала, что увижу потомков Высокого Рода. Ан нет, сподобилась.

Адриенна подняла брови:

– Высокого Рода? Что это значит? Вы раньше не видели данов?

– И данов видела, и на короля насмотрелась, чай, не весь век здесь живу, – хмыкнула тетка Ата, отворачиваясь и начиная перебирать какие-то склянки. – Вы что ж, дана, о себе ничего не знаете? Даже чьи потомки СибЛевраны?

– Знаю, – буркнула Адриенна.

– А то колечко-то у вас на руке непростое...

Девушка даже рот открыла:

– Откуда вы знаете о кольце?

– А кто другой его и не приметит. Я уж стара, помирать скоро, вот и вижу.

Адриенна помотала головой:

– Подождите. Что-то я не понимаю...

– Кольцо осталось, память исчезла. Да и была ли та память?

Адриенна подумала, что память весьма даже есть. Очень реальная и ощутимая. Морганой зовут. Но... могла прабабка что-то недоговорить? Запросто! Даже не потому, что хотела причинить вред Адриенне. Просто есть вещи, которые для нее само собой разумеются, а вот для Адриенны – нет.

– Вы не могли бы объяснить? Пожалуйста!

Знахарка только кивнула, насыпая порошки в небольшую ступку и принимаясь растирать их.

– Когда-то на земле жили не только люди. Еще и другие... их называли Высоким Родом. Они были похожи на людей, но даже внешне... Лучше. Красивее, выше, сильнее, мудрее... они учили и лечили, они рассказали о травах и законах. Они – ушли. Но, как я погляжу, не все.

Адриенна кивнула в ответ. Могла ли таковой быть Моргана? Да запросто! Обычные люди не вытворяют того, что она, это уж факт.

– Они могли иметь совместное потомство с людьми?

– И могли, и имели. Кто-то к этому относился как к игре, кто-то серьезно. А кровь – кровь игры не терпела. У кого-то она вырождалась, может, и искорки там уже нет. А у кого-то осталась, сохранилась в полной мере. И проявляется.

– Как именно?

– Силой, дана. Я раньше слышала, что счастье Сибеллина – плодородие земли, а теперь это на вас вижу. Ваши земли всегда счастливы вашей волей...

– Я слышала об этом.

– А о другом? Всякая смерть вам противна. Высокие – хранители жизни, а не слуги смерти.

Адриенна об этом не слышала. Но теперь понимала, почему ей противна охота, почему она не любит казни, почему даже дана Леони убивать не желает. Если такова ее природа?

С другой стороны... люди всегда одинаковы, и дан Леони обычный человек. А Высокие... они наверняка сталкивались с людьми.

– И они были так беззащитны?

Знахарка хмыкнула:

– Говорят, что у них были свои защитники. Умелые, опытные, безжалостные, которые принимают чей угодно облик при необходимости... они тоже ушли вместе с хозяевами.

– Так... – Защитников, увы, не предвиделось. Придется разбираться самой. Но вообще Адриенна верила. Вот пример – Моргана. Наложила проклятие и тут же заплатила за это. – Где подвох?

– Все правильно. Высокий Род может учить, лечить, приносить благодать на свою землю. А вот убивать... лучше не надо. И слово нарушать тоже.

– Я уже, – вспомнила Адриенна эпидемию. – Так получилось... своими руками я не убивала, но люди погибли... наверное, из-за меня.

– Случился выплеск силы, – даже не удивилась знахарка. – Такое бывает, когда Высокие взрослеют. Или когда им плохо, больно... это было неосознанно? Или защищаясь?

– И то и другое, наверное... я действительно была в истерике, не соображала, – созналась Адриенна. – Но вины с меня это не снимает. Люди умирали.

– Не страшно. За это ты не будешь платить. Вина падет на тех, кто напал первым.

Адриенна кивнула. Хорошо, если так. Пусть платят Эрвлины, она это не начинала. Вот уж кого ей не было жалко, так это Филиппо

Третьего. Пусть хоть лишаями покроется, хоть проказой. И Четвертого – тоже.

– А слово тебе действительно нарушать нельзя. Вообще.

– Да? – Так получилось, что Адриенне не приходилось врать. Никогда. Но...

– Ты уж мне поверь. Говорят, Высокий Род никогда не лгал. Впрямую. Но двойных смыслов в их речах было...

Знахарка перешла на «ты», видимо, ей так было привычнее. Адриенна не обращала внимания. Ей было важно и интересно.

– Двойных смыслов?

– Слышала сказочку про ученика чародея, который призвал демона?

– Их много таких...

– Демон поклялся служить, пока на небе светит солнце, и убил хозяина, когда оно закатилось. Не на пустом месте сказочка-то появилась...

– Да? – ничего более умного у Адриенны не получилось.

– Уж ты мне поверь. На себе проверять куда как больнее будет. Вам слово нарушать нельзя, и обманывать впрямую тоже, и предавать. Чем за это Высокий Род платил, я не знаю. А потомки... жизнь, здоровье, может, и еще что. Не знаю точно.

Адриенна кивнула:

– Я запомню. Спасибо.

На стол легла золотая монета.

Знахарка улыбнулась:

– А серебра, креста, причастия, церкви – не бойся. Даже когда Высокий Род в силу входил... вы не демоны. Не нечисть. Вы плоть от плоти этой земли. Вы другое, совсем другое...

Адриенна кивнула:

– Я поняла. Скажите, а таких, как я... нас можно как-то отличить?

Знахарка хмыкнула. Подумала пару минут.

– Вряд ли. Не было у Высокого Рода особенных примет, не было ни родинок, ни отметок, как у ведьм. Вы же не ведьмы.

Адриенну это порадовало.

– То есть – никак? Вы видите, а кто не увидит...

– Тому и не надо. Впрямую вас никак не опознать. Не болеете вы ничем, люди рядом с вами хорошо себя чувствуют, земли изобильны...

Высокий Род хоть на острове голом оставь, так и там все зазеленеет. Но это не преступление. Это случается...

Адриенна кивнула.

– Внешность? Вы разные... только что на предков похожи, но это и среди людей встречается.

Фу-у-у-у-у... и тут слава Богу!

– А больше ничего и нет. Никак вас не узнают, если сама не скажешь. Я вижу, ну так я немного другое...

– Вы... вы тоже?

Женщина качнула головой:

– Нет. Я – нет. Я наоборот... дурой я была, дана. Силу хотела, власть, золото, а что платить за это придется, и не подумала. А когда поняла... поздно было. Оно так всегда бывает – слишком поздно.

И замолчала. И было видно, что говорить ей об этом не хочется.

Адриенна медленно склонила голову:

– Спасибо вам, тетушка Ата. Вы мне помогли. Очень.

– Не за что. Ты обращайся, пока я жива, дана. Мне уж недолго осталось, может, весну и не увижу.

– Для умирающей вы очень хорошо выглядите, – качнула головой Адриенна.

– У меня опухоль в груди. Вот здесь. – Знахарка приложила ладонь чуть ниже горла. – Дай руку?

Адриенна послушно протянула ладонь. И ахнула.

Все верно. Под одеждой, под тонкой человеческой кожей билось... нечто. Как будто кусок льда внутрь человека положили.

– Ой...

– Я и жива-то потому, что на твоей земле, дана. А это дорогого стоит.

Адриенна задумчиво кивнула:

– Это и к людям относится?

– Да. Люди, животные, сама земля... вы – ее счастье. Ее свет, ее тепло и радость.

– А если... допустим, меня убить?

– Проклятие. На весь род.

– Это кого-то остановит?

– Сложный вопрос. Пострадают и убийца, и заказчик, но тебя, дана, это уже не вернет.

– Понятно.

Знахарка грустно вздохнула.

Понятно ей. Дети-дети, вы так торопитесь взрослеть... зачем? Чтобы потом иступленно мечтать вернуться в детство. Ну, хоть на час, хоть на секунду. И ничем тетка Ата помочь уже не сможет. Разве что предупредить, рассказать... слова – только воздух. Только ветер. Но иногда и ветер может стать ураганом.

– Вот и снадобье. Буквально щепотку в вино – и пусть пьет. Через полчаса и начнется.

– Так...

– Захочешь убить – пять щепоток на бокал вина. Захочешь, чтобы с ума сошел, – пои этим несколько недель. По щепотке в день... никакой лекарь потом не поможет.

Адриенна кивнула:

– Спасибо.

– Это я тебе благодарна, дана. Береги себя – и иди с Богом.

Адриенна дружески попрощалась и вышла за дверь. Кольцо на руке было теплым и родным...

Неужели кто-то еще может его видеть? А если при дворе?

Но единственное, до чего додумалась Адриенна, это заказать еще несколько колец и носить при дворе, не снимая. Авось среди многих одно важное не будет привлекать внимания?

* * *

Пока Адриенна разговаривала со знахаркой, дан Рокко беседовал с мужчинами.

Проще всего было с Леонардо. Сто лоринов – и он соглашался подписать хоть что. Подумаешь, едет сюда какой-то сумасшедший? Ну, бывает... был бы умный, точно бы сюда не поехал из столицы. Там-то всяко веселее, чем в этом захолустье.

С даном Марком чуточку сложнее.

Дан Марк ломался, не хотел ничего подписывать, но дан Рокко легко нашел к нему нужный подход. Чего уж там... надо было только с этим подходом на пять минут наедине остаться.

– Эданна Сусанна?

– Дан Рокко?

Эданна управляющего, мягко говоря, не любила. Но спорить с королевской властью? Ищите дуру в другом месте!

– Сто лоринов лично вам. Пятьдесят вашему супругу.

– И что я должна сделать?

Мурлыканье Сусанны дана Рокко не привлекло. Равно как и кокетливое движение пальчика вдоль выреза платья. Видал он эти виды... их вообще полдвора видало.

– Уговорите мужа подписать бумагу о поведении нашего гостя. О том, что гость безумен. Вы сможете.

Эданна Сусанна в этом и не сомневалась. Ради нее муж что угодно подпишет. Но как не поторговаться?

– Дан Рокко, а кто вам дороже? Родная дочь – или эта наглая сопля?

Дан Рокко улыбнулся милейшим образом:

– Эданна Сусанна, я ведь могу и другой путь найти. Мне, знаете, и жизнь дорога тоже... что со мной недовольный король сделает – представляете?

Эданна представляла. И себе такого не хотела.

– Вот. Что толку выручать дочь, если я свою голову сложу? Деньгами расплатиться – пожалуйста. А чем другим не получится.

Эданна поморщилась. К отказам она не привыкла, но понимала, что дан Рокко отказать может. Она ведь с ним не спала...

– Хорошо. Сто пятьдесят монет золотом. Но еще я хочу арайку.

– Арайку?

– Взамен той, что у меня увела эта наглая гадина!

Дан Рокко вздохнул даже с какой-то обреченностью:

– Эданна Сусанна, зачем вам лошадь, которая тут через два месяца подохнет? Вы же на ней даже покрасоваться не успеете!

– Как – два месяца?

– А вот так! Дан Марк хоть и разбирается в коневодстве, а тоже не сообразил. Арайцы – гости южные, нежные... за ними такой уход нужен, как не за всяким человеком. А кто у нас тут ухаживать будет? Конюхи? Они народ простой, грубый. Да вы и сами знаете...

И хитрый взгляд.

Мол, не зарывайся, у тебя тоже рыло в пуху, да по самые уши...

Эданна осознала и успокоилась:

– Ладно. Сто монет, но сразу же.

Дан Рокко качнул головой:

– Сейчас – двадцать. Остальное после визита.

– Визита? Как хоть зовут этого гостя?

– Бартоломео Леони.

Эданна Сусанна прищурилась. И дан Рокко догадался:

– Эданна, вы... и он...

– Не ваше дело! – рявкнула эданна, начиная нервничать. Ну, было! Чего не сделаешь ради денег? Но и было-то всего раза два или три, ну, четыре... может быть! Но Бартоломео ничего скрывать не будет. Он дан только по рождению, а так – быдло и скотина. В постели, кстати, тоже.

– Эданна, а я вашему мужу подтверждаю, что у Бартоломео и раньше такое бывало... не заговаривается, так еще чего, – ласковым тоном сообщил дан Рокко.

Это окончательно решило дело.

– Договорились, – кивнула эданна, получила на руки свои двадцать монет и отправилась уговаривать мужа. Надо, надо пожалеть бедную девочку! И ее сына тоже пожалеть надо...

Добрые дела вообще полезны! А если за них еще и платят...

Дан Рокко проводил стерву насмешливым взглядом. Ага, прониклась...

Где же дана Адриенна?

Мия

– Танцуй, детка! Танцуй!

Мия легко, словно в танце, уклонилась от удара. Движение было легким, летящим, почти неощутимым, так пушинка танцует с ветром. Но – ветер не так привередлив.

Старик качнул головой и снова ткнул копьём. На этот раз попал.

– Ой!

– Давай уворачивайся! Ты легкая, ты ловкая, ты должна мои движения заранее угадывать, ты должна изворачиваться, как вода!

Мия засопела.

Да, вот и такое получается.

Дана не обязана? Не подобает? Не положено?

А копьём поперек попы – положено? Знаете, как больно!

Увы, Джакомо был неумолим.

Отмычки? Прелестно, просто прелестно. И отмычки, и замки, и ловкие пальчики, как у карманницы, это все Мия освоила. Но этого мало! Этого все равно мало! А потому Мия еще и тренировалась с неким Бухалом раз в два дня. Худой и жилистый старик, непонятно, за что получивший такое прозвище, попросту ставил девчонку напротив себя, брал копьё, или хлыст, или кнут – и уворачивайся.

Не покалечит, если что.

Но больно же!

– Не хочу я вот этим... заниматься! Это для Энцо, – ныла Мия.

Джакомо только головой покачал:

– Мия, тебе ведь уже приходилось убивать.

– Ну... да.

– Пойми правильно, не всегда тебя спасет перемена лица, не всегда ты сможешь убежать, не поможет хитрость...

– А вдруг?

Мия понимала, что дядя прав, но...

Ей это все равно не нравилось. Не нравились кожаные штаны и полотняная рубаша, не нравился бег по грязным улицам, где упасть или подвернуть ногу было легче, чем вдохнуть и выдохнуть. Не нравились собственно тренировки.

Она понимала, что становится более гибкой, ловкой, легкой, что это полезно и нужно, но...

Копьём по ребрам – больно!

На диване с вышиванием – приятнее.

А иголкой тоже можно убить человека. Надо только знать, куда ее воткнуть. И об этом Мие тоже рассказывали.

Ее оружие – не клинок. Даже не кинжал – стилет. В крайнем случае, легкая рапира. Но лучше – стилет, спица, иголка, метательные ножи...

Вот и после скачков в круге она стояла и метала ножи в цель. Кстати, это ей нравилось намного больше, чем скакать бешеной обезьяной.

Несбалансированные. Кое-как заточенные. Откровенно дрянные.

Объяснили это просто. А что – у тебя всегда будет идеальное оружие? И самые чудесные условия? Ах нет? Тогда учись на том, что есть, потом будешь работать с тем, что подвернется.

Стойка?

Может, тебе еще и рыцарский турнир устроить? Это для благородных, а твое дело – укусить и уползти. И подальше, и побыстрее, и целой.

Так что... тренируйся и учи уязвимые точки человеческого тела.

Голова – глаза, переносица, виски... еще можно ударить в нос, снизу вверх.

Уши...

Ударишь стилетом в ухо – убьешь. Только угол надо правильный выдержать. А еще можно человека хлопнуть ладонями по ушам, только правильно сложить руки. Тогда только оглушишь...

Шея... сонная артерия, подключичная артерия, ямочка на горле...

Мию учили не просто защищаться. Мию учили убивать. Жестоко и решительно, быстро и качественно. Она пока этого не понимала, но из нее уверенно лепили смертоносное оружие. Тот же стилет, только в человеческом обличье.

А что касается разума...

О, с этим и так не было проблем. Мия не знала, что такое сомнения, не терзалась какой-то непонятной совестью, не думала о моральной стороне вопроса. Она просто делала свое дело и радовалась этому. Заодно и немного денег зарабатывала. Себе, дяде, Комару... довольны были все, кроме ее жертв, но тех никто не спрашивал.

Бросок!

И еще бросок!

Потом она выдернет из мишени все ножи и начнет заново. Рука должна приспособиться, она мгновенно должна определять идеальную траекторию для любого оружия. Мало ли что попадет в руки? Да хоть бы и ложка заточенная... да, и такое тоже бросать доводи-лось.

Надо работать...

Мия понимала, что несколько раз ее спасло только чудо. Тогда, с бандитом, в паланкине... действительно чудо. Еще бы немного, и... и все. Неизвестно, что бы с ней сделали, но мучилась бы она перед смертью долго, это уж факт. Ей больше не хотелось быть беспомощной.

И если выбирать между своей жизнью и чьей-то еще... никто кроме нее не позаботится о маленьких Феретти. Так что...

Куда там надо попасть?

Очередной клинок воткнулся в глаз нарисованной фигуре.

Следующий отлетел, звякнул по полу.

Мия поморщилась.

Ничего. Она научится. Она еще всему научится.

Адриенна

Долго ждать визита дана Леони не пришлось.

Адриенна как раз находилась внизу, в зале, когда прибежал привратник и доложил, что у ворот стоит небольшой отряд, так, человек десять. А с ними некто дан Леони. И он требует к себе дана Вентурини.

Адриенна поглядела на дана Рокко:

– Дан?

– Одну минуту, милая дана, – тут же согласился старый интриган.

И отправился на кухню приводить себя в должный вид. Для умирающего он выглядел подозрительно бодро и живо.

Нельзя же так! И подозрений вызывать тоже нельзя.

Джачинта побелела как мел. Адриенна мимоходом тряхнула ее:

– К себе! И сына успокой!

Анжело тоже выглядел, словно привидение увидел. Мальчишку от одного дядиного имени – и то трясло. А уж чтобы с ним лицом к лицу встретиться...

Не-не-не, такого нам не надо.

– Я долго ждать буду?!

Джачинта подхватила сына и бегом бросилась из зала. Адриенна вздохнула.

Раньше к воротам вышел бы ее отец. Но сейчас дан Марк поглядывал на нее даже со злорадством. Решила, что умная? Что сама справишься? Вот и наслаждайся, мешать не стану!

Адриенна и не спорила. Провела ладонями по платью, разгладила благородный черный бархат. У себя дома она то платье носила очень

часто. А уж сегодня, когда ожидаются «гости», сам Бог его надеть велел. Платье подчеркивало синеву глаз, черноту волос, белизну кожи, делало Адриенну старше и благороднее. Жаль, прямо в нем сейчас не выйдешь – холодно. Поэтому Адриенна накинула сверху тяжелый плащ, подбитый волчьим мехом, и вышла из замка.

Верный Марко встал за ее спиной.

Холод ударил в лицо, остудил горящие щеки. Адриенна легко избежала на приступочку над воротами:

– Кто вы такие?!

Уж кого бы не ожидал увидеть дан Бартоломео, так это симпатичную и совсем юную девушку. Тем более такую красивую. И как тут не приосаниться?

Как тут не выпятить мощную грудь, показывая, что он – о-го-го? Мужчина, защитник и вообще – герой!

– Дана СибЛевран?

– Да. А вы кто?

– Дан Бартоломео Леони, к вашим услугам, дана.

Адриенна и глазом не моргнула, словно имени его никогда не слышала.

– Рада видеть благородного дана в наших краях. Но что привело вас под стены моего дома с отрядом вооруженных людей?

Бартоломео даже кхекнул от неожиданности. Вот теперь его погоня выглядела как вооруженный налет. А король такого точно не одобряет.

– Дана, уверяю вас, я прибыл с миром!

Еще бы не с миром!

Десяти человек однозначно не хватит, чтобы вырезать весь замок. А когда это дойдет до его величества...

Лучше самому повеситься. Быстрее и безболезненнее будет. Вот недаром Филиппо Третий носил народное прозвище Змеиный Глаз.

Адриенна очаровательно улыбнулась. Выглядела она в этот момент как сказочная принцесса. Черные волосы, синие глаза, белые зубки... ах да! Самое лучшее в женщине – глупость!

– Дан, тогда я прошу вас о милости. Вы же не будете против, если мы предоставим кров, скажем, вам и еще троим вашим людям? А остальные отправятся в деревню? Просто... мы не рассчитывали на такое количество гостей.

– Что вы! – расплылся в улыбке Бартоломео. – Я буду вам очень признателен!

Он и трое людей! Нормально! Для охраны хватит, а договариваться все равно придется по-хорошему. Но в своей-то привлекательности Бартоломео был полностью уверен. А что?

Шикарный же мужчина!

Правда, сорока лет от роду, но зато осанистый, представительный... пусть лицо побито оспой, зато борода шикарная! А лысина... сейчас модно, чтобы высокий лоб! С залысинами! И глаза у него красивые. Глубоко посаженные, но взгляд пронзительный, острый... дамы ценят! И даны, и эданны, а о простушках и говорить не приходится.

Конечно, и девчонка ему сопротивляться не сможет.

Бартоломео быстро выбрал троих человек и честь по чести заехал в ворота, которые открыл Марко. Спешился, бросил мальчишке поводья, подошел к Адриенне, поклонился и поцеловал ей руку:

– Дана. Мое почтение!

Адриенна чуть поклонилась в ответ:

– Дан, я рада вас видеть. Скажите, пожалуйста, эданна Леони ведь ваша родственница?

Бартоломео разулыбался так, что борода на сторону поехала.

– О да! Моя невестка!

– Она сейчас у нас в гостях. – Адриенна чуточку понизила голос, потому что они приближались к замку. – С сыном.

– Да?

– Дан, вы же понимаете, здесь ее отец! – Адриенна помнила слова знахарки. Врать напрямую нельзя? Вот и не будем. Конечно, может, это и суеверия. А вдруг – нет? Вот Моргана же есть? А кому расскажи? Еще и не поверят! – И дан Рокко себя ужасно чувствовал, уезжая из столицы... сейчас ему, конечно, чуточку полегче, но он вчера только встал после болезни... вы же дадите дочери и отцу попрощаться?

Бартоломео довольно кивнул.

Ему все было ясно. Дан Вентурини при смерти, после чего Джачинта останется вообще без защиты. И ее щенок тоже. И поедут с ним домой как миленькие! А по дороге... мало ли что может случиться по дороге? Да что угодно! А сам Бартоломео может и вернуться...

симпатичная же девушка. И, похоже, он ей очень нравится. Вон как глазками стреляет... Опасность?

Какие тут могут быть опасности?

Бартоломео последовал за Адриенной в замок...

* * *

Анжело оставался наверху, с матерью. А дан Рокко лично встретил гостя. Выглядел он... о, это волшебное воздействие мела, сажи и свеклы! Примененные в правильных дозировках, они из кого угодно умирающего сделают. А если еще натереть глаза луковицей, такая убедительная картина получится...

Дан Рокко еще и кашлял так, что Бартоломео аж отшатнулся. А вдруг чахотка?

Страшно же, даны!

– Дан Леони. – Дан Рокко использовал большую тряпку вместо платка. На тряпке кое-где были видны кровавые пятна, и Адриенна даже головой покачала. И где только взял? Не переиграть бы. – Рад видеть вас. Может, вы объясните мне, что за бред несет моя дочь? Ей что – молоко в голову ударило? Так вроде бы не беременная?

Бартоломео был готов.

Он расплылся в улыбке и собрался все описать, как Адриенна замахала руками:

– Дан Рокко, умоляю вас! Давайте сначала представим дана Леони, у нас так редко бывают гости... а еще... дан, наверное, вам хочется согреться? Я прикажу приготовить горячего вина с пряностями.

– Благодарю вас, дана. – Бартоломео окончательно расслабился. Все было хорошо и правильно, наследство брата от него никуда не уплывет, а сейчас можно и получить удовольствие.

Дана Адриенна ушла распоряжаться, а Бартоломео быстро познакомился с даном Марком, отцом милой даны. Потом с даном Леонардо, ее же сводным братом... Сусанна предусмотрительно не показывалась.

Она мужа уже уговорила, а пока лучше посидеть у себя.

Леонардо?

А Бартоломео его, собственно, и не видел. И видел бы – мог не узнать. Ребенок, подросток и юноша, считай, три разных человека. Фамилию свою Леонардо не произносил, а Бартоломео и не спросил. И так же ясно – разве не СибЛевран?

Так что общение мигом наладилось.

Дан Рокко ворчал, что дочь совсем с ума сошла, ребенка в зиму тащить... что уж ей там показалось?

Дан Марк поддакивал, что дочь так тяжело воспитать...

Леонардо расспрашивал о последних столичных новостях и каких-то знакомых. Бартоломео отвечал.

Потом Адриенна принесла кубки и очаровательно улыбнулась дану:

– Как и положено, хозяйка сама подает на стол. И, по обязанности, кубок для гостя...

Адриенна подняла тяжелый кубок на уровень глаз и демонстративно отпила из него. Трое людей Бартоломео его не оставляли, но им вино уже тоже поднесли. Служанка, конечно. Не дане же стараться для престопадаря?

Но тем не менее поднесла и демонстративно отпила по глоточку из каждой кружки... раз уж обычай. Охрана его бы и не соблюдала, но – почему нет? Если так спокойнее?

Бартоломео улыбнулся дане:

– Никогда бы не подумал, что столь юная дана так хорошо знает старинные обычаи.

– Я сам ее учил, – погордился дан Марк.

А что? За пятьдесят-то монет золотом? И жена довольна по уши, а когда жена довольна, она в постели такая... ух!

Дан Рокко раскашлялся.

Всего пара секунд. Пара несчастных секунд. Но их хватило с лихвой. И в кубке Бартоломео оказалась щепотка снадобья. Чего уж там?

Щепотку можно и между пальцами зажать, и растворится она быстро. Считай, мгновенно.

Полчаса?

Время пошло!

На этот раз к беседе присоединилась Адриенна. И вела ее честь по чести, уступая первое слово дану Бартоломео, а сама поддакивая в

нужных местах.

Слово за слово, и вот уже десять минут, двадцать...

Видимо, или дан оказался покрепче, или вино послабее, или щепотка маловата, но накрыло его только через сорок минут. Когда дан Марк уже предложил дану Бартоломео сегодня устроиться в спальне на отдых, а завтра уж ему и невестку предоставят... или хотите сегодня?

Так давайте мы ее навестим вместе...

Еще бы Бартоломео не согласился.

По лестнице он еще поднялся.

И в комнаты дана Рокко вошел, и даже Джачинту увидел. А потом...

Уж кто его знает, что привиделось воспаленному разуму под влиянием трав? Но благородный дан внезапно приставил к голове пальцы на манер рогов, издал громкое мычание и ринулся вперед.

Джачинта с визгом отскочила подальше. Анжело она тащила за собой, но мальчик оказался и так не дураком – и тут же юркнул под кровать. А Джачинта, следуя материнскому инстинкту и уводя опасность от ребенка, как птица от гнезда, ринулась из дверей.

Так они по залу и проскакали мимо сопровождающих дана Бартоломео. Аж два круга.

Потом охрана опомнилась, скрутила несчастного, не давая причинить вред ни себе, ни окружающим, но мычать он продолжал.

– Дан?!

Адриенна виртуозно изображала ужас и удивление.

– Давно это с ним? – поинтересовался Леонардо.

– Все нормально было, пока ехали, – сообщил один из наемников.

– А как увидел невестку... может, это у него на Джачинту? – задумался дан Марк.

– М-м-у-у-у-у-у-у-у! – подтвердил дан Бартоломео.

– В таком состоянии мы его никуда не отпустим, – приняла решение Адриенна. – Давайте я вам выделю комнату, может, он поспит? А завтра или все нормально будет, и мы расспросим дана или пригласим лекаря.

С этим согласны были все.

Поздно вечером Адриенна постучала в дверь дана Рокко:

– Все в порядке?

Дан Рокко впустил ее. Запер дверь. А потом поклонился и поцеловал Адриенне обе руки.

– Дана, вы чудо.

Адриенна даже чуточку смутилась.

– Спасибо, дан Рокко. Как Джас? Анжело?

– Все хорошо, дана. Они уже спят. Снадобье при вас?

– Вот, дан Рокко.

Маленький бумажный пакетик, в который Адриенна отсыпала полезную смесь, перекачивал из рук в руки. Завтра снадобье будет подмешивать не Адриенна. У наемников не должно возникнуть подозрений.

* * *

На следующее утро дан Рокко остановил служанку с завтраком, который та несла для наемников и для дана. Для дана, понятно, отдельно.

Заговорил... ну и – ловкость рук!

На этот раз щепотка трав высыпалась в яйца, варенные в вине. Тоже ничего и не заметно, а наемникам такое точно есть не по рылу.

Дан, который уже начал приходить в себя, с аппетитом позавтракал, а через полчаса и дан Рокко зашел. С Джачинтой.

На этот раз, видимо, для разнообразия, Бартоломео не мычал. Он кукарекал. Так что...

Наемники и не особенно ломались.

Но...

Дан Рокко долго извинялся перед Адриенной, но выбора-то не было. Они и так это знали.

Больше в столицу послать было некого. Леонардо? А кто он такой, чтобы его вообще король принимал? Да и доверять ему...

Может, он и сделает все как надо. А вдруг – нет? Дан Рокко сомневался, Адриенна не спорила.

Дан Марк никуда не поедет и не собирается.

Остается только сам дан Рокко. И отвезет дана Бартоломео, и к королю легко попадет, и представит ситуацию нужным образом.

Только вот это означает, что Адриенна остается, считай, без защиты. Конечно, он приедет. И наведет порядок. Но это минимум – минимум! – два месяца. Пока туда, пока там, пока обратно...

И если еще успеет до весенней распутицы. А если нет, то все четыре месяца.

Адриенна это понимала. Но не бросать же Джачинту одну? И дана Бартоломео тоже... нельзя оставлять без заботы! Говорите, регулярный прием в течение месяца?

Вот и надо.

Дело очень полезное и богоугодное. Чтобы уж точно никто не вылечил.

Ровно через три дня дан Рокко, Джачинта, Анжело, дан Бартоломео, который никак не мог определиться, мычит он, мяукает или кукарекает, а также десять наемников и пятеро гвардейцев отправились в столицу.

Дан Рокко не хотел забирать гвардейцев, но тут уж его убедила Адриенна. Повлиять они не смогут ни на что, а вот в случае с наемниками послужат какой-никакой, но страховкой. Прирезать старика, женщину и ребенка всяко проще, чем тех же старика, женщину и ребенка, но еще вдобавок к ним пять человек, знающих, с какой стороны за меч браться.

Да и гвардейцы...

Филиппо Третий очень ревниво относился к своим гвардейцам. Тщательный отбор, высокие требования... и обязательная месть за каждого убитого. Так что выбора ни у кого не было.

Адриенна, правда, оставалась без защиты. Но здесь и сейчас это было наименьшим злом. Не в лесу ведь на кочке, а в своем замке, в своем доме, в котором уже столько лет без всяких гвардейцев прожила. Ну, будет осторожнее, и хватит того. Дан Рокко рано или поздно вернется, но для этого ему надо доехать до столицы.

С Богом!

– Убить?

– Что в этом такого страшного, Миечка?

Голос дана Джакомо был ласковым и сладким, хоть ты на хлеб вместо меда намажь.

– Я не убивала раньше.

– Неужели? А как же та кухарка? Тот разбойник?

Мия пожала плечами:

– Там я была в безвыходной ситуации. А здесь и сейчас – могу отказаться.

– А за тысячу лоринов?

– Каждому?

– Мия, побойся Бога!

– Дядя, вы меня как раз на смертный грех и уговариваете. Кому тут еще бояться надо?

Джакомо поджал губы.

Ну, так-то поглядеть – да. В Библии сказано однозначно: грешен и тот, кто убивает, и тот, кто соблазняет малых сих...^[1]

В законах проще.

Отвечать будет именно что заказчик. Убийцу можно уничтожить, только поймав на месте преступления, но потом – уже другой с него спрос. Он виноват, это есть. Но его соблазнили, а обстоятельства бывают разные.

К примеру, ради ребенка или близкого человека можно украсть, убить... много чего можно. Мия как раз подходит под эту категорию, так что взывать к Богу и совести бесполезно.

– Мия, это дорого!

Мия захлопала ресницами. По комнате аж ветер прошел, и дан Джакомо лишний раз подумал, что племянница растет удивительно красивой.

– Не знаю, не знаю... я правильно полагаю, что там все не так просто?

Дан Джакомо только вздохнул:

– Не так просто? Дико сложно...

Заказ был на дана.

Дан Берто Риккарди отличался хорошим состоянием, завидным здоровьем и любовью к уединению.

А вот его наследник – ну вовсе даже наоборот. Состояния у него не было, здоровье было слегка потрепано любовью к горячительным напиткам и гулянкам, а уединение...

Уединение наследничек признавал только в отхожем месте. И то не обязательно.

Конечно, денег у наследника при таком раскладе не было, были долги. И непутевый племянничек пообещал Комару примерно половину состояния дядюшки. Ему тоже оставалось примерно на три жизни вперед, но и Комар облизнулся.

А кто у нас тут самый-самый по убийствам?

Удав...

Подумал Джакомо да и принял заказ на дана Риккарди. Но ведь взять заказ – это даже не половина дела, это скорее объявление о намерениях. А как его убить?

Прислуга вся проверенная, охрана надежная, подобраться нет никакой возможности.

У Джакомо.

Посторонние в дом дана Риккарди не допускаются.

А вот Мия...

– И за такое жалкую тысячу лоринов? Дядя, вы – жмот! Мне надо по две тысячи на человека требовать!

Дядя поморщился, но понял, что Мия не уступит... сильно, и принялся торговаться. Сошлись на четырех тысячах лоринов, за которые от Мии требовалось выполнить достаточно сложную вещь.

У дана Риккарди есть в доме только одна женщина.

Кухарка.

Убирают мужчины, во дворе тоже мужчины... Но готовить так, как привык дан Риккарди, может только эта ньора. Потому ее и держат.

Закупками тоже она занимается.

Вот на рынке ее и можно подменить на Мию.

Но...

Да, вот эти вечные проблемы.

Ну не умела Мия готовить!

Не умела!!!

Так, в рамках общепринятого. Могла сделать омлет, сварить кашу, поджарить мясо... а вот чтобы угодить взыскательному вкусу престарелого дана?

Нереально.

– Да, Миечка, я найму учителя... конечно, полностью ты изысканную кухню не освоишь, но несколько блюд приготовить сможешь.

– Откуда я знаю, что готовят для дана Риккарди?

– Племянник у него бывал, поделился.

Мия только за голову схватилась.

Понятно, кухарке проще всего и вернуться в дом, и приготовить, и яд подсыпать. Но простите, это ведь все на ее плечи ляжет?

И за какую-то жалкую тысячу лоринов такой риск? Дядя, может быть, полторы? На каждого из детей, понятно...

Джакомо взвыл, и торг начался заново.

Сошлись они на тысяче двухстах лоринов на каждого из Феретти. И Мия, скрипя зубами, поплелась на кухню. В том-то и дело...

Ладно еще помыть-почистить, но приготовить самостоятельно дичь? Соус аргесто? Сорбет? Петуха в медовом соусе? Ассорти из каплуна, откормленных кур, голубей, говяжьего языка и ветчины? Жареного павлина в соусе с фисташками?

Мия заскрипела зубами и отправилась учиться. А куда деваться?

Тысяча двести лоринов на каждого на дороге не валяются.

Так, на кухне, в чаду и жару, и застал ее Энцо.

* * *

– Сестренка!

– Энцо!!!

Мия плюнула (в переносном смысле) на сорбет и повисла на шее у брата.

– Как ты? Как поездка?

– Великолепно!

– Расскажешь?

В распутицу Паскуале и Энцо все же попали, хотя и самым краем. Пришлось поневоле задержаться. Но хороший купец всегда найдет чем поторговать.

Впрочем, о торговле Энцо рассказывать было не так интересно.

А вот про арайцев...

Про Адриенну СибЛевран...

Про...

Да в основном-то именно про них. Мия слушала и улыбалась. Кажется, ее брат в первый раз влюбился?

– А вы поедете туда на следующий год?

– Да, опять на предзимнюю ярмарку. Дядя обещал.

– И ты поедешь?

– Сначала, конечно, на Девальс. А уж потом... туда! В СибЛевран!

– Купи дане Адриенне подарок, – поддразнила брата Мия.

– И куплю. Спрошу у Паскуале, что именно приличествует, и куплю! – фыркнул Энцо. И тут же посерьезнел: – Мия, нам надо с тобой поговорить.

– А мы что делаем?

– Ты не поняла. Я проверил свой счет в банке.

Мия скрипнула зубами. Не учла, да... Но кто бы мог учесть?

– Откуда деньги? – прямо спросил Энцо.

И что тут было отвечать? Мия выбрала полуправду:

– Дядя мне платит.

– Такие деньги?! За что?!

– Надеюсь, ты не разболтал это Паскуале? Или Фредо? – встревожилась Мия.

– Нет. Но я хочу знать, – сдвинул брови Энцо. – Я твой брат. Я сейчас старший в роду. Я поговорю с Джакомо, если это что-то... неподобающее...

Мия вздохнула.

Сложный вопрос. Подобают ли благородной дане кражи и убийства? Вроде как нет, но если присмотреться к королевскому двору повнимательнее?

Мия считала, что она в сравнении с придворными вообще невинный ангелочек.

Только вот как признаешься в этом Энцо?

И тут ее осенило. Врать? Ну, так и врать!

– Пойдем, Энцо, я тебе покажу, что именно я делаю. Только, пожалуйста, никому не рассказывай, я понимаю, что это не подобает благородной дане. Я буквально позавчера их закончила!

Она же взяла два молитвенника? Для девочек?

И пока еще их не подарила. Отлично, вот сейчас и...

Рукописные молитвенники Энцо понравились. Но...

– Мия, ты сама их сделала?

– Я переписывала и рисовала, – созналась Мия. – Переплетала, конечно, не я. Но труд здесь и мой... для этого много знаний не надо.

Ладно. Если быть честной, рисовала Мия не особенно хорошо, но Фьора их всех учила в свое время. Человека, корову, дом Мия нарисовать могла. И при этом ее рисунки никто не перепутал бы. История с «Королевской милостью» уж точно не повторилась бы. Мия точно знала, сколько ног, рук и глаз у ее творений.

Писала она тоже хорошо, красиво и разборчиво. Так что...

Могла?

Могла! И делала! И докажете обратное!

Энцо только головой покачал:

– Даже не представляю, сколько такое стоит...

– Вот и стоит, – огрызнулась Мия. – Я понимаю, что это не вполне подобает благородной дане, но я переписываю, дядя пристраивает эти молитвенники...

– Мия?

– Ну... ладно. Я знаю, у дяди есть кто-то, кто может чуточку состарить эти книжки. И они становятся дороже, – «выдала» страшный секрет Мия.

Энцо выдохнул.

А, ну если так... Это не приветствуется, но и не тот кошмар, который он себе надумал. И все же...

– Пусть эти деньги будут твоим приданым!

Мия зажала брату рот рукой:

– Цыц! Молчи и слушай! Ты пока столько не зарабатываешь! Когда еще будешь – неизвестно, а в Феретти деньги надо вкладывать уже сейчас, ты с дядей Фредо поговори, он подскажет, как и куда. И сестренкам приданое тоже нужно, не меньше, чем мне. Если хочешь – ты мне потом верни, как на ноги крепко встанешь. Считай займом!

– Мия, я мужчина! Я не могу брать у тебя деньги!

Тренировки пошли Энцо на пользу. Сумел и вывернуться, и сестре больно не сделать. Мия досадливо сморщилась:

– Энцо, милый, ну как мне тебя убедить? Ты пойми, семья – это связка! И тянуть мы должны все, разве нет? У дяди Фредо так, у дяди Паскуале, у дяди Джакомо...

– У родителей так не было...

Мия развела руками. Энцо насупился. Все возражения он отлично произнес бы и сам.

Но и Мия сдаваться не собиралась. А потому...

– Хорошо. Я попрошу дядю Джакомо составить счет. Кто, сколько, за что... и потом верну тебе эти деньги.

Мия выдохнула:

– Договорились, братик! Хоть сегодня!

– Хорошо. А на кухне ты что делала?

– Сорбет!!! ОЙ!!!!

Мия с визгом помчалась по коридору. Несчастную закуску следовало срочно спасать^[2].

Последнее время Мия открыла у себя новые способности.

Она стала не просто острее чувствовать запахи, она начала определять, свежий или несвежий продукт, недоили переваренный, вкусно или нет...

Это умеют многие?

Наверное. Но Мия раньше за собой таких талантов не замечала. А сейчас она издалека чувствовала запах сорбета и понимала, что если его не снять с огня в ближайшую пару минут... нет, не пригорит. Но будет невкусно.

В кулинарии упущенный момент – это испорченное блюдо, увы.

Энцо последовал за ней не сразу.

Полюбовался на молитвенники, провел пальцем по миниатюре... да, это громадный труд! Мия должна была уйму времени просидеть с этим шедевром.

Но что еще делать юной дане, которая постоянно сидит дома? Какая же у него замечательная сестренка! Даже тут нашла, как помочь семье... Счастлив тот, у кого такая родня! Ему очень повезло с Мией.

Но с дядей он поговорит. Мало ли что...

Появившийся вечером Джакомо был срочно отловлен Мией. И уже на следующий день в доме появилась художественная мастерская (так-то повезло, Энцо не спросил, где работает сестра), куча красок, доски, кисти...

Мия принялась изредка заходить туда и даже пачкала пальцы для пущего правдоподобия.

Впрочем, даром все это не простаивало.

Молитвенники были с пафосом подарены Серене и Джулии и сподвигли малышню тоже поучиться рисовать. Красиво же!

А Мия готовилась к акции.

Училась готовить.

Ходила на рынок, регулярно сталкиваясь с кухаркой дана Риккарди. И наблюдала.

Как та двигается, как говорит... м-да, с этой будет сложно. И телосложение отличается сильно, придется под платье толщинки прокладывать, хорошо еще, хоть рост схож.

И лицо, и волосы...

Но ради таких денег?

Кто такой этот дан Риккарди? Для Мии – никто. Просто имя и фамилия. А вот Энцо, девочки, поместье Феретти...

Мия для себя выбрала. А Бог... Встретимся – разберемся!

Адриенна

– Теперь ты не такая храбрая? Когда защищать тебя некому?!

Была бы эданна Сусанна поумнее... но ей так хотелось поточить зубки на Адриенне!

Вот просто до слез хотелось, до зубовного скрежета. Вчера она в очередной раз узнала, что не беременна, а в такие дни у женщин дико портится характер.

Адриенна просто попалась ей под руку. Но... почему бы и нет?

Дана СибЛевран смерила насмешливым взглядом эданну СибЛевран.

– Я не беззащитна. И достаточно скоро вернется дан Вентурини. Возможно даже, что с письмом от его величества. Интересно, что он

напишет?

– Если вообще сочтет нужным тебе писать!

Адриенна улыбнулась еще ядовитее:

– Рискнете проверить, эданна? Меня, конечно, можно одолеть силой, отравить, убить... можно. А вот как вы его величеству за это отчитаетесь? Хм-м?

– Стерва!

– Мама, опять вы, как две кошки, шипите друг на друга?

Леонардо оказался как нельзя более кстати. Подошел, улыбнулся, развел злых дам по обе стороны от себя. Адриенна поблагодарила его взглядом. Сейчас ей не хотелось скандалить.

Не объяснять же сисястой дуре, что она волнуется за дана Вентурини. За Джачинту! Даже за малыша Анжело!

Хорошо-хорошо, она за них не отвечает, но все равно волнуется!

Она знает, что все люди взрослые... Анжело не в счет, но мать за него кого угодно загрызет!

Она знает, что гвардейцы...

Она знает, что до столицы дорога прямая...

И что?!

Вот кому и когда это мешало волноваться за своих?! Адриенна не осознавала этого четко, но... обратная сторона дара, знаете ли!

Она – сила, плодородие и счастье земли? Но ведь и земля тоже должна действовать в ответ!

Она отвечает за своих людей, и с этим ничего не поделаешь. Дан Рокко и его дочь, внук... они попросили защиты и помощи Адриенны. И не напрямую, но косвенным образом, Адриенна приняла их под свою защиту. Не вассальная клятва, для той много чего нужно. Но...

Кое-что достаточно близкое.

Все за одного, но один для всех. Как-то так...

В обычные дни Адриенна с удовольствием поругалась бы с эданной Сусанной. Но сейчас...

Пока дан Рокко доедет до столицы, пока выпустит голубя, пока тот долетит...

– Дана!!! – Марко, который, видя настроение Адриенны, по три раза на день проверял голубятню, орал, словно потерпевший. Адриенна бросила Лоренцо и кинулась к молочному брату.

– Марко?!

– Прилетел голубь!!! ВОТ!!!

В руки Адриенне легла тоненькая трубочка. И девушка тут же развернула ее. Почерк дана Рокко она узнала бы и из сотни других.

«Добрались. Аудиенция назначена. Все хорошо».

Больше дан Рокко ничего не написал, но Адриенне и этого хватило, чтобы в танце закружиться по галерее.

На всякий случай они с даном Рокко обговорили условные знаки.

Добрались – без происшествий. Если бы что-то пошло не так – написал бы «доехали».

Насчет аудиенции – это лично его инициатива.

Все хорошо – тоже знак. Что все действительно хорошо. Если бы дана Рокко заставили написать это письмо, было бы «все замечательно» или «все в порядке»...

Но – все хорошо!

Адриенна счастливо рассмеялась, раскинув руки.

– Дана, прошу вас!

Леонардо оказался весьма кстати. Подхватил, провел в танце... Адриенна сияла от радости. А танцевать дан Манчини умел, после придворной-то жизни.

Все хорошо!

Однозначно, это повод для танца!

Все! Хорошо!!!

* * *

Голубь летит достаточно быстро, но реактивного двигателя у него нет. Поэтому примерно в это же время дан Рокко кланялся его величеству:

– Мой господин и повелитель...

Филиппо отмел все заверения небрежным взмахом руки:

– Что случилось, дан Вентурини? Почему вы так срочно запросили моей аудиенции?

Дан Рокко понурился:

– Ваше величество, умоляю вас о прощении. Припадаю к вашим стопам...

– Дан Вентурини.

Славословия Филиппо уважал. Но нельзя ли сейчас покороче?

– С даной СибЛевран все прекрасно. Ваше величество отдаю должное вашему уму и прозорливости. Уже сейчас это чудесная девушка, а какой она будет женщиной... она невероятна! Умна, воспитана, мила, хозяйственна... ее нельзя описать иначе, разве что превосходными словами. Бриллиант без единого изъяна.

Филиппо кивнул. Лесть ему нравилась. Выбора-то все равно не было, но приятно же, когда в твоей короне сияет алмаз, а не кусок булыжника. А еще приятно, когда отдают должное твоей прозорливости.

– Но все же? Дан Рокко?

– Ваше величество, вот отчеты СибЛеврана за прошедшее время, вот мои комментарии. И умоляю вас о милости. Я прибыл и по личному делу в том числе.

– Личному?

– Ваше величество, после эпидемии оспы мой зять умер. Дан Анжело Леони.

– Допустим...

– Его младший брат, дан Бартоломео Леони, является опекуном вдовы и племянника. Но после той же оспы он не может выполнять свои обязанности, потому как повредился в уме.

– М-му-у-у-у-у!!! – донеслось из приемной.

Его величество поднял брови:

– Это еще что такое?

– Ваше величество, это... собственно, дан Леони.

Филиппо Третий так изумился, что даже соизволил выйти и лично обозреть дана Бартоломео, который сегодня воображал себя быком.

Забодать короля ему, конечно, не дали гвардейцы. Но помычал мужчина вдоволь. Постаралась тетушка Ата на совесть. В смесь пошли и конопля, и акация, и могильник, и гамамелис, и грибочки сушеные... да что там! Для хорошего человека дана даже опиума не пожалела!

Хоть и было его там чуть, но много ли надо?

Результат получился такой замечательный, что его величество только головой покачал:

– М-да... бедная ваша дочь, дан Вентурини.

– Когда все это началось, приступами, она в ужасе бежала ко мне, в СибЛевран. Дан Бартоломео бросился за ней, но... спасибо дане

СибЛевран, мы смогли оказать ему хоть какую-то помощь.

Взгляд короля был еще недоверчивым, но свидетельство наемников развеяло последние сомнения. Дан Рокко специально распорядился привести их...

Начистоту говоря, наемники сначала тоже сомневались. Но первый-то раз дана точно не травили! Адриенна сама, при всех, отпила из кубка.

И кормили его тем же, чем и всех данов. Подсыпать там что-то было невозможно, наемники не то чтобы следили, но прикидывали. Хотя под конец дан Рокко стесняться перестал. Главное, хоть на пару минут остаться наедине с даном. А там...

Привычка есть у каждого, кто хоть раз давал лекарство заболевшей собаке. Нос зажать, лекарство всыпать в рот, челюстью подвигать. Тем более что везли дана Бартоломео связанным, чтобы никому вреда не причинил.

Жестоко?

Положим, сорокалетний мужик себя защитить мог, чего не скажешь о пятилетнем ребенке. А что не защитил... и кто ему враг?

Его величество только рукой махнул:

– Обезглавить.

Дан Рокко спорить не стал. Зачем? Понятно же, содержание безумца дома – нереально. Слуги о нем, что ли, заботиться будут? Да удерут они! А перед тем еще и раскрадут что можно и нельзя! На улицу его выкинуть? Та же смерть, только медленная.

Где-то в лечебнице содержать? А в чем разница?

Кто не бывал в таких заведениях, лучше и не заходить. Хоть кошмары не замучают.

Кровати, к которым привязывают несчастных, деревянные, с дырками, не стирать же за ними белье? Соломенные тюфяки, насекомые, скудная пища, ледяные обливания, студенты-медики... ей-ей, дана Бартоломео стоило бы добить просто из жалости.

Его величество так и поступил. А дан Рокко за внука и похлеще бы устроил, так что ни вины, ни сострадания он в себе не чувствовал.

– Дан Рокко, тогда вашей дочери нужен опекун. Вы им быть не можете, вы живете сейчас в СибЛевране... или?..

– Ваше величество, умоляю! Дана Адриенна написала вам письмо, она не возражает против присутствия Джачинты в своем доме.

А там и вдовий срок закончится, дочь замуж выйдет... и ею уже будет муж заниматься. На коленях прошу! Отслужу чем угодно!

Дан Рокко действительно бросился на колени перед королем. Но и письмо Адриенны протянул.

Филиппо Третий взял его, открыл, пробежал глазами.

Адриенна медом разливалась по странице.

Писала, что безумно благодарна его величеству. Что его забота и любовь не оставляют бедную дану в ее захолустье. Хвалила дана Рокко. Рассказывала о делах в СибЛевране.

И в том числе просила прислать Джачинту, если его величество не будет против. Разумеется, на все королевская воля, но пример эданны Сусанны... он не совсем подходит для приличной благородной даны. А вот Джачинта может рассказать о том, о чем обычно матери дочкам нашептывают.

Адриенна-то сирота...

Его величество пожал плечами.

Так бы он еще подумал. Но дан Леони не был особо богатым, так что сделать его вдову наградой для кого-то не получится. А вот отправить ее в СибЛевран...

Разумеется, при условии получения от нее подробного отчета. Мало ли чему она там королевскую невестку учить будет?

Примерно это и было озвучено дану Рокко.

Дан Вентурини бросился на колени перед королем, то же самое повторили Джачинта и Анжело, заливая слезами благодарности королевские длани... Филиппо Третий не возражал. Благодарности он любил, тем более настолько искренние и пылкие. Да и приятно совершить что-то хорошее, бескорыстное... хотя бы иногда. Для разнообразия.

Дан Бартоломео Леони?

Да, и это тоже можно считать актом милосердия. Coup de grace, последний удар. Безумцем жить на свете плохо... для окружающих безумца в первую очередь. Так что...

Пусть покоится с миром.

А его величество напишет в СибЛевран. Эданна Сусанна действительно пример неподходящий. Возможно, дане нужны будут еще учителя. Или книги. Или...

Почему бы не сделать подарок будущей невестке? Все равно все вернется в семью. Так что можно и потратиться...

* * *

Получила свое письмо и эданна Франческа. Не один же дан Рокко ехал в столицу, а попросить гвардейца передать записочку... разве ему сложно оказать услугу эданне?

Гвардейцу было несложно. Да и расплатилась эданна авансом. Умеют же некоторые... сразу видно – придворная дама, а то у кухонных девок никакой фантазии!

Сейчас Франческа читала письмо и в ярости ломала свой веер. Тонкие пластинки слоновой кости так и сыпались на пол.

– Дрянь! Маленькая дрянь!!!

Эданна Сусанна была не слишком умна, но по-житейски сообразительна. Что толку, если она справится с обычной сопливой девчонкой? Таких много, для Чески такая – не угроза.

А если с серьезной опасностью?

Где будет большая награда? Правильно, именно там...

Вопрос: как сделать из Адриенны СибЛевран серьезную опасность? Да просто расхвалить ее! Других-то источников у эданн Франчески нет! Ей придется полагаться на слова подруги.

И эданна Сусанна лила яд на страницы письма.

Адриенна такая, Адриенна сякая... Так что складывался образ весьма умной и стервозной девицы, с которой даже эданне Сусанне, при всех ее талантах, справиться сложновато.

Ладно, насчет ума эданна Сусанна не преувеличивала. Распознавать ум она научилась и понимала, что даже сейчас... пусть Адриенна пока еще наивна. Пусть ее ограничивает провинциальное воспитание. Но если она проживет при дворе... она действительно станет проблемой. Так что Сусанна даже не врет, она просто чуточку предвосхищает события.

Самую малость.

Если Ческа чего-то хочет, дорогой подруженьке придется раскошелиться.

Эданна Франческа это тоже понимала. Но лучше хоть что-то, чем совсем ничего, верно?

А еще...

Может, стоит подумать о физическом устранении мерзавки? В самом-то деле!

В столице его величество еще может что-то проконтролировать. А в провинции? Конь понес, грибочков покушала, с лестницы упала... почему нет?

Надо только поискать подходящего специалиста.

А Сусанна... да пошлет ей Ческа денег, пошлет!

Пусть подавится, стерва!

Глава 3

Мия

– Рыба, рыба, самая свежая рыба!!!

Голос торговли аж в висок ввинчивался. Мия поморщилась.

Она ждала.

У Комара подручных много, это один из них. Сегодня он предоставил свой дом для ма-аленького действия.

– Утренний улов! Свежая рыба!!!

Мию и это раздражало. Понятно, что самые лучшие продукты надо закупать с утра. Но ей-то в чужой личине целый день ходить! Знаете, как это бесит?!

Злит, раздражает... ладно, может, и не целый день. Но какое-то время безусловно. И готовить...

– Посторонись!

Дверь дома открылась рывком, двое подручных втащили обмякшую кухарку. Стало бедной женщине плохо на рынке... бывает. Мия поморщилась еще раз.

Ладно бы – она просто приняла ее облик и ушла. Но так не получится.

Надо узнать, что эта баба хотела купить, надо это самое нечто купить и принести, надо приготовить хотя бы завтрак. А в идеале еще и обед.

Мие ведь надо уйти из дома. А уйти...

Она должна убедиться, что клиент употребил яд. Сразу тот не подействует, между приемом и результатом пройдет больше трех часов.

Только потом... в идеале уйти, когда дан Берто Риккарди начнет умирать.

А если уж самой себе сознаться... ей бы хорошо не просто так дожидаться и не с пустыми руками уходить. А что?

Дан Риккарди богат?

Почему не может стать чуточку богаче и она?

Моральная сторона вопроса? Хм... если ты соглашаешься на убийство за деньги, то стоит ли отказываться прихватить что-то по дороге? Главное, вынести незаметно. Но тут Мия позаботилась о себе заранее.

Кухарка – толстая.

Платье у девушки с толщинками и подкладками, массу-то Мия наращивать не умеет. Вот в одной из толщинок она и сделала шов. Если что – мох она оттуда вытащит, а полезную вещь сунет. И незаметно будет.

Кухарку бросили на пол.

Грубо похлопали по щекам, приводя в чувство. Обыскали, потрясли, отдали все, что выпало, Мие. Девушка принялась рассовывать вещи по карманам.

– Да вы... – принялась возмущаться кухарка. – Да я...

Оплеуха заставила ее замолчать.

Визг уgomонили еще одной оплеухой.

Потом пообещали отрезать нос. Правда, лицо портить не стали, но после того, как показали ножку от стула, пообещали засунуть... да, именно туда, и можно даже две, для комплекта, и принялись заголять, баба заговорила.

Рыдая и размазывая сопли, она рассказала, что купить надо морского зверя, овощи... рассказала, что именно хотела приготовить...

Пока ее убивать не стали.

Мия внимательно посмотрела на женщину. Она чувствовала, что с каждым разом ей становится легче и проще принимать чужой облик. Если первое время она все контролировала, вплоть до мельчайших деталей, то сейчас лицо менялось почти автоматически. Вуаль, которая ее скрывала, не позволяла ничего разглядеть окружающим.

Вот и хорошо, не надо ее видеть лишний раз. В том числе и кухарке.

Из дома она выйдет пока еще под вуалью, снимет ее в укромном углу и пойдет уже кухаркой.

Осьминоги, говорите? Соте из осьминогов в красном соусе?

Хорошо, и купим, и приготовим... может, и не стоило бы огород городить, но в том-то и дело, что кухарке дан Риккарди доверял. И свои пожелания насчет трапез высказывал регулярно.

Что толку проникать на кухню, если заботливо приготовленное тобой блюдо с отравленной пищей полетит в помойку? А клиент и кусочка не скушает?

Или съест мало да и проблюется?

Нет-нет, скушать надо будет все.

Яда Мия собиралась добавить щедро. Пусть подействует чуточку пораньше, это не страшно.

Итак. Осьминоги...

* * *

Домой кухарка шла не спеша. Корзина-то тяжелая! А помочь ей никто не может, приходится самой тащить. Настоящая кухарка это все несла без проблем, а вот Мия...

Начать, что ли, укреплять руки-ноги?

Ладно, об этом она потом подумает. А пока...

Вот и дом дана Риккарди.

Вот и калитка, рядом с которой стоит охранник. Но кухарку он узнал, даже в улыбке расплылся:

– Купила осьминогов-то, Мария?

Мия молча подняла крышку с корзины.

Купила. Еще живых. Кстати, никто не в курсе, чем они пахнут? Вообще не розами! Одно слово – гады морские.

И прошлепала на кухню.

Там грохнула корзину на пол, надеясь, что отбила осьминогам все печенки.

– ФУ-У-У-У...

Хотя так и так этих склизких сволочей придется еще доставать, разделявать... да, она это умеет! Теперь!

Но кто сказал, что ей это нравится? Мия бы лучше самого дана Риккарди молотком прибила!

Итак, соте^[3].

Потом сорбет, потом мясное рагу, причем не абы какого мяса. Кабанина. Мясо уже было замариновано, кухарка рассказала. Остальное – дело техники.

Почистить овощи, порезать. После месячной практики Мия могла это делать не глядя. Кто не верит – мешок морковки в помощь. Уже к середине освоитесь^[4].

Десерт – засахаренные апельсины с ванилью и корицей.

Заготовки уже тоже есть, Мие просто осталось довести их до ума. Что ж, это разумно. Зачем готовить все в последний момент? Можно просто сделать несколько заготовок и использовать их. То же соте готовится быстро, а вот кабанятина, когда она замаринована, годится и для рагу, и для мясного желе, и... да много чего можно придумать.

Мия, правда, думать не собиралась. Сказали ей, что приготовить, она и готовит. А если что – новые рецепты пробует.

С добавлением секретного ингредиента.

Яд висел у нее на шее, в ладанке. И прекрасно пошел и в соте, и в бланманже, которое Мия готовила уже почти не глядя, и в рагу – никто и не заметит. Для обеда еще осталась порция, но может, и добавки не потребуется?

Мия красиво уложила апельсины, сервировала блюда, подумала, что такое умение тоже лишним не будет. Вдруг еще кого дядюшке закажут?

И выглянула из кухни.

М-да. Пока на господскую половину здания лучше даже и не ходить. Но судя по интерьеру... можно и так не ходить. Надо свое искать в кабинете, в библиотеке... дан Риккарди не будет держать на виду ничего ценного.

Кто-то даже стены вызолотит, а тут все темненько-скромненько... и это везде так, и экономия – свечи практически не горят. И дрова жиденькие какие-то...

Вот старый скупердяй!

Мия начинала злиться на дана и понимать его наследника. Даже сочувствовать. Немного и за деньги.

– Мария, золотко, плесни горячего?

Кой черт принес сюда стражника? Мия даже его имени не знала.

– Чего тебе горячего плеснуть? – заворчала она в манере кухарки.

Благо наблюдала за ней на рынке.

– Бульончика бы.

– А как хозяин узнает?

Судя по окружению и штопке на дублете стражника... да другой бы удавился, не позволил бы своему человеку так ходить! А этому и ничего?

Вообще ничего!

– Ну, ты ж ему не скажешь? Ты ж меня любишь?

Мия продемонстрировала половник, но бульона плеснула. Подумала и даже небольшой кусок мяса добавила. И – ладно уж! Большой ломоть хлеба.

– Ходят тут... хозяйское добро разбазаривают.

Стражник упоенно чавкал. Так что ворчать Мия могла спокойно, ее просто не слышали, за таким-то громовым звуком. Потом еще рыгнул...

– Мария, золото ты, а не баба! Всегда б так!

– А ну!..

Половник оказался прекрасным аргументом. Стражника как ветром сдуло, а Мия перевела дух.

Пока не спалилась. Но это же пока...

И вообще, нечего рассиживаться на хвосте! Даже если не пройдет завтрак, надо начинать готовить обед. С добавками.

А тут уже так быстро не обойдешься. Что у нас там планировалось? То есть у них?

Дичь с гарниром из жареного мяса в кисло-сладком соусе.

Тушеные овощи с сыром. Сорбет, конечно, только чуточку поменять рецепт. Паштет из индейки.

И на сладкое – пирожные с малиной и лимонное желе.

Короче – вперед, Мия!

Готовить тебе еще долго.

Девушка скрипнула зубами, злобно пнула ни в чем не повинный очаг и вернулась к работе.

Ну, дядя!!!

* * *

Дан Берто Риккарди, высокий седовласый старик, сухопарый и брюзгливый, отведал завтрак и недоуменно нахмурился.

Пища была... другой.

Когда ты кушаешь то, что выходит из рук одной и той же кухарки день за днем, год за годом, когда ты привык к ее кулинарным шедеврам, ты остро ощутишь любые изменения.

Любое блюдо два разных человека приготовят по-разному. Щепотка корицы там, щепотка перца тут... даже овсяную кашу два разных человека сварят по-разному.

А еще – самое главное. Может быть, частичка души? То самое, что вкладывает в свои изделия любой творец? Кухарка в том числе?

Раньше было... иначе.

Просто – иначе.

Дан подумал пару минут.

Позвать кухарку? Отчитать?

Привратник ни о чем не докладывал, слуга, который принес завтрак, промолчал, то есть его пищу все равно готовила Мария. Никого другого на его кухне быть просто не может. Но почему изменился вкус? Может быть, она решила попробовать что-то новое?

Что ж, и такое бывает.

Но почему это не обсудили с ним? Кушать-то ему?

Позвать Марию к себе? Отругать?

Ладно... чуточку позднее.

Дан Риккарди покосился на тарелки. Несмотря на непривычный вкус, он все же отдал должное и сое, и сорбету, и рагу... ладно. Сейчас ему надо одеться, до обеда кухарка подождет, а уж к обеду он ее вызовет. И если опять будут какие-то нововведения... вот тогда Марии и не поздоровится. Взяли моду вольничать!

Слуга должен исполнять приказы дословно, не думая и не прекословя хозяину, иначе какая от него вообще польза?

* * *

Слугу, который сначала забрал поднос с кушаньями, а потом принес его же, но с пустыми тарелками, Мия запомнила.

Слуга? Значит, может появляться в комнатах господина. И никого это не удивит. Но вот одежда...

Снимать платье кухарки нельзя, там толщинки, подкладки, шнуровка, она сама потом это не наденет. Значит, слугой прикинуться

не получится. А что может получиться?

Хотя какая разница?

Судя по тарелкам, в хозяина дома попало достаточное количество яда. Так что через пару часов начнется Большая Суматоха. И Мия сможет прибежать посмотреть, как прибежала бы и обычная кухарка. Разве нет?

Все правильно. Главное потом – вовремя улизнуть куда-нибудь в тихое место. Но Мия в себе не сомневалась.

Ждем. Тот факт, что ждет она смерти ни в чем не повинного перед ней человека, девушку не трогал. Она вообще об этом не думала. Просто – ждала.

* * *

В своей библиотеке дан Риккарди достал из тайника документы и разложил перед собой.

Отлично. Вот она – закладная на дом. Срок уже почти истек... не сегодня-завтра земля перейдет в его собственность.

Надо написать невезучему дану, который взялся играть, поставив на кон городской дом. Или не надо?

Дан Риккарди задумался, вспоминая, что он слышал о своем заемщике.

Да, именно так. Дан Риккарди этим и занимался. С оглядкой, только самым-самым высокородным и невезучим он давал деньги в долг. Не просто так, конечно.

Под залог, и только под залог.

Дома, земли, драгоценности...

Только в строгой тайне. И вы не представляете, как тяжела судьба ростовщика!

Люди – мерзкие и неблагодарные твари! Дан Риккарди в этом даже не сомневался, напротив, многократно убеждался в своей правоте. Ты, с трудом накопив немного денег, выручаешь человека! И что?! И все... он это совершенно не ценит!

Ну да, ты не отсыпашь ему деньги просто так! Но ведь и манна с неба только один раз падала! А если б каждый раз, то чего и Землю Обетованную искать? И тут неплохо, знай лежи да рот открывай. А

если уж Господь Бог так не поступает, то и скромному дану Риккарди негоже. Не надо привыкать к дармовщинке, не надо!

Да, он просит залог!

Ну и что?

Ситуации бывают разные! Допустим, человек уверен, что у него через год будут деньги. А их нет! Или они появляются только через два года! Ему же никто не помешает прийти и выкупить свою вещь!

Не приходят?

Н-ну... значит, им это просто не нужно!

И вообще! Что за гнусные инсинуации? Дан Риккарди никого силком не ловит, за уши за карточный стол не запихивает, на бега пинками не загоняет, ремнями не привязывает.

Чего ты играешь, если у тебя в кармане вошь повесилась с тоски? Иди вон! Делом для разнообразия займись!

Ах, дану не подобает?

А, понятно! Значит, просаживать жизнь в развлечениях — это ничего, это нормально. А вот поработать... ну хоть как — нет?

Как может поработать дан?

Служить! Тебе дан титул, чтобы ты служил отечеству, чего тут непонятного! Можешь служить в гвардии, можешь на флоте, можешь покровительствовать искусствам или науке, можешь...

Да много чего можешь.

Не делаешь?

Сам и виноват!

В чем-то дан Риккарди даже гордился собой, искренне считая, что тоже служит своему государству. Он избавляет его от гнусных паразитов.

Итак, купчая на дом...

Ему еще один дом не нужен, да и район хотя и неплохой, но слишком близко к реке, его старые кости такого не вынесут. А может, продать его?

Надо подумать...

Ох-х-х...

Дурнота накатила внезапно.

Шатнулись стены, надвинулся потолок.

— Что со мной?

Берто Риккарди показалось, что он произнес эти слова громко и вслух. Но это только показалось. На самом деле то был чуть слышный шепот.

– Что...

Яд, который использовала Мия, действовал медленно. Но впитывался хорошо, качественно... если бы сразу его выблевать – можно было бы спастись. Но не сейчас, когда уже прошло больше двух часов с момента первого приема.

Нет, уже не сейчас.

Сильно и жестоко забилось сердце.

Берто еще пытался идти, кричать, позвать кого-то...

Бесполезно.

Руки царапнули край стола. Бумага полетела... куда-то, и дан проводил ее последним гаснущим взглядом. А потом – потом уже ничего и не было.

* * *

Распорядок дня дана Риккарди подчинялся строгим правилам. Завтрак – в девять утра. Обед – в три часа дня. Ужин – в девять вечера.

Так не положено?

Ну и не кладите, главное, что дану так нравится, его все устраивает, и вообще! Его дом – его правила! Мия их преотлично знала.

А потому, когда было уже без десяти три, затеребила слугу:

– Чего дан-то не зовет?

– Ну, вот... в библиотеке он.

– Нельзя так! – Мия подозревала, что яд сработал, но все-таки? – Простынет все! Вкус утратит! Перестойт!

Слуга, имени которого Мия не знала... кажется, дядя говорил, но она попросту забыла от волнения, пожал плечами:

– Ну, вот... Дану лучше знать!

– Прокиснет! – топнула ногой Мия. – Остынет!

– Ну, вот...

Мия задумалась, знает ли слуга еще какие-то слова, кроме этих.

– Ты к дану сходишь?

– Ну...

– Проводи меня. Пусть на меня и гневается, если чего не так. – Мия решительно вытерла руки фартуком. И подумала, что кухарку бы за один этот фартук убить стоило. Такой засаленной тряпки у дядюшки во всем доме не найдешь. Даже если очень долго искать и копать.

– Смотри, – пробурчал слуга. Но Мию повел к библиотеке, даже не задумавшись, чего это ее провожать надо? Это ж Мария, кухарка, она в этом доме больше двадцати лет проработала. И – провожать?

Зачем?

Нет, не подумал.

Мия сначала постучала, как положено. Потом поскреблась сильнее. Потом уже заколотила в дверь кулаком.

По счастью, дан Риккарди не запирался. Так, просто плотно прикрывал дверь. Да и от кого ему? Живет один, слуги вымуштрованы, лишний раз не побеспокоят...

Не в этот раз.

Мия (сейчас Мария) сделала шаг внутрь и завизжала так, что окна дрогнули. А, нет, это сквозняк. Он взметнул бумаги на столе, пошевелил волосы Берто Риккарди... того, что им некогда было.

Сейчас от дана осталась одна тленная оболочка. И она валялась рядом со столом.

Мия машинально отметила, что рот у трупа чистый. Правильно, есть куча ядов, которые видно именно по этому признаку. Или человека тошнит, или пена идет, или цвет рта меняется... этот не такой. Надо бы у дяди узнать, что он применил. А пока...

Слуга бросился из библиотеки, вопя, как будто дан Риккарди встал и за ним погнался.

Мия, недолго думая, сгребла со стола бумаги и запихнула их в ту самую подпоротую толщину. Огляделась... кто-то уже бежал... что она еще успеет?

Ничего!

Разве что...

– И-и-и-и-и-и-и-и!!!

Голос у нее был на редкость противный. Так что ее и не остановили. А чего неясного? Перепугалась баба, бежит, визжит...

Только вот лично Мия бежала в направлении хозяйской спальни.

У нее есть буквально пара минут.

Эта комната?

Нет... чего она тупит? Она же не кухарка? Она же помнит...

Мия кошкой взлетела на второй этаж. Примерную планировку она все же знала. Наследничек рассказывал, что дядя работает на первом этаже, спит на втором, вроде как его окно второе от угла... остальные спальни гостевые, но приглашения от старика не дождешься.

Ну и не надо!

Мия примерно прикинула, где может быть то самое окно, и попала со второй попытки. Вот это точно комната дана Риккарди. И воняет им...

Да, последнее время Мия ловила себя на том, что все лучше различает запахи и вкусы. Это очень помогло ей с готовкой, но и тут тоже.

Ага... и что у нас тут интересного?

Наверняка есть тайники. Но где уж Мии их искать и открывать? Придется довольствоваться тем, что на виду. К примеру... да! Вот этой очаровательной шкатулкой с побрякушками, которая стоит на тумбочке. Мия высыпала ее в ту же толщину и, недолго думая, покинула комнату.

Хочется больше.

Но лучше не надо.

Дома она все осмотрит, дома она прочитает бумаги, пересмотрит побрякушки и поймет, что ей досталось. А пока – бегом!

Дан Джакомо ждал племянницу неподалеку от особняка и фигуру кухарки опознал сразу.

Тихий свист – и Мия влетает в носилки, тут же начиная менять лицо.

– Готово?

– Готов.

– Умница, племянница.

– Деньги, дядя. Деньги...

– Корыстное поколение. Мы в вашем возрасте такими точно не были!

Дома Мия разобрала бумаги и порадовалась.

У нее было две купчие. Одна на дом, вторая на виноградники. Несколько долговых расписок общей суммой на восемь тысяч двести лоринов.

Какие-то письма, которые она решила пока отложить – потом разберется. И побрякушки. Все мужские... зачем они хозяину дома? Он же вроде никуда не выходил?

Но все же...

Несколько толстых мужских браслетов, перстни с большими камнями, четыре булавки и две цепи.

Все мужское, все золотое, тяжелое...

Вопрос: а что с этим делать? Положить в банк? А у дядюшки Джакомо есть там связи? Или нет? Тайна вклада...

Тайна вклада в любые времена была вопросом сомнительным. А потому... что делать-то? Открыть вклад на предъявителя? Или просто пойти в другой банк?

А если дядя об этом узнает?

Но уж точно не хранить в своей комнате.

Хм, а если попросить Энцо? Нет, это тоже опасно. Какие тогда варианты?

Да только один. Пойти и посмотреть, что за дом ей достался. Благо купчая и на дом, и на виноградники была оформлена с соблюдением всех прав и законов, но... но без указания имени покупателя.

У кого документ – у того и власть.

Интересно, а так можно?

Ладно, дом может и не подойти... тьфу! Чего она голову ломает! У нее же есть Мария!

* * *

– Мия?

Мария была весьма и весьма удивлена этой просьбой. Чутьочку пополневшая, посвежевшая и весьма довольная замужеством, она лично возилась с малышкой Кати. Визита Мии и таких откровений она не ждала. Но если уж начали разговор...

– Мария, мне просто нужно положить это в сейф. Так, чтобы дядя не знал. А если со мной что-то случится, девочки и Энцо... ты же их не обидишь, верно?

– Во что тебя втянул твой дядя?

Дурой Мария и в служанках не была, иначе эданна Фьора бросила бы ее в деревне. Просто служанкой Мария не проявляла весь свой ум. А сейчас ничего, сейчас можно. Это среди данов дурочки ценятся. А для купца, наоборот, умная жена как благословение. И посоветоваться, и поговорить, и с делами помочь, случись что.

– Ни во что серьезное, – пожала плечами Мия. – И никто на эти бумаги претендовать не будет. Но пусть они побудут в безопасном месте. Энцо сумеет ими распорядиться.

– И я должна лгать мужу?

– Лгать?

– Фредо не одобрит...

– Мария, он ведь не спрашивает, есть ли у тебя счета в банках, арендован ли сейф...

Мария поморщилась:

– Он знает, что нет.

– И что изменится? Ты же не для себя стараешься, а для меня.

Мария покачала головой:

– Как ты меня умудряешься уговаривать? Это жуткая авантюра!

Мия улыбнулась:

– Мария, ну что в этом такого? Если есть банки, почему нельзя пользоваться их услугами? А денежные дела – самые тайные! Даже любовника завести проще, чем деньги.

Мария рассмеялась. И тут же погрузилась:

– Ты взрослеешь, Миечка. Хорошо, я сделаю, что ты просишь.

– Я послезавтра приду повозиться с Кати. Повидаться с Энцо. И девочек с собой приведу. Тогда и сходим, хорошо?

– Хорошо, Мия.

Ровно через два дня бумаги упокоились в сейфе вместе со шкатулкой. А Мия получила на руки один из двух ключиков. Второй остался у Марии – так, на всякий случай.

Но сейчас Мия уже была спокойнее. На счету каждого из Феретти лежало больше чем по две тысячи лоринов. Плюс вот этот сейф. Даже если завтра ее схватят и казнят, ни брат, ни сестренки нуждаться не

будут. И приданое у девочек уже есть. Небольшое, но вполне достойное. А там и еще подрастет к совершеннолетию, кто знает? Банк же... они с денежного оборота живут^[5].

А вот Феретти пока жить на доходы не смогут.

Что ж. Надо больше стараться. А еще надо навестить свой, да, теперь свой домик и наконец узнать, что можно, про трубки мастера Гаттини.

Фабрицио Гаттини.

Мие было чем заняться.

Адриенна

– О чем грустишь ты, о прекраснейшая?

Адриенна повернула голову. Леонардо.

– Добрый вечер, дан, – кисло сказала она. И хотела уйти из библиотеки, но куда там. Леонардо ловко преградил ей дорогу.

– Адриенна, прошу вас!

– Слушаю?

– Адриенна, неужели мы должны быть врагами?

– Мы не враги, – равнодушно ответила Адриенна, перехватывая поудобнее книгу.

– Но мы и не друзья. А мне бы хотелось быть вашим другом, Адриенна.

– Это невозможно.

– Потому что я – сын своей матери? Но я ведь в этом не виноват!

– И что с того?

– Адриенна... нам ведь еще долго жить в одном доме. Почему мы не можем попробовать стать... нет, я и не надеюсь на братские и сестринские отношения, но хотя бы друзьями мы стать можем?

– А ваша мать уже отбросила намерение отнять у меня СибЛевран?

Леонардо поморщился, но незаметно.

Никакой тонкости в девушке. Да, понятно, для чего он тут кружева плетет! Но при дворе любая девушка затеяла бы сложную игру. Попробовала что-то выторговать для себя, как-то извернуться...

А здесь?

Прямой вопрос в лоб и такой же прямой ответ. Вот ведь что обидно! Сидит... вся такая воздушная, даже неземная, в платье цвета сливы, но внутри... словно камень какой. Ни тонкости, ни изящества.

– Ваша мать тоже о вас заботилась, Адриенна.

– И поэтому мы никогда не станем друзьями. У вас все, дан?

– Я...

– Извольте уйти с дороги!

Сильный толчок в грудь застал Леонардо врасплох, заставил отшатнуться, и Адриенна проскочила мимо. Преследовать ее парень не стал, просто прищурился вслед.

Вот дрянь!

После такого соблазнить ее – вопрос чести. И начнем мы... на что там падки юные дурочки? На романтику?

Даешь цветы и сладости!

И Леонардо отправился договариваться на кухню. Со сладостями проще. Вот цветы...

Зимой – откуда? Но красивые букеты можно и зимой составить. Есть калина, есть рябина, есть какая-то хвойня зеленая... сойдет! Важно ведь не что дарить, а как это преподнести!

* * *

Как известно, красивые составляющие для букета вместе не растут. Так что Леонардо вот уже два часа ездил по округе.

В одном месте он заметил подходящее деревце, сорвал пару веток, в другом...

Сойдет.

Но каждый день сюда ездить?

Леонардо глубоко задумался. Честно говоря, одно дело – промять коня. Другое – без смысла и цели скакать по сугробам. Мерзнуть, мокнуть в любую погоду... а можно вообще как-то эту пакость нарвать и сохранить впрок?

А где?

В СибЛевране?

Нереально! Бабы, даже самые маленькие, падки на романтику, а какая тут романтика, если мигом Адриенне донесут! Вот когда верный рыцарь мчится за букетом, преодолевая все преграды и одолевая всех врагов, – это одно.

Когда он героически собирает букет из того, что в ведре стоит...

Понятно, что так проще, быстрее и выгоднее. Но бабы такого не прощают, даже самые неприхотливые. Адриенна же...

Она и так относится к нему предвзято. Зачем усугублять?

Но и мерзнуть каждый день...

Леонардо присмотрел красивую рябину и направил к ней коня. Потом понял, что лучше тут на своих двоих, спрыгнул и пошел через снег.

Проклятое дерево стряхнуло ему за шкурку, наверное, два или три килограмма ледяной воды. Сволочь... сломать бы тебя!

Леонардо со злобой рванул ветку, еще и перчатку разорвал о нее. И злобно выругался. Перчатки из тонкой алой кожи, пошиты дорогим мастером, такие здесь не найдешь... с-сволочь!

– Дан? Что-то случилось?

Нежный девичий голос заставил Леонардо резко повернуться. И грустно вздохнуть.

Ньора.

Судя по всему – дочь крестьянина какого. Об этом говорит и теплое шерстяное платье, и платок, и вязанка хвороста в руках...

С другой стороны, у нее розовые щечки, блестящие глаза и симпатичный носик. А остальное... самое главное место что у ньоры, что у даны одинаково. Леонардо это точно знает. Поэтому поклонился он так же, как и Адриенне:

– Ньора, простите мою несдержанность... я просто расстроился.

И продемонстрировал разорванную перчатку. Бабы обожают тряпки. Пожалуй, единственное исключение – это Адриенна. Вот уж кому безразлично, в чем ходить. Платья у нее есть, платья новые, из хороших тканей, пошитые по последней моде. Но ощущение такое, что ей это безразлично.

Было бы удобно!

Ньора же ожидания оправдала: охнула, схватилась за щеки:

– Дан, как жалко! Такая прелесть! А если заштопать?

– Шов будет виден.

Вот дура!

– Оно понятно... а если вышивкой замаскировать?

– Вышивкой? – Леонардо задумался. На тыльной стороне перчаток вышивали многие. А на ладони? Тут уже портить нечего... авось и не станет хуже? И повод еще раз приехать будет!

– Если дан скажет мне свое имя, я вышию, – похлопала глазками ньора.

Красивыми глазками, большими, серыми... тут и дурак бы понял. Леонардо выбрался из сугроба, не забыв про ветку, которую и вручил девушке:

– Вам, ньора.

Адриенне он по дороге еще сорвет.

– Благодарю вас, дан.

– Дан Леонардо Манчини. А я до сих пор не знаю, кого благодарить.

Ньора покраснела:

– Ньора Анна Бароне. К вашим услугам, дан.

– Что вы, прелестнейшая! Это я готов припадать к вашим ногам, если вы поможет мне решить эту маленькую проблему...

Адриенна на Леонардо не повелась. Так, слегка...

А вот девчушка через час обработки уже на все и согласилась.

И ежедневно составлять букеты для эданны СибЛевран за весьма скромную плату. Сольди в пять дней? Да ни о чем по столичным-то меркам!

«Ах, ньора, я так привык баловать свою мать цветами, когда мы жили в столице! Я и сейчас хотел нарвать для нее хотя бы красивых веток, но – увы. Я безнадежно столичный житель».

И заштопать перчатки, и вышить на них герб и инициалы – на обеих, так, чтобы разрыва не было заметно... это уже за пять сольди разом.

А все остальное...

Леонардо даже не сомневался, что он свое получит. А почему нет?

Он молодой мужчина, дан, ему нельзя без женщины. Тем более эта конкретная на все согласна! Уже согласна, просто пока еще этого не поняла.

Надо пользоваться!

Что важнее? Особняк или дан Фабрицио Гаттини?

Честно говоря, дан интересовал больше. Особняк точно никуда не убежит. А вот дан...

Люди иногда смертны, иногда куда-то уезжают, иногда...

Жутко необязательные существа эти люди! Так что свой выбор Мия сделала в пользу трубочных дел мастера. Недолго думая, грохнула одну из трубок об пол, так, чтобы треснула чашечка, в которую кладут табак, положила пострадавшую в мешочек и отправилась в лавку.

Та не разочаровала.

На одной из центральных улиц, пафосная и слегка помпезная, с пышной вывеской, с громадными витринами... красота! И внутри не хуже, чем снаружи.

Терпкий запах табака, кожи, дерева...

Сугубо мужское заведение. Мия здесь выглядела неуместно, даже несмотря на то что добавила себе лет и поменяла цвет глаз и волос на черный. И все же ей было не по себе. Неуютно.

Не спасала даже строгая и дорогая одежда. Бархат верхнего платья, дорогой темно-зеленый плащ, подбитый лисьим мехом... сразу видно – не нищета какая пришла, не голь подзаборная. По одежке встречают, вот Мию и встретили.

Стоило ей войти, как к ней тут же бросился услужливый приказчик:

– Дана? Я могу быть вам чем-то полезен?

Дана думала недолго:

– Прошу вас, ньор...

– Рителли.

– Ньор Рителли, прошу вас о помощи. Моему мужу подарили эту трубку, а сын совершенно случайно разбил ее, играя в курительной. Мне сказали, что это работа мастера Гаттини?

Ньор принял из рук Мии бархатный мешочек, чувствуя себя защитником детей и женщин.

– Сейчас поглядим, дана... да, это, безусловно, работа мастера. Вы можете оставить трубку, я обговорю вопрос...

Мия замотала головой:

– Ньор! Умоляю! Проводите меня к мастеру!

– Дана, вы поймите, так не принято...

Ага, не принято! Мия размазывала слезы и сопли, рыдала, что муж убьет ребенка, что он в жизни такого не простит, что надо или починить трубку (вчера) или купить новую, но точь-в-точь такую же...

Вы, ньор?

Конечно, продать вы можете! Но вдруг там будут отличия? Я вас прошу...

Рыдать пришлось больше получаса. Потом появились другие покупатели, и вконец замороченный продавец сдался:

– Дана, если мастер Гаттини вас выгонит...

В руку продавца скользнул серебряный дарий. Это очень способствовало размышлениям.

Мию подхватили под руку и провели в задние комнаты. Где и постучали в одну из дверей.

– Что?! – донесся недовольный голос.

– Мастер Гаттини, к вам тут...

– Вон!

Мия развернула продавца и подтолкнула в спину:

– Идите, ньор Рителли. Я тут сама...

Ньор немного посомневался, но мастер в гневе был ужасен, мог и обругать, и ударить, и даже, самое худшее, уволить. Так зачем нарываться? Пусть все на дану и выльется...

Мия вошла внутрь и притворила за собой дверь. Заметила на ней засов и задвинула его. А потом без страха поглядела на мастера.

Ну, так... средненько. И не скажешь, что гений и умница.

Среднего роста, среднего телосложения, седые волосы, лет пятидесяти на вид. Лицо самое обычное, разве что нос картошкой и глаза яркие, черные, умные. А так на улице пройдешь и не узнаешь. И одет просто. Ни шелка, ни бархата, обычная шерсть, сукно серого цвета, никаких украшений. Разве что серьга в ухе. Та – да, та соответствует. И изумруд в ней немаленький, размером с ноготь большого пальца Мии. А все остальное темненько-скромненько.

Интересный человек.

Фабрицио Гаттини смотрел в немом удивлении. Видимо, такие наглые девицы ему ранее не попадались. Мия тоже смотрела на него без особого страха.

Бояться?

Сложно бояться того, кого ты можешь убить в любую минуту. Только вот ничего нового ты от трупа не узнаешь. А ей надо. Поэтому для начала попробуем поговорить.

– Мастер Гаттини?

– Дана?

– Очень приятно познакомиться, – проигнорировала вопрос Мия. – Мастер, у меня к вам всего два вопроса. Потом я уйду, и вы забудете о моем визите... скорее всего.

– Да неужели, дана? И что вас заставляет предполагать, что я отвечу?

Мастер явно издевался.

Мия спокойно показала ему трубку:

– Это изделие ваших рук. Верно?

Мастер едва заметно вздрогнул. Мия уверилась, что на правильном пути.

– Верно. А вот это?

Зеркало было тщательно завернуто в кусок шерсти. Но так, что развернуть его можно было одним движением. Что Мия и сделала.

И развернула к мастеру.

Ньор Фабрицио Гаттини прерывисто вздохнул – и уронил голову на сложенные руки. Плечи его затряслись. Мия молча ждала.

Ждала, пока мастер перестанет рыдать, пока посмотрит на нее красными старческими глазами.

– Откуда у вас это, дана?

– Будем считать, мастер Гаттини, что вы дали ответ на мой вопрос, – кивнула Мия. – Вам это знакомо. Кто именно продал эти две вещи скупщику?

– Никто, – скрипнул зубами ньор. – Я бы не... и никогда! И не притронулся бы! Лакея уволил, а тот, тварь, спер, что мог...

– У вас такие вещи на виду лежат? – искренне удивилась Мия.

– Трубки я с собой взял, поработать дома. Бывает иногда.

– А зеркало?

– Черт бы его разбил! – от всей души огрызнулся мастер Гаттини. – Знаете что, дана...

– Тот черт, который, по преданиям, унес мастера Сальвадори? – уточнила Мия. – Вот такой?

И поменяла лицо.

А что?

Черт так черт! Нос пяточком, уши торчком, рыло в шерсти, глаза красные, зубы длинные и оскаленные... да-да, так они в молитвенниках и изображались!

Ну а священникам виднее, кого они там гоняют! Мия вот ни разу чертей не видела! Но если церковь такое изображение одобрила, наверное, они в курсе дел?

Не с потолка ж оно взято?

Мастер всхлипнул, икнул и упал в обморок. То есть побелел и сполз со стула. Мия тут же втянула рыло и принялась хлопать мастера по щекам. Не переборщила?

Да вроде как нет. Не должна...

А сейчас бы мастер послал ее куда подальше, пришлось бы долго ругаться, скандалить... нет, ей такого не надо. Ей надо четкий ответ на ее вопросы. Без утайки и без лишних увиливаний.

Мастер открыл глаза, всхлипнул...

— Это... это... оно...

— Мастер, вам что-то показалось? — как можно более участливым тоном спросила Мия. — Да вы сядьте, я ж вас не подниму, вы тяжелый...

Мастер оперся на девичье плечо, кое-как опустил обратно в кресло.

— Вы простите, что я к вам с этим зеркалом. Но все же реликвия, работа мастера Сальвадори... а вдруг украдено? Вы про лакея сказали...

Мастер Гаттини покачал головой:

— Пользуйтесь спокойно, дана. Я никаких претензий иметь не буду, не нужно мне это зеркало. Сто лет бы его еще не видеть.

— Но вы что-то о нем знаете. Правильно, мастер? Расскажите, пожалуйста...

Мастер закрыл лицо руками:

— Не могу.

— Вам вот уже всякая чужь мерещится... А потом что будет? Когда совесть нечиста...

— Моя-то чиста, — вздохнул мастер. И рукой махнул: — Ладно, дана. Это зеркало матери моей покойной супруги подарил потомок мастера Сальвадори.

Мия даже рот открыла:

– Ваша супруга родом с Линдано?

– Нет, дана. Вы же в курсе, что мастер Сальвадори пропал без вести?

– Да.

– Это неправда. Каким-то образом он выбрался с Линдано. Он прожил долгую жизнь, как человек, он оставил потомство, хотя и не особенно многочисленное...

– Да?

– Дана, вы уж мне поверьте. Не знаю, как там было и что... теща супруге только перед смертью правду открыла. И зеркало подарила. Сказала, что оно показывает порождения тьмы.

– Интересно...

– Вам-то оно ни к чему. – Мастер смотрел и на крестик, который виднелся на шее Мии, и на то, как она спокойно вертит в руках серебряное зеркало. – Да и супруга моя, упокой Господь ее душу, подробностей не знала. Но навроде как мастер умудрился сбежать с Линдано, заключив договор с Тем Самым... вы поняли.

– Допустим?

– На материке женился, стал даном, прожил долгую жизнь, ну и потомство оставил.

– Ваша теща не называла имен и фамилий?

– Нет, дана.

– А откуда она была родом? И как ее звали?

– Октавия Росса, дана. Из Энурии.

– Из какой ее части? – дотошно уточнила Мия.

– Из южной части провинции.

Конечно, так просто Мия не отстала от мастера. И долго еще пыталась все, что он знает о теще, о супруге, что она говорила, чего не говорила...

Куда ж ты, наивный, денешься? Мие надо? Она тебе под шкуру влезет, но своего добьется! Она бы и супругу мастера расспросила, но вот беда – та умерла во время эпидемии.

Но теперь-то ей надо было попасть в Энурию! И разобраться, кто там потомки мастера Сальвадори.

А в чертей, бесов и прочих, кого там не надо поминать к ночи, она совершенно не верила. Ее вот тоже... увидишь – упадешь. Только что

на мастере проверила.

И кстати... она бы с Линдано выбралась. Наверное...

А если мастер Сальвадори той же природы, что и она?

Мия задумалась над этим вопросом всерьез. А ведь это реально! Это более чем реально! И тогда он мог уйти хоть откуда! Хоть в открытую!

Его бы просто никто не заметил...

А пропал ли в те годы кто-то, связанный с Линдано? Кто-то, кто имел туда доступ? Охранник, к примеру?

Мия посмаковала эту идею, но быстро поняла, что ничего не раскопает. Слишком много времени прошло, да и вряд ли такие сведения где-то есть. Разве что в королевских архивах, а туда лезть опасно. Да и ни к чему.

Будет время и возможность, она по Энурии проедет.

Нет?

Что значит – нет?! Этого слова Мия вообще не понимала! Ей надо! Она обязательно съездит, вот только денег накопит.

Дядя?

Ну... вот придет время, тогда и проблему с дядей решим. Никуда он не денется. И кстати, надо бы намекнуть ему на выездную работу?

Адриенна

– Дан Рокко! Джас! Анжело!

Адриенна была искренне рада. Счастлива даже.

– Адриенна! Милая, как я рад!

– Дан Рокко, все устроилось?

– Да! И наилучшим для нас образом! – порадовался дан Рокко.

– А именно?

– Благодаря вашей просьбе, Адриенна, Джас поживет с нами. Вы же не против?

– Дан Рокко, ну как я могу быть против, если я сама, лично пригласила эданну Леони в СибЛевран? – искренне удивилась Адриенна.

Увидев, кто приехал, она вылетела во двор, повисла на шее у дана Рокко, расцеловала и смутившуюся Джас, и Анжело...

– Только благодаря вам, дана. По гроб жизни благодарен буду!

– Договорились. Извольте пожить подольше, если уж благодарны, – тут же нашлась Адриенна. – Так... гостевые покои отмоём, я прикажу.

– Дана Адриенна, я так вам признательна! – Джас смотрела на Адриенну, словно на икону. – Если б не вы...

– Если б не я – вы бы точно сейчас простуду подхватили, – решительно махнула рукой дана. – В зал! Греться, пить горячее молоко с медом, потом в кровать, а я скажу сейчас нагреть для вас камни. Чтобы простыни были теплыми...

Судя по глазам Джас, к образу на иконе еще и нимб добавился.

Адриенна рассмеялась:

– Эданна Леони, что вы так смотрите? Я же сказала! Пить горячее и спать! Дан Рокко, и вам в том числе, а поговорим мы завтра утром. Главное – сделано. Вы здесь, все в порядке...

– Да. Вот письмо для вас, дана.

Адриенна вздохнула, принимая свиток с тяжелой бело-алой сургучной печатью:

– Его величество?

– Лично. Не доверяя даже секретарю.

– Благодарю вас, дан Рокко. – Адриенна сунула свиток в карман. – И так – пить и спать! А завтра утро начнется с горячей ванны!

И повлекла приехавших за собой. На ходу махнула рукой гвардейцам:

– Не отставайте! Марко, ты где?! Помоги немедленно, бездельник! Марко не обиделся.

Из Адриенны во все стороны хлестала радость. Та самая, веселая, шальная, когда бегать хочется, кричать, даже ругаться иногда... это не со зла.

И вот это веселое «бездельник» ценнее иного «любимого».

Марко поклонился гвардейцам и пригласил следовать за собой. Это уже другие, они СибЛевран не знают. Но ведь храбрые ньюры не откажутся от глотка горячего вина с пряностями?

А потом Марко все и покажет, и расскажет...

Дана СибЛевран просто очень рада. Она завтра представится по всем правилам и введет всех в курс дела... а сегодня уж под вечер.

Горячее вино, горячий ужин и теплые комнаты? Протопленные?

Гвардейцы тут же простили дане любую невежливость. За такое – можно!

* * *

Поздно вечером, оставшись одна, Адриенна распечатала королевское письмо. И чего Филиппо Третий так старался? Сам его писал, секретарю не доверил?

Только из-за обращения в начале?

Дорогая невестка?

Ну-ну...

Филиппо Третий интересовался, все ли у Адриенны в порядке, просил писать и не стесняться, если что. Одна ведь семья... в скором будущем.

Намекал, что может решить любые ее проблемы.

Адриенна прочитала письмо один раз, второй, отложила в сторону. Фразы прыгали перед глазами, не собираясь в единое целое. Как-то не получалось его осмыслить.

«Надеюсь, у Вас все благополучно...»

«Ваш отец произвел на меня впечатление умного и порядочного человека...»

«Эданна Сусанна была истинным украшением двора...»

«Любое Ваше письмо будет доставлено лично мне в руки...»

«Буду рад помочь Вам, поддержать и направить...»

Нет, не складывалось все это в осмысленную картину. Адриенна отложила письмо и подумала, что все равно не разберется. Что там в голове у его величества?

Чего он хочет?

Как намерен добиваться своей цели?

Ей не понять. И, может быть, здесь и сейчас это к лучшему. А еще хорошо, что ее не оставили при дворе. В том гадюшнике она бы... она бы уже умерла. Или сама по себе, или чужими стараниями, что вероятнее.

Отравили бы ее! Вот и все...

Впрочем, это и здесь не исключено, недаром же эданна Сусанна была украшением двора. Ладно! Думать об этом надо завтра!

Адриенна рухнула в кровать и закрыла глаза.

Спать, спать, спать...

И пусть ей снова приснится полет, и небо под крылом, и ощущение упругих перьев...

Должно же быть хоть что-то хорошее в этой жизни?

Обязано.

* * *

На заявление, что Джачинта и Анжело будут жить с отцом и дедом, все домочадцы отреагировали по-разному.

Сдвинул брови дан Марк.

Скривила губки эданна Сусанна.

Безразлично пожал плечами Леонардо, который вот уже третий день оставлял Адриенне букеты под дверями комнаты.

– Пусть живут...

– Вот еще! – Эданна была хоть и красива, но рядом с Джачинтой проигрывала по всем статьям. Понимала это и заранее злилась. – Почему бы не выделить им домик, где-нибудь в поместье... ну, там...

– Где именно? – Адриенна знала, что легко не будет, и к сражению готовилась заранее.

– Ну... как этим! Фермерам, арендаторам...

– Благородной эданне? – парировала девушка. – С маленьким ребенком? Зимой?

Дан Марк невольно качнул головой. Действительно, это уж как-то вовсе... конечно, ему тоже не нравятся посторонние в его доме, но... и возражать он не хотел. Он отлично знал, что скажет Адриенна. Более того, понимал, что это и правда так.

СибЛевран – не его дом.

Когда-то давно младший сын дана женился на Рианне СибЛевран. Женился по любви, получил в приданое поместье, но получил и ее родовое имя. А вот как дальше?

Что делать?

Дан Марк сильно рассчитывал, что выдаст Адриенну замуж, женится, постепенно его дети унаследуют СибЛевран, но оказалось все совершенно иначе. И сейчас дочь напоминала ежика. Не тронь – уколешься.

Справиться с ней силой не получается. Слов она не слышит. А время идет. И дан Марк начал задумываться, как ему жить через пять... уже четыре с половиной года. Правда – как?

При дворе?

Приживалом в СибЛевране?

Или есть еще какие-то варианты?

А если Сусанна понесет ребенка? Это ведь серьезно... или оно бы и к лучшему? Адриенна точно полюбила бы брата или сестренку, дан Марк знал, как она любит малышей. Они с Марко в свое время просто замучили бедолагу Антонио. Возились с ним столько, что Роза даже чуточку ревновала.

Вопросы, вопросы, а ответа дан Марк не знал. И злился.

Сусанна сморщила нос:

– Почему меня должно это касаться?

– Эданна Сусанна, – медовым тоном пропел дан Рокко. – Я давно знаю ваше золотое сердце и вашу добрую душу. Вы не выгоните на мороз ни женщину, ни ребенка, правда же?

Сусанна намек поняла.

Давно он знает...

Ладно! Марк, конечно, не поверит, но ведь этот мерзавец может и какие-то доказательства представить? Еще как может...

– Не выгоню, конечно. Но все же, все же...

Джас прижала к себе сына. Она немного побаивалась, но Адриенна улыбнулась ей, и женщине вдруг снова показалось, что в комнате становится теплее. Уютнее...

Все. Будет. Хорошо.

Адриенна это точно знает. И Джас просто надо в это поверить. Все будет хорошо.

* * *

Эданна Франческа Вилецци в это тоже верила. Но поскольку была и смелее, и сильнее Джачинты, то свое счастье строила сама. И бороться за него тоже решила сама.

Сейчас она шла по Грязному кварталу. Не оглядываясь.

Не пугаясь ни людей, ни теней.

И уж будьте уверены, любой, кто посмел бы встать на пути эданн, был бы растерзан в клочья. У нее важное дело, а ей мешать смеют?!

Р-разор-р-р-рвать! Мгновенно и безжалостно!

Провожатый остановился перед одним из домов, постучал, сказал несколько слов, дождался отзыва, после чего дверь открылась и эданну впустили в дом.

Здесь роскоши не было. Вообще.

Комар вот удержаться не мог. А местный хозяин излишнюю пышность не уважал, хотя и стоял в иерархии Грязного квартала не ниже Комара.

Да, Квартал большой, столица тоже немаленькая, поэтому одного короля в ней не было. Было несколько группировок, которые делили и место под луной, и промыслы, время от времени враждовали, пытались сожрать друг друга, но потом все возвращалось на свои места.

Комар был одним из вожаков.

Еще были Осьминог, Леопард и почему-то Кукловод.

Вот с Осьминогом Ческа и пришла увидеться.

Сложное дело, важное, такое абы кому не доверишь...

И, надо сказать, главарь шайки был весьма похож на свое прозвище. Лысая голова, бледная, покрытая синими вздувшимися не пойми с чего венами, тело, которое напоминает пузырь, расплывшийся по дивану...

Роскошная одежда, королю впору. Шелк, бархат, мех... это Ческа оделась темненько-скромненько, а он-то на своей территории.

Тупая туша?

А вы в его глаза загляните. И не стоит забывать, что осьминог — это хищник. Маленького еще можно поймать и сожрать, а что касается большого...

Великий Кракен. Помните?

Ческа это осознавала преотлично. Дурой она не была, людей видела и чувствовала, а потому...

– Дан?

– Называйте просто Осьминогом, эданна Вилеци. Так проще.

Ческа досадливо прикусила губу.

Ну и к чему маска? К чему ее инкогнито? К чему все попытки сохранить тайну?

Осьминог беззлобно улыбнулся:

– Эданна Вилеци, если вы не хотели показать себя, надо было надевать маску, которая закрывает ВСЕ лицо. И шею тоже. Потому что вот эта ваша родинка весьма приметна. А вы частенько появляетесь на публике.

Франческа объяснение приняла и кивнула:

– Хорошо, уважаемый Осьминог. Меня привела к вам серьезная нужда.

– Неужели есть что-то, в чем я могу быть вам полезным?

– И не бесплатно, – подтвердила эданна.

– Слушаю! – В глазах Осьминога мелькнул интерес.

– Дана Адриенна СибЛевран. Мне нужна ее смерть.

– Дана СибЛевран... я даже не слышал о такой... нет, не слышал.

Ческа вздохнула. Чутьочку лицемерно, но кому какая разница? Особенно здесь?

– Это не моя история, а моей подруги. Эданна Сусанна...

– Манчини?

– Именно.

– Прелестная женщина, просто прелестная... – мечтательно вздохнул Осьминог, возводя глаза куда-то к потолку.

Неужели Сусанна и с ним?.. Вот ведь шлюха, всех перебрала! А может, оно и к лучшему?

– Она недавно вышла замуж. За дана Марка СибЛевран.

– Ага. А Адриенна?

– Дочь этого дана.

– Она чем-то мешает эданне Сусанне?

– СибЛевран передается в роду по женской линии, она – единственная наследница. Моя подруга может родить, но замок ей не достанется... понимаете?

– Понимаю. А нельзя ли выгодно выдать падчерицу замуж? Куда-нибудь подальше?

– К сожалению, уже есть сговор. И приданое – поместье, – потупилась Ческа.

– Очень, очень неудобно.

– Поэтому дана Сиблевран должна умереть. Так, чтобы никто не заподозрил неладного. Упасть с лошади или исчезнуть без вести... я не знаю. Я в этом не разбираюсь!

Осьминог скрыл улыбку.

Да-да, не разбирается. Прожив практически всю жизнь при дворе и будучи уж сколько лет фавориткой принца! Хорошо, он во все верит.

– Это будет долго и дорого, эданна.

– Я согласна.

– Двести лоринов – задаток. Остальная работа будет оплачиваться после результата.

Эданна скривилась, но положила на стол два приятно брякнувших мешочка. В каждом по сто лоринов.

– Вот, уважаемый Осьминог.

– Отлично. Считайте, эданна, что мы договорились.

– А... когда?

– Я думаю, мой человек выедет на место уже сейчас. А вот точнее по времени я вам не скажу. Надо доехать, обжиться, приглядеться, подготовить почву... несчастные случаи... они такие случайные!

Ческа кивнула:

– Что ж. Вы правы. Но хотя бы... год? Два?

– Нет-нет, эданна, все случится намного раньше. Может быть, три месяца, полгода... но вряд ли больше.

Ческа выдохнула.

Что ж. Она подождет. А пока...

– Я буду *очень* благодарна, уважаемый Осьминог.

– Я сделаю все, чтобы заслужить вашу благодарность, эданна.

Два взгляда, глаза в глаза.

Моллюск и пресмыкающееся – два разных вида. Но эти друг друга поняли.

Глава 4

Мия

Дом на Приречной улице.

Ну, Приречной она, конечно, зря названа. Скорее она приречно-поперечная.

Примерно так Мия и подумала, когда по ней прошла. А еще мысленно поблагодарила Сундука за науку.

Есть за что!

Вот он, домик, стоит за забором. А калитка закрыта наглухо.

А ворота тоже закрыты.

Будь она прежней, приличной и законопослушной Мией, она бы сейчас и не знала, что сделать. Бумаги-то она ухватила, но к ним еще и ключи должны прилагаться. А их в той шкатулке не было.

Жаль, конечно.

Но открыть она сможет любой замок. Лишь бы изнутри засова не было.

Мия немного подумала, поменяла внешность на облик пожилой, добропорядочного вида ньюры и отправилась осматривать свое имущество изнутри.

Всего-то и надо: открыть калитку, войти, закрыть калитку. И тебя никто не увидит с улицы, забор тут высокий, хотя и из досок, не каменный. Но на всякий случай – постоять перед зеркалом.

Вот так...

Морщинки, цвет волос, глаз... добродушное выражение пожилого лица... Почему-то такие люди вызывают меньше подозрений. Хотя с чего бы?

Вот Мия точно знала, что если человек в молодости был подлец, то и в старости не улучшится. Видели вы когда-нибудь говядину, которая от длительного хранения свежее? Нет? Вот и с людьми та же картина.

А восприятие почему-то другое. Нет, не понять ей этого логического выверта.

Мимо калитки она прошла пару раз, присмотрелась к замку, на всякий случай даже ключ достала. Вот ключ, вот замок, вот нбора, которая его открывает...

А что в руках у нборы отмычки... так это приглядываться надо внимательно.

Мия немного побаивалась, но уроки Сундука не подвели. Замок щелкнул и практически сразу открылся. Девушка прошла внутрь и прикрыла за собой калитку. Осмотрела ее изнутри, довольно улыбнулась и засов задвинула.

К воротам?

А на воротах и так засов. Хороший, большой, надежный.

Ладно. Теперь к дому.

Небольшому участку сильно требовалась хозяйская рука. Даже сейчас, зимой, было ясно, что кусты надо подрезать, деревья как-то упорядочивать, а цветы... а они тут еще не все вымерли? Мия не удивилась бы.

Сам дом... ему тоже хозяйская рука требовалась. Некогда маленький и аккуратный, сейчас он выглядел заброшенным и растрепанным. Ставни еще кое-как закрывали окна, но сам дом нуждался в краске, черепица с крыши кое-где слетела, а вон там...

Воронье гнездо аккуратно напротив окна, на дереве, вообще вещь лишняя в хозяйстве. Может, она и божья тварь... но не с утра пораньше. С утра пораньше – это просто твар-р-р-рь!

Эти милые птички так орут, что выспаться не удастся никогда.

Что у нас в доме?

В доме ничего и не было.

Мебели – не было. Посуды – не было. Ничего...

Голые стены. Даже стекла кое-где вывезли. Лестница на второй этаж рассохлась и горестно поскрипывала. Двери тоже рассохлись...

Мия не расстроилась.

Ничего нет?

Ничего и не украдут! А вот что бы ей с ключами и замками решить? Хотя... и чего тут решать? Двери она закроет, домом пока пользоваться не будет, а что потом?

А потом будет видно!

Положа руку на сердце, если она обзаведется своим гнездом в столице... вот когда ей здесь бывать? Когда проводить время, кого

сюда водить?

Бессмысленно.

Лучше она постепенно поменяет замки. Благо они тут все навесные, можно просто зайти и купить нужное. Врезной замок только на калитке, но его как раз и закрывать не обязательно. Там же и ушки для навесного есть.

Обратиться только к хорошему мастеру.

А еще поговорить со стражниками. Мия пошарила по карманам, нашла два лорина и несколько дариев и кивнула сама себе. Можно идти, разговаривать.

* * *

Столица большая, в ней несколько десятков кварталов, и порядок в ней поддерживать надо. Поэтому в каждом квартале есть своя квартальная стража, общим числом пятнадцать человек. Работают они сменами. Посуточно. По пять человек через два дня. И нельзя сказать, что сильно перетруждаются.

Чем занята стража?

Так важными и нужными делами. Обход квартала, причем с трещотками. Это чтобы все преступные элементы заранее разбежаться успели.

Проверка фонарей.

Пригляд за территорией, пресечение, понятно, шума, криков, неподобающего поведения, преступлений в том числе...

Функций много. А в реальности это все равно что пустить против мышей игрушечного кота. Те, конечно, ему лапы не отгрызают хотя бы из приличия, но и помехой игрушка не является.

Вслух, понятно, никто ничего не скажет. Мыши делают вид, что боятся, кот – что охотится, а хозяин – что верит. И всех все устраивает.

Если боишься идти куда-то вечером, стража может сопроводить. Понятно, не за спасибо и улыбку.

Если уезжаешь куда-то и оставляешь дом, стража может присмотреть. Вот это Мие и требовалось.

В казарму стражи она вошла с улыбкой:

– День добрый, ньоры.

– Ньора? – поинтересовался начальник пятерки, представительный ньор лет тридцати в плаще стражника.

– Ньора Феретти, – решила не заморачиваться чужой фамилией Мия. – Как мне к вам обращаться?

– Ньор Пизано.

– Ньор Пизано, так получилось, моя внучка унаследовала дом на улице Приречной.

– Это какой?

Стражники пока помалкивали. А чего тут говорить? Унаследовала? Отлично, за нее все очень рады. А что от нас требуется?

– Это который заброшенный, под зеленой черепичной крышей и с зеленым же заборчиком. Когда-то зеленым, – разъяснила Мия. – Третий от угла...

– А, знаю, – кивнул десятник.

– А если знаете, может, и приглядите? Пока девочке недосуг, да и в деревне ребенка растить удобнее, там воздух здоровее. – Мия выложила перед ньором монетку. Золотой лорин блеснул приятным желтым цветом.

– А и пригляжу, что ж не приглядеть, – кивнул стражник, сразу исполняясь служебного рвения и понимания. – Вы, ньора, знаете, какие у нас в квартале порядки приняты?

– А вы мне не расскажете, ньор?

На столешницу рядом с лорином лег еще и серебряный дарий. Все правильно. Лорин пойдет на всех, а за информацию дария более чем достаточно.

– А и расскажу, – согласился ньор Пизано. Что ж и не рассказать, если так убедительно просят? – Чтобы стража приглядывала за домом, ньора, нужно уважение к страже проявлять. В жилые дома стража сама заходит, к праздничкам, значит, хозяев поздравить, ответные слова выслушать. Доброе слово и уважение – оно ж и кошке приятно. А у вас вот никто не живет?

Мия кивнула. И раз так явственно намекают, поинтересовалась подробнее:

– А велико ли уважение?

Кончик пальца ньора Пизано коснулся лорина:

– Вполне достаточно.

– И к каким праздникам его проявлять стоит?

– Так к Великим, понятно. Рождество, Пасха, Петр и Павел и Покров.

Мия подумала, но недолго.

– Њор Пизано, давайте считать, что к Рождеству я его уже проявила. А так – заходить буду, подарочком кланяться?

На столешницу лег еще один лорин.

Њор Пизано даже и не задумался:

– Оно конечно, ъора. Скажите, а найти вас как можно будет, коли случится чего?

Действительно, а как? Давать страже любые следы Мия не собиралась. Они не то что за лорин ее продадут и выдадут – за дарий паршивый. Отношение своих учителей к стражникам она уже переняла и доверять никому не собиралась. Поэтому...

– Њор, я ведь тоже в городе-то не живу. Дорого мне в столице, в деревне всяко дешевле. Давайте я заходить буду али пришлю кого? Может, и тоже с подарочком?

– Ну, присылайте, ъора. По другим сменам я про вас тоже скажу, чего ж не помочь хорошему человеку?

Ага, за четыре-то лорина в год? Хоть и поделено будет на всех, но так и так это много. Это ведь с дома, а домов в квартале много, приличная прибавка выходит к жалованью.

Ладно, деньги есть, а теперь и домик будет. Мия решила при случае, как будет время и возможность, его подремонтировать. И тут же спросила об этом ъора:

– Њор Пизано, а вот если почистить, побелить, покрасить, подновить? Я-то без мужа век горюю, вот и не знаю, кого бы просить.

– А вы как решите, так обращайтесь. Вот у Паоло свояк занимается, – махнул рукой ъор. – Чутьочку дороже выйдет, но сделают как для себя. Опять же и приглядывать не придется, сами присмотрим...

Это Мию более чем устраивало. Но не сейчас, кой дурак зимой ремонт делает?

– Как хорошо-то, ъор Пизано! Так я по весне и загляну. Денег подкоплю, с праздничком Святой Пасхи вас поздравлю, а там и поговорим?

– Конечно, ъора Феретти! Рад буду!

Мия дружески распрощалась со стражей и вышла из участка.

Вот и отлично, вот и ладно! У каждого хищника должна быть запасная нора! Она и будет! А замки Мия сейчас купит, да и поменяет. Сама.

Адриенна

Больше гостей Адриенна не ждала. Зима шла своим чередом, принося праздники и метели, маленькие бытовые горести и радости.

Дан Марк и эданна Сусанна не отлипали друг от друга. Да и что еще зимой делать?

Читать?

Так эданна не любительница.

Ушли в прошлое длинные уютные вечера с отцом, за шахматной доской или нардами. Ушли в прошлое неспешные беседы.

Вечера дан Марк проводил у себя в спальне.

Сначала Адриенне было грустно, потом постепенно... свято место пусто не бывает.

Дан Рокко играть не очень любил, предпочитал книги... Джачинта обожала вышивать, как оказалось, а вот малыш Анжело был как раз в том возрасте, когда игры и осваивают. Адриенна научила его, и теперь они азартно сражались друг с другом.

Леонардо обычно тоже приходил в библиотеку, занимал кресло в углу, брал бутылку вина и потягивал весь вечер. Не ради напиться. Просто для настроения, как он сам объяснял. А поскольку за вечер у него уходило не больше кубка-двух, никто и не придирался.

Иногда юноша брал с собой лютню и перебирал струны. Получалось у него не слишком хорошо, но и тонких ценителей здесь не было. Вообще, Леонардо серьезно начал ухаживать за Адриенной.

Букетики цветов у двери.

Сладости с кухни.

Это его присутствие по вечерам, которое сначала было неудобным, а потом как-то незаметно и раздражать перестало... Адриенна и сама не поняла, как из категории «ненавижу» Леонардо переполз в список «терпимо». Приятным его присутствие пока еще не было, но, похоже, парень не терял надежды.

Иногда он рассказывал о своей жизни в столице. Подключались дан Рокко, Джачинта, которая тоже кое-кого знала, и Адриенне было интересно послушать. А то и поспрашивать. Ей там жить...

А не хочется.

Ей вообще хотелось растянуть это время. Тихие вечера, спокойная жизнь...

И – гости?!

Когда прибежал слуга, сообщив, что перед воротами стоит карета и отряд, человек в двадцать, и просят доложить хозяйке, Адриенна даже растерялась. Не ждала она никого! Ни сейчас, ни потом...

Вот еще ж!

Впрочем, узрев, кого принесла нелегкая, Адриенна поняла, что все хорошо. Это человека она не знала. А лошадь...

Черныша она узнала бы из сотни и сотни других коней. Да и араец ее узнал, заржал, приветственно вскинул голову.

Адриенна так из калитки и вылетела:

– Черныш!

* * *

Если у дана Каттанео и были какие-то сомнения, то при виде встречи Черныша и даны... надо полагать, СибЛевран, они попросту отпали, как хвост у ящерицы.

Конь и девушка отлично узнали друг друга. Более того, оба были рады.

Адриенна гладила умную шелковистую морду арайца, а тот норовил поддеть ее храпом, как бы говоря: а ты теперь на меня погляди? Ух?!

Адриенна и глядела. И только потом соизволила обратить внимание на карету.

Дан Антонио выбрался из дверцы и подошел здороваться:

– Дана СибЛевран?

– Да. Дан Каттанео?

Мужчина и девушка переглянулись и обменялись веселыми улыбками. Все тут было понятно. Черныш же!

– Дан Антонио Каттанео. К вашим услугам, дана СибЛевран. Всегда – к вашим услугам.

Адриенна улыбнулась:

– Что вы, дан! Сейчас ворота откроют, мы рады будем видеть вас в гостях. Только вот...

Антонио правильно понял ее взгляд, обращенный на охранников:

– Своих людей я отправлю в деревню. Пусть там останавливаются. Дана СибЛевран, ньор Лаццо рассказал мне о вашем поступке. Я так благодарен вам за Черныша...

Адриенна покосилась на карету, удивляясь, что дан не едет верхом. При таком-то коне! Антонио добродушно рассмеялся и похлопал Черныша по лоснящемуся крупу.

– А как? Дана, этот ревнивец не желает доверять меня чужим коням, а ехать на нем постоянно уже я не готов. Черныш еще недостаточно окреп.

Конь недовольно всхрапнул, показывая, что не просто окреп! Он вообще о-го-го! Это хозяин чего-то не по тому поводу переживает, а Черныш-то лучше всех из лучших...

Адриенна прищурилась на него:

– Как это он вообще согласился Бьянку оставить?

Дан Антонио выглядел как счастливый дед.

– Так жеребая Бьянка.

Дана СибЛевран только головой покачала:

– Черныш! Ну, ты герой! Ох, дан, а вот и ворота...

Ворота открывались медленно, но верно. Большая часть отряда, шестнадцать человек, отправились в деревню. Остальные последовали за даном Каттанео.

Адриенна еще раз погладила Черныша и метнулась отдавать приказания. Хорошо, в кладовой запасы есть! А то поди прокорми всех гостей!

* * *

Вечером в общем зале было шумно и весело.

Дан Каттанео так хвалил и благодарил Адриенну, которая вернула ему Черныша, самого лучшего коня на земле, что даже дан Марк

оттаял. Хотя белую кобылку так дочери и не простил.

Зараза у него, конечно, доченька! И когда только успела?

Но – победителей не судят.

Опять же дан Каттанео приехал в гости не с пустыми руками. Он позаботился навести справки о СибЛевране и запаса подарками для всех живущих в замке. Еще и впрок прихватил, между нами говоря. Лишними подарки не бывают, полежат в карете, в сундуке, а как понадобятся – так и вот! Есть они! Сейчас принесут.

Дану Марку достался дорогой кинжал из булатной стали. Чуть похуже, но тоже очень качественный – для Леонардо. Эданна Сусанна прикидывала к себе отрез коричневого бархата с золотыми нитями и откровенно любовалась своим отражением. Хороша! Рокко Вентурини получил в подарок шикарную книгу. Правда, светскую, сборник пьес в переводе Доренни. Но какая разница? Если дан обожал книги до слез?

Что до Адриенны...

– Дана, я хотел бы подарить вам жеребенка от Черныша и Бьянки. Но...

– Но вы понимаете правильно. Это слишком дорогой подарок. И я не смогу его сохранить в нашем климате, – согласилась Адриенна.

– Поэтому я привез то, что может вам подойти.

Седло было шикарным. В таком и королеве ездить не зазорно. Удобное, легкое, изящное, с богатой отделкой... хоть ты на водовозную клячу надень! И та в нем заиграет!

Вот этот подарок Адриенна приняла. Это седло, предмет неодушевленный! Его можно возить с собой, можно оставить, оно страдать не будет. А араец...

Нет, Адриенна не считала, что может отвечать за живое существо. С собой бы разобраться, а то кто знает, что ждет ее завтра? Через пять лет?

И брать ответственность за кого-то еще?

С нее хватит и Джачинты с Анжело!

* * *

Утром дан Каттанео спустился в общий зал. Настроение было чудесным, самочувствие тоже. Вчера он прекрасно провел время,

убедился, что съездил не зря, да и... Чернышу тоже полезно! В поездке конь постепенно тренировался, восстанавливал силы, укреплял ослабевшие мышцы и при этом не перетруждался. В самый раз!

Дана Адриенна тоже оказалась чудесным человеком, ее отец был весьма любезен, все было просто прекрасно. Да и вообще, стоит поддерживать знакомство.

Неважно, что они далеко живут.

Люди дана Антонио уже успели побывать на конюшне и шепнули на ушко дану, что стоит подружиться. Мол, лошади – чудо! Те, что на продажу, так тоже... не арайцы, конечно, но сразу видно – крепкие, неприхотливые, умные. Себе таких купить за радость будет!

Будем дружить!

Дан Каттанео устроился за столом и махнул слуге, привлекая внимание. Тот сразу же засуетился.

Овсянка была выше всяких похвал, масло, мед, ветчина, сыр, свежесдобитый хлеб... да, без особых изысков, но принимали здесь замечательно.

– Мама, а дядя вчера приехал?

– Да, Анжело.

– Мамочка, а овсянка будет?

– Да.

– С медом?

– С медом.

Дан Каттанео оглянулся. И – остолбенел.

К столу подходила самая очаровательная женщина из всех, которых он видел.

Или нет? Просто самая очаровательная женщина?

Или – та самая женщина? Единственная и неповторимая. Которая может и не встретиться мужчине, и тогда... тогда его жизнь прожита зря. Но вот она здесь. И Антонио смотрит в ее глаза – и тонет, тонет, забывая себя.

Хрупкий рыжеволосый эльф в сером платье. И с синей лентой в волосах.

И мальчик – тоже с синей лентой.

Это... это то, что он думает? Антонио неловко встал из-за стола, едва не опрокинув на себя миску каши, и поклонился:

– Эданна?

– Джачинта Леони, дан. Мой сын, дан Анжело Леони. К вашим услугам.

– Что вы, эданна! Это я готов в любой момент... то есть... к вашим услугам... и вашего сына...

Язык решительно путался, заплетался и молотил какую-то чушь, но Джас решила не обращать внимания на такие мелочи:

– Я рада знакомству, дан?..

– Антонио Каттанео. Дан Каттанео...

– Дан Каттанео. – Его имя звучало на ее губах словно музыка. И Антонио млел.

Почему он не увидел ее вчера? Она только приехала?

– Вы... мы не виделись вчера, эданна?

– Анжело чуточку приболел, мне пришлось сидеть с ним, – улыбнулась Джас. Мужа своего она любила. И сына любила тоже. Поэтому и об истинной причине болезни умолчала.

А если уж честно – не приболел. Просто обожрался.

Леонардо ухаживал, как это принято при дворе, цветы, сладости... только вот Адриенна сладкое не любила. Вообще.

Вот кусочек мяса она бы сгрызла в удовольствие, особенно копченого, а сладости – далеко не всегда. Поэтому все они отправлялись Анжело. Малыш был доволен и счастлив – и лопал так, что за ушами трещало. Но порции-то были рассчитаны на Адриенну! Ребенок попросту обожрался. Но говорить о том, что его вчера пробрал понос, было как-то некорректно.

– Может быть, нужен лекарь? Или какие-то травы? – Дан Антонио готов был пешком бежать до города, лишь бы быть полезным.

Джас улыбнулась:

– Благодарю, дан. Все уже в порядке, так, легкое недомогание. И он больше так не будет, да, Анжело?

– Да, мама.

Определенно будет. А чего те засахаренные груши были такими вкусными? Но об этом лучше умолчать... пока. А то мама по попе надаст.

А сейчас овсянка...

И в нее можно только мед. А варенье? А масло? А...

Но мама строго погрозила пальцем. И была права, кстати говоря. После вчерашнего Анжело пару дней стоило пожить без излишеств.

Анжело надулся и полез за стол. Джас подсунула под него подушку.

Дан Каттанео улыбнулся, глядя на все это. И вдруг подумал, что рыжина... и его дети могут тоже быть рыжими. И ему это... нравится?

Определенно!

Ему. Это. Нравится.

– Скажите, эданна, а вы гостите в замке? Вы подруга эданны Сусанны?

– Нет. Я дочь дана Вентурини и личная гостья даны СибЛевран, – чуточку резко ответила Джачинта.

– Простите великодушно. Я не знал...

Антонио прикинул, что у него еще есть с собой. А было, было... так что он подозвал одного из своих людей и шепотом отдал приказание. А сам принялся расспрашивать эданну.

Джас отвечала.

Про Бартоломео она, правда, не рассказывала. С ее слов получалось, что после смерти мужа, после того как от чумы сошел с ума ее деверь, она приехала к отцу. А куда же еще?

Дана СибЛевран оказалась добра и благородна, она приютила Джас.

Антонио подумал, что, видимо, не все так гладко в семье. И решил потихоньку выяснить, что именно не так между даной и эданной.

А пока овсянка. И...

* * *

Долго ждать не пришлось.

Слуга метнулся вихрем, но Антонио кивком отправил его к двери. Не дарить же подарки за столом?

А вот потом, после завтрака...

– Эданна Леони, я умоляю вас принять от меня скромный подарок!

– Но... дан!

– Я привез подарки всем, кто живет в доме.

– Вашего коня спасла дана Риен. Меня и близко здесь не было.

За завтраком Антонио рассказал про Черныша. И пообещал Анжелю дать покататься.

В уме арайца дан был уверен. Раньше он на Черныше детей не катал, но... Черныш вреда мальчику не причинит! Это уж точно! Умен его конь настолько, что людям бы впору.

– Эданна, согласитесь, это несправедливо. Если я подарю подарки всем, кроме вас и вашего сына, я буду чувствовать себя ужасно.

Джас пожала плечами:

– Мы для вас ничего не сделали. Мы просто гости.

– И тем не менее. Прошу, примите?

Жест слуге, и на колени даны Леони легла ткань. Легкий кремовый шелк. Идеально для нижнего платья, но и верхнее из него можно сшить, смотреться будет потрясающе...

Джас невольно ахнула. И дан Антонио переключился на мальчика:

– А это тебе. Только попроси научить с ним обращаться.

Кинжалов он с собой захватил аж шесть штук. Этот был самым маленьким и самым богато украшенным. На женскую руку. Или – на детскую.

Глядя в сияющие глаза Анжелю, Джас не нашла в себе сил забрать подарок.

– Дан, разве так можно?

– Радовать ребенка? Нужно!

И Джачинта невольно улыбнулась убежденности в словах дана Антонио.

Нужно так нужно... и вообще, этот дан симпатичный. И улыбается так... хорошо.

Губы женщины невольно дрогнули в ответной улыбке. Первый шаг был сделан.

Мия

– Разве не стоит подождать до лета?

– Поверь, Мия, сейчас самое подходящее время.

Мия пожала плечами, глядя на море. С ее точки зрения, самое подходящее время все равно было летом. Не холодно, штормов нет...

– Это связано с ветрами и течениями, – объяснил ей Джакомо. – Смысл в том, что в феврале ветра начинают дуть с континента и до Девальса можно доплыть быстрее. А шторма, наоборот, самые сильные по осени. И, как ни странно, в апреле.

– Почему?

– Тоже связано с ветрами. Поэтому самый подходящий сезон, чтобы выйти в сторону Девальса, – ранняя весна или поздняя зима. А вернуться как раз в июне, летом. И ветра будут попутные, и шторма прекратятся, и основной сезон ярмарок скоро наступит... не весной же торговать? Это для других, тех, кто с зерном-овощами ездит, а Фредо по другому товару специалист.

Мия задумчиво кивнула:

– Да, наверное.

– Просто тебе не хочется отпускать Энцо в плавание.

– Не хочется. – Какой смысл лгать? Все равно и так понятно.

На земле она, конечно, тоже много чего не контролирует. Но на воде оно и вовсе уж... там течения, ветры, шторма, а еще пираты! И с ними Мия ничего не сделает. Гр-р-р-р-р!

– Фредо не первый раз посылает на Девальс корабли.

– Меня это не успокаивает.

– А еще... Мия, дай Энцо повзрослеть. Он должен приобретать свой собственный опыт.

– Да неужели? – фыркнула Мия.

– А как еще мальчику становиться мужчиной?

– Я предполагала, что это не там делается, – спохватила дана Феретти.

Дан Джакомо фыркнул в ответ:

– Если ты о борделе, так я его отведу в свое время. Но пока у него первая романтическая любовь.

– Здоровее будет.

– Я тоже так думаю. Отпусти, Мия. Так надо. Мальчики должны становиться мужчинами, приобретать жизненный опыт, брать на себя ответственность...

– Я все равно за него боюсь.

– Идет несколько кораблей. И Лаццо далеко не беззащитны, уж ты мне поверь.

– Правда?

– Да.

Мия только вздохнула.

Она могла устроить скандал. Могла кричать, могла делать что угодно – а толку? Энцо останется дома, допустим. Она поговорит с Марией, та с супругом, Фредо послушается, и Лоренцо никуда не поплывет. Это реально, это возможно.

А Энцо простит старшей сестре такие выходки?

Вот Мия бы не простила, если бы так поступили с ней. Раньше бы – даже не заметила. А вот получив у Джакомо своеобразную, но свободу...

Попробуй сейчас запри ее!

Порвет на ленточки и тряпки!

Энцо придется ехать. А ей... ей придется ждать. И заодно научиться молиться.

Нет, Мия знала молитвы и ходила к причастию, но сейчас уже сильно подозревала, что Бог... а есть ли ему дело до их молитв? Кто ж его знает... точно не Мия.

И искренности в ее словах оставалось все меньше и меньше.

А вот за брата...

Она будет молиться. Искренне. До глубины души.

Ничего нет хуже, когда любимые и родные далеко от тебя, и помочь ты ничем не можешь, и ничего от тебя не зависит. И спрятать бы у себя под крылом, обогреть, защитить... да вот беда! На всю жизнь не наздравствуешься. Вырастет эгоистичное бессмысленное существо, ленивое и вялое... кто хочет такой судьбы любимому брату? Уж точно не Мия.

Пусть едет.

А она будет молиться за Лоренцо Феретти. Пусть Бог хранит его и приведет живым домой. Пусть сохранит...

* * *

Бог-то Бог...

Как ноги занесли Мию в церковь? Она бы им сама не ответила.

Вроде бы и знала, что Бог ее не услышит, что она оборотень, перевертыш, метаморф – называй, как хочешь, а все неизвестно, чье

творение, – что она убийца, что воровка...

Заповеди она нарушила... какие?

Да практически все. Разве что чужих ослов и рабов не желала. А так...

И что?

Энцо-то ничего не нарушал...

Вот и сидела Мия на скамейке в храме, вот и слушала певчих. И в душе ее царил раздрай и хаос. Тошно ей было, тяжело и горестно.

Брат уплывает.

Она ничего о нем знать не будет. Помочь не сможет.

Случись что – и отомстить не сумеет.

И как тут оставаться спокойной?! Мало ли что Джакомо говорит! Да хоть бы и с утра до вечера стихи он декламировал! Чушь это!

Понимаете – ЧУШЬ!

Ему Энцо не важен и не дорог, ему даже Мия важна как источник денег. А уж мальчишка-то...

Вернется, не вернется – какая разница?

К причастию Мия подошла. Но, видимо, лицо у нее было такое, что священник легонько коснулся ее руки:

– Задержись, дочь моя. Мне кажется, тебе нужно с кем-то поговорить?

Мия вскинула на него глаза.

Старый уже... сколько ему лет? Весь седой, сгорбленный, высохший, словно щепка. А вот голубые глаза светятся чем-то таким... надмирным.

Верой.

Это называется – искренняя вера в Бога. То, что Мия утратила еще в день смерти отца. Сломалось что-то... и не починешь уже, не залатаешь. Но почему бы и не задержаться? Что она теряет?

Мия отошла в сторону, села на скамейку и ждала, пока падре не отпустит последнего прихожанина и не подойдет к ней.

– Дана, поговорим?

– Вы хотите услышать мою исповедь?

Священник покачал головой:

– Нет, дана. Вы не хотите исповедаться. В вашей душе нет для этого решимости и уверенности. Но мне кажется, вам очень надо с кем-то поговорить.

Мия только вздохнула:

– Надо. Падре...

– Ваккаро. Норберто Ваккаро.

– Мия Феретти, – представилась Мия. Пес с ней, с известностью.

Лицо она сегодня нацепила мамино, но эмоции-то на нем принадлежали Мии!

– Что вас настолько гнетет, дана Феретти? Вы сама не своя, это видно.

– На днях уезжает мой брат. Отправляется в путешествие на корабле.

– И вас это тревожит?

Мия качнула головой:

– Я не могу защитить его. Я не смогу даже узнать, что случилось.

Если случится, конечно.

Священник только головой покачал:

– Дана, дана... это мужчины должны вас защищать!

Мия фыркнула. Непочтительно, конечно, но ведь это – не исповедь! Чего стесняться?

– А мы их – не должны?

– Вы можете ждать, молиться, любить...

– Я так не умею.

Священник медленно кивнул.

Да, с таким он тоже сталкивался. Очень деятельная натура. Очень умная, очень сильная, очень своеобразная... Он с такими сталкивался. И иногда видел, как они превращаются в проклятие для своей семьи. Если не смогут смирить куриный инстинкт и отпустить птенцов в полет.

– Вы не хотите его отпускать, дана?

– Не хочу. Но отпущу.

Эта – не превратится. Уже хорошо.

– Что вас так гнетет? Что вы не сможете его защитить? И все?

Мия кивнула:

– Не смогу. Я даже молиться не смогу, падре. Я грешница, и Господь меня не услышит.

– Дана, он всех своих чад слышит. Не сомневайтесь...

Мия покачала головой. Ей было больно, больно...

– Падре, если бы я знала, что так сложится... я готова хоть на коленях вокруг столицы проползти, но лишь бы это помогло! Но ничего, понимаете, ничего не поможет!

– Вам – или ему?

– Мне? Почему мне?

– Вам ведь тоже будет плохо.

– Да, но это не так важно. Я не хочу, чтобы что-то случилось с моим братом, вот и все...

Падре вздохнул. И погладил Мию по голове, словно маленького ребенка.

– Скажи мне имя брата, чадо. Я помолюсь за него. Если ты уверена, что тебя не услышат, я помолюсь.

– Дан Лоренцо Феретти. Сколько я буду должна?

Падре Ваккаро погрозил Мие пальцем:

– Как ты себе это представляешь? Платить за молитву?

– Обыкновенно, – буркнула девушка. – Берут же...

– То другое. А я просто помолюсь за твоего брата. И все будет хорошо.

– Правда?

– Господь видит и тебя, и меня... и слышит наши слова, и наши сердца. Верю, все будет хорошо. А вот это – твоему брату.

Падре расстегнул цепочку и снял с шеи крестик.

Самый обычный, простой, медный, даже не особенно хорошо откованный, разве что на цепочке.

– Говорят, он хранит в бою. Я не воевал и воевать не буду, детей у меня нет... отдай его своему брату.

– Но падре...

– А решишь мне за него заплатить – уши надеру. Не посмотрю, что взрослая и дана. Я-то всяко старше.

Мия медленно кивнула:

– Благодарю вас, падре.

Крестик она зажала в кулаке так, что края впились в ладонь.

– Я знаю, чадо, это не принесет мира в твою душу. Не успокоит, не утешит. Но ты можешь сделать хоть что-то.

– Верно.

– А еще... приходи сюда, когда будет плохо. Я не смогу сделать многое, но молиться буду и за твоего брата, Лоренцо Феретти, и за

тебя, Мия Феретти. От всей души.

– Благодарю вас, падре.

Руку священника Мия поцеловала по доброй воле. И из церкви выходила чуточку спокойнее. Ну хоть что-то она сделала? Ведь правда же?

А падре смотрел ей вслед и качал головой.

Бедная девочка.

Кажется, она моложе, чем выглядит. И за брата переживает искренне. И чем ей тут помочь?

Только молиться. И он будет молиться за этих людей, от всей души... пусть Господь сохранит Лоренцо Феретти и Мио Феретти, пусть приведет их корабли в тихую гавань.

Пусть...

Небеса привычно молчали, но падре это не смущало. Он точно знал, что к молитве от сердца всегда прислушаются. А остальное...

Вы просто не верите в Бога. Вот и все. Иначе никогда бы не сомневались ни в молитве, ни в его промысле. Падре и не сомневался.

И привычно опустил на колени перед алтарем.

Крестик?

Потом новый себе купит... неважно. Господь и без креста услышит, и даже без рясы... да и без одежды тоже. Тем паче что первых людей сотворили нагими.

– Господи Милостивый, Богородица Милосердная...^[6]

* * *

– Мия, это так интересно! Ты знаешь, что вон та мачта – грот? А та – бизань.

– А та веревка?

– На корабле веревок нет. Только концы.

Мия пожала плечами.

Ладно, если Энцо это нравится, пусть. Пусть едет, пусть... он на корабле не юнга и не матрос. Но обещал выполнять все приказы капитана. И по поручениям будет бегать, и вообще...

Просто пока не ясно, есть у него морская болезнь или нет. У Фредо она, кстати, была. Да такая, что бедолага даже вдоль побережья

на шлюпке не ходил. Его от одного вида моря мутило. А вот Паскуале хоть бы что!

Хоть какие шторма подавай! Все в удовольствие! И кушает, и по палубе бегает...

Мия придержала братца едва ли не за уши:

– Стоять!

– Да...

– Это – тебе.

Крестик падре Ваккаро Мия надела на шею Энцо в одно движение. Парень даже смутился чуточку:

– Но... у меня есть, вот образ Божьей Матери...

– Вот и еще будет, – отмахнулась Мия. – Лишним не будет. Его мне хороший человек отдал, говорят, в бою он помогает. Не снимай, пожалуйста.

Энцо кивнул:

– Обещаю, Миечка. Не переживай так, я вернусь!

Ладно, если сестре так проще.

Мия всхлипнула, перекрестила его, но не заплакала. Справилась с собой.

– Храни тебя Господь, Энцо. Я буду за тебя молиться.

– Хорошо, сестренка...

Энцо даже почувствовал облегчение, когда дядя Джакомо увел Мию на берег. Паскуале кивнул капитану, тот дал команду отплывать...

Вот и берег растаял, и фигурка сестры, которая до последнего махала ему платком с причала.

И город... осталось только ОНО!

Море!

Чудесное синее море!

Разве это не повод для восторга? И ветер, и волны, и... ой?

Энцо ощутил подозрительное шевеление в желудке. Одно, второе... потом желудок как-то дернулся и пополз к горлу...

Хорошо, что Паскуале был опытным моряком и ловко забросил дана Феретти к подветренному борту. Заставил вцепиться в снасти, наклонил над морем...

В каюту Энцо уползал, будучи приятного зеленоватого цвета. Паскуале только головой ему вслед покачал. Ладно, сейчас почти

штиль. Дней пять посмотрим, а там...

Кто-то может ходить на корабле, кто-то не может. Конечно, корабль ради Энцо никто возвращать не станет, но если что – это будет его первая и последняя поездка. Вытерпит как-нибудь...

Пойти спросить у капитана какого снадобья от морской болезни, да и принести мальчишке. Пусть хоть что выпьет – если в желудке задержится.

Жалко.

Адриенна

– Дан Каттанео, вы желанный гость в моем доме. Но я полагаю, что имею право получить объяснения?

Антонио смотрел на Адриенну и дана Вентурини. Те смотрели на него – и без всякой улыбки.

М-да.

Нарвался.

И прекрасно знает, отчего и почему. Но ведь он и ответить может! Он не просто так!

– Дан, дана, я могу все объяснить.

– Будьте так любезны, – кивнул дан Рокко.

Адриенна тут была для поддержки. А что вы хотите?

Приехал гость на три дня, а задержался уже, считай, на месяц. Даже больше уже, февраль идет! И не из-за коня. И не из-за снегопада – нет того снегопада!

Зато распутица скоро начнется... повод пожить до лета!

Почему?

Потому!

Видишь дана Каттанео? Можешь смело искать глазами Джачинту!

Видишь Джас? Можешь дана Каттанео даже не искать, он тут. А Анжело у него с рук вообще не слазит! И что тут происходит, простите?!

Это кому другому она эданна Леони, а дану Рокко – дочь! И внук, кстати говоря, тоже его! Любого, кто будет играть их чувствами, дан разорвет и сожрет. И не задумается. Будь там хоть его величество!

Антонио не боялся. Он смотрел дану Рокко прямо в глаза:

– Дан Рокко, я люблю вашу дочь. Я хочу на ней жениться.

Адриенна хлопнула в ладоши. Не удержалась:

– Я так и думала! Дан Рокко, с вас лорин!

– Вы еще и спорили, дана? – чуть не оскорбился Антонио.

– Я же на вас ставила! – укоризненно посмотрела Адриенна. – Я была твердо уверена, что вы любите Джас. А вот дан Рокко сомневался, он при дворе такого насмотрелся! Совсем от порядочных людей отвык! Кругом одни придворные, тут поневоле о людях плохо думать начнешь!

Антонио еще раз качнул головой:

– Дан Рокко, я бы хоть завтра женился. Но ведь эданна пока еще в трауре?

– И в трауре. И... я не уверен, что она вас любит.

– Я тоже в этом не уверен, – поник Антонио. – Я знаю, что мое общество не вызывает у нее отвращения, но...

– Любит она вас, любит, – отмахнулась Адриенна. – Просто боится. И вообще, ей тяжело пришлось. Вы ее не торопите, она сама к вам придет.

Вот это, судя по всему, было невыполнимым требованием.

– Мне... дана, я понимаю, что злоупотребляю вашим гостеприимством... я готов возместить...

Адриенна только головой покачала:

– Дан Каттанео, не надо о грустном. Просто сейчас вы от Джас ответа не дождетесь.

– Скорее уж она сбежит, – кивнул дан Рокко. – Она не так давно потеряла мужа, она боится и себя, и вас, и жизни... ей надо время.

– А сколько?

Тут уж пришлось развести руками всем и разом.

Сколько? У всех раны заживают по-разному. Кому-то и года не хватит, кому-то и сорока лет.

Как ни странно, решение приняла Адриенна. Или это просто потому, что она женщина?

– Даны, я считаю, что Джас надо дать время на размышления. К примеру, вам, дан Каттанео, надо съездить домой. А летом дан Рокко обязательно должен будет вас навестить.

– Да, я хотел у вас купить несколько коней, – кивнул Антонио.

– Вот, видите? Если он возьмет с собой Джас и Анжело...

– Лучше я пришлю карету. И охрану, – тут же сообразил Антонио. – Мне так будет спокойнее.

– Вот, уже все и замечательно складывается. Летом они к вам съезжают, осенью ярмарки пойдут, обязательно встретимся... а к зиме, глядишь, и помолвка последует?

– Я бы хоть сейчас, – честно сказал Тоньо. – Но я понимаю, что сейчас я только напугаю и спугну эданну.

Собеседники подтвердили его слова кивками.

И напугаешь, и спугнешь... после Бартоломео она от собственной тени шарахаться готова.

– Тогда... я еду через два дня, – решил Тоньо. – Но...

– Но вы возьмете с нашей голубятни несколько голубей? – уточнила Адриенна.

– Можно?

– Разумеется. И привозите в следующий раз своих.

– Я пришлю с гонцом. Так можно, дана?

– Я думаю, если вы еще и подарок для Анжело пришлете, он будет принят с благосклонностью, – кивнул дан Рокко. – Только в меру.

Тоньо просиял.

Что ж!

Его одобрили, он может ухаживать за любимой женщиной, он приедет еще не раз... Помолвка к зиме?

А свадьба тогда весной?

Он согласен! Заранее! И на все!

* * *

– Черныш – прелесть! Правда?

Джачинта всхлипнула:

– Д-да...

Анжело ревел в голос. Ему совершенно не нравилось, что уехал дан Антонио... то есть дядя Тоньо! Он хороший!

И жеребенка ему обещал подарить, только чуть позднее...

– Мам! А когда дядя Тоньо опять приедет?

Джас снова хлопнула носом. Адриенна прикусила губу, скрывая улыбку.

Так-то. Вроде бы и букетов нет, и сладостей, а Джачинта уже плачет. И Анжело тоже...

– Н-не знаю...

– А ты к нему съездить не хочешь? – голосом того самого гада-искусителя поинтересовалась у мальчика Адриенна.

– Я?

– Ну да. Вы с мамой. Дядя Тоньо уехал, потому что у него дома дела. И распутица скоро, он бы тут надолго застрял. А еще он хотел купить у нас коней, но они пока молодые... вот летом бы к нему лошадей и отправить? И вы с мамой съездите, и дан Рокко тоже... посмотрит, оценит...

– Что – оценит?

– Чем торговать, конечно, – удивилась Адриенна. – А вы о чем подумали, эданна?

Эданна еще раз хлопнула носом:

– Ну... да.

– Вот и отлично, – заключила Адриенна. – Съездите вместе. Кстати, Анжело, у Черныша как раз сынок родится, посмотришь на него...

И ушла, не мешая Джас лить слезы без свидетелей. А что?

Цени, что имеешь! Цени!

А там и свадебку сыграем? Уж от поездки Анжело матери точно отказаться не даст. Там же Черныш! И жеребенок! И дядя Тоньо... не отвертится Джас! Точно – окрутим!

Лоренцо

Пираты!

Бич морей, гроза купцов...

И на их корабль! Нет, ну не гадство ли?!

Паскуале примерно так и подумал, обнаружив на горизонте корабль под черным флагом^[7].

И опрометью кинулся к капитану.

Пираты же! Это или уходить, или драться... но ко всему надо быть готовыми! Не военный у них корабль, чего уж там! А еще шторм, который отбил «Голубку» от стаи... так-то они бы остальных нагнали, и достаточно быстро, но сейчас – сейчас им никто помочь не сможет.

Тот уже все видел и осознавал.

– Боюсь, ньор, нам не уйти. Моя «Голубка» перегружена, у пиратов корабль легче, и ветер им помогает.

– Драться?

– Только драться.

– Что вы планируете?

– Прикажу людям вооружаться. Лягу в дрейф, просигналю, что сдаюсь, нападём, когда пираты перейдут на наш корабль. А они перейдут – большей частью. Я уверен.

– Думаете, сработает?

– Другого шанса у нас точно не будет. Или так – или абордаж.

Паскуале кивнул и помчался уже к Энцо. Объяснять, что ему на палубе не место. Предстоит сражение с пиратами. Еще пришибут...

– Меня?! Дядя!

Неизвестно, что бы сказал Энцо, но Чезаре не дремал. Подошел, положил руку мальчику на плечо:

– Мы приглядим, хозяин.

– Да уж, пожалуйста. Чтобы и духа его на палубе не было!

Чезаре переглянулся с Леоне – и мужчины дружно кивнули.

– Как скажете, ньор.

С тем Паскуале и ушел. А Энцо посмотрел на мужчин, с которыми успел достаточно тесно сойтись:

– Чезаре! Леоне! Я же...

– Ты сейчас проверяешь оружие. Одеваешься так, чтобы не стесняло движения. Кираны на тебя нет, но вот это – есть.

На плечи Энцо легла кольчужка.

Тонкая, легкая, он в ней тренировался с саблями. И на корабле, кстати, тоже. Чезаре настаивал.

Понятно, от всего она не защитит, но фехтовать можно более-менее безопасно, уколы обозначать тоже, да и весит она соответственно. Своего рода тренировка с нагрузкой.

– Я... буду? – посмотрел Энцо.

– Будешь, – кивнул Чезаре. – Мы будем тебя прикрывать, но тебе это тоже надо. Ты пока еще никого не убивал.

Энцо и не особенно-то хотелось. Но...

– И что? Если не убивал?

– Вот и научишься, – пожал плечами Чезаре. – Невинных здесь не будет, море все спишет, еще три клинка лишними не окажутся, а если что... Лучше умереть как воин, а не быть зарезанным как баран.

Леоне кивнул.

По сравнению с Чезаре он был достаточно молчаливым. Но считаться с ним стоило.

Энцо тоже кивнул:

– Хорошо... сейчас.

– Кольчужку под одежду, – рыкнул Чезаре.

И направился к себе в каюту, кивнув Леоне. Потом тот переоденется.

Да, вот так! Кольчуга была и у Чезаре. От арбалетного болта она, конечно, не спасет, ну так и нечего подставляться! И у Леоне тоже.

Иногда это очень удобно. Дорого, конечно, но они могли себе и не только это позволить. Лишь бы с даном все было в порядке.

А выбора все одно нет. От пиратов на шлюпке не удерешь, да и вплавь тоже бессмысленно. Сколько ты в мартовском море продержишься? Полчаса? Час?

Пожалеешь, что не сдох от клинка.

Спустя полчаса готовы были все на борту.

Корабли стремительно сближались. Опасно качались весы: какие жизни сегодня упадут с их чашек во тьму?

Горящими глазами смотрел на пиратский корабль Энцо. Чезаре дал ему слово, но и Энцо тоже пообещал, что вступит в бой, когда ему разрешат. Кольчугу он честно пододел, конечно, не на голое тело, это кому расскажи! Смеяться сутки будут! То, что кольчугу надевали под одежду – просто сверху ее еще прикрывали. Вот Энцо и прикрыл широким дублетом. Сразу не заметят, и это даст ему еще один шанс... наверное.

Страшно?

Нет, страшно мальчику не было. Кто же в двенадцать лет верит в свою смерть?

Никто.

И иногда Смерть это понимает. И уходит. Может, и в этот раз случится то же самое?

* * *

Капитан «Лихой Медузы», Марселло Гатто, взгляделся. Подозвал к себе помощника:

– Ченцо, ты этот корабль не знаешь?

Помощник тоже пригляделся. Сплюнул на палубу коричневой от жевательного табака слюной.

– Кажись, знаю. «Голубка» это... Купеческая.

– Это хорошо... на Девальс, интересно, или с Девальса?

– Интересно, – подтвердил Ченцо. Вопрос был определяющим. Если НА Девальс, им достанутся деньги, а то и купцы, которых потом выкупят. Если С Девальса – то товары, а их еще надо пристроить. И сами купцы, опять же. Лучше бы, конечно, НА Девальс. – Вроде как туда идут...

Марселло кивнул:

– Вот и мне так кажется. Глянь, как глубоко сидит? Оттуда они обычно не такими идут.

Ченцо тоже кивнул.

Девальс.

Остров, конечно, замечательный. Но железа там нет, руды нет, все металлическое приходится везти с материка, от гвоздей до мечей, да и остальное тоже...

Вино – там нет винограда.

Зерно – там сложно выращивать пшеницу.

Много чего еще везут на Девальс оборотистые купцы. А оттуда – предметы роскоши. Места они занимают частенько не меньше, а по весу легче получается!

Что тяжелее? Бочонок с гвоздями – или бочонок с кофейными зернами?

– Что ж. Тогда понятно. Убежать не смогут, захотят откупиться.

Ченцо хмыкнул и сплюнул еще раз.

– Пойду скажу ребятам, чтобы кольчуги нацепили и арбалеты взяли.

– Давай.

Капитан «Голубки» был не первым, кто думал обмануть пиратов. Но дураки в море долго не живут. Тем более в их промысле... Их рыбы быстро скушают.

Так что... доверяй, но с осторожностью. Человек десять с арбалетами Ченцо посадит. Если что...

Не впервой!

Мертвым купцом больше, мертвым купцом меньше...

Море – все спишет.

* * *

– Сближаемся.

Чезаре наблюдал за происходящим, стоя в дверях каюты.

«Голубка» убрала паруса и легла в дрейф.

«Медуза» подошла к ней вплотную – и полетели, связывая два корабля накрепко, абордажные крюки. Правда, пираты на палубу не посыпались.

Доля в добыче – оно хорошо. Но сейчас-то вроде как и без боя предлагают? Чего скакать бешеной макакой? Проще подождать чуток.

Капитан пиратов на палубу «Голубки» и вообще не перешел. Вместо него перепрыгнул Ченцо.

– Сдаетесь, сухопутные?!

Уго, капитан «Голубки» демонстративно поднял руки:

– Сколько вы хотите, чтобы пропустить наш корабль?

– Это зависит от того, что у вас есть, – хмыкнул Ченцо. – Давай сюда всех пассажиров и опишь груза! Покажу капитану, он и решит.

– Понятно, – кивнул Уго.

И это было сигналом, по которому свистнула первая стрела.

Подавился табаком Ченцо. Ему уже не получить двойной доли.

Вскочили и разом выпалили пираты. Но это как раз предусмотрел и капитан. На борту «Голубки» раздались крики раненых, но было их меньше, чем у пиратов. Все знали о сигнале, все попадали навзничь, и большая часть пиратских болтов свистнула мимо.

А потом на палубу «Голубки» хлынула темная волна.

Пираты немного обиделись и собирались отомстить и за помощника капитана, и в принципе. За вероломство!

Чезаре рвано выдохнул:

– Черт поberi!

И Энцо с ужасом увидел, что в плече воспитателя, охранника, учителя, а наверное, еще и друга торчит арбалетный болт. Короткий, черный...

Грязно выругался Леоне. Опустился на колени.

И ведь Чезаре упал вместе со всеми. Его на излете и клюнуло!

– Так... это надо ломать болт... насквозь он не прошел... будет больно.

Чезаре злобно сплюнул:

– Это ж надо! В мякоть угодил, тварь!

Кольчуга у него была облегченная, без рукавов, чтобы руками свободнее действовать. Вот и попало – в мякотку. Целился бы, так промазал!

Леоне кивнул Энцо:

– Живо сюда. Надо это вытащить будет и рану сразу перевязать.

Энцо, недолго думая, опустился на колени:

– Что делать?

– Что-что... на ноги ему ложись! Чезаре... прости.

– В рот что-нибудь дай, а то прощать нечем будет, язык откушу. – Чезаре огрызался вполне привычно. Хотя понимал, что дело дрянь.

Болт порвал какой-то крупный сосуд, и одежда быстро набухала красным. Может, он от этого и не помрет – сразу. Но от сильной кровопотери будет недееспособен. Надо срочно ее вытащить, перевязать... и то еще, как он сражаться сможет? Вот вопрос?

А надо.

Леоне сунул ему в рот первое, что попало, – сложенный вдвое ремень. Чезаре закусил его зубами и напрягся...

– Ай-й-й...

Там и кроме «ай-й-й» было много чего сказано. Но непечатное. Потому как Леоне резко надавил на болт, тот прошел через мягкие ткани, высунув острие с другой стороны руки, – и Леоне сломал наконечник одним движением сильных пальцев. А там и вытащил болт из раны.

Хлынула кровь.

Чезаре сознания не потерял, но матерился...

Энцо метнулся с перевязкой. Мазь, бинт, корпия...

– Сейчас я... минуто...

Да, этому его тоже обучили. Дану не подобает?

Энцо и думать-то про эти слова забыл. А сейчас вот вспомнил, всплыло откуда-то из памяти...

Ага, не подобает! А человек кровью пусть истечет, пока найдется тот, кто захочет и, главное, сможет перевязать его рану. Так, что ли?

Энцо действовал почти автоматически.

Пережать, прополоскать вином из фляги, приложить корпию с мазью, перевязать...

Леоне тоже не стоял без дела.

Он охранял.

Пираты постепенно занимали палубу «Голубки». С криками, гиканьем, воем... обнаженными клинками... конечно, и в них тоже стреляли, но потерь у негодаев было явно меньше.

С другой стороны, какая разница?

Сдохнуть волком – или сдохнуть бараном? Волком как-то приятнее. И кровь у врага вкусная...

Мысли не мешали Энцо перевязывать рану Чезаре. И руки по локоть в крови – тоже. Кровь и кровь, не видел он той крови, что ли?

Леоне шагнул вперед, зазвенели клинки, запели песню стали...

Недолго.

Настоящий бой не зрелищный. В реальном бою надо не фехтовать, а убивать, что Леоне и проделал. Стиллет в его ладони словно ожил, вылетел, клюнул пирата между ребрами...

Только вот на смену ему спешил второй, третий, завертелась смертельная карусель... Энцо закончил перевязывать друга и подхватил клинок.

Рукоять скользнула в ладони... кровь?

И кажется, на лице тоже кровь?

Энцо поднес ладонь к губам... доля секунды перед тем, как вступить в бой.

Царапина? Или нет?

Мальчик неосознанно слизнул с ладони кровь. Соленую... или сладкую?

А потом в голове словно черный шар взорвался. И больше Энцо ничего не помнил...

* * *

Паскуале понимал, что будет резня. Что шансы уцелеть у них невысокие. Но куда деваться?

Пираты же!

Крысы, подонки, отребье... договариваться с крысой? Ладно, крыса – животное умное, зря он ее так сравнил... а пираты – мразь со дна общества. Слова они не держат, захочется им позабавиться – и тебя просто протянут под килем. Раз, два, три...

Или к мачте прибьют, что тоже реально.

Или еще что хорошее сотворят.

Отдавать себя в руки этой нечисти? Вообще ума не иметь надо. Договоры с плесенью всегда кончаются победой лишь плесени.

Пусть даже капитана и матросов отпустят, что не факт. Может, «Голубку» захотят в качестве трофея. Но у Паскуале, во-первых, пропадет прибыль за рейс. Лаццо богаты, но это ж не повод все разбазаривать? А во-вторых, и он, и Энцо окажутся в полной власти негодяев. А полагаться на их милость...

Э, нет!

Лучше уж сразу сдохнуть!

План капитана идеальным не был. Но и бегать от пиратов... помрешь уставшим^[8].

Лучше уж выбрать момент там и тогда, когда им будет лучше. «Голубка» все равно не уйдет, дело все равно кончится абордажем и резней, так лучше сохранить силы матросов, всем одеться, вооружиться и встретить негодяев. Это правильно.

Но, как известно, план отдельно, а жизнь отдельно.

Конечно, первый залп получился удачным. Но пираты тоже посадили стрелков. И упало несколько матросов...

Паскуале скрипнул зубами.

Он неплохо владел коротким клинком и в палубной стычке свое место знал, но...

В том-то и дело, что между боем на корабле и боем на суше есть большая разница. На суше на тебя никто не нападет сверху. А вот корабль...

Мачты, ванты, которые преотлично используют пираты...

Еще один арбалетный залп!

И еще – на этот раз со стороны «Голубки».

А потом началась резня. Бессмысленная и беспощадная. Паскуале отбивался, понимая, что, кажется, им конец, где-то отдавал команды капитан, кто-то кричал рядом, из горла убитого им пирата выплеснулась алая кровь... для купца бой не был цельной картиной, скорее набором фрагментов... а потом...

Что произошло потом?

Паскуале даже сразу и не понял, что происходит, когда рядом раздались крики ужаса.

* * *

Леоне Каздеи к смерти относился спокойно. Те, кто хочет жить долго и счастливо, работают в других местах. Не служат Комару, не становятся убийцами или телохранителями...

Чезаре уже досталось. И к бою друг попросту не пригоден.

Энцо? Мальчишка. Ему самому нужна защита.

И Леоне делал то, что умел лучше всего. Убивал врага, не подпуская к мальчишке, пока тот перевязывал Делуку. А вот что случилось потом...

Потом Леоне так и не смог объяснить, с чего это началось. Но в какой-то момент...

– Аш-ш-ш-ш-ш!

Мимо пронеслось что-то темное. Что-то...

Леоне с ужасом увидел, как падает один его противник, потом второй... и понял, что убивает... убил их... ЭНЦО?!

Мальчишка двигался с такой скоростью, что глаз не успевал за ним. В одной руке короткий меч, сделанный специально для Лоренцо. В другой – стилет. И...

Он – убивал.

Натренированный глаз Леоне все же смог определить происходящее.

Энцо пользовался тем, что ему всего двенадцать лет, он не слишком высокий, достаточно хрупкий... тонкокостный...

Меч – не для ударов. Для парирования. А бьет в основном стилет.

Мальчишка действует... он просто убивает.

Принять удар, отшвырнуть клинок противника, добить его второй рукой, подлые удары стилетом, в пах, в живот, и потянуть, чтобы вывалились кишки, чтобы человек скорчился от боли, в бедро, в артерию, чтобы кровь хлынула фонтаном... вот, он сейчас так и поступил, и кровь брызжет прямо ему в лицо, и Энцо... облизывается?

Не будь у Леоне у самого клинков в обеих руках, ей-ей, перекрестился бы.

А мальчишка, в лице которого не осталось ничего человеческого, вдруг зашипел, словно гигантская змея... и ринулся вперед.

Удар, еще один...

Леоне бросился за ним... хоть спину прикрыть... и снова удар! И злое шипение, словно в теле мальчишки поселилась какая-то гадина... парировать – и удар!

Боже, что он творит?!

Как?!

Шок и удивление совершенно не помешали Леоне прирезать двух пиратов, но пока он добивал негодяев, Энцо оказался лицом к лицу...

Капитан пиратов?!

Черт побери!

* * *

Марселло Гатто не тронула смерть помощника. Ченцо, конечно, был хорош. Ну так что же? Больше трупов – больше доля выживших. Сам подставился, сам и виноват. Как можно было не увидеть, что задумал торговец?

А в результате почти дюжина ребят полегла...

Ладно!

Купец за это заплатит! Сейчас Марселло до него доберется...

Марселло умело орудовал кривой абордажной саблей, клинок пел в его руках, с хряском врубался в тела, рассекая плоть, сносил головы и руки, словно веточки...

Пока...

Что это перед ним?!

Ребенок?!

Но как?!

Хотя существо, стоявшее перед Марселло, на ребенка похоже и не было. Что-то окровавленное, просто невысокого роста, что-то полубезумное... и горящие алым светом глаза, и хищное шипение, которое срывается с губ... демон?!

Марселло не стал бы капитаном пиратов, если бы боялся хоть чего. Демон, кровь, смерть...

Плевать!

Вперед!!!

И мужчина занес саблю над головой неизвестного существа. Он еще успел опустить ее, но, кажется, существа на том месте уже не было. Саблю отбили с такой силой, что она вылетела из руки пирата и упала где-то далеко в стороне.

А потом пришла боль. Настолько жуткая, что Марселло даже не сразу осознал ее. Но...

Его живот был распорот. И кишки вываливались на палубу клубком окровавленных змей.

Марселло охнул, застонал и осел на грязные доски...

Существо обернулось к пиратам – и зашипело. И это стало началом конца.

Кто ж думал, что у купца при себе окажется демон?! Чудовище из подземного мира?! А у пиратов ни крестика, ни оружия из серебра...

Наутек-то они бросились. Всем скопом, еще и придавили кого-то невезучего по дороге. Но далеко ли ты убежишь на корабле?

Тем более что страшное существо прыжком догнало бегущих и положило еще двоих. Вслед за ним, понимая, что своих оно, что бы это ни было, не трогает, кинулись матросы. Другого шанса у них не будет.

Кто-то выпалил из арбалета, но Энцо увернулся.

И на пиратский корабль еще успел перепрыгнуть.

А потом...

Потом рухнул словно подкошенный.

Пираты, правда, этого не видели. Им хватило, что монстр гонится за ними, монстр уже на их корабле, надо бежать-бежать-бежать...

Матросы расправлялись с ними поодиночке. Это уже была не пиратская команда. Это уже было неуправляемое полубезумное стадо. И справиться с ним труда не составляло.

Леоне наклонился над мальчишкой, который был залит кровью от ушей до пяток. Тронул жилку на шее.

Бьется.

Поднять? Взять ЭТО на руки?

Страшновато.

С другой стороны... Леоне тоже ничего не боялся, хоть и не пират. А мальчишка им сейчас, считай, жизнь спас. Так что помочь – меньшее, что они могут для него сделать.

Леоне поднял Энцо на руки и перепрыгнул обратно на «Голубку». Пиратов и без него добьют. А что там, кстати, с Чезаре?

* * *

Чезаре был жив. И даже успел прикончить еще одного пирата. Ну, тот и сам виноват. Не надо нападать на раненых. Вот просто – не надо!

Кто ж тебе сказал, что если у человека одна рука перевязана, то второй он ничего и сделать не сможет?

Ножи Чезаре отлично метал в любом состоянии. И с любой руки!

– Что с парнем?

– Не знаю. Обморок, наверное.

– А вот это... что было? Когда он кинулся?

Леоне задумался:

– Тоже не знаю. Ты сам-то не видел?

– Нет, – качнул головой Чезаре. Как-то ему не пришло в голову связать чужую кровь – и происходящее. – Он просто стоял, а потом... кинулся.

– Хм... что-то я где-то слышал.

– Ну да, ты ж у нас ученый... семинарист.

Леоне беззлобно послал товарища. Ну, было в детстве! Может, и стал бы Леоне священником, да вот беда – без поддержки, связей и денег в той среде тоже не пробыешься. А еще содомия – чего Леоне

вообще не переваривал. И за подобные предложения... собственно, после такого предложения от одного кардинала ему и пришлось искать себе новую дорогу. И кардинала, наверное, не стоило по голове подсвечником бить... или уж добивал бы? Тогда и проблем было бы поменьше.

– Не мешай... воины... ярость... что ж я такое слышал...

– Берсеркер, – подсказал тихо Чезаре. – Оно?

– А ты откуда знаешь?

– Не одному ж тебе умным быть. Сказки слышал как-то разок... вроде как были такие люди...

Леоне кивнул:

– Точно. Вспомнил. Вроде как в битве они теряли рассудок, в них вселялся дух какого-то животного, и резали они всех, не разбирая на своих и чужих.

– С этим нам повезло. Этот хотя бы разбирал, кто и где.

– Это да. – Леоне подумал, что бы случилось, возмись Энцо резать всех, кто попадется на пути... с него бы и начал, точно. А смог бы Леоне защититься?

Ой вряд ли.

– А потом с ними что было?

– Силы кончались, они и падали... ты знаешь, похоже на то. И по внешности... вирканги, у них это встречалось. Они как раз светловолосые были, голубоглазые...

– Этот не голубоглазый.

– Посчитай, сколько лет прошло, кровь и разбавилась. Но даже у них это встречалось крайне редко, может, один-два человека в поколении...

– Определенно нам повезло. А потом-то они в себя приходили?

Леоне задумался. Вирканги – не слишком полезная тема для священника, так, знать приходилось, потому что надо. И о других народах, и о других религиях...

Вирканги до сих пор живут в своей Вортенгии, и религия у них своя. Безбожники, зверепоклонники...

– Ага, погоди... Вспомнил! У них вроде как у каждого рода есть в предках какой-то зверь. И вот в бою этот зверь может даровать достойнейшему из потомков свой дух.

– Судя по шипению – та еще гадина у Энцо в предках была, здоровущая, – хмыкнул Чезаре. – Так что там с разумом?

– Ничего. Бой закончен, дух ушел... человек должен прийти в себя.

– Должен?

– Если не помрет.

Чезаре хотел привычно пожать плечами, но было больно.

– От нас что-то зависит?

– Разве что накормить его попытаться. Насколько я помню... дух-то там с плотью не особенно дружит. Вычерпывает до доньшка, вот люди и мрут.

– А, вот оно как. Ладно, сейчас чуточку уложится – попробуем. А пока там на столике моя фляга. Попробуешь ему влить?

– У тебя там что?

Чезаре потупился. Ну... у всех же бывают свои слабости?

– Вишневая наливка. Сладкая.

Чего стоило Леоне проглотить язвительное замечание...

Не подобает же! Он же наемник, он же герой, ему надо крепленую стаканами хлестать, горькую настойку... нет? Нет. Вишня и сладкая.

– Сейчас попробую.

Но влить в рот Энцо наливку не получилось. Мальчишка так стиснул зубы, что их можно было только ножом разжать, а на это мужчины пока пойти не решались.

* * *

– Что с ним?

Бой закончился, и Паскуале поспешил к племяннику.

– Пока жив.

– Пока? – не понял Паскуале.

Леоне, недолго думая, выдал все, что знал о берсеркерах.

Паскуале задумался:

– Вообще, я не знаю, что там у него с предками... вроде как мать такая же была...

– Из... этих?

– Нет. Светленькая, да и сестра у Энцо такая же.

– А про виркангов они ничего не говорили?

– Как-то мы не слишком общались. Мать померла в чуму, а Энцо и сам может не знать.

– Может, – согласился Леоне. – Особенно если погулял кто... там же не законный брак, а кровь учитывается.

Паскуале поморщился, но смолчал. Бывает всякое, чего зарекаться? А то он сам по бабам не гулял?

– Оно... оно живое? – послышался голос за спиной.

Паскуале развернулся и столкнулся с враждебными взглядами матросов.

– Это тебе не оно, а мой племянник! Дан Феретти, – зарычал купец, отчетливо понимая, что если он не переломит ситуацию сейчас... то потом уже рыбам объяснять придется. Испуганная толпа – зверь очень опасный. Даже для себя самого.

– Оно не кинется?

И самое ужасное, что и капитан, и помощник капитана, и боцман... да все, кто уцелел в резне с пиратами, сейчас с явной опаской глядели на Энцо. Только что не крестились.

– Он тебя от пиратов спас, а ты вот так?! – рявкнул Паскуале. – Ах ты ж...

– А если он щас как встанет! Да как прыгнет? – протянул кто-то из матросов. Паскуале даже имени его не знал, вот еще не хватало, всякое запоминать. Да и... после боя голова почти не работала, кружилась, ноги подкашивались. Но в морду-то дать его сил хватит, это уж точно!

Леоне сделал решительный шаг вперед:

– Уважаемые ньоры, бояться нечего. Лоренцо Феретти, может, даже и не выживет, не то что кидаться. И ничего страшного в этом нет. Кто-то из вас слышал о виркангах?

Священником он готовился стать не зря. Внимание всех матросов мигом переключилось на Леоне Каздеи. Звучный голос, уверенная осанка, да и интонация...

– Это такие... зверолюди? – вспомнил кто-то из матросов.

– Не зверолюди, – поправил Леоне. – Просто в момент смертельной опасности в них якобы вселяется дух предка. И дает возможность спастись. Вот как сегодня с даном Феретти.

Всеобщее внимание снова обратилось на окровавленного Энцо. Но Леоне не дал ему перерасти в страх.

– У дана Феретти мать была из виркангов. А сегодня нас бы всех перерезали, если бы не он.

Соврал, конечно. Ну так что же? Так проще, чем разъяснять каждому.

Матросы переглянулись.

– А-а... это он типа... змея, что ли?

– Или кот. Те тоже шипят, – кивнул Леоне. – Вот когда предок приходит... То есть церковь этого не одобряет, поэтому вы ничего не слышали. Ясно?

Матросы зафыркали. Лед был сломан. Если смеются, то не боятся.

– Так вот! И советую в храме об этом не упоминать, а то епитимью наложат, – поднял палец Леоне. – Если человек оказался в смертельной опасности, как мы все сегодня, предок может даровать потомку свою силу, ярость, умения... вы видели дана Феретти. Это называется берсеркер. Только вот детское тело не предназначено для такого. Энцо вычерпал все силы до донышка и вполне может умереть. Мы, конечно, попробуем его откормить-отпоить, но может не получиться. Тогда он и без вашей помощи прекрасно помрет. Дня через два-три.

Матросы переглядывались.

Жутковатое происшествие получило свое объяснение, и даже не страшное. О виркангах они слышали по тавернам, да и о берсеркерах слухи ходили.

Матросы зашушукались. Послышалось: «а-а, ясно», «вон оно чего» и даже «вот ведь мамаша». Леоне придираться не стал. Пусть хоть что говорят, лишь бы за борт не выкинули.

Первым в себя пришел капитан:

– А ну, по местам! Дело забыли?! У нас теперь два корабля, не один! Шевелись, вшивая команда!!!

Спорить с ним было сложно. Команда зашевелилась. Бросить пиратский корабль? Вот еще! Пробросаешься!

Но и вести его в порт...

Нужна призовая команда. А сколько?

Экипаж карраки – сто пять человек. Это не считая пассажиров. На призовой корабль надо хотя бы – хотя бы! – тридцать. А сколько

ранено? Убито? Сколько не стоит на ногах?

На снасти пришлось отправляться и пассажирам в том числе. Но Паскуале не протестовал. Лучше уж потрудиться, чем пойти рыбам на корм. Да и пиратский шлюп упускать не хотелось^[9].

Видимо, пираты давно крутились вдоль берегов, в трюме у них было много чего интересного. Паскуале собирался как следует порыться в этом ценном на берегу.

В общем-то для него все складывалось неплохо, и единственное, что омрачало настроение купца, – состояние Энцо. Мальчишка лежал как мертвый.

Кое-как, разжав зубы, его удалось напоить вином с медом, но поможет ли? Или мальчишка помрет?

Предсказать это не мог никто. Даже Леоне знал только общие факты, а уж как там это... у берсеркеров...

Ну, хоть одно хорошо.

Увидев Энцо, тощего, голого и жалкого, после обмывания прямо на палубе морской водой (у парня даже уши в крови были) матросы как-то и бояться его перестали. Мальчишка же! А что шипел...

Теперь каждого чайника бояться, что ли? И каждой сковородки?

Да тьфу на вас... пусть его. Выживет, и ладно.

* * *

Энцо пришел в себя на третий день.

Чезаре, который из-за ранения не мог помогать на корабле и был отряжен сидеть с Энцо, едва на полметра не подскочил, когда мальчишка застонал. До этого он как-то помалкивал.

Дышал разве что, и то не слишком заметно. А тут вдруг и стон, и шевельнулся...

Чезаре буквально подскочил к нему, не обращая внимания на вспышку боли в плече:

– Энцо! ЭНЦО!!!

– П... и... ть...

Воду мальчишка глотал как не в себя. Выпил два кувшина воды с вином, которые были в каюте, и снова ушел в беспамятство. И то

поить его удавалось с большим трудом, а уж что там в парня попало, а что пролилось...

Кто ж его знает?

Но в любом случае это хорошо. Чезаре умом обделен не был, так что сообразил быстро. Если парнишка просит пить, значит, разум у него сохранился. Не шипит же! Не кидается, не кусается, просит разумно – что еще надо?

Леоне тоже порадовался. Хотя бы тому, что мучиться больше не придется, а то кошмар настоящий!

Прижимать Энцо к кровати, ножом разжимать ему зубы, по капле вливать вино, следить, чтобы проглотил, горло массировать...

Понятно, они это делали. Они ж не мразь какая неблагодарная! Но если парень на поправку пойдет, лучше будет и парню, и им, правда же?

Однозначно лучше.

* * *

После первого проблеска сознания Энцо еще дня четыре не приходил в себя. Пил воду с вином, но есть ничего не получалось. Похудел так, что кости на просвет видны были.

И только на пятый день...

– Где я?

Чезаре повернул голову и поглядел на подопечного.

Глаза открыты, взгляд чуточку мутноватый, но спокойный, осмысленный.

– На корабле.

– Ох-х-х... А почему мне так плохо?

Соображает? Отлично! Но проверить стоит.

– Энцо, что последнее ты помнишь?

Мальчишка уставился на Чезаре, явно что-то вспоминая. Но что?!

– Пираты... Болт... тебя ранили, да?

– Да. А потом?

– Кажется, я тебя перевязывал. А потом не помню ничего, только кровь. Меня ранили?

Чезаре хмыкнул. Ну да, мальчишка помнил все, что случилось ДО берсеркерства. Знать бы, как это у нормальных виркангов проходит. Но – на весь корабль ни вирканга, ни каких-то сведений о них. Хоть что вспомнили, и на том спасибо.

– Что-то вроде. Ты отдыхай, ладно!

– Есть хочу. Жутко.

– Ты несколько дней провалялся без памяти. Конечно, хочешь... но много пока нельзя. Я сейчас схожу на камбуз, бульона тебе принесу.

– Спасибо.

– А пока вот... попей еще!

Энцо послушно выпил несколько кружек воды с вином и откинулся на подушки. Прикрыл глаза.

Когда Чезаре вернулся с бульоном, Энцо уже крепко спал. Чезаре только пожал плечами.

Корабль же. Так что бульон ему налили в кувшин. Поставить поудобнее, закутать... потом мальчишка тепленького попьет. Главное, в себя приходить начал, а уж что он там помнит... это дело десятое. Разберемся еще!

Глава 5

Адриенна

– Джачинта, детка моя, а как ты относишься к дану Каттанео?

Дан Рокко смотрел серьезно. Джас задумалась.

С отцом можно было говорить откровенно. Всегда. С самого детства.

Он хоть и отдавал все силы и все время королевской службе, но, когда решал поговорить с дочками, в отличие от многих других отцов, мог и выслушать, и, самое главное, понять. Как часто родители и дети друг друга не слышат? Не понимают?

А иногда и не хотят...

Дан Рокко и мог, и хотел. И дочери его любили совершенно искренне. Джачинта знала, что отец не предаст, не продаст, поверит, поможет, заступится, и кинулась к нему. И не ошиблась.

Но и в ответ отец получал любовь и доверие. И никак иначе.

– Я... Он мне нравится.

Замуж за Анжело Леони Джачинта выходила по любви. Хоть такое и не принято, отец дал им возможность встречаться, узнавать друг друга и только потом, когда понял, что его девочку не обидят и не унижат, договорился о помолвке.

Мать была против. А Джас помнила, как отец пригласил ее прогуляться по саду, а там серьезно посмотрел в глаза и сказал: «Я дана Леони знаю. Человек он хороший, но если тебе не по сердцу, неволить не стану».

Она вышла замуж и ни о чем не жалела. Почти семь счастливых лет.

И вот сейчас отец смотрит таким же испытующим взором: «Что ты думаешь, Джас?» С легкой руки Адриенны к ней приклеилось именно это прозвище, Чинтой ее никто больше не называл. И Джас не возражала.

Чинта осталась в той, прошлой, жизни. А здесь она начинает все сначала.

Но ведь и она счастлива, и сестра счастлива. А чума... она забрала ее мужа и ее счастье, но это от отца не зависело никак. Бывает в жизни всякое. И не угадаешь, и не предскажешь.

– А замуж ты за дана Каттанео хочешь?

– Я пока не знаю, – честно созналась Джас.

– Тогда у меня есть предложение. Этим летом мы едем в Каттанео.

– Мы?

– Я, ты, Анжело... может быть, дана Адриенна, может, кто-то еще из СибЛевранов. Я не знаю точно, но мы трое – обязательно.

– Да, отец.

– Не просто так. Хочешь узнать человека? Побывай у него дома.

Джас медленно кивнула. Да, с этим сложно было спорить.

– И если мы... понравимся друг другу? Что тогда?

– Джас, детка, я не вечный. Я готовился умереть уже этой весной, я кашлял кровью. Когда я приехал сюда, мне стало намного легче. Но сколько я еще протяну?

– А путешествие...

– Я думаю, оно не повредит. И лекарь, которого регулярно приглашает дана, тоже так думает. Я знаю, даже после моей смерти Адриенна не выгонит тебя и позаботится. Но может случиться так, что ей самой потребуется помощь. Я помогу ей, чем смогу, но в первую очередь я должен позаботиться о тебе и Анжело.

– Да, отец.

– Я вижу хорошего человека, который влюблен в тебя по уши. Если его любовь выдержит разлуку и расстояния, я буду счастлив. И если ты сможешь его полюбить – тоже хорошо.

Джачинта представила себе глаза дана Каттанео, его улыбку...

– Мне он не противен. Но Анжело?

– У дана есть свои деньги и земли. От Леони ему ничего не нужно. Но я позабочусь о брачном договоре.

– Спасибо, отец.

– Иди и подумай. Я тебя очень люблю, Джас, и хочу, чтобы твоя судьба была устроена.

– Да, отец.

Джас поцеловала дана Рокко в морщинистую щеку и вышла.

Дан посмотрел ей вслед.

Дочь он любил. И решительно желал ей устроить свою жизнь. Особенно пока отец жив. Пока он может позаботиться о ней, пока может помочь...

Хоть бы все сложилось хорошо!

* * *

Марко поднимался на голубятню. Настроение у него было отличным. Сейчас он урвет часок для себя. За пазухой нашли себе пристанище яблоко и горбушка хлеба, во фляге приятно побулькивало.

Вот сейчас он усядется на башне и будет сидеть, смотреть вдаль.

Марко нравилось иногда посидеть в тишине.

Только для себя.

Брата он любил и обожал, мать и отца... да-да, отца, не считать же того, который когда-то в столице... да плевать на того дана! Вот явись он сейчас и предложи Марко дворянство, лишь бы только парень его отцом назвал, Марко б негодя с башни спустил. Кубарем по лестнице!

Нашли идиота!

Променять родных и любимых на какой-то титул...

– Постой, мальчик!

Марко чудом с лестницы не полетел. Подпрыгнул он высоко, на метр уж точно, и приземлился с трудом...

– Эданна?!

Эданна Сусанна выдохнула.

А вы пробовали с ее развесовкой по лестнице подниматься? Это тяжело, знаете ли... и спереди, и сзади... и все к земле тянет.

– Постой минутку, Марко.

– Слушаю, эданна.

– Мне нужна твоя помощь.

– Помощь, эданна?

Эданна топнула ножкой:

– Изволь не повторять за мной! Идем!

Марко пожал плечами, но за эданной поплелся, понимая, что выбора нет. Куда он денется-то... она ж эданна!

Покои дана и эданна. Дан сейчас в конюшнях, а эданне что надо? Спальня.

– Иди сюда, дорогой мой...

Марко послушно подошел поближе. И... нет, вот второй прыжок не получился. Но когда тебя цепко хватают за гульфик и начинают проверять его содержимое, тут не до прыжков. Потому как пальчики цепкие, а хватка крепкая.

– Эданна!!!

– Ну что – эданна? – Сусанна приблизилась уже вплотную, так, что Марко увидел разводы от пота на белилах, которыми обильно засыпала плечи и шею женщина. – Я тоже женщина... и мне хочется немного любви и ласки...

– От... м-меня?

– Марко, мой муж совершенно не понимает всех моих потребностей...

Ага, если бы Марко не видел эданну в конюшне с двумя конюхами... он бы, конечно, поверил. Но – он видел. И потому...

– Эданна, а конюхи их понимают? И гульфик отпустите, оторвете еще...

Лицо Сусанны исказилось:

– Конюхи?! Ах ты... подсматривал?

– И подслушивал, – парировал Марко. – Так что не надо вот... этого!

Эданна сверкнула глазами:

– Что ж! Тем хуже для тебя!

И с немыслимым для такой туши проворством метнулась к двери. Щелкнул замок.

– Скажу мужу, что ты рылся в моих шкатулках. Так что готовься – из окна полетишь!

Марко шарахнулся к двери, но куда там! Эданна Сусанна уже удалилась. Судя по скорости – она мчалась в конюшни... так, у него буквально десять минут.

Потом Адриенна, конечно, его в обиду не даст, но...

То ли он украл, то ли у него украли...

История про шубу еще не родилась, но что такое честь и как важно беречь репутацию, люди преотлично знали. Они и в каменном-то веке это знали. Но что делать? Вправду, что ли, головой из окна? Ага, рыбкой, на камни...

Марко огляделся раз, второй, разум парня лихорадочно отбрасывал возможные варианты побега.

Дверей наружу нет.

Окна!

Одно, второе, третье... есть! Вот это окно выходит на карниз. А карниз опоясывающий... лезем?

А что, есть выбор?

Марко отлично понимал, если он с такой высоты полетит на камни, всене непременно разобьется. Но что поделать? Лучше, чтобы его семья позора нахлебалась? Так-то оно по-разному можно вывернуть, а вот если его в комнатах застанут... да никогда и никто не поверит, что его дана соблазняла. Тут и еще похуже выйдет, дан Марк взбеленится, если парень правду скажет. Еще и от себя добавит.

Будь Марко постарше и менее гибким, он бы, конечно, не уместился на карнизе. Но около четырнадцати лет... нет, это не тот возраст. И телосложение удачное, не мамонт какой, гибкий, худощавый, в самый раз...

Только вот... догадаются же, куда он делся. А как бы... ага! Берем ремень, делаем петлю, накидываем на ручку окна...

Подросток осторожно вылез на карниз и потянул за ремень. Медленно, не делая лишних движений.

Петля натянулась, окно медленно закрылось за ним.

Марко потянул еще сильнее.

Петля распустилась, и ремень выскользнул из оставшейся щели. Окно было закрыто. Не идеально крепко, но ведь надолго и не надо? Марко огляделся и медленно двинулся к соседней комнате.

Шаг, второй, третий...

Сильная хватка за пояс.

— Сюда!

Соседние покои Адриенна отвела Джачинте. Марко от шока едва вниз не улетел, но Джас так его на себя дернула, что чуть штаны не порвала. И ничего! Не упал, втащила внутрь!

— Марко, что случилось?

Эданна Леони как раз сидела и размышляла над своей судьбой, а тут здрасте-нате, ноги за окном, да еще такие хорошо знакомые.

Марко выдохнул с облегчением. Словно и не дышал все это время.

– Дана Леони, умоляю! Подтвердите, что я был сейчас у вас все время?

– Хорошо. Но что случилось? Хоть два слова?

– Эданна Сусанна решила меня соблазнить, а когда я отказался – выставить вором. – Времени на более серьезные объяснения у Марко не было.

Джас подняла брови.

Если бы она сейчас засомневалась... если бы спросила какую-то глупость вроде: «Ты не вор? Правда?», если бы...

Вместо этого она качнула головой в сторону комнаты Анжело:

– У моего сына деревянная лошадка сломалась. Ты за ней пришел.

Марко кивнул:

– А она...

– Она правда сломалась.

Игрушками малыша Анжело тоже обеспечили. В том числе и деревянной лошадкой-качалкой, которую малыш обожал. Настолько, что с утра, в порыве любви, отломал ей голову. Джас просто об этом забыла, когда ее отец позвал, а потом опять вспомнила.

– Спасибо, эданна.

Джачинта махнула рукой.

Насмотрелась она людей... и когда муж ее в свет выводил, и дома еще, хоть и из-за ширмы, но отцовских гостей видела. И поверить, что Марко что-то украл?

Что он врет?

Чушь!

А вот от эданн Сусанны всего ожидать можно. Дрянь, а не баба.

Шум в коридоре нарастал, Джас подмигнула Марко:

– Пойдем?

Марко серьезно кивнул:

– Эданна... матерью клянусь, я не крал. Вот, посмотрите...

Он сам распахнул легкий дублет, показывая, что под ним ничего нет. Ну, кроме яблока и хлеба.

Джас кивнула. Она и так не сомневалась, но теперь еще приятнее, что она не ошиблась. Некуда тут ничего спрятать. Штаны в обтяжку, рубашка тонкая, ну просто – некуда! Разве что в яблоко засунуть.

Она решительно шагнула к двери и распахнула ее:

– Что случилось? Такой шум... дан Марк? Эданна?

– Конечно, шум! Пригрели на груди змееныша! – почти что возопила эданна Сусанна, заставив Джас окончательно поверить Марко. – Я захожу, а эта дрянь в моих шкатулках роется!

– Какой ужас! Вас обокрали?! Кто?!

– Этот... Марко!

– Кошмар! Когда же он это сделал?!

– Да вот сейчас он там и сидит! Я его заперла! Выскочила из покоев и заперла! – Эданна Сусанна торжествующе повертела ключом в воздухе.

– Просто ужас, – «посочувствовала» Джачинта. – А это точно был Марко?

– Сейчас вы сами убедитесь! Все убедятся!

Эданна вставила ключ в замок и повернула его. Потянула из дужек. Широко распахнула двери в покои – и первая ринулась причинять добро и вершить справедливость.

И – никого.

Джас искренне наслаждалась выражением лица эданной. Вот, ей-ей, она как на стену налетела. У нее даже лицо стало как у обиженного жизнью мопса.

– А...

– Я никого не вижу, – удивился дан Марк. – И все закрыто... Любимая, он точно был тут?

– Да!

– И это точно был Марко?!

– Я же сказала! – взвизгнула эданна.

Джас только фыркнула:

– Эданна Сусанна, дан Марк, прошу меня простить, но это НЕ МОГ быть Марко.

– Это еще почему?! – завизжала вконец озверевшая эданна. Вот уж на что она не рассчитывала... Куда этот гад делся?! Не улетел же?! Может, в шкафу спрятался?!

Она бы все проверила, нашла бы, но... но что бормочет эта девица?

– Эданна, Марко последний час провел в моих покоях.

– ЧТО?!

Теперь настала очередь орать эданне Сусанне. Джачинта развела руками:

– Мой сын сегодня отломал голову у деревянной лошадки. Я пригласила Марко, чтобы тот ее починил, ну и...

– И как – починил?!

Разъяренная эданна Сусанна отпихнула Джас в сторону, словно пушинку. Да та и весила в сравнении с ней немного... Влетела в ее покои и натолкнулась на спокойный взгляд Марко, который приспособил голову на место и сейчас вопросительно смотрел на эданну.

Поднялся, поклонился...

– Эданна Сусанна?

– Ах ты гаденыш!!! – завизжала эданна. И ринулась мстить за поруганные планы.

Получать по шее Марко совершенно не хотелось. Парень тут же упал на четвереньки, юркнул под стол, прополз по комнате и оказался отделен от эданной и кроватью, и столом.

– Эданна?!

Озверевшую бабу перехватил дан Марк:

– Суси! Сусанна!!! Любимая, ты что?!

– Он вор, вор, ВОР!!! – надрывалась «любимая».

Дан Марк посмотрел на парня, который сделал большие глаза.

– Да не крал я ничего... или вы так из-за яблока?! Больше не возьму! Честное слово! Они все равно на узвар пойти должны были!

Марко демонстративно расстегнул гаун, достал яблоко и горбушку и предъявил их. Сусанна заорала что-то уж вовсе непотребное.

Джас только головой покачала.

Тут бы хорошо помогла пощечина. Еще холодная вода отлично справляется, но зачем ей влезать в это дело?

– Марко, убери яблоко. Я тебе сама еще дам, мне на кухне не откажут. Что с лошадкой?

– Я ее сделал. Только приклею – и все готово будет!

– Хорошо. Иди за клеем.

– Да, эданна.

Марко проскользнул мимо эданной Сусанны и растворился в воздухе. Только и того, что drobный топот донесся с лестницы.

Джачинта покачала головой и повернулась к дану Марку:

– Дан... ваша супруга не беременна? Такие перепады настроения...

Дан Марк тут же перестал сердиться. Крайне бережно прижал супругу к себе и потащил из гостевых покоев, на прощание благодарно кивнув Джас. Мол, простите, все понимаю, потом поблагодарю... когда жену успокою. Джачинта помахала ему рукой.

Ага, успокаивай!

Таких эданн она при дворе навидалась, да и Сусанну знала. Не напрямую, нет, муж никогда не позволил бы своей жене беседовать с проституткой. Да что там – беседовать?

Когда эданну Сусанну хотели ей представить, муж крайне строго пресек это и увел Джас. И жене потом разъяснил, что с некоторыми даже рядом стоять не надо.

Это как с гнилым яблоком бок о бок лежать – не заметишь, как сама пропадешь.

Знакомство не состоялось, а вот слухи о неразборчивости эданн Манчини в связях ходили по двору. Их не слышать было нереально. Так что Марко своими словами даже не удивил – вот еще! Мелочи какие...

Джас совершенно не жалела о помощи, оказанной Марко. Она все сделала правильно.

* * *

– Вот гадина!

Адриенна разгневалась не на шутку. Она тоже верила другу полностью.

– И что теперь? – Марко уныло смотрел в пол.

Дан Марк уже приходил... ну, не извинился, но лорин дал. Монету Марко отдал Розе, лишней не будет. Но если это только первый случай?

– Теперь...

Адриенна серьезно задумалась.

А что – теперь? Дать бы как-нибудь этой стерве по морде... да нельзя! И напакостить... Первое, что пришло в голову девушке, – змея в кровати, грязь на платьях, лягушки в туфлях...

К сожалению, Марко заподозрят первым. Как же – отомстить захотел. И тут уж ему нагорит и за скандал, и за подозрения...

А что еще с ней можно сделать?

Хм-м-м...

Адриенна думала недолго.

Знахарка и травница, говорите?

– Сейчас мы делать ничего не будем, – решила она. – А вот через несколько дней мой отец собирается в деревню, Сусанна опять будет занята, Леонардо тоже уедет... он каждый день уезжает.

– Тебе за букетом.

Адриенна кивнула. Да, букеты появлялись каждый день. И это было приятно.

– Вот. И мы уедем – ненадолго. И незаметно. Главное – незаметно.

– Куда?

– Там узнаешь. Но я ей отплачу за эту наглость! Вот мерзкая тварь!

Марко не одобрял ругательств в женских устах. Но сейчас это было классификацией.

Действительно... мерзкая! Тварь!

* * *

Тетушка Ата смотрела на Адриенну глазами мудрой совы:

– День добрый, дана.

– И вам тоже доброго дня, тетушка...

Адриенна кое-как справилась с собой. Но голос все равно дрогнул. Как так-то?!

Когда недавно человек был здоров и отлично передвигался, а сейчас ты находишь его (ее) в кровати. И выглядит тетушка так, что краше в гроб кладут. Да туда она может со дня на день и отправиться.

– Хорошо, что ты приехала, дана.

– Конечно, хорошо. Давайте мы вас в замок заберем?

Марко, который тоже вошел в домик травницы, согласно кивнул. А что? Телегу пригнать, погрузить все – да и поехать. Чего ей тут лежать одной?

Женщина хмыкнула:

– Не надо. Ньор, ты выйди пока, погуляй. Мы тут потихоньку посплетничаем...

Марко дождался кивка Адриенны и вышел. А девушка потянулась, хотела взять пожилую женщину за руку, но была остановлена резким:

– Нет!

– Нет?

– Я же рассказывала. Ты – солнце для своих людей. Если меня не трогать, я умру дня через два, может, три. Но если сейчас ты начнешь меня греть... не надо растягивать мою агонию. Я не хочу еще месяц промучиться. Не надо, прошу.

Адриенна промолчала.

Вопрос – может, и не агония, может, все обойдется, и прочее в том же духе – она задавать не стала. Если знахарка так говорит, наверное, она знает, о чем рассуждает?

Тетушка Ата согласно опустила веки, в ответ на размышление Адриенны. Чего тут думать – у девочки все на лице написано.

– А вот это правильно. Вот это хорошо. Ты вон там возьми, пожалуйста, сундучок. Он небольшой, да авось пригодится.

Адриенна послушалась. Действительно, сундучок был небольшим и совершенно не тяжелым. Она его подняла одной рукой.

– Это...

– А ты открой, дана.

Адриенна послушно отщелкнула засов на крышке.

Много-много холщовых мешочков. Аккуратно переложенных той же холстиной, а где и листами пергамента. И все подписаны.

– Авось да пригодятся, – повторила знахарка. – У тебя времени не будет травы собирать и смешивать, а тут уже готовое. Пока еще другая найдется на мое место...

Адриенна видела:

«От живота. Запаривать, пить по одной ложке натошак, месяц».

«От головной боли, острой, заварить, досчитать до ста и выпить. Потом спать».

И таких мешочков было много, очень много.

– Спасибо, – искренне сказала девушка.

– Мне помирать, а травам чего пропадать? Глядишь, понадобятся. Тетради там мои тоже внизу. С записями. Что давать, как давать, когда

собирать, где растёт... захочешь – считаешь, а нет, так и не надо. Найдешь, кому отдать.

Адриенна кивнула:

– Спасибо.

Она в лечении разбиралась откровенно плохо. Но тут и не надо быть гением? Просто следуй рецепту?

– А чего ты приехала-то? Ведь не просто так, меня проведать, верно, дана?

– Верно. – Девушка колебалась. Отягощать умирающую своими проблемами? Как-то это безнравственно.

– Ну, так ты рассказывай, чего случилось? Я хоть и помираю, но пока в здравом уме, глядишь, чего и посоветую?

Адриенна подумала пару минут, а потом махнула рукой, да и рассказала про подлость эданны Сусанны. Знахарка фыркнула:

– Чего удивительного! Такие бабы как крысы. Не сгрызут, так нагадят, не нагадят, так чуму разнесут. Знаю я их... сама пострадала. В сундучке у тебя мешочек... вот, покажи...

Найти нужное было несложно.

– Добавляй ей в пищу или в питье, да хоть куда. Через несколько дней у нее пятна пойдут по коже, как лишай, а потом... она краской пользуется?

– Да. И очень сильно.

– Вот, пока будет пользоваться, будет чесаться. Не до приключений ей будет.

– А добавлять этот состав сколько? – Адриенна взвесила на руке мешочек.

– Как увидишь, что началось, так дня три еще. И хватит. Потом все само пойдет. А как намучается, так ты ей разъясни, что чистота душевная и чистота телесная между собой неразрывно связаны быть должны. Не поймет, так повторишь через полгодика.

Адриенна кивнула:

– Спасибо, тетушка Ата. Может, я для вас что-то могу сделать?

Знахарка кхекнула:

– Я надеялась, дана. Спасибо, что спросила.

– П-пожалуйста. Так что я могу сделать для вас?

– Тебе, дана, мое прошлое ни к чему. И грязь та, которую на меня вылили, – тоже. Поэтому я тебе отдам на сохранение – и попрошу:

даже не открывай.

В руки Адриенны легло несколько туго свернутых трубкой пергаментов.

– А... зачем тогда?

– Если кто будет искать дану Иларию Кавалли, тогда можешь их вскрыть. А если нет... знаю, стоило бы уничтожить, а вот... не могу. Дура.

– Мне точно не нужно это читать? – подозрительно уточнила Адриенна.

– Там ничего такого нет. Дурой я была в юности, да и к старости умнее не стала. Хорошо, хоть хватило ума родных не подвести. Ушла, да и умерла.

– Ладно, дана Кавалли.

Женщина тяжело вздохнула:

– Последняя просьба. Как помру, так на могилке имя не пишите. Просто камешек поставьте с датами, да и хватит. Хорошо, дана?

– Падре...

– Я уже с ним говорила. Исповедалась, он согласился, что так будет лучше. На кладбище мне все одно дороги нет, в неосвященной земле закопают.

Адриенна аж рот открыла.

Это что ж такое натворить надо? Чтобы – вот так?! Кого у нас нельзя? Самоубийц, одержимых, блудниц, иноверцев, актеров, утопленников... и ведьм.

– Как... как...

Произнести это слово не получалось. Тетушка Ата прикрыла глаза:

– Как ведьму. И поверь, я это заслужила.

Адриенна только вздохнула:

– Я приду... и сделаю, как надо.

– Сделай, дана. Ты – сила и воля этой земли, ты ее право и солнце. Ты можешь меня отпустить.

И дана СибЛевран кивнула.

Она придет.

С Марко она не поделилась. Действительно, ни к чему ему такое знать, не надо. А вот мешочек показала. И отсыпала снадобье...

Будем воспитывать эданну Сусанну. А то разойдется, еще кого-нибудь подставит...

Ей человека оклеветать, что юбки задрать, а у Марко жизнь была бы сломана...

Никакой пощады!

Мия

Настроение у девушки было преотличным.

С утра она ходила по делам в образе ньоры Феретти. Занесла в стражу два лорина, ради уважения, ну и договорилась со стражником о ремонте дома на Приречной.

Оставила ключ от висячего замка, оставила немного денег для оплаты труда мастеров...

Стражники не возражали.

Тоже заработок, хоть и небольшой. Но зато и делать ничего не надо, мимо они и так каждый день ходят.

Будут и злоупотребления, и воровство будет, Мия даже не сомневалась. Процентов тридцать она на это и отвела. Но ждать, пока дом окончательно рассыплется?

Отремонтировать, а там посмотрим, что с ним делать.

Домой она пришла довольная и счастливая. А вот дома ее позвал в кабинет дядя.

И судя по началу разговора – Мию ждет работа. Да, та самая...

* * *

– Дядя!

– Мия, а что в этом такого?

– Ну... практически ничего. Просто вы мне предлагаете совершить убийство. Наглое и откровенное.

– Оно чем-то отличается от тех, которые ты уже совершила?

- Я никого не убивала под чужой личиной.
- Правда? А кухарка у дана Риккарди? А сам дан Риккарди?
- Это было другое, – насупилась Мия.
- Неужели? И там и тут чужое лицо, и там и тут убийство...
- Мне надо подумать. Кухарке за это ничего не грозило, а тут...
- А что тут? С чего тебя начали волновать чужие жизни?

Мия сдвинула брови, и Джакомо понял, что перегнул. М-да... осторожнее надо, аккуратнее, шаг за шагом. А он вот, дурачок, повелся... решил, что Мия так же цинична, как и он сам!

Но его-то опыту сколько лет!

А ей всего тринадцать... пусть четырнадцать будет. Но только – будет! Джакомо пожал плечами:

– Я тебя неволить не буду. Давай я тебе эту историю расскажу, а ты сама и решишь, надо тебе вмешиваться или нет.

– Хорошо, дядя.

Мие это действительно не нравилось.

Она убивала, да. Но два раза она просто защищала свою жизнь. А дан Риккарди... она же его не резала! Не колола шпагой, не тыкала кинжалом... было так легко убедить себя, что она практически ни в чем не виновата... ну так. Самую чуточку.

А дядя предлагает что-то не то. Здесь поиграть в самообман не получится.

Джакомо присел напротив племянницы и задушевым голосом начал рассказ:

– У меня есть знакомая эданна.

– У вас, дядя?

– Что тебя так удивляет, Мия? Я тоже дан, поэтому у меня есть знакомства. А я, на правах старого знакомого, могу посоветовать ей, куда обращаться для решения проблем.

Мия кивнула.

Так и запишем. Была дядиной любовницей, потом осталась другом. Ничего удивительного, такое бывает сплошь и рядом. Не обязательно ведь врагами расставаться, те, кто поумнее, друзьями и остаются. Потом еще и помогают... по-дружески.

– К Комару?

– Почему нет? Недавно эданна вышла замуж второй раз. Она довольна и счастлива, она ждет ребенка.

– Но?

– То-то и оно, что – но! В каждой бочке меда есть своя муха. У ее мужа есть сестра. Старшая. Избалованная и ленивая дрянь. Тоже эданна, она тоже овдовела и вернулась к родным.

– Семья мужа ее не приняла?

– При жизни мужу все олени королевских лесов завидовали. А родственники этого решительно не одобряли.

Мия насмешливо фыркнула:

– Он что, с ней справиться не мог?

– Любил сильно. Дурак, понимаешь ли... может, потом и разобрался, но делать ничего не стал.

– Вот и нечего было на такой жениться.

– Ну кто ж знал? На тебя посмотри, так тоже сплошной цветочек, – подколот племянницу Джакомо.

Мия фыркнула в ответ:

– Кактус. Ладно, она вернулась к родителям.

– Детей у нее нет. А вот любовники есть. Сейчас она сидит на шее брата...

– Не родителей?

– Те живут в провинции, а брат в столице. В провинции ей неинтересно. Да и к шлюхам там отношение... своеобразное.

Мия кивнула.

Это она знала. Камнями сейчас, конечно, не побивали, но могли и двери вымазать смолой, и обрить налысо, а уж само отношение... с эданной так не поступят, конечно, ее статус защитит, но жить все равно будет неуютно. Смотреть будут, разговоры пойдут, куда-то не пригласят, руки не подадут... будешь ты всю жизнь второго сорта яблочко. Кому ж такого захочется?

– Итак, она в столице, сидит на шее у брата.

– Покупает на его деньги молодых любовников, украшения и треплет Сильвии нервы. Что будет, когда родится ребенок, Сильвия вообще не представляет.

Адриенна задумчиво кивнула:

– Я поняла. Так что надо от меня? Убить ее?

– Нет-нет, Сильвия предложила не это.

– А что тогда?

– Если Амора, так зовут эту девку...

– Любовь?

– О, она очень любвеобильна. Так вот, если Амора на глазах у всех, приревновав, убьет своего любовника, а потом постарается скрыться в толпе...

– Но?

– Но ее поймают.

– Дядя, я жить хочу, – кротко заметила Мия. Убивать-то ей предстоит. А ловить кого будут? Тоже ее? Вот спасибо, с озверевшей толпой наперегонки побегать! Всю жизнь мечтала!

– Мия, я тоже хочу, чтобы ты жила. Поэтому Сильвия берется обеспечить присутствие Аморы... например, мы назначаем им обоим встречу на мосту... любовнику на десять минут раньше. В чем будет одета Амора, ты будешь знать от Сильвии, мы тебя оденем похоже... ты приходишь, убиваешь его и бежишь. Народ за тобой. А я знаю один замечательный переулок...

– Ага. Я убегаю, на минуту исчезаю, а эта Амора как раз туда подходит?

– Да. И весь гнев народа переключается на нее.

Мия задумалась. А потом задала вопрос, который весьма порадовал Джакомо:

– Сколько?

– Тысяча?

– Дядя, своей шкурой рисковать буду. Я и не убивала так, напоказ, и убежать мне придется... по две тысячи на каждого!

– Мия, мне Сильвия столько не заплатит!

– А вы ее шантажировать не будете?

– Мия!!!

Девушка сморщила нос:

– А что я такого предполагаю?

Джакомо фыркнул в ответ:

– Абсолютно ничего удивительного. Но я никого шантажировать не стану.

– А Комар?

– Тоже.

– Почему? – С чисто техническим интересом спросила Мия.

– Потому что деньги – ерунда. Намного больше можно взять информацией или дружеской помощью, к примеру.

– Вот оно что... понятно. Ладно. Тысяча восемьсот на каждого.
– Ты меня без ножа режешь!
– Кстати, а с чем мне предстоит работать?
– Со стилетом.
– Вот видите? Нож и вовсе даже не обязателен!
– Вижу... тысяча двести!
– Дядя! Это грабеж среди бела дня!
– Сказал убийца...
– Вот! Поэтому тысяча семьсот. И только из большого уважения к старшему товарищу по ремеслу.
– Поганка, – беззлобно откликнулся Джакомо.
Торги продолжились каких-то полчаса и закончились на тысяче шестистах монетах золотом. На каждого из Феретти.
А судьба неизвестной Аморы?
Вот уж что Мию не волновало. Совершенно...

Адриенна

– Дана Риен! – Марко постучал в дверь, когда Адриенна и сама уже собиралась выходить. Так что едва не получил по носу дверью.
– Что, Марко?
– Знахарка... ну, та...
– Умерла? – коротко спросила дана.
– Да.
Адриенна вздохнула.
Вот не была тетушка Ата ей близким человеком, Адриенна и видела-то ее всего два раза в жизни. И все же, все же... К эданне Сусанне она бы на похороны пришла убедиться и порадоваться. А сейчас поедет поплакать и проследить, что все сделано правильно.
– Марко, прикажи седлать коней.
– Хорошо, дана Риен.
Хижина знахарки никогда не могла похвастаться многолюдством. Вот и сейчас...
Падре Санто.
Двое мужчин.

Какая-то ньора из деревни, которая и распоряжалась похоронами, видимо, знахарка ей за это заплатила. И все.

Гроб с телом стоял посреди хижины. Адриенна вошла без стука.

– Дана Адриенна? – удивился падре. Неприятно удивился.

– Здравствуйте, падре Санто. Благословите, – подошла к нему Адриенна.

– Да пребудет мир в твоей душе, дочь моя. Но что привело тебя сюда?

– Долг. – Адриенна смотрела падре в глаза. И взгляд не отводила, она ни в чем не виновата. – Тетушка Ата просила меня позаботиться о ее погребении и проверить, чтобы все было сделано правильно и достойно.

– Вы давно знакомы?

– Она жила на моих землях. Пару раз она помогала мне, советовала нужные травы. Вот и все.

Падре замаялся, и Адриенна помогла ему сформулировать:

– Тетушка Ата упоминала, что в ее прошлом были какие-то плохие дела. Какие именно, она мне не рассказала. Считала, что мне этого знать не надо. Но сказала, что исповедалась и получила отпущение грехов.

Падре перевел дух:

– Да, дочь моя. Все верно.

Хотя чего ему стоило отпустить *такие* грехи... седых волос, это уж точно.

– Я приду на исповедь, как только вы приедете. – Даже если Адриенна и была обижена на падре Санто... и было ведь за что! Вот кто эданну Сусанну одобрил?! Обижаться она могла. А вот пренебрегать своим долгом доброй христианки и своей репутацией не стоило.

Падре окончательно успокоился.

Будет ли Адриенна лгать на исповеди – еще вопрос. А вот он ее вранье точно распознать сумеет, девочка у него на глазах, считай, выросла.

– Что ж. Ты поступаешь правильно, дочь моя. Сейчас я прочту молитву, и можно будет хоронить.

– Я прощаюсь и пойду проверю, – кивнула Адриенна.

Гроб мирно стоял.

Женщина также спокойно лежала. И после смерти стало отчетливо видно, что она не нбора. Действительно, дана. Из тех, что могут решать судьбы людей.

Адриенна коснулась ледяной руки:

– Спи спокойно.

И уже про себя, потому что это касалось только их двоих:

«Я выполню, что обещала. Я не стану доискиваться, что было в твоём прошлом, передо мной ты ни в чем не виновата. Я отпускаю твою душу с миром».

И... показалось Адриенне или нет? Наверное, нет, потому что за спиной рвано вздохнул падре Санто.

Ровно на долю секунды скользнул в окно легкий весенний луч, коснулся лба покойной, окутал ее золотыми искрами...

И пропал.

А в домике воцарилось ощущение мира и покоя.

Что бы ни натворила эта женщина, она получила прощение. Не от людей. От того, кто Выше.

* * *

Наступившую тишину нарушил Марко. Случайно, просто зашел внутрь, он-то ждал дану снаружи и решил посмотреть, чего она задерживается. Неудачно открыл дверь, брякнул об пол заступ.

– Дана?

– Все в порядке, Марко. – Адриенна улыбнулась другу: – Все хорошо. Идем?

– Да...

Марко понял, что мимо прошло нечто интересное. Но разве ж добьешься ответа?

Место для могилы Адриенна одобрила. Здесь было хорошо... и летом еще лучше будет. Сосняк, песок, птицы петь будут, солнышко греть, да и сосны словно обнимали корнями небольшой холмик с ямой посередине.

Она бы сама от такого не отказалась. А освященная ли земля...

Это уже детали.

Камень стоит в сторонке. Имени нет. Годы жизни – и все. Что ж, она так хотела. Так и останется. Адриенна посмотрела на небо:

– Тихо...

– Да.

Марко ее не понимал. Да и Адриенна себя иногда не понимала. Но разве это важно?

Просто в какие-то минуты она особенно остро чувствовала этот мир. Невероятно остро, каждой клеточкой своего тела.

Эту землю, эти сосны, небо, птиц... чувствовала, что она и есть – мир! Или он растворял в себе сознание девушки? И она каждый раз все сильнее радовалась, что живет на этой земле?

Она не знала...

«Нет большего счастья, чем мир наш любить, с любовью дорогу свою проложить», – вспомнились ей стихи какого-то поэта, и девушка даже зажмурилась.

Именно так это и было.

И с губ сорвалось тихое:

– Я тебя люблю...

Не Леонардо, не кого-то из мужчин. Нет. В эту секунду Адриенна открывала душу миру. Она любила его до безумия, до слез, до боли в груди – и знала, что ее любовь взаимна.

Она принимала свое наследство, и мир ласково приветствовал свою дочь. Это же так естественно...

Детям – любить родителей, родителям – детей. Вот и получается...

Марко не мешал. Дураком он не был и понимал, есть моменты, в которые кто угодно – лишний. Да и заканчиваются такие минуты очень быстро.

Адриенна сбросила восторженное состояние, словно плащ с плеча, улыбнулась... и вот уже все хорошо. Но она самая обыкновенная.

Не властительница, не королева... да какие правители там, где речь идет о мире и любви? Просто – любимый и родной ребенок. Вот и все.

Захрустел песок под сапогами мужчин, которые несли гроб.

Адриенна подождала, пока его заколотят, опустят в могилу, падре еще раз помолится... и опустилась на колени:

– Покойся с миром.

Горсть земли полетела на гроб.

А что горсть эта была набрана вовсе даже не здесь, а под порогом часовни, в замке, что земля эта освященная...

Кому и какая разница?

Если есть хоть капелька правды в сказанном тетушкой Атой, здесь земля Адриенны. Ее право и ее сила. Так что...

Покойся с миром, что бы ты ни натворила.

И что думает об этом падре Санто, Адриенне было глубоко безразлично. Она уже поняла, что жизнь и вера – в лучшем случае пересекающиеся ручьи. А то и вовсе параллельные...

* * *

Филиппо Третий бросил на стол письмо. Голубиная почта, много не напишешь. Но ему хватало того, что есть.

– Ознакомься!

– Ну... и что такого?

Его высочество пожал плечами. Он ничего странного не видел.

Филиппо Третий только головой покачал:

– Сын, ты меня разочаровываешь. Вспомни дана Вентурини?

– Ну... дохлый такой?

– Вот-вот, правильное слово. Умиравший...

– Он еще не умер?

– Я его специально отправил с данной СибЛевран. Хотел после его смерти отправить другого...

– Но?

– Он не умер. Чувствует себя намного лучше, спрашивает разрешения летом съездить закупить коней для СибЛеврана.

– Да он же кашлял на перестрел вокруг! К нему подходить было страшно!

– Как видишь... ты еще считаешь, что это просто так?

Филиппо-младший пожал плечами:

– Не знаю, отец. Просто не знаю...

– Он кашлял кровью, а сейчас вот... выздоравливает. Ты понимаешь, что это значит? Что Адриенна действительно может снять

проклятие.

Принца это не слишком радовало. Вот если бы Ческа...

Но – увы. Идеала на земле точно не было.

Но как дан Вентурини вылечился, а? Может, туда еще кого отправить? Надо попробовать^[10].

Мия

Девушка стояла на мосту. Хотя кто узнал бы ее сейчас?

Где золотые локоны, где большие карие глаза?

Нет и в помине...

Вместо этого у нее короткие черные кудри и крысopodobное лицо. Желтоватая кожа, нездоровые зубы, тощая фигура без особых признаков женственности... да, будешь тут любовников покупать!

Мие решительно не нравилось новое лицо.

Недаром говорят, что внешность несет на себе отпечаток характера. Вот что с Мией ни делайте, она бы сказала, что ее нынешнее воплощение – хитрая и подлая баба. Стервозная и сволочная.

Если бы дядя сразу ей показал, кого надо копировать, она бы... а, нет! Цену она все равно не снизила бы, у нее брат, сестры и Феретти! Нашли благодетельницу! Перебьетесь!

Наряд, в отличие от внешности, ей нравился. И тяжелый темно-синий плащ с волчьим мехом, такой был и у оригинала, и платье из желтого бархата... Сойдет! Приметное...

Почему эта неизвестная Амора должна так же одеться?

А вот это Мию не касается. Ее дело простое.

Убить.

О, а вот и объект!

По мосту Влюбленных быстрыми шагами шел разнаряженный тип. Мия прищурилась на солнце. Все верно, почти полдень. Ей того и требовалось.

Ну и попугай же!

Алая котта, лиловый дублет из тонкого бархата, синий плащ, желтые штаны, алые же сапоги... это не считая большого количества

цепей, перстней, браслетов... вот еще выставка ювелирной лавки! Зато внешность не подкачала. Модные узенькие усики, завитые локоны золотых волос, большие голубые глаза... хорош, подлец! И прекрасно это знает! И пользуется наверняка.

Даже убивать не жалко.

Стоило красавчику-попугайчику увидеть Мию, то есть Амору, как лицо его на секунду дрогнуло. Ага, ну все ясно. С этой ты за деньги. А с кем ты по любви?

Мия сделала шаг ему навстречу, и красавчик расплылся в слащавой улыбочке, протягивая руки:

– Любимая моя!

Увы, план не предусматривал ни объятий, ни поцелуев.

– Изменщик! – возопила Мия, привлекая к себе внимание.

Красавчик даже приостановился:

– Что?!

– Ты мне не верен! Я все знаю!

– Я? Но, дорогая...

– Ты негодяй!!! Я тебя ненавижу!!! Ты разбил мне сердце!!!

С каждым воплем Мия не только привлекала к себе внимание, она еще и приближалась к намеченной жертве. И...

– За это я вырву твое!!!

Удар стилетом был нанесен мастерски.

Вообще, приличные люди в грудь ножом стараются не бить. Там реберная клетка, там есть хорошая вероятность, что нож скользнет по кости и уйдет в сторону... и вообще, что это за дурная театральщина? Когда есть прекрасные удары в печень, в почки (сзади, так что и на ответный удар нарываться не надо) ... На худой конец перерезать сонную артерию.

А это...

То, что творила Мия, было непрофессионально.

Но...

Стилет узкий. И цель свою он нашел отлично. Мия буквально почувствовала, как острая сталь поразила сердце красавчика. Выдергивать оружие она, конечно, не стала. Вместо этого гордо вскинула голову на манер романтической героини, давая всем окружающим полюбоваться крысиным профилем Амору.

– УБИ-И-И-И-И-ЛА-А-А-А-А!!! – заголосил кто-то рядом.

Мия сделала вид, что испугалась своего поступка, ахнула, подхватила юбки и помчалась с моста. Налево, куда и надо было. Даром, что ли, она вчера тут четыре раза прошлась? Чтобы сейчас уж точно не перепутать...

Бежать, расталкивая людей, свалить в грязь лоток с апельсинами и перед самым выходом на широкую улицу резко свернуть в щель между домами. И еще раз свернуть. И только там можно отдышаться, успокоиться... все! Интересно, сработало или нет?

Судя по торжествующим крикам – еще как! Жаль, посмотреть нельзя... ладно! Джакомо потом расскажет.

В красках. И пусть только попробует забыть про деньги...

Мия сосредоточенно меняла лицо. Потом она вывернет плащ наизнанку, на черный цвет, застегнет его и выйдет уже ни в чем не замешанной гражданкой. Но это потом, через полчаса.

Пусть все успокоится.

* * *

Амора медленно шла по направлению к мосту.

Традиция.

Можно бы и паланкином воспользоваться, но на мосту Влюбленных этого делать просто не стоит. Не принято. Неписаное столичное правило, по которому легко можно отличить местного от провинциала. А ведь она не деревня какая!

О том, что ее родители именно что деревенские даны, что она и родилась и росла в провинции, Амора предпочитала не вспоминать. Вычеркнула эту позорную страничку из биографии.

Интересно, зачем ее пригласил Пьетро?

Мост Влюбленных... красивое место. Может, он хочет сделать ей предложение?

Жаль, но придется ему отказать. Аморе нужен кто-то другой... более знатный, богатый, принятый ко двору. Пьетро, конечно, чудесный мальчик, и в постели с ним замечательно, но...

Но содержать его приходится Аморе.

Делать подарки, подбрасывать денег... а ей самой достается не так много!

Ах, эта тяжелая жизнь!

Раньше Аморе было полегче, но когда брат женился на этой мерз-с-с-с-ской стерве Сильвии, стало сложно. Раньше Амора полностью распоряжалась домом, могла подсунуть брату парочку-троечку лишних счетов, могла просто попросить...

А потом брат женился.

Закономерно все домашние дела перешли в руки его жены. Амора было обрадовалась. Это же хорошо, когда у тебя права, а у кого-то другого обязанности! Разве нет?

Сначала – да. А вот потом стало грустно.

Счета контролировала Сильвия, и обмануть ее не удавалось

Подписывала их тоже Сильвия. А попытка попросить у брата денег прошла первый раз, второй, а потом Сильвия и сюда влезла.

Амора, почему бы тебе не выйти замуж?

Да вышла бы!

Но ведь не абы за кого выходить?! Вот первый раз она уже... и что?! Муж только и знал, что гулять с друзьями! А такой был хороший, такие песни пел, столько обещал...

И что?!

Хорошо еще, детей нет! Потому что растратил дурачок все, что только мог.

О том, что тратились деньги и на нее тоже, что во всех гулянках и затях Амора лично принимала участие, а большинство и организовала, что родители изначально были против брака и сдались только под угрозой самоубийства...

Об этом Амора благополучно забыла. А зачем ей такое помнить?

Незачем...

Впрочем, все хорошо, что хорошо заканчивается. Муж помер, Амора вернулась домой, ведь, не имея детей, она не могла ничего унаследовать от супруга, поселилась с братом в столице, и все шло хорошо, пока Сильвия...

А все братец.

«Дорогая Амора, я все понимаю. Но моя супруга беременна, и я не стану ее расстраивать. И тебе не позволю. Будет так, как она сказала».

Подкаблучник!

Дурак!

Тюфяк!!!

Занятая своими мыслями, Амора не обратила внимания на толпу, которая бежала ей навстречу. Оглянулась только... а потом и поздно было.

– Братцы, да это она!!! – надсаживаясь, заорал кто-то.

– Точно, она! Хватай убивицу!!!

– Ишь, идет, как чистенькая, греха не побоялась!!!

Амора и пискнуть не успела, как ее схватили за руки и потащили к страже. А попутно еще пару раз дали по зубам, выбив то ли четыре, то ли пять штук. А это не просто больно.

После удара мужского кулака по челюсти голова плывет... были б мозги – было б сотрясение.

Стража тоже не дремала. Им что?

Есть тело, есть дело, есть куча свидетелей... надо хватать негодяйку да и тащить в тюрьму. А там... ничего хорошего там не было.

Про адвокатов никто еще и слыхом не слыхивал. А вот право сильного господствовало.

Свою роль сыграло и то, что Амора могла уйти на весь день, да и на ночь, остаться у любовника... Сильвии это не нравилось, но она привыкла. А брат и не беспокоился.

Так что искать ее начали только спустя сутки. Когда было уже поздно.

Суд тоже был простым и коротким. Сказать что-то? Защитить себя?

Амора просто этого не могла. Она себя отвратительно чувствовала после ударов, практически не соображала, где она находится и что с ней делают. А добрые сокамерницы раздели ее до полной наготы, прибрав даже исподнее. И благородно поделились взамен грязной рваниной. Так что...

Судья даже подходить близко не стал.

Осмотрел преступницу, выслушал стражу, свидетелей – и вынес приговор.

Повешение.

Который и привели в действие уже на следующее утро. А чего тянуть?

Есть труп, есть куча народа... да все тут понятно! Приревновала баба любовника, вот и убила его, из ревности, значит. Они ж когда любят, они вообще звереют. Вот когда у сук течка, кобели – звери. А у людей все наоборот. И самые страшные – это такие вот... течные.

Сильвия, кстати, не сожалела.

Вот ее супруг раскаивался, что не уделял сестре достаточно внимания, рыдал, страдал... жена утешала его. Правда, дочку Аморой назвать отказалась. Пообещала, что, может быть, лет через пять... сейчас ей не хочется, чтобы невинное дитя повторило эту ужасную, воистину кошмарную судьбу! Нет-нет, она на такое не согласна...

Да, дорогой. Это ужасно, просто ужасно... будь она хотя бы в паланкине или со служанкой, как положено благородной эданне...

Но какая служанка на свидании с любовником?

Вот и вышло, как вышло. И благородному дану придется жить с осознанием того, что он не уберег сестру.

А благородной эданне Сильвии – нет. Она как раз понимала, что оторвала от своей семьи мерзкого клеща. Или пиявку, учитывая пол. Оторвала, приггла и думать забыла. Рано или поздно, так или иначе... эта стерва сама нарывалась! Только вот сейчас все прошло быстро и качественно.

А как бы оно было потом?

Где бы их подставила эта гадина?

Сильвия честь по чести отдала десять тысяч золотом и не жалела. Могли бы и больше запросить, она бы все равно не сомневалась. Но Джакомо...

Ах, Джакомо.

Да, было. И будет что вспомнить. Но, к сожалению, они оба были не свободны. И Джакомо честно предупреждал, что никогда не бросит супругу...

Вот Сильвия и вышла замуж. И расстались они друзьями. И остались ими...

Постели между ними уже не будет, конечно. Да и необязательно это. Хорошие отношения к смятым простыням не сводятся, можно и просто дружить, уважать, понимать... быть объединенными общей грязной тайной.

Сильвия немного побаивалась, конечно, но Джакомо при встречах улыбался и раскланивался, разговаривал обо всем и ни о чем.

И, конечно, не делал никаких попыток шантажа.
Зачем?

Шантажом он больше потеряет, чем приобретет. Так что Сильвия расслабилась, успокоилась, а потом родила ребенка, уехала с ним в деревню, там родила еще двоих... и забылась-закрутилась колесом времени вся история.

Даже на исповеди Сильвия этой тайны не откроет. А зачем? Она сделала то, что должна, она защитила свою семью. Остальное для нее значения не имело.

Глава 6

Адриенна

Джустино поудобнее устроился у дороги.

Нищий он, нищий...

Пода-айте на пропитание...

Сидеть пришлось долго, прежде чем мимо проехала целая кавалькада. Во главе ее скакал светловолосый мужчина средних лет. Он в сторону Джустино даже не посмотрел. Сидит тут – и пусть его.

Хорошо хоть плетью не вытянул.

Они проезжали мимо, один за другим, одна за другой... всего шесть человек, двое взрослых, двое подростков, двое стражников.

Движение замедлила лишь одна.

Та самая...

Адриенна, видя сидящего у дороги нищего, придержала коня и прыгнула на землю.

– Возьми.

В пыль у ног мужчины упало несколько сольди. Хм, щедро, он и на пару рий не рассчитывал.

– Благодарю, дана. Вы истинное украшение своего рода.

Адриенна сдвинула брови.

Джустино разглядывал девушку, делая это практически незаметно, из-под спутанных волос...

Красивая.

Точеное личико, черные волосы, голубые глаза яркие, словно светящиеся, кожа как фарфоровая – прелесть. Даже убивать жалко. Вот бы сначала с ней... того... а потом уж убивать.

– Адриенна, что ты застряла?! – Леонардо тоже придержал коня. – Чего его жалеть? Эту тварь?

Адриенна нахмурилась. И обратилась уже непосредственно к Джустино:

– Если ты ищешь работу – наймись на мельницу. Мельнику подмастерье нужен, его подручный недавно сбежал.

– Не смогу я, дана, – вздохнул Джустино. – Сами видите, каков я... а там же мешки таскать надо. Тяжелые... надорвусь.

Что верно, то верно. Джустино вообще походил на подростка и прозвище носил – Ласка. Опасное, кстати говоря, животное. Тонкое, гибкое, но лосю горло перегрызет и не затруднится.

Адриенна ненадолго задумалась.

– Тогда в трактир. «Яблоко в вине», запомнил?

– «Яблоко в вине», дана...

– Хозяин дело расширять собирается, работа найдется.

– Адриенна!

– Удачи тебе, путник.

– И вам удачи, дана...

Монеты Джустино подобрал. И чувствовал себя...

Не лаской, а свиньей. Причем полной.

Понятно, заказ дан. И исполнять его надо, никуда не денешься. Но как же обидно! Он бы любого из этой компании исполнил! И порадовался – терпеть не может данов.

А пожалела его девчонка. Единственная.

Не просто дала денег, но и подсказала, где можно поработать.

Не кинула монеты в грязь, сошла с коня, положила... отнеслась как к человеку. Хотя Джустино знал, что он сейчас страшный, грязный и вонючий. Но так проще – хорошая маска. Кто будет приглядываться к нищему? Пф-ф-ф-ф-ф!

И все же... девчонка им не побрезговала.

Более того... она настолько знает свое поместье?

Знает, кто и где нужен?

Ладно, на мельницу он действительно не пойдет, а вот в трактир и заглянуть можно. Хорошее место, туда все слухи и сплетни стекаются. Вот он про дану Адриенну узнает подробнее.

Правда она такая, что ли? Или перед мужиком выкаблучивалась?

Такое тоже возможно, все бабы, как до мужика доходит, такими стервами становятся... подумать страшно! А на вид-то сущие ангелочки с крылышками.

Сюси-пуси-заманюси...

Только что медом не намазаны!

Но Джустино уже чувствовал, что это не игра. И ему впервые за много лет было обидно. Осьминог отдал приказ, он все исполнит... но

убивать тех, кто тебе не нравится, намного легче и приятнее.

Мия

– Братик!!!

Мия пролетела по сходням, едва не сбив их в море, и повисла на шее у брата.

Ждать его дома?

Как подобает благородной дане?

Никто и предложить-то такое не решился. Жизнь была дорога всем. И Джакомо, и Фредо Лаццо, и даже Марии, которая хоть и косилась неодобрительно, но не спорила. Да и о чем тут спорить?

Встретить брата из поездки?

Чей гнусный язык повернется осудить родственные чувства благородной даны? Тем более что Мия была под вуалью. Мало ли кто там и кому на шею бросается?

– Миечка, родная!

Энцо стиснул сестру что есть сил. Получилось неплохо, потому что Мия резко выдохнула:

– Пусти, задушишь! Ну, ты и вымахал... вроде бы ненадолго уезжал?

Энцо застенчиво улыбнулся.

После той вспышки на корабле, когда он едва не перебил всех пиратов, он в основном занимался тремя делами.

Он ел, спал и тренировался.

Может, он бы и тренировками пренебрег, но Чезаре и Леоне, в благодарность за спасение своей жизни, были неумолимы. Энцо их спас?

Так-то да. Без него пираты бы смяли сопротивление торговцев. Все же это разные вещи, когда ты берешься за клинок по большим праздникам, чтобы пыль с него смахнуть, – и когда клинок тебя кормит. У торговцев был первый вариант, у пиратов – второй.

Энцо спас их, и меньшее, чем они могли отплатить, – дать ему то, что спасет жизнь Энцо.

Знания и умения.

Тренировки, тренировки, тренировки...

Паскуале не возражал. Он мотался по острову, закупал одно, продавал другое, кстати, пиратский корабль тоже ушел за хорошие деньги, так что Энцо теперь был вполне состоятельным молодым человеком... по провинциальным меркам. Восстановить Феретти этого бы все равно... ладно, на ремонт хватит. А приносить прибыль уже не получится.

Лоренцо купец с собой брал и знал, что парень кое-что усваивает. Не все? Ну, так что же... не получится из него хорошего торговца, да и не его это стезя. Но знать, откуда берутся деньги, он будет, разбираться будет, его не обманут, медяк за золотой не всучат – что еще надо? Практически ничего.

Так что... сон, еда, тренировки...

И Энцо, неожиданно для себя, начал расти.

Расти быстро, причем не только вверх. Начали появляться мышцы... Сейчас он выглядел ровесником Мии, а то и чуточку постарше.

– Я и сам не ожидал. Мне столько надо рассказать... столько!

Мия кивнула.

Она с удовольствием послушает.

* * *

– И там кровь! И кишки всюду! И трупы валяются...

Энцо рассказывал с явным воодушевлением.

– Пираты! – охнула Мария. – Ужас какой, вас убить могли...

Малышка Кати, которая играла рядом с мамой, да, она так уже вполне уверенно называла Марию, подняла голову:

– У-ить?

– Все хорошо, маленькая. – Мария погладила ее по мягким каштановым волосикам. – Все хорошо.

– Нас действительно положили бы там, – кивнул Паскуале. – Если бы не Энцо...

– Энцо? – Мия посмотрела на брата.

Что случилось?!

Неужели... нас двое?! И просыпается кровь?!

Энцо пожал плечами:

– Я так и не понял, что именно произошло. Как звезда вспыхнула... и я в себя пришел только на койке.

– Да уж... звезда, – хмыкнул Паскуале. – Почти два десятка пиратов, пиратский капитан, выпотрошенный, как рыба... оставшиеся бежали вперед своего визга, кое-кто и за борт попрыгал, лишь бы с чудовищем на одном корабле не оставаться.

– Чудовищем?

– Выглядело это именно так, – не смутился Паскуале. – Весь в крови, шипит что-то... не разберешь. И убивает. Я уж испугался, думал, не остановим.

Чезаре и Леоне, которые тоже присутствовали в гостиной, закивали. Они тоже тогда испугались. Поди останови... такое.

– Только шипел? – уточнил Джакомо. – А чешуей не покрывался? Хвост не отрастил?

Мия оценила. А как еще спросить про метаморфозы? Вот так, шуточно...

– Чешуи не было. И когтей, и клешней, – фыркнул Паскуале. – А вот шипел Энцо знатно. У вас в роду никого такого не было?

Мия также показательно задумалась.

– Ну... дядя, вы на что намекаете? Что все женщины – змеи?

Дядя посмеялся, но вопрос все же повторил:

– Вирканги или еще кто? Мия, ты не знаешь? У вас в семейной Библии не записано?

– Вирканги? Но... – Мия еще не поняла, при чем тут это, но нутром чувствовала: соглашайся! – Дядя... о таком не говорят вслух.

– О чем именно? Мия, тут уже поздно что-то скрывать, Энцо половина корабля видела. Мы должны знать... мало ли что случится?

Мия посмотрела в сторону.

Мама, прости. Так надо.

– Мама рассказывала, что прабабка, земля ей пухом, была достаточно... свободной женщиной. И мужчин любила. Разных. Энцо, ты прости, пожалуйста. Я тебе об этом не говорила, ну так женские сплетни... да и время тогда другое было! Прабабка же! Я и подумать не могла...

– А муж как к этому относился?

Мия развела руками:

– Не уверена. Не знаю. Но если кто и мог погулять на стороне, так это она. И светлые волосы опять же... у матери тоже такие были. Вроде как и у бабки.

– Вот и сходится все, – кивнул Паскуале. – Берсеркерство это. Если бабка с кем из виркангов погуляла, могла и по наследству передать.

Мия вздохнула:

– Мама об этом говорить не любила. Вообще могла не поделиться, но... так получилось. Зашел разговор.

Мужчины покивали. Мол, понимаем, бабские тайны – они такие. Женщины за них кому хочешь глаза выцарапают. А с подругой или дочерью сами и делятся.

– Значит, вирканги.

И разговор пошел по новому руслу.

* * *

М-да.

Есть вещи, которые и рада бы забыть, да не получится.

Мия слушала, что рассказывал Энцо. И... и дядя слушал. И скрыть это не удалось бы. Недаром такими взглядами обменивались Чезаре, Леоне и Джакомо. Мия не обольщалась, конечно, они бы все доложили дяде.

Но... что случилось с братом?

Откуда это... берсеркерство? Хотя одно предположение у Мии было, но как же оно ей не нравилось! До бе-зумия...

Ее не радовали даже три нити жемчуга – на руку, на шею и в волосы, редкостного розового оттенка, – которые ей привез брат. У Серены, кстати, жемчуг был белый, но с зеленоватым отливом, у Джулии – золотистый. Нет, не радовали. А вот Джакомо явно обрадовался. И с трудом дождался конца вечера, чтобы потом начать разговор...

С трудом до дома дотерпел. До кабинета.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать, Мия?

Мия вздохнула:

– Не хочу, дядя. Но придется.

Она уже продумала, что будет говорить. Она уже догадывалась, что могло произойти с братом. Но...

Но она – это одно. Дядя – это совсем другое. У него свои интересы, и знать некоторые вещи он попросту не должен. Ни к чему.

– Итак, племянница?

– Я не знаю, проявится ли это у Энцо еще раз или нет. Это как обратная сторона моего дара, – пожала плечами Мия. – Я же оборотень. Я превращаю свое лицо в чужие... говорят, раньше и в животных могли.

Джакомо кивнул.

То есть сам он раньше в это не верил. Но ты поди зайди в деревеньку? В любую... Сколько тебе сказочек про оборотней понараскажут?

Ой, много... расхлебывать замучаешься! Иногда создается впечатление, что в деревнях каждый третий оборотень. А то и каждый второй.

Но Мия-то есть?

То-то и оно... Мия есть. А значит, и оборотни быть могут.

– Вот. Раньше, мама рассказывала, могли и в зверя превращаться. Не во всякого, но... допустим, если волк, то и собака, и шакал...

Шакала Мия в жизни не видела, но, кажется, он тоже похож на волка?

Джакомо кивнул. Может, и так у этих метаморфов было? Кто знает?

– Размеры, правда, оставались примерно теми же. Так и появились истории о гигантских волках, – объяснила Мия.

И про это Джакомо тоже слышал. Хорошо, допустим.

– Энцо не превратился.

– Вот он-то как раз и да. Внешне он остался человеком, но вы же слышали, что рассказывал Чезаре? Что говорил Паскуале? Про шипение...

– Ага, – начал соображать Джакомо, – то есть внешне человек, а внутренне...

– Да. Убивало животное. Которое и завладело человеческим разумом. Хорошо еще, никого зубами не погрыз. Видимо, кинжалом удобнее было, или чем он там орудовал, тело просто не забыло навыки. А то мог и порвать, и даже сожрать...

Джакомо кивнул:

– Понятно...

Мия развела руками:

– У мужчин этот дар может проявляться полноценно. Тогда они о себе все знают и не теряют рассудка. Контролируют своего хищника. Но, видимо, Энцо не повезло.

– Это еще как сказать...

– А как тут скажешь? В смертельной опасности? Или в диком испуге? И то повезло, что своих не перебил. Ей-ей, просто повезло. Видимо, принялся или еще как-то запомнил, с кем на корабле плыл, а то бы лежали там и свои, и чужие двумя ровными рядочками. И Лоренцо помер бы, кто б о нем позаботился?

Джакомо задумчиво кивнул.

Да... если так посмотреть, Энцо откровенно бесполезен. Даже и вреден.

С Мией все понятно, тут сплошная польза. А с мальчишки что можно получить?

Собрать всех врагов в одном месте, потом разозлить или напугать Энцо и кинуть к ним? Причем без гарантии, что это состояние вернется, что он сможет его проконтролировать, что не убьет кого не надо...

Нет. Это ни о чем. Использовать это попросту не получится. Глупо и бессмысленно.

Это правда как берсеркерство. Враги боятся, друзья опасаются, а толку – чуть. В битве, если будешь кидаться то вправо, то влево, не глядя на своих и не думая о защите, быстро и погибнешь. Слышал Джакомо о берсеркерах... их на прорыв пускали или чтобы напугать врага. И гибли они очень быстро.

Нет, бессмысленно.

– А что-то другое у него может быть? Слух, нюх...

– Не знаю, дядя. Вряд ли. Если только в *том* состоянии, но я проверять не полезу.

Джакомо хмыкнул.

Он не полезет тоже. Ему еще жизнь дорога. Да, очень жалко... но ведь не может все быть идеально? Надо то, что имеешь, пристраивать! И к Комару зайти, вдруг еще какие интересные заказы есть?

На следующий день Мия едва дождалась, пока дядя уйдет. И отловила брата. Благо Энцо так соскучился по сестрам, что попросился ночевать к дяде. Джакомо не возражал.

– Пошли прогуляемся.

– Мия?

– Энцо. Пошли. Гулять, – наредила голосом Мия.

И первая вышла в маленький садик. У него одно преимущество было, Мия уже убедилась. Подслушать их не получится. Никак...

– Энцо, нам надо серьезно поговорить.

– О чем? Ты замуж выходишь?

– Тьфу на тебя, дурак!

– Мия!

– Энцо, ты мне подробно расскажи, что было ДО того, как ты... преобразился.

– Я уж сто раз рассказывал.

– В сто первый расскажешь. Тогда и я тебе кое-что расскажу, – пообещала Мия.

– Ты что-то знаешь? – напрягся мальчишка.

Его эта ситуация тоже волновала. И чего удивительного? Он – и вдруг сам себе не хозяин... страшно! Врагу бы такого пожелать, но и врага жалко!

– Я тебя слушаю, – напомнила Мия.

А поскольку она знала, что именно надо спрашивать, она и узнала то, о чем не догадались ни Чезаре, ни Леоне, ни сам Энцо.

– Ты попробовал человеческую кровь.

– Н-не знаю... наверное. Я весь в крови был. Может, и слизнул... но там и моя была. Точно.

Мия вздохнула, мысленно поминая Фьору не теми словами, что надо бы. Мама, ну что тебе стоило узнать больше?!

Рассказать МНЕ больше!

Я словно слепая, в темноте... и Энцо тоже. Впрочем, хорошую подсказку мне и так дали.

– Меня мама предупреждала, – не солгала девочка. – Нам нельзя пробовать человеческую кровь.

Энцо аж головой помотал:

– Не понял?! Почему она тебя предупреждала?

Мия вздохнула:

– Когда ньора Катарина болела, я поехала к лекарю... по дороге на нас напали грабители. Помнишь?

– Помню, – кивнул Энцо. Как же он корил тогда себя, что сестру отпустил! Надо было самому...

– Вот. Я тоже тогда была вся в крови. И мама очень испугалась.

– Почему?

– Вы насчет виркангов догадались правильно. Были они у нас в роду. И берсеркеры были, – вздохнула Мия. – Только у женщин это меньше проявляется, а вот у мужчин...

– У мужчин?

– Попробовав чужую кровь, ты потеряешь разум.

Мать говорила – иликрепишься в той форме, в которой была, или приобретешь жажду крови, словно волк-людоед. Но грозило ли это Энцо?

Мия не знала, но на всякий случай решила его напугать, и пострашнее. Кажется, получилось.

Энцо передернулся:

– Я не помню, что тогда было. Но говорят...

– Это было страшно. Безмозглое чудовище в твоём облиии. Кровожадное и плотоядное, кстати.

– Брр...

– А откуда, по-твоему, идут сказки про оборотней? Ты шипел, а кто-то рычит, воет, на четвереньки падает, вот и...

– Ох-х-х...

Энцо впечатлился. Мия вздохнула и погладила брата по голове:

– Ничего. Один раз повезло, главное – на второй судьбу не испытывать. Дай мне слово не пробовать человеческой крови!

– Обещаю, – с чистой совестью сказал Энцо. – Только если будет... вот как там, с пиратами.

– Принято.

Против второй оговорки Мия не возражала. Если все равно, как погибать, так, может, оно и лучше будет. Чудовище – оно ведь не соображает ничего! Мало ли что там происходит? Оно ни о чем не думает... это просто безмозглый монстр. А такой и смерти не боится – ему нечем бояться. У него разума нет...

– А давно у нас в роду были вирканги? А кто?

– Мама не уточняла. Сам понимаешь, мы уже давно живем здесь... это вроде как еще до Эрвлинов было. И ничего не проявлялось, только цвет волос... – Мия демонстративно покрутила золотой локон перед глазами брата.

– Но мать все равно рассказала.

– Как сказку. Она в это не верила.

– С-сказочка, – скрипнул зубами Энцо. – Спасибо...

– Не говори никому, ладно?

– Даже...

– Энцо, вообще никому. Знают двое – знает и свинья. Представляешь, если тебе ради забавы крови подольют? Пары капель в кубок с вином тебе с лихвой хватит. А если кто-то из родных рядом окажется?

Энцо представил и поежился:

– И я тогда...

– И меня. И девочек. И даже малышку Кати. Хочешь это проверить? Или хочешь на виселицу? Как одержимый? Прости, на костер.

Вот теперь мальчика и правда пробрало:

– Я буду молчать, Мия. Клянусь.

– Я принимаю клятву.

Мия подумала, что иногда и вранье не во вред. Может, потом брат на нее и обидится, если узнает правду. А может, и нет. Другой возможности защитить и его, и сестричек у Мии все равно не было. И насчет малышей надо тоже предупредить.

Мало ли что...

Ей все чаще казалось, что урод (или наоборот – совершенство) в семье только она. Остальные это не унаследовали. Энцо?

Это другое, и контролировать он свое состояние не может. А девочки... в девочках кровь спит. И это хорошо.

Мия все равно рассказывала им сказки про оборотней, все равно вплетала в них то, что узнала от матери, что замечала за собой... может, когда-нибудь им это пригодится.

Но дай Бог, чтобы никогда не пригодилось.

Дай-то Бог...

Кто-то сказал, что летом можно скучать?

Немедленно плюньте наглецу в его глупые лживые глаза! Или... или он просто лентяй. Вне зависимости от времени года. Вот у Адриенны было столько дел, что она с ног сбивалась. Лето – это пора, когда день год кормит.

Запасли сено или нет, что там с рыбными прудами, которые надо чистить и расширять, требуется ли починка каким-нибудь домам в деревне, что с урожаем, какую часть скота можно прирезать, а какую оставить на расплод, вычесывается ли пух и шерсть...

Вопросы, вопросы...

Адриенна носилась по поместью, словно ураган. Из одного конца в другой, из третьего в четвертый.

Помощи, увы, не было.

Дан Рокко уехал к дану Каттанео. Джас и Анжело он взял с собой.

Дан Марк сначала помогал, конечно. И тянул половину всех дел поместья, но эданна Сусанна его допилила. Несчастная так мучилась от кожной болезни, ТАК мучилась, что смотреть было страшно. Скосило ее по весне...

Вроде и не чихала, и не кашляла, а начала покрываться красными противными пятнами, потом пятна зазудели, а потом зуд стал и вовсе невыносим.

Чесалась эданна, прерываясь разве что на мужа. А потом, наверное, и во время общения с мужем чесаться начала. Дан Марк точно почесывался. Нервно так...

Не помогало ничего. Ни притирания, ни мази, ни компрессы. С трудом удавалось замаскировать противные расчесы, но вылечить их? Даже чудотворное снадобье, мазь из жабьего камня, не сработала. То есть это был не яд.

Адриенна и Марко наблюдали за этими почесываниями с плохо скрытым удовольствием.

А что такого? Человек делом занят, человеку хорошо... наверное! Вот вы видели, какое лицо у эданна, когда та чешется? Нет? А зря!

Она с удовольствием чешется! Так что все правильно. И ей приятно, и вообще... Сидит себе эданна, почесывается, никуда не лезет, делом занята! Это ж чудо и красота! Радоваться надо!

Адриенна и радовалась! А уж Марко как был рад!

Прекращать развлечение и объяснять ей про телесную и душевную чистоту? Как-то Адриенне не хотелось. Эданна по-прежнему бегала к конюхам, тут ей никакие почесывания не мешали. Значит – не страдает. Хорошее снадобье оказалось, жаль, что так мало! Но Адриенна его побережет, может, еще когда пригодится?

И тетрадки полистает. Вдруг получится еще порцию приготовить? Знахарка умницей была, на память не надеялась, все записывала. Да таким красивым почерком, что посмотреть приятно.

У ньор такого обычно нет. Все же она была даной. Только вот что с ней случилось? Что погнало ее в эту глушь?

Адриенна не знала. Бумаги, свернутые трубочкой, так и лежали среди ее вещей. Она их даже не открывала. Зачем? Что бы ни сделала знахарка в молодости, старость она встретила достойно, и Адриенна от нее зла не видела. Вот и вспоминать ее будет только добром.

Особенно за Сусанну.

Была бы жива тетушка Ата, она бы объяснила девушке, что снадобье тут уже и давно ни при чем.

Сусанна все сделала сама. Снадобье просто давало небольшую кожную реакцию, вроде аллергии, так бы она сама прошла, как эданна перестала его принимать. Но...

Вот именно, что – но!

Эданна пользовалась притираниями – раз!

Благовонными маслами – два!

Косметикой – три!

Мало? Так ведь в косметику и ртуть входит, и сурьма, и свинец, и много еще чего приятного, вроде толченого мела... все, понятно, натуральное. Но полезно ли наносить свинец на свежие расчесы? На раздраженную кожу?

То-то и оно.

Началось из-за снадобья. А потом эданна отлично справилась и сама. Вот на Адриенну бы не подействовало, к примеру. Розы, следуя примеру эданной СибЛевран (Рианны, понятно, а не Сусанны), приучила Адриенну купаться каждый день. Каждый вечер.

А если получится, то и два раза в день.

Косметикой девушка тоже не пользовалась, в притираниях не нуждалась, а от ароматических масел начинала зверски чихать. И

болезнь бы у нее долго не продлилась. Нельзя же бесконечно подсыпать снадобье, рано или поздно попадешься...

А вот у эданны Сусанны так не получилось.

В результате отчаявшаяся женщина замучила супруга, и тот повез ее на воды. К чудодейственным источникам.

С ними же отправился и Леонардо.

Вот тут Адриенна не знала, довольна она или нет? С одной стороны, Леонардо был и оставался сыном эданны Сусанны.

С другой, он явно за ней ухаживал.

Адриенна пока еще не созрела для полноценных ухаживаний, но ей все равно было приятно. Приятно осознавать, что она красива, что она кому-то нравится, что она любима...

Дан Рокко видел цену этим ухаживаниям, но с Адриенной своими соображениями не делился. Он полагал, что каждый должен совершить свои ошибки самостоятельно.

До чего-то серьезного он не допустит, а по мелочи... пусть девочка развлечется.

Адриенна об этом не знала и колебалась.

Хочется – или нет?

Приятно – или нет?

И что вообще с этим дальше-то делать? Она вроде как невеста и замуж собирается, и жених измены не потерпит...

Если обычного парня у алтаря бросить – это не страшно, это позор и пятно на репутации, но бывает. А вот измена королевскому роду... она так и понимается, как государственная измена. Филиппо Первый, кстати, свою супругу за измену казнил. Точную историю никто не знал, но вроде как зашел его величество в тот момент, когда паж помогал ее величеству принимать ванну. И как-то он уж очень перестарался, намывая даму во всех позах...

Пажа король не догнал, но стража его схватила, хоть и выскальзывал, что тот угорь намыленный. И казнили его на следующее утро.

А королеву его величество в той ванне самолично и притопил. И сформулировал: «Измена королю – государственная измена». Принцу, наверное, тоже.

Рисковать собой Адриенне не хотелось, так что... а делать-то что?

Ну не могла она нормально во все это играть. И краснела, когда Леонардо помогал ей сойти с лошади, задерживал ее руку в своей, пел для нее песни, пытался сопровождать по поместью... конечно, не каждый день, но все же!

Как же сложно жить!

Адриенна вздохнула.

Жара была такая, что пот тек под волосами. Вроде бы и в две косы заплела, чтобы затылок был открыт, и укладывать не стала, а все равно чувствовалось, что пряди неприятно влажные. И нижнее белье тоже. И вообще...

Исккупаться?

Хорошая идея.

Адриенна в СибЛевране знала каждую тропинку, каждую речушку, каждую заводь. Вот и сейчас...

— Ньоры, — обратилась она к двум стражникам, которые ее сопровождали.

А как же? Благородная дана не может ездить одна, это какой урон репутации? По-хорошему еще бы и служанку с собой брать, но кто ж столько в седле выдержит? Это она себя прекрасно чувствует, подаренное даном Каттанео седло такое удобное, что хоть ты в нем спи! А служанку мучить ни к чему.

— Я хочу искупаться. Пожалуйста, посторожите меня, чтобы никто не подглядывал.

— Конечно, дана.

Адриенна решительно свернула на тропинку, ведущую к реке. Там как раз было хорошее место. Просто чудесное.

Обычно берега у речек качественно так зарастают мелким подлеском и прочими мусорными деревьями, потом они влезают в реку поглубже, потом еще засоряют ее, и приходится регулярно вырубать всю эту поросль. Кстати, не забыть оглядеться, может, пора крестьян отправить?

Но то обычно. А вот в этом месте ничего такого не было.

А еще сразу видно, если кто подглядывать вздумает.

Песчаный берег и сосны. И несколько дубов.

Почему они так выросли? Адриенна не знала, но они росли на пологом берегу, на самом спуске к воде, и всякий ивовый мусор вокруг них не появлялся. И заводь там чудесная. И речка хорошая...

Как – хорошая? Она там как раз поворот делает, вот и получилась заводь. Уютная и аккуратная. А вообще, Мутная – речушка с характером. Омуты есть, холодные течения... затянуть может запросто, даже опытного пловца. Это Марко объяснил когда-то дане.

Сведет ногу – и не выплывешь. А еще река – действительно мутная. И в водорослях запутаться преотлично можно, и на топляк напороться... но не в этой заводи.

Адриенна еще раз огляделась.

Ладно, у благородной даны был свой ма-аленький секрет. Купаться в речке она предпочитала полностью обнаженной, и на то были причины. Надевать платье на мокрое белье?

Неудобно как-то.

А в мокром белье на лошадь?

Через минуту все это самое в кровь сотрешь, ни один лекарь не поможет.

Конечно, купаться обнаженной дана не должна. Да что там! В собственной комнате, в собственной ванной она должна сидеть только и исключительно в рубашке! Обнаженное тело – это грех!

Так учат священники.

Непонятно только, а чего мы в этот мир приходим нагими? Так Господь повелел?

Фу, как неприлично! Адриенна даже хихикнула от мысли, что каждый ребенок мог бы родиться в рубашке. Или бархатном костюмчике. Еще и с цепью на шее.

Потом нахмурилась.

Да, больная тема. И у нее мать умерла при родах, и нигде не сказано, что сама Адриенна жива останется.

Только вот ее мать...

Она многое предусмотрела, и Адриенна осталась жива... а если бы отец женился на Сусанне пораньше? Лет пять назад?

Ой, не приведи Господь! Точно б ее или извели, или, как в той сказке про замарашку, к слугам бы сослали. Еще и благодарить пришлось бы!

Адриенна грустно вздохнула.

Сказки-сказки...

Вот тебе и сказочка. И девушка есть, и сирота она... Честно-то говоря, и принц есть. А счастье – будет? Ну, хоть какое-то? Живут

люди в браке без любви, она знает. Но там понимание есть, уважение, общее дело... у нее этого не будет. К делам ее никто не подпустит, а понимание и уважение... ее будущий супруг по уши любит другую. И уже сейчас терпеть не может Адриенну.

Грустно это все.

Адриенна спрыгнула с коня, потрепала его по умной морде, а привязывать не стала.

Зачем? И так никуда не уйдет...

На седло полетела одежда. Адриенна собралась снимать уже и нижнее белье, когда...

Такой плеск бывает, если в воду обрушивается нечто тяжелое. Дерево? Или камень? Или часть берега осела, подмытая течением?

А вдруг в реке какое чудовище завелось?

Девушка замерла.

Так... что бы ни случилось, в воду соваться глупо, сначала надо посмотреть, что там проплывет... ладно бы ниже по течению, а это — выше. Значит, рано или поздно она увидит, в чем дело.

Минута, две...

Река плавно вынесла из-за поворота девичье тело.

* * *

Белье?

Лошадь?

Адриенна обо всем забыла, метнувшись в реку. Разве что завизжать успела:

— ПОМОГИТЕ!!!

И помчалась по мелководью, рассекая воду, добираясь до той глубины, на которой можно плыть.

Заводь-то заводь, но течение и тут есть. И хорошее.

Промедлишь — утянет дальше, а там... там уже можно и не выловить девчонку, и самой утонуть...

Гребок, второй...

Как же хорошо, что Марко научил ее плавать! Да, не положено, но вода словно сама держала Адриенну, несла, покачивала... сейчас, правда, воде не хотелось отдавать добычу, но Адриенна была упорна.

В несколько гребков она достигла утопленницы – и крепко ухватила ее за распутившиеся длинные волосы.

Не отдам!

НЕ СДАМСЯ!!!

И все же одна она ничего сделать не смогла бы. Не тот вес, не те силы... рано или поздно Адриенне пришлось бы признать свое поражение. Течение подталкивало и тянуло, девичье тело вырывалось из рук, да и тяжесть какая... хорошо еще – не дергается. А то б точно утонули в первую же минуту обе.

Но сначала не успели, а потом и помощь пришла.

На крик девушки вылетели оба стражника.

Огляделись, поняли, что происходит, и тут же поделили обязанности. Один, как есть, не раздеваясь, бросился в реку. Второй перехватил испуганного коня, принялся успокаивать...

Адриенна с облегчением выдохнула, когда утопленницу у нее переняли.

– Доплывете, дана?

Бернардо – припомнила девушка имя стражника.

– Да...

– Точно?

Стражник смотрел серьезно, внимательно. Если что – он эту девку бросит, кто б она ни была, и будет дану спасать. Его дело Адриенна.

– Все. В порядке...

Выдыхала Адриенна достаточно резко, сил у нее все же было не так много, и короткая схватка с рекой за тело девушки порядком вымотала дану. Заводь – это одно, а девчонка-то плыла не в заводи, она плыла по собственно руслу. А вытащить ее оттуда было сложно.

– Плывите, дана, я за вами...

Тоже разумно.

Мало ли что... постороннюю девку вытащит, а родная дана утонет?

Нет уж, на такое Бернардо не согласен! Дана ему нужна, дана Адриенна вообще любимый человек, она как солнышко, замок согревает. И менять ее абы на кого?

– Плывите, дана, к берегу! А я рядышком и пригляжу за вами.

Адриенна и плыла. Не слишком быстро, но вполне самостоятельно. И на берег выползла без стеснения.

Промокшее белье мало что скрывало, но там и было-то... теловычитание. Два прыща и сплошные кости. Впрочем, второй стражник все равно накинул Адриенне на плечи плащ, но девушка махнула рукой:

– Помоги... там. Я в порядке.

Судя по дыханию, Адриенна устала, но была более-менее в норме. Так что стражник подошел к другу.

Перехватил у него тело утопленницы, перевернул, положил на согнутое колено – и резко нажал на спину.

Из рта девчонки вылился поток воды.

А потом та закашлялась и застонала.

– Не помрет, – подвел итог стражник. – Это ж у нас кто?

– А это Анна, дочка Бароне. Ты, что ли, не узнал?

Бернардо явно был поумнее.

– Поди тут узнай... что это с ней? В воду упала? Да не похоже...

– Ты на нее посмотри, – фыркнул Бернардо на товарища. – У нее ж веревка на шее!

– Топилась, что ли? А похоже...

Один из известных всем рецептов утопления. Камень на шею – и в воду. Замечательно! А главное, все так и получится! Камень – он же с ручкой, его легко привязать, легко нацепить... и веревка не порвется, правда?

Это идеальный вариант. А в жизни...

Может, Анна и старалась, но камень просто выскользнул из веревочной оплетки и булькнул на дно. А она – всплыла. Человеческое тело содержит запас воздуха, который сразу утонуть не даст, да еще и одежда, юбки, которые раздулись пузырем...

Чтобы утонуть с гарантией, надо сначала вспороть себе живот и проколоть мочевого пузырь. Но на подобное самоубийцы обычно не решаются. Это ж бо-ольно...

Умирать, понятно, легче и веселее.

– Итак, у нас самоубийца, – подвела итог Адриенна. Она уже отдышалась и встала с земли, кутаясь в плащ. – Отвернитесь, посмотрите пока за ней. Я переоденусь.

Стражники повиновались.

Адриенна плюнула на приличия, сняла мокрое белье и натянула котту, потом гаун, снова завернулась в плащ. Ее била крупная дрожь,

то ли от холода, то ли от страха... чулки, сапожки, вот так. Все равно руки трясутся...

– Можно поворачиваться.

Бернардо оценил состояние даны – и толкнул друга:

– Тоно, я знаю, у тебя фляга не пустая.

– А тебе чего?

– Дана дай. Не то простынет...

Стражник кивнул. И чуть ли не с поклоном поднес Адриенне флягу:

– Не побрезгуйте, дана...

Дана и не собиралась. Глоток, обжигающий горло шар прокатывается по пищеводу...

– Кхе! Тьфу! Это что за дрянь?!

– Белое, крепленное выгонкой, дана.

– Дрянь, точно. – И Адриенна сделала еще глоток. Вот так уже намного лучше. – Спасибо, Тоно. Бернардо, спасибо. Не будь вас, я... я, может, и выплыла бы, а Анна точно бы утонула.

– Да не за что, дана.

Мужчины переглянулись.

То-то и оно... приятно, когда тебя ценят по заслугам!

Фляга вернулась к владельцу, и Тоно принялся отпаивать Анну. Грузиться на лошадей и ехать к людям все трое не спешили по умолчанию.

Мало ли что?

Мало ли как...

Самоубийца... это дело такое. В храм нельзя, похоронят за церковной оградой, а уж что начнется... и что еще подтолкнуло Анну к такому шагу? Не каждый день люди с петлей на шее в воду прыгают! Даже и не к каждому празднику!

Значит, есть какая-то причина, и серьезная.

А какая?

Лучше расспросить девчонку здесь, да разобраться самостоятельно. А уж потом и к людям.

Прошло не меньше получаса, прежде чем удалось кое-как отпоить и привести в чувство Анну Бароне. Девушка то кашляла, то блевала, то принималась истерически рыдать, но белое, да еще крепленное выгонкой, сбоев не дало.

Споив ей почти всю флягу, удалось и добиться правды.

И – тут уж плюнули все трое. Ньоры, дана... А, неважно! Мнение у них у всех совпало до точечки.

Вот дура-то!

Анна попросту оказалась беременна. Вне брака. И решила, что жизнь кончена, надо срочно топиться, и помчалась к речке. Почему?

А причины самые что ни на есть серьезные.

Отец заругает, мать укоризненно смотреть будет, в церкви опозорят, братья не поймут...

Конечно-конечно. Поэтому лучше срочно утопиться, и пусть всем будет плохо, а она, Анна, будет смотреть с небес и облачка, или куда там самоубийцы попадают? Ах, на сковородку?

Вот будет приятное развлечение: любоваться со сковородки на то, как твоим близким плохо. По твоей вине, тупая, жестокая, эгоистичная дрянь!

Это Адриенна и высказала, не сильно стесняясь в выражениях. Стражники от себя кое-что добавили, тоже не особенно стесняясь. Но – куда там!

Ревела Анна и без того неплохо, хоть ты в речку головой суй! То-то полноводная будет...

Впрочем, Адриенна тоже не собиралась ругаться долго. Выплеснула негодование – и успокоилась.

– Кто отец?

– Дана...

– Чего ты на меня смотришь, как овца на волка?! Кто обрюхатил, тот пускай и женится, чего неясно?! – разъярилась дана. – Заставим, никуда не денется!

Анна молчала.

Только глазами хлопала, словно сова.

Луп. Луп.

Мужчины переглянулись.

Это Адриенна кое-чего не знала, потому как ее это не касалось. А так-то... шила в мешке не утаишь. И слуги видели...

– Это, часом, не дан Леонардо? – прямо спросил Бернардо.

Ответом был поток слез, хлынувший по распухшим щекам девушки.

– Леонардо? – ошеломленно выговорила Адриенна.

Анна, понимая, что поздно уже таиться, кивнула.

– Дан... он зимой приехал... мы встретились. Я ему букеты для матери собирала, он каждый день приезжал...

– Букеты, – уточнила Адриенна недобрым тоном.

– Д-да...

– Для матери.

Кивок.

– И когда у вас все это началось?

– З-зимой...

Адриенна отвернулась.

Зимой, значит...

Для матери, значит...

С таким откровенным цинизмом она сталкивалась впервые. Не привыкла еще. Девушку даже затошнило. Анна было дернулась к дане, хотела что-то сказать, но умница Бернардо положил ей руку на плечо и поднес палец к губам. Мол, посиди молча, а то тебе сейчас достанется все то, что нельзя выплеснуть на «виновника торжества».

Поручить любовнице составлять букеты... для кого?! Кто ей Леонардо?!

А правда – кто?!

То, что он делал... дарил цветы, сладости... ухаживал. Он ей никто, но ведь намекал, что хочет стать кем-то большим. Что Адриенна ему интересна, что он ее... Любит?!

Ан нет.

Вот этого Леонардо не произносил ни разу.

Поведение – было. Охи-вздохи были. А вот конкретных фраз не было. И от всего можно отпереться.

Вот ведь... мразь!

Весь в мамочку, и чего бы удивляться – на осинке не растут апельсинки! Эданна Сусанна дрянь редкостная, а сынок у нее, надо полагать, ангелом вырастет? В жизни, конечно, все бывает, и такое в том числе. Но редко, крайне редко.

Адриенна заметалась по берегу, в ярости пнула корень сосны. Та укоризненно вздрогнула и стряхнула девушке на макушку шишку. А нечего тут!

Держи себя в руках!

Роз тут нет, но это ж не повод природу портить? Вон уже ветер подул нехороший...

Шишка чутьчку отрезвила Адриенну. Девушка вдохнула-выдохнула раз, второй, третий – и взяла себя в руки. Развернулась ко всем участникам этой сцены:

– Так... Анна, ты хоть понимаешь, что ты чуть две души не погубила? Свою и ребенка?

– Д-дана...

– Обрекла бы на вечное проклятие. Как самоубийца и убийца. Ты это осознаешь?

Анна заревела.

Адриенна поморщилась:

– Ладно... Леонардо о ребенке знает?

– Н-нет...

– Сроки какие? – уже деловито принялась выпрашивать Адриенна. Она ж не на облаке живет, а на земле и овцы ягнятся, и кобылы жеребятся, а про куриц так и вовсе молчим.

– Третий месяц.

Анна тоже жила не на облаке. Но сообразила не сразу... связь с Луной не обрывается? Так бывает. Труд на земле – он тяжелый, всякое случается. А когда сообразила, заметалась.

Леонардо уехал вместе с матерью, броситься было не к кому.

Знахарка померла, плод стравить не получится...

Адриенна только головой покачала:

– Ты дура, что ли?! Третий месяц? Сдохнешь же!

– А какая разница? – Анна поняла, что хуже уже некуда, а раз так – можно и не стесняться. – Что так помру, что этак – кто на мне женится? Отец еще прибьет...

Адриенна задумчиво кивнула:

– Понятно, просто так на тебе не женятся. Но... Бернардо, Тоно... кто у нас есть? Разузнать сможете?

– Что – разузнать? – Анна заподозрила неладное.

Адриенна только головой покачала:

– Подумай сама, Анна. Просто так на тебе никто не женится. Но если найдется человек, согласный за деньги прикрыть грех, – почему бы нет?

– Деньги? Отец никогда...

Адриенна махнула рукой:

– Кто обрюхатил, тот и заплатит. Не думай об этом.

Из средств Сиблеврана на содержание данов и эданны выделялись определенные суммы.

Ну так вот!

Ни рии Леонардо до конца года не получит! И его мамаша тоже! Все уйдет в приданое девушке... так, на Леонардо выделяется по четвертям года, сорок лоринов... до конца года это восемьдесят лоринов. На эданну Сусанну – семьдесят. Это еще сто сорок лоринов.

Итого двести двадцать. Ну, еще до трехсот Адриенна из своих добавит, ладно уж...

Много? По городским меркам хорошо, по деревенским – очень богато!

А дело не в том. Адриенна ощутила себя ответственной за эту дурочку. Пусть Анна и старше, и матерью скоро будет, но... что это за детство такое? Топиться!

Еще бы вешаться решила... Вон, на сосне!

Хотя нет. Не пойдет.

Пока до нормальных сучков на сосну долеешь, уже раз двести вешаться передумаешь. Она ж внизу неудобная, а до верхушки далековато. На дубе разве попробовать?

Тоже не факт, что получится. Или ветка сломается, или веревка оборвется, а то еще вынесет кого, вот как ее сегодня.

Искупалась...

Анна даже поежилась, когда на губах Адриенны зазмеилась ехидная улыбочка.

– Приданое я тебе дам, – повернулась она к Анне. – И сама к твоему отцу съезжу, поговорю.

Анна поежилась.

– А ты сядь да и подумай. Небось по округе слышала, кто, кого... за кого ты можешь выйти замуж? Чтобы он и тебя принял, и твоего ребенка, и издеваться не начал. Дитя ж ни в чем не виновато.

Анна медленно кивнула:

– Я... хорошо, дана.

Адриенна прикусила костяшку пальца.

Да, выход только один.

– Сейчас едем в замок, оставим это сокровище под присмотром Розы, да и я отдохну. А уж завтра... поговорю я с ньором Бароне!

И так это было сказано...

Мужчины серьезно поежились. Спускать это происшествие Адриенна никому не собиралась.

* * *

Рози даже не сильно удивилась, получив на руки зареванное сокровище.

Адриенна кратко разъяснила ситуацию, и женщина, охнув, умчалась на кухню.

Кормить, таскать за уши, отогревать и разъяснять ситуацию.

Дура ж ты, дура! Безмозглая!

Не побывала бы Розы в такой ситуации, может, и не нашла бы нужных слов. А так – кто лучше поймет? Кто поддержит?

Кто разъяснит, что один козел, попавшийся тебе на дороге, не означает конца всей жизни?

Адриенна в это время расхаживала по комнатам, зло шипя себе под нос. Как на грех, еще и все разъехались, посоветоваться не с кем. Так она бы к дану Рокко пошла... да она бы сейчас и к знахарке пошла! Ан нет!

Сама по себе!

Вслух, что ли, говорить?

В дверь постучали, и на пороге появился Марко:

– Дана...

– Входи, – кивнула Адриенна. – Ты мне скажи: ты знал?

– Ну... догадывался.

– Что этот козел голову девчонке морочил?

Марко хмыкнул:

– Риен, тут такое дело... Анна тоже не ребенок. Можно я откровенно?

Адриенна кивнула. Марко позволялось многое, очень многое. В том числе и прямой разговор на любые темы.

Молочный брат. Этим все сказано.

Тоньо тоже, но тот еще мал. С ним пока не посоветуешься... а вот Марко неглуп. И может подсказать нечто полезное.

– Давай.

– Ты не задумывалась, что мужчинам *надо*?

Произнесено это было таким тоном, что стало ясно, речь не о колбасе или выпивке. А именно что о женщинах.

– Не думала, – созналась Адриенна.

– Правильно. Но даже я из плоти и крови.

– Ты? – удивилась Адриенна.

Марко потупился, потом посмотрел с гордым видом:

– Ну... в деревне есть несколько женщин, которые по этому делу. Отец меня к одной из них и отвел, когда четырнадцать исполнилось.

– И ты...

– Риен, я имен называть не стану. Но я к ней захожу. И детей не будет, она знает, что для этого сделать надо.

Адриенна кивнула.

– Анна Бароне – не ангелок. И парней она много отвернула, я знаю. Хотела самого-самого...

– Получила?

– Что она получила – дело другое. А вот что хотелось ей красивого, умного, богатого, а лучше – дана... это точно.

– Она не понимала, что на ней не женятся?

– Да кто ж ее знает... но, видать, занеслась. А когда поняла, что выхода нет... Когда Леонардо приедет?

– Думаю, раньше конца лета они тут не появятся, – вздохнула Адриенна. – Чтобы эданна Сусанна раньше от развлечений уехала? Век не поверю. Как бы еще и не начало осени, а то и до распутицы.

– А если деньги кончатся?

Адриенна фыркнула:

– Дело не в этом. Ты мне сейчас хочешь сказать, что, будь здесь Леонардо, история пошла б иначе? Он бы женился или признал ребенка?

– Последнего ты добиться можешь.

– А надо ли? Лучше я дурочку замуж выдам, приданое дам, а уж все остальное... как сложится – так и будет. Я ее спасла, я из реки вытащила, мне и отвечать. Понимаешь?

Марко понимал.

Точно так же, как взяла на себя ответственность за его мать Рианна СибЛевран, сейчас решала Адриенна. И решала правильно, для данных обстоятельств.

– Меня другое злит. – Адриенна обхватила себя руками за плечи и поглядела на Марко испытующе. – Ты же понимаешь, что Леонардо за мной... ухаживал?

Марко фыркнул:

– Допустим.

– Допустим? Ты считаешь, что это было игрой?

– Почему нет, Риен? От тебя здесь зависит многое, если бы ты ему стала больше доверять, если бы влюбилась...

– Деньги?

– Рано или поздно все упирается в деньги и власть.

– Ты становишься циничным, Марко?

– Нет. Я взрослею.

Адриенне оставалось только развести руками. Может быть, Марко и вырослел. А она?

Ей сейчас было...

– Мне не больно. Но я злюсь, потому что едва не поддалась на подлые уловки. Потому что букеты для меня составляла Анна. Потому что Леонардо – подлец и мразь. А мой отец виноват в том, что он здесь появился.

– Ты злишься на отца?

– Нет. На себя. И от этого совершенно не легче.

Марко вздохнул. Подошел к Адриенне, коснулся ее руки:

– Ты держись, сестренка. Правда...

Адриенна даже улыбнулась. Хотя и одними губами.

– Обещаю. Я держусь.

Марко вышел. Адриенна подошла к окну.

Гнев, боль, ярость, осознание, что она могла опоздать...

И вот уже внутри девушки разворачивается черный сухой вихрь. Крутится, бесится, не находит себе выхода...

– НЕНАВИЖУ!!!

То ли крик, то ли вой...

Но это позволяет выплеснуть ярость из самых глубин души. И Адриенна постепенно успокаивается. Но зато портится погода.

Ночью будет ветер, в лесу поломают деревья, взмутит реку, помнет посевы...

А утром все прекратится.

Выглянет солнышко, и Адриенна вспомнит, что жизнь продолжается. И наличие в ней одного подонка ничего не меняет. Подонков много. Жизнь – одна, и ее надо ценить.

* * *

Стефан Бароне, отец Анны, держал коров на молоко. Делал сыры, масло...

И совершенно не ждал, что к нему во двор заедет разъяренная (не особенно, но сейчас это было необходимо) дана с четырьмя стражниками за спиной.

– Стефан...

Голос Адриенны не предвещал ничего хорошего. Как и хлыст, который трепетал в ее руке. Как и взгляд, и то, что она даже спешиться не соизволила. Но сложно устраивать кому-то разнос, глядя снизу вверх. Можно, но лучше не напрягаться.

– Дана... какая честь...

Стефан поспешил поклониться.

Сиблевранов он ценил. Его отец пришел сюда в поисках лучшей доли, и Стефан не уставал благодарить родителя за принятое решение. Он отлично помнил, как из них выжимали соки у прежнего дана. Сколько ни заработай – все отдашь и еще должен останешься.

Ему лет пять было, когда пришлось с земли срываться, и он все преотлично запомнил. Такое не забывается, равно как и холод, голод, нужда...

Сиблевран принял их, как и многих других, дан не душил налогами, а жить на земле можно, если есть голова и руки.

Но почему дана так нехорошо смотрит?

– Стефан, а где твоя дочь?

– Анна?

– У тебя их несколько?

– Нет, дана... что вы... сыновья сейчас ищут. Запропала, непутевая!

Адриенна сверкнула глазами:

– Стефан, скажи мне, ты не был в курсе ее шашней с даном Манчини?

Стефан невольно потупился.

Ну... с одной стороны, возразить было боязно. Это – дан! А Стефан отлично помнил, как наложила на себя руки его старшая сестра, когда над ней такие молодчики поизмывались...

С другой... Анна все одно загуляла, а так, может, хоть польза какая будет?

Адриенна хищно улыbnулась:

– Могу тебя поздравить. Ты скоро станешь дедом.

– Дана!.. – так и охнул Стефан. – Да как же ж... да что ж... она что...

Выразить свои чувства словами он так и не смог. Анна что, пошла к дане? В замок?!

Ну, он ее... он ей... неделю на задницу не сядет, дрянь такая!

Адриенна покачала головой. Покосилась на стражников, но те были далековато. Ладно, все одно узнают... а с падре она сама поговорит.

– Твоя дочь едва смертный грех не совершила. Она себя жизни лишить хотела.

– Дана!

– В воду бросилась, мы ее вчера выловили.

Стефан где стоял, там и сел. Как-то сразу и сестра вспомнилась, и почерневшая от горя мать, и отец, который понимал, что даже справедливости не добьется... что он против дана?

И Анна.

Дура, конечно! Но дочка ведь! Родненькая, кровиночка...

Адриенна только головой покачала. Вот почему, почему некоторых надо лопатой по башке треснуть, чтобы дошло? Сразу нельзя по-человечески с родными? Но с коня спрыгнула. И даже соизволила Стефана по плечу потрепать.

– Успокойся. Жива она, здорова и сейчас в замке. И ребенок жив.

Стефан действительно перевел дух:

– Дана, а что ж... как тогда...

– А вот так, – прищурилась Адриенна. – Ты мне скажи: жених-то у нее был? До этого... козла?

Стефан задумался.

– Вроде как молодой Тоцци на нее поглядывал. Но теперь уж вряд ли... им шлюха в семью не надобна...

Адриенна только головой покачала. Ну что за люди, а? Небось как сам гулять, так не в укор! И сейчас... не Леонардо осудил, а дочь. Хотя вины там как бы не обоих поровну.

Леонардо было плевать на девчонку и возможные последствия. Анна надеялась, что все обойдется. Ну и... поженить бы их, да не получится. А жаль, очень жаль.

– Раз оступиться – бывает. Ты мне еще скажи, что ни разу от жены налево не сходил!

Стефан вильнул взглядом туда, где подходила уже супруга:

– Ни разу, дана!

И, главное, так честно смотрел... вот сразу взять и поверить!

Адриенна только головой покачала:

– Стефан, ты подумай. Приданое я за нее дам, все ж не чужие теперь. А вот парня надо хорошего, чтобы не гнобил ни ее, ни ребенка.

– Ребенка, дана?

Жена Стефана, тоже Анна, услышала часть разговора, и Адриенна, сжавившись, вкратце пересказала остальное. И поняла, что услышана.

Ньора Бароне, не особенно сомневаясь, кивнула:

– Знаю такого. Ньор Дарио Пагани.

– Пагани... – задумалась Адриенна. – Что же я про него слышала...

– У него своя ферма, овец он выращивает, стрижет...

– А, ньор Дарио! – Адриенна улыбнулась. – Согласна, человек он хороший. А не староват будет?

– Тут другое, дана. Мы с ним договоримся грех прикрыть. Вы ж не знаете, наверное, почему он не женат? Он в детстве паховую лихорадку перенес и детей с тех пор иметь не может.

Адриенна кивнула.

Знала она такое, жуткая болезнь, при которой человек бредил в горячке, опухал, если выше пояса, еще не страшно, а вот если ниже...

[11]

Все. Детей не будет, хоть ты что.

– Знаю.

– Он и не женился поэтому. Не захотел бабий век заедать. Говорит, без детей бабе не жизнь, а если жена гулять будет, так я, мол, не смогу.

– А вдову какую взять? С детьми?

Ньора Бароне пожала плечами:

– Вроде как ладилось у него тут с одной, да потом она хвостом вильнула... Стефано! Поговоришь?

Стефано Бароне медленно кивнул:

– А что? И поговорю...

– И деньги хорошие, – елеиным тоном подсказала Адриенна. – Три сотни лоринов в приданое Анне будет.

Супруги аж рот раскрыли:

– Дана?!

– Ой, мамочки, это ж какие деньжищи!

Адриенна погрозила пальцем обоим родителям:

– Я управляющего попрошу все прописать. Чтобы, случись беда, деньги при Анне остались. И лично из рук в руки мужу молодому передам. Под роспись. Ясно?

Родители дружно помрачнели. Судя по всему, уже прикинули, как половину отначить. А вот нечего!

Кому предназначено, тот и пользоваться будет. А вам, ньоры, за дочерью следить надо было внимательнее. Адриенна решила еще поговорить с Анной, ну и пусть ее к жениху, что ли, свозят. Хоть посмотрят друг на друга до свадьбы, если согласны.

А ей предстояло нелегкое дело.

Уговорить падре Санто. Благо тот собирался завтра приехать.

* * *

– Нет, нет и еще раз нет! Дана, грех это, да еще какой! Самоубийца же!

– Так ведь не самоубилась же, – парировала Адриенна.

Она так и знала, что с падре будут проблемы. Начнем с того, что перед свадьбой надо исповедаться. А еще самоубийство и убийство –

смертный грех.

И блуд до брака.

И беременность...

Там целый набор получается, и все на девчонку. А она, между прочим... да пусть она хоть какая стерва! Это не повод к ней относиться как к плесени.

Падре серьезно определяет общественное мнение. Он косо будет смотреть на Анну, ну и все остальные присоединятся. И будут ее дружно гнобить. И ничего не поделаешь, в стаде должна быть паршивая овца. В которую падре будет тыкать пальцем и говорить: «А вот не надо, как она, а то закончите так же». Это Адриенна уже поняла.

Дан Рокко не просто так штаны просиживал, читать он любил и девушку пристрастил. А в книгах умные вещи пишутся, только не поленись прочитать.

– Все одно... гнать надо таких! Одна паршивая овца все стадо портит.

– Тот, кто без греха, пусть первый бросит камень, – парировала Адриенна.

Падре горделиво расправил узкие плечи. Ну да... какие там у него самоубийство, блуд и беременность до брака! Особенно последнее! Но и Адриенне отступать было некуда.

Или она тут хозяйка и все ее слушаются, или...

– Падре, а вы не думаете, что вина лежит на многих? На Леонардо, который соблазнил неопытную дурочку?

Падре кхекнул:

– Баба не захочет, кхм... не вскочит, дочь моя.

– Падре, у Леонардо опыт придворный. И против него – деревенская простушка? Вы уж простите, но и более опытные поддавались, не то что Анна.

Падре хмыкнул.

Так-то посмотреть – согласен. Но все же...

– Не тот у нее опыт. Не те силы, чтобы искушению противостоять. Поддалась, сами знаете, плоть слаба. А что до остального... заметьте. Ребенка она не убила.

– Неужели?

– Она о ребенке в тот момент не думала. Только о себе. Она сама за свой грех себя приговорила. А еще подумайте, падре, что Анна в

минуту отчаяния не пошла искать спасения у родителей. Не пришла в храм... почему?

Падре замялся.

Да потому, что ничего хорошего она бы там не услышала. Вот то, что падре уже высказал Адриенне, то и Анне бы досталось. Неприятно...

Грязью обольют, а помощи не будет.

– Вот, – кивнула Адриенна. – Не берусь судить, падре, но кто виновен больше? Тот, кто принял решение? Или тот, кто подтолкнул к нему? Что там опыта у девчонки? Деревня да слезы горькие... и посоветовать некому, и помочь, и поддержать... кругом одно осуждение. И камни упреков со всех сторон. Анна знала, что не выдержит. Что все равно умрет где-нибудь на большой дороге, вот и приняла это решение. Тяжелое, страшное, горькое... Ей просто повезло, что я проезжала мимо. А сколько таких, кому НЕ повезло? Даже в вашем приходе, падре? Сколько погубленных душ, сколько крови и слез на руках у равнодушия и черствости?

На ваших руках?

Впрочем, этого Адриенна не договорила. Да и ни к чему было. Падре и сам все понял, и даже голову склонил перед Адриенной:

– Прости, дочь моя. Ты меня пристыдила...

Адриенна махнула рукой:

– Нет, падре. Просто вы не женщина. А я... если бы я была глупее или слабее в вере, кто знает? Дан Манчини – подлый и опасный человек.

Большого падре и не надо было.

– Позови девушку сюда, дочь моя. Я приму ее исповедь, а через пару дней... когда назначена свадьба?

– Думаю, дня через три. Не позже.

– Я и обвенчаю ее, и окрещу ребенка, когда он родится.

Адриенна кивнула.

Вот теперь все правильно. И можно звать Анну. А что там за шум на дворе?

Как оказалось, знакомиться с невестой прибыл лично ньюор Дарио Пагани. Адриенна приказала привести его, побеседовала и осталась довольна.

Умный мужчина, серьезный, порядочный... у такого и Анна будет меньше взбрыкивать. Найдет он к ней подход.

А что жених старше невесты лет на двадцать...

Не страшно! Адриенна кожей чувствовала, что все у этих двоих будет хорошо.

Падре Санто побеседовал с невестой, потом с женихом, а потом пришел к Адриенне извиняться:

– Простите меня, дана.

– Не за что, падре. А что случилось?

– Я был действительно не прав. Осудив Анну, я сломал бы две жизни... и еще неизвестно, каково пришлось бы ее родным. А вы сейчас спасли – три.

Адриенна только плечами пожала.

Что тут скажешь? Наверное, только одно:

– Это моя земля и мои люди. Я за них в ответе.

И падре уважительно склонил голову. Он понимал, что ни слова лжи в этой фразе не было. Что Адриенна думала, то и сказала.

Она – в ответе.

* * *

Джустино Кара чистил коня скребницей.

Все верно, в трактире он работал уже второй месяц. И не просто так.

Собирал информацию. Дана СибЛевран...

Что ей нравится, что не нравится, куда она ездит, чего хочет от жизни... Странно?

А вот ни разу!

Джустино был чертовски дорогим специалистом, на то, что он брал за свою работу, можно было шестерых нанять. Попроще, поплоще...

Но!

Его никто и никогда не мог заподозрить. И жертва всегда – всегда! – умирала в результате несчастного случая.

Потому он никуда и не спешил. Работу он делал вдумчиво, медленно, кропотливо, серьезно... практиковал индивидуальный подход к каждому клиенту, шедеврально работал с оружием, сам составлял яды и противоядия...

Ему было чем гордиться!

И работа доставляла ему истинное удовольствие. Иногда Джустино сравнивал себя с художником... Вот есть картина! Она красивая, но на ней появляется отвратительная грязная клякса. И тут приходит Джустино и стирает ее. А потом закрашивает, и рисунок вновь очаровывает.

Такие сволочи иногда попадались...

Хоть ты сам заказчику доплачивай за доставленное удовольствие.

А вот сейчас...

Адриенна СибЛевран была нестандартным заказом. Умненькая, серьезная, не гулящая, не стерва манерная... редкость! Но убивать надо.

А как?

Был бы у нее любовник – там проще! Но любовника нет. Одна она никуда не ездит. Все время в сопровождении стражи.

И тут...

Новость о свадьбе Анны обсуждали по всему СибЛеврану. А то еще и соседи добавились. Но обсуждали, кстати, в правильном ключе.

Молодец дана – две души спасла. Невинных.

Молодец Дарио. При хорошем-то муже любая приличной женой станет.

Ну, Анна... но тут и понятно. Бабы – дуры. Тут, главное, при жене такого не сказать, а то как отоварит сковородкой – мозги замучаешься от скамьи отскребать.

Леонардо?

Тьфу на него, дрянь столичная, понаехали тут наших баб портить...

Адриенна не знала, но по ее вине Леонардо ждали большие проблемы. Парни не оценили оказанной их женщинам милости и собирались по-простому...

Провинция ж... отношение простое, люди неграмотные, темные...

А полену – оно без разницы, там хоть дан, хоть не дан... как получит промеж ушей, так и дух вон!

А и узнай Адриенна, она бы возражать не стала. Так и лучше.

Джустино же услышал в этом разговоре то, что и хотел.

Дана любит купаться.

Одна.

И если это – не вариант...

Не хочется, но репутация дороже всего. Так что... дане СибЛевран предстояло стать утопленницей. Дождаться, пока она полезет в речку купаться, нырнуть, подплыть – и за лодыжки ее. И придержать.

Все.

Никто ничего не заподозрит.

Жалко девочку, конечно. Но заказ есть заказ, работа есть работа...

Мия приближалась к чудовищу. Но Джустино... чудовища даже не приближались к нему. Им тоже бывает страшно.

А убийца строил планы.

Ему оставалось решить, как и где подстеречь дану СибЛевран.

Глава 7

Мия

– Дядя, ну что это такое? Пять тысяч на всех? Пятнадцать! И ни лорином меньше!

– Мия, ну что это такое?! Мне столько не заплатят!

– Да неужели? Вы же не просто так... во-первых, это работа на выезде. Вы должны покинуть столицу, приехать в незнакомое место, проникнуть в дом... во-вторых, убить человека надо не просто так, а чтобы меня все видели. И скрыться. Нет-нет, за такое пять тысяч – это просто насмешка.

– Жадина.

– Дядя, кто бы говорил!

Спустя полчаса споров и воплей дядя и племянница сошлись-таки на десяти тысячах лоринов, которые в равных долях отправятся на счета юных Феретти. И Мия принялась выслушивать подробности.

Есть женщина.

Да, это тоже дополнительные деньги, а вы как думали? Женщин Мия раньше не убивала, за это надо добавить.

Так вот. Она должна покончить жизнь самоубийством. На меньшее заказчица не согласна. Потому что эта дрянь соблазнила ее мужа.

А вот так вот!

Женился дан, сделал супруге ребенка, и та поехала в деревню. А муж остался в столице. Так получилось...

Потом он, конечно, отправился в свое поместье. И в пути встретил эданну, которая ехала к себе.

Какое-то время им было по дороге.

Слово за слово, рука за руку...

До поместья они добрались. До ЕЕ поместья. И муж принялся дарить посторонней бабе то, что должен был дарить своей супруге.

А тем временем супруга его не дождалась, у нее были тяжелые роды, горячка, она чудом не умерла, ребенок тоже едва выжил... и все

это время ее муж, вместо того чтобы быть рядом с супругой, привезти лекаря, помочь...

Все это время он спал с чужой бабой!

И до сих пор к ней ездил!

Мия только хмыкнула. Конечно, неизвестная ей эданна взбесилась. Мия бы тоже озверела от возмущения. И отомстила.

И ей бы не пришлось никого нанимать, она бы и сама справилась. А вот заказчица не смогла. Ей очень хотелось уничтожить соперницу. Но так... Чтобы о ней и памяти хорошей не осталось. А кого у нас даже нормально не хоронят?

Самоубийц!

Неизвестной эданне предстояло самоубиться.

Что облегчало работу Мии, дети у жертвы были. Но жили не с ней. Родители эданн забрали их к себе в поместье и воспитывали при полном согласии на то матери.

А и правильно!

Зачем ей дети? Они же мешают личную жизнь устраивать!

Мия задумчиво кивнула. Значит, эданна должна сделать что-то... отравить ее не подойдет. И зарезать тоже. А что она может сделать?

Надо осмотреть место действия.

И Мия с Джакомо отправились в провинцию. По торговым делам. Благо дело шло к осени, уже начинали золотиться листья, и торговля сильно оживилась. Заедут куда-нибудь на ярмарку, купят, что нужно будет. И в Феретти заедут заодно. Совместят приятное с полезным.

* * *

Поместье эданн Джозеппы Вакка Мие напомнило то ли бордель, то ли роскошный проходной двор – нет, не постоянный, а именно что проходной, – то ли ярмарку. Но тоже роскошную.

Эданна Вакка шесть лет назад потеряла мужа и с тех пор жила в свое удовольствие. Сын у нее пока еще был маленьким, всего восемь лет, дочь постарше, одиннадцать, и оба ребенка жили с ее родителями. А эданна в свое удовольствие предавалась развлечениям.

Мия даже разозлилась слегка.

Хоть о детях бы подумала, гадина! Ведь все состояние разматывает на альфонсов и гулянки, на роскошь и прихоти... да и крестьянам каково? Вакка хоть и богатая земля, но такое поди прокорми...

Изработаешься!

Мия наблюдала за эданной почти две недели. А началось все с того, что на дороге, ведущей к поместью, появилась карета.

Увы, всех подробностей о жизни эданной Вакка Джакомо просто не знал. Он ее гостеприимством ни разу не пользовался. А те, кто бывал в гостях...

Тоже не расспросишь.

Допустим, они расскажут, какая эданна страстная натура, какая щедрая, как любит развлечения. И что? Им нужно другое, совсем другое.

Им надо совершить самоубийство. То есть обставить убийство так, чтобы все осудили эданну Вакка и похоронили за церковной оградой.

Чтобы о ней старались даже не упоминать, как о позорном пятне на чести семьи.

Мия думала, что и так-то... грязь грязью. Но держала свое мнение при себе. Ее не интересовала честь эданной, ее интересовала только смерть. И деньги, которые она получит.

Хотя, когда объект тебе не нравится, работать приятнее.

Мие надо было понаблюдать за жизнью поместья изнутри, но как туда попасть? Да так, чтобы не пришлось постоянно держать личину? Мие надо и спать, и отдыхать – она не сможет держать маску постоянно.

Выдать ее за нищенку?

Тоже нереально. Не те руки, не те ноги, кожа... или опять маскируйся с помощью своего таланта – или никак. Но время, время... за сутки ничего не узнаешь, а больше не выдержишься.

И Джакомо решился на авантюру.

На свет появилась эданна Леонора Белло.

Милейшая дама, семидесяти лет от роду, а может, и побольше, явно доживала последние дни. И хотела дожить их в родном доме. Уехала из столицы, но вот... ей стало плохо в пути. И попутчик (назваться племянником или кузеном Джакомо не рисковал, мир тесен)

предложил эданне свернуть с дороги и попросить гостеприимства у эданны Вакка.

При таком раскладе Мии надо было сначала просто полежать, изображая полутруп, а потом... потом лежать было и не обязательно.

Была только одна проблема. Эданне нужна была служанка, иначе никак. Но тут Джакомо легко вышел из положения, попросив у Комара одну из его девок.

Ньюру Лючию Бальди.

Лючия работала на Комара достаточно давно, промышляла проституцией и была рада недолго отдохнуть. Да и что от нее требовалось?

Обслуживала Мия себя сама. Так что...

Лючия просто прокатится в приятной компании, изображая служанку – на людях. Получит денег, если ей удастся еще что-то для себя найти хорошее – пусть забирает.

Женщина не возражала.

Джакомо безжалостно отмыл ее и нарядил в чепец и скромное коричневое платье. После чего Лючия стала похожа на человека. Мия быстро разговорила ее, и Лючия без усталости рассказывала девочке о нравах и обычаях городского дна, о своей нелегкой жизни, о том, какие бывают клиенты...

Мия слушала.

А что? В хозяйстве пригодится. Работа у нее сложная, мало ли кого придется изображать, мало ли куда занесет...

Да, работа.

Мия воспринимала убийство именно так. Не грех, не преступление – просто задание. Которое она делает идеально и за которое получает деньги.

Она убивает живых людей?

Да нет, что вы. Она просто делает свое дело. А некоторых и жалеть-то грех. Не люди, а вроде плесени.

Вот как эданна Вакка.

В дом Мию и Джакомо пригласили, что поделать. Эданна без интереса осмотрела пожилую даму (которая, казалось, вот-вот прахом рассыплется, такой она выглядела хрупкой и старой), ее служанку (было бы на что смотреть, слуги, фу!), чуточку с большим интересом сопровождающего их мужчину... И хотела уже отказать, но Джакомо рассыпался в мольбах.

Эданна, ваша красота, ваше благородство, неужели вы откажете в приюте на пару дней несчастной, которая доживает свои последние годы...

Нет-нет, эданна Леонора не умрет у вас в доме, Джакомо в этом совершенно уверен. Буквально два-три дня, и мы уедем...

Эданна Вакка поморщилась, но согласие дала. И гостей поселили во флигеле.

Центральное здание эданна отвела для себя и своих гостей, которых пока было трое. Пока...

Мия отправилась на разведку в первый же день. Ей надо было ходить по всему дому, спокойно разговаривать с людьми, и потому...

Лючия лежала в ее постели, изображая больную, и лопала ее обед.

Мия отправилась на кухню. Принять облик Лючии?

Да пара минут! И пойти попросить травяной отвар для своей эданны.

Вроде и необременительно, но пока кипяток, пока травы заварить, пока они настоятся... вот тебе и время поговорить.

Мия так и сделала.

Пожаловалась на свою эданну и ее придури. Вот, помирать пора, а ее куда-то потянуло, в таком возрасте за собой гроб возить надо...

Слуги о своих хозяевах посплетничать никогда не отказывались. Так Мия и разузнала многое про эданну Вакка.

И про то, как в нее хозяин влюбился до безумия и как она его... ну, она-то его меньше любила, бесприданницу хозяин взял, зато красотку...

И про то, как она ему двоих детей родила.

И про то, как несчастный чахнуть стал... это уж с оглядкой и шепотом, мол, все силы высосала, тварь ненасытная...

Вот и помер бедолажный дан Вакка. А эданна после его смерти и развернулась.

Детей своим родителям отдала, ни к чему ей дети-то... и понеслось веселье. Что ни день, что ни ночь, гульба, крики, шум... мужики разные ездят, а иногда и не только мужики, но тсс!

Мия кивала, слушала, смотрела. Изучала обстановку. Всего пара дней, потом ей надо будет уезжать.

Дану Вакке она от души сочувствовала, глядя на его вдовушку. Жила та в свое удовольствие... интересно, она хоть денек погоревала или сразу юбки задрать начала? Хорошо хоть, ее дети на мамочку не посмотрят, а то б стошнило.

Эданна Вакка каждый день каталась верхом, всегда в сопровождении смазливых красавцев.

Три штуки.

Блондин, брюнет... и еще один блондин.

Слуги болтали, что они иногда по очереди, а иногда все вместе, да такие оргии устраивают, что стены трясутся. А бывает еще и так, что эданна видит симпатичную девицу и приказывает ее привести.

И ее тогда тоже... того...

Кое-кто из опозоренных и руки на себя наложил.

Мия только головой покачала. Она бы и не подумала кончать жизнь самоубийством! Вот еще! Это ж насколько одуреть надо?!

Просто с ума сойти...

Подумаешь, кто-то там кого-то... да любой позор прикрыть можно, если умеючи. Или хотя бы отомстить за себя, а там уж и с собой кончать.

Наряды эданна тоже меняла каждый день. И украшения обожала. И она-то как раз самоубиваться не собиралась. Более того, она была красива.

Не как Мия или Фьора, нет, этакой демонической красотой.

Черные волосы до пояса, громадные черные глаза, бледная кожа, которую она всячески прикрывала от жаркого солнца, алые губы...

Даже без денег на нее нашлись бы любители. И дана, чье имя Джакомо так и не сказал, можно было понять. Экзотическая красота, страсть к наслаждениям, возможность проделывать все это свободно и без оглядки...

Поневоле потянешься. И про беременную жену забудешь.

Ладно, пусть неизвестная эданна со своим мужем сама разбирается. Если уж она соперницу решила уничтожить, характер там

точно серьезный. И с ветреником справится, и плакать не станет.

А вот что Мии делать?

Идея была только одна.

Эданна Вакка приказала выстроить в поместье обсерваторию. Телескоп, правда, там не стоял, но башня регулярно использовалась. Видимо, высота придавала ощущениям некую остроту.

Раз в пять-шесть дней точно.

И такие крики с вершины башни неслись по всей округе... Стеснение эданне Вакка тоже было неведомо.

Мия подумала, а потом и решение приняла. Так она и сделает, почему нет? Надо только удачно выбрать время. К примеру...

К примеру, эданна может быть беременна. А все остальное... Да, еще нужна лютня. И ее надо найти самостоятельно. Дяде такое не закажешь... поинтересуется, зачем нужно, начнет до сути докапываться... Или наоборот – сказать?

И поменять личину?

Хм...

Мия подумала немного – и коварно улыбнулась.

Вы любите хватать на дороге хорошеньких девушек, эданна?

Отлично! Я вас не заставляла это делать, вы сами так решили. Сами в свой дом погибель и притащите.

Спустя четыре дня эданна Леонора распрощалась с эданной Вакка, желая той всяческого добра, мира и процветания. Джакомо припал к нежной ручке, и карета двинулась по дороге.

И только в нескольких часах пути, на постоялом дворе, дядя и племянница получили возможность поговорить нормально.

* * *

– Что скажешь, Мия?

– Дрянная баба, – утвердила Мия. – Или вы что другое скажете?

– Разве что в постели она... слов нет! – Глаза Джакомо мечтательно замаслились. – Я едва ноги унес... ей-ей, сутки спал!

Мия задумчиво покивала:

– Ну да. Одного ей точно мало, трое не справляются. Говорят, еще парочку ждут.

Джакомо только присвистнул:

– Слов нет. Талант!

– Неудивительно, что и муж заказчицы изработался, – взмахнула рукой Мия. – Вы, дядя, главное, не увлекайтесь. Вы мне живым нужны.

Джакомо бросил на девушку острый взгляд. Но Мия говорила ровно то, что думала. Дядя действительно нужен был ей живым. Ей надо семью обеспечить, ей надо деньги на восстановление Феретти... кто ей еще поможет так хорошо заработать? Да большинство людей в жизни в руках столько денег не держали, сколько у нее на счету лежит. При этом жадности в себе Мия не чувствовала, желания перебирать свои сокровища или подсчитывать каждую монетку и побрякушку – тоже.

Хорошо, когда деньги есть. Хорошо, когда их достаточно.

А превращать это в цель жизни?

Нет, это уже не к Мии. У нее другие интересы.

– Спасибо на добром слове, племянница. Ты ничего не придумала – по нашему делу?

– Придумала. Мне нужна одежда бродячего менестреля и лютня.

Джакомо поднял брови:

– Зачем?

– Схожу в гости к эданне. Ненадолго.

– Ты знаешь, что там с такими гостями делают?

Мия фыркнула:

– Со мной – не успеют.

– Думаешь, сможешь отбиться?

Мия качнула головой:

– Я не Энцо. Конечно, не отобьюсь, но если все будет правильно, то мне и отбиваться не придется.

– Хорошо. Сколько времени тебе потребуется?

– Думаю, сутки.

– Если через двое суток ты не вернешься, я эту стерву за ноги на воротах повешу.

Джакомо не шутил.

А Мия, глядя в его глаза, понимала – повесит. Не из любви к Мие, не из желания ее выручить. Она – ценное имущество. Вот и все.

Глупо бросать на помойке клинок, который может послужить еще не раз.

Впрочем, она не возражала против такого подхода. Она-то к дяде относилась точно так же.

* * *

Эданна Вакка скучала.

Не радовала верховая прогулка, не радовали мужчины... однообразие ей откровенно наскучило, а эти любовники приелись. Надо будет их заменить.

Но пока еще приедут новые гости!

А что делать в ближайшее время?

Конь чувствовал настроение всадницы и вел себя тише воды ниже травы. В таком состоянии его могли и хлыстом перетянуть, и шпорами ударить... кому ж такое понравится?

Эданна Вакка решила проехать еще немного вперед, да и разворачиваться...

Что ж, она может сегодня поплавать в бассейне, который специально у себя устроила, может приказать слугам...

А это что?

На дороге показалась тонкая фигурка, облаченная в цветастые лохмотья.

Бродячий менестрель?

Да, похоже. Никуда от этой публики не деться, везде они пролезают... вот и будет на ком зло сорвать. Эданна прищипорила коня, и тот рванулся вперед. За ней спутники.

Менестрель бежать не стал.

Стоял и ждал, пока эданна подъедет поближе.

Ждала...

Эданна даже восхищенно присвистнула. На дороге – и такое? Как бриллиант в навозной куче? Слов нет...

Девушка, которая стояла перед ней, была не хуже самой эданной, только чуточку в другом стиле. Фигуру Мия почти не меняла, только в груди прибавила. А вот с лицом поработала и была сейчас – настоящей куклой.

Крохотный носик, огромные глаза, полные губы, матовая кожа... разве что волосы рыжие, словно костер, и заплетены в толстую косу. В пряди вплетены цветные ленты, колокольчики, какие-то блестящие цепочки... Эданна Джузеппа Вакка облизнулась:

– Ты кто такая? И что делаешь на моих землях?

– Сирена, с вашего позволения, дана. Хожу по миру, пою песенки... люди меня за это кормят, а то и монеткой одаривают. Так и живу, – отчиталась Мия.

Эданна Вакка прищурилась. Одарила Мию похотливым взглядом. Девушку замутило, но по правилам игры от нее требовалось нечто другое. И эданна Вакка получила в ответ такой же взгляд. Мия даже кончиком языка по губам провела, подражая самой эданне. И это преотлично сработало.

– Что ж. Сегодня ты будешь петь для меня и моих гостей. Гатито, возьми ее в седло.

Телохранитель подъехал к Мие и протянул руку.

Та ломаться не стала. Протянула руку, взлетела в седло позади мужчины, поправила лютню:

– Я готова.

Эданна Вакка улыбнулась.

Начался день скучно, но окончание у него точно будет интересным.

* * *

В поместье Мию толкнули к тетке размером с хороший комод. И эданна небрежно кивнула на девушку:

– Вымыть, переодеть в белое, привести ко мне. Да, в здание с бассейном.

– А лютня? – пискнула Мия.

Эданна сдвинула брови, но потом рассмеялась:

– Пусть приходит с лютней. Сыграешь нам... поиграем.

Мия ответила ей понимающим взглядом и провела языком по губам еще раз. Для верности.

– Игры я люблю.

И тебе еще предстоит об этом узнать, гадина!

Тетка переодевала Мию молча. Терла мочалкой тоже молча и косу расплетала...

Мия только вздохнула.

Они вчера с Люцией столько сил затратили, чтобы все это заплести... а теперь все насмарку. Ну и ладно. У метаморфа длина и цвет волос – дело наживное. Хотя родные волосы у Мии примерно такой же длины, до пояса. Но удлинять-укорачивать их Мия может, недавно узнала. Удлинять проще, укорачивать сложнее, неприятные ощущения, словно по голове табун муравьев бегают, но для дела она потерпит и не такое.

Конечно, никто Мие зеркала не дал. Но, судя по тому, как вспыхнули глаза эданна Вакка, выглядела она отлично.

И это было действительно так.

Рыжие волосы расплели и расчесали, белое платье больше открывало, чем показывало, шелк вообще ткань полупрозрачная, личико испуганное, но красивое... лютня...

Лютня из образа выбивалась. Но расставаться с ней Мия не собиралась. В ней и кое-что полезное было спрятано, и сама лютня понадобится.

Эданна ждала новую игрушку в комнате с бассейном. Плавала в нем обнаженная, в компании троих голых же мужчин. Мия смущаться не стала.

И голых мужчин она уже видела – показывали у Комара. Надо же знать, куда бить и где у мужчины уязвимые места.

И менестрель, по легенде, на дорогах и не того мог насмотреться. Так что Мия остановилась рядом с бассейном, но так, чтобы ее сразу не стянули вниз. И заулыбалась:

– Вы довольны, эданна?

– Пожалуй, – Джузеппа улыбнулась в предвкушении, не обращая внимания на мужчин, которые то подплывали к ней и касались, то опять отплывали. – Что ж. Сыграй нам, если хочешь заработать пару монет.

– С удовольствием, – улыбнулась в ответ Мия. – Может, вы выйдете из воды, эданна? И мы сыграем чуточку иначе?

– Иначе? – прищурилась Джузеппа.

Мия кивнула.

В ее планы не входило утопление эданной в бассейне. Да еще с тремя любовниками... такое за самоубийство не сойдет. Разве что скажут – страстью захлебнулась.

– Скажем, если вам понравится песня, вы что-то для меня сделаете. А если не понравится – я сделаю что-то для вас?

Эданна улыбнулась вконец уж похотливо. Кажется ей или в этот раз действительно повезло?

Она подплыла к ступенькам и вышла из бассейна. Прямо так, обнаженной, раскинулась на широкой кушетке, взяла гроздь винограда. Мужчины вышли вслед за ней и тоже обжигали похотливыми взглядами Мию.

– Играй, детка...

Мия кивнула. И пальцы девушки уверенно легли на струны.

* * *

Аккорд, еще аккорд...

Мия что-то замурлыкала себе под нос, вроде как готовясь к песне. Эданна Вакка прислушалась. Музыка завораживала, манила, очаровывала... ей стало тепло, легко, уютно и спокойно.

А Мия почти воочию видела, как плывут от ее рук волны сонного тумана.

С метаморфозами, равно как и с лютней, она практиковалась постоянно. И обнаружила, что у ее песен есть определенный радиус воздействия.

Засыпают все, кто ее слышит. А вот сколь надолго...

От полудня до половины суток. От чего это зависит, Мия не поняла. Может, от того, насколько человек хочет спать? Или от чего-то еще?

Ничего, ей хватит.

Вот уже спят мужчины, вот хлопает сонно глазами эданна Вакка, вот...

Вот и она смыкает глаза.

Для верности Мия поиграла еще минут двадцать. И опустила лютню.

Спят. Жаль, что связывать нельзя. А вот дополнительно оглушить можно.

Мия подошла к эданне Джузеппе. Достала из лютни кастет, надела на руку. И только размахнулась...

Эданна открыла глаза. Черные, без зрачков и белков, просто черные, словно два камня на бледной коже.

– Ты!

Но прежде, чем она прыгнула, Мия от души ударила ее ребром ладони за ухом. Рефлексы сработали. Недаром же ее учили подручные Комара! Вот и пригодилось...

Эданна Вакка обмякла, а Мия прищурилась.

Так, дело становится интересным, но сложным. Теперь она не церемонилась. Оторвала ленту от подола, крепко связала эданну по рукам и ногам, подумала и накинула ей еще петлю на шею, соединив с веревкой на руках. Теперь, если эданна решит освободиться, она может сама себя придушить.

Плохо, конечно, но ладно уж! Повешение тоже за самоубийство сойдет.

* * *

Эданна Джузеппа пришла в себя на верхушке обсерватории.

Пришла, надо сказать, от неприятных ощущений. Недолго думая, Мия пнула ее в бок, подумала и еще добавила... Боль быстро привела красотку в чувство:

– ТЫ!!!

Мия кивнула.

Она пока еще была в облике рыженькой певицы. А чего менять? Она бы и эданну приводить в чувство не стала, но поговорить с ней хотелось. О важном.

– Кто ты такая?

– Я?! – возмутилась эданна Вакка.

– Ты, конечно. Я твои глаза видела. Ты не человек.

– А ты кто такая, чтобы от меня ответов требовать?! – Эданна дернулась и обнаружила, что связана. Да еще так... по-подлому, чтобы сама себя придушила, случись что. – Развяжи!

Мия хмыкнула:

– Я? А я так... погулять вышла.

И продемонстрировала эданне пять острейших когтей, мгновенно появившихся на ее пальцах.

Джузеппа ахнула:

– Ты... тоже?!

– Нет. Я другая, – качнула головой Мия. – Побеседуем?

– Развяжи.

– Нет. Ты меня попробуешь убить, – отрезала Мия. – Разговариваем так. А попробуешь вилять, я тебе попорчу личико. Или заживет бесследно?

Острый коготь прикоснулся к самому кончику носа эданной Вакка. Та поежилась.

Нет, не заживет.

– Я кричать буду. Мои люди...

– Подумают, что это я кричу. Верно?

Джузеппа скрипнула зубами.

Ну, подумают. И не такое иногда случалось. И кричали по-настоящему... да, бывало. Никто не прибежит, хоть она чего кричи. Сама людей отучила.

Мия довольно кивнула:

– То-то и оно... Рассказывай.

– Я тебя...

– Что – ты меня? Я тут подвал посмотрела – ты специально так башню построила?

Джузеппа скрипнула зубами повторно. Ну – специально. Если кто знает, что такое подземные реки... вот над такой и была построена ее обсерватория. Очень удобно сбрасывать тела по ночам. А там уж...

Эданне было плевать, что с ними станет. Это же ньоры, быдло, они самой природой предназначены для ее развлечения. Как свиньи и куры – для еды, к примеру.

– Рассказывай, – жестче повторила Мия.

И когти приблизились уже к глазу. Эданна Джузеппа зажмурилась – и заговорила.

– Ненавижу! Всех, всех, ВСЕХ!!! ИЗМЕНЩИКИ!!! НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ!!!

Эданна Вакка орала так, что даже страшно становилось. Выглядела она тоже... страшновато. Полуголая, растрепанная, покрытая...

Боже мой, это что – кровь?!

Эданна орала так, что, наверное, в соседнем королевстве слышали. И бежала... куда?!

К обсерватории.

Пробежала.

Хлопнула дверь.

Лязгнул засов.

Слуги переглянулись – странно это, правда? Но господские заморочки разбирать – не их ума дело. А пока они думали, что да как, голова эданной Вакка появилась над зубцами верхней площадки.

– БУДЬТЕ ВЫ ВСЕ ПРОКЛЯТЫ!!! НЕНАВИЖУ!!!

И с последним криком тело эданной полетело вниз.

Слуги отреагировали по-разному. Кто ахнул и зажмурился, кто в обморок упал, кто смотрел...

Но когда подбежали к телу эданной, было безнадежно поздно. Разбилась она намертво.

Слуги запереглядывались.

А делать-то чего?

Как теперь быть? Может, даны подскажут?

Но в бассейне их ждало новое потрясение. Три трупа. Все убиты одним и тем же кинжалом, явно эданна и постаралась...

– Все ясно, – подвела итог кухарка, которая была и так-то не из робких. И крови на кухне навидалась, и особой разницы междудохлым даном и дохлой свиньей не видела. Разве что первого не скушаешь. – У эданной в голове помутилось, вот она парней и прирезала. А сама потом с башни и кинулась.

Слуги пока еще сомневались.

– Она ли? – высказал свои опасения какой-то лакей.

– А то ты не знаешь, как она развлекалась, – огрызнулся на него другой.

– А певичка тут была? Рыженькая?

– Вот небось они ее и того... а потом эданна вспомнила да и взревновала, – решил дворецкий.

Слуги задумались.

Это, конечно, не их ума дело, но похоже было на то...

Бежала точно эданна. Орала она.

Больше в купальне никого не было, значит, она всех и порезала. Точно, приревновала.

Девчонка-менестрелька?

Много их было, таких. И слуги знали, где невольные гости заканчивали свои жизни. Молчали, потому как жить им тоже хотелось.

Бросилась эданна тоже сама, они больше никого и не видели.

Обсерватория? Так-то можно там дверь сломать. Но зачем?

Сейчас она закрыта, изнутри, и это тоже ясно. Эданна сама решила, сама там закрылась...

– Пусть все так и остается, – решил дворецкий. – Рик, ты бери хорошего коня – и рысью к родителям эданной. Тут недалеко, за сутки обернешься. Обскажи там все, как случилось, пусть приезжают поскорее. И по дороге молчи...

– Хорошо.

– Карло, а ты езжай к священнику. Пусть приедет... оно понятно, что самоубийц не отпевают, ну так хоть над данами молитву прочитает. Хоть и грешные души были, а все ж человеческие...

Слуги наперебой закивали.

Дворецкий поглядел на служанок:

– Роза, Лючия, Мария – отмыть ничего не надо, пусть пока все останется как есть. А вот данов... возьмите лакеев, их хоть чуток обмыть, да одеть, да из купальни перенести. Часовня есть, вот туда... не в этот же вертеп падре вести.

Служанки тоже закивали наперебой.

Тут все тоже понятно. Родителям эданной надо все показать, как было. А уж они пусть сами решают. И девушки направились на отведенный им участок работы.

Дворецкий разогнал всех по местам, прошелся по купальне.

Рыжую певичку он хорошо запомнил. А вот стоило ли о ней говорить? Может, и так? Была да ушла? Может, и сбежала девчонка, может, и убили ее...

Ан нет. Не ушла...

Вот лютня ее, сломанная в щепки, вот одежда... не голой же она сбежала.

Значит, все. Убили.

Поговорит он с падре. И заупокойную закажет. А еще...

Порадуется!

Что эданна Вакка сдохла, что все это закончилось, что больше никого не убьют...

Люди не слепые, люди все видят, но пресекать...

До короля далеко, до Творца высоко, не докричишься, а что с тобой эданна сделает – лучше не думать. Жить-то хочется, и семья есть, дети малые...

Все это закончилось. Слава Богу!

* * *

Мия улыбалась.

Для нее тоже все закончилось хорошо. Оставалось только выйти из обсерватории и убраться из поместья. Но это как раз было спланировано. Она заранее запаслась веревкой, ночью спустится по стене. Благо до ночи и недалеко.

Привезли ее днем, в купальню потащили около трех часов, на все разборки у Мии ушло еще два часа. Сейчас около семи вечера, как раз смеркаться начинает...

План она продумала заранее.

Еще когда была здесь с дядей, заметила, что поместье четко делится на две части. Для жизни и для развлечений.

Для жизни – особняк эданной, подсобные помещения, хозяйственный двор, там коровник, свинарник, птичник и прочее... там же крутятся и слуги.

Для развлечений – купальня с бассейном, обсерватория, баня, небольшой домик с роскошной кроватью, парк с беседками.

И вот туда слуги не суются, если эданна развлекается. А то и им достанется от господской милости. А кому ж такое надо? Жить хочется...

И повод у людей был. И опасаться за свою жизнь они действительно могли.

А у Мии было время все обдумать.

Эданна Джузеппа Вакка была одержима.

Нет-нет, речь не идет о тех убогих, которые скачут голыми по площадям или орут при виде храма. Это частенько безумные, несчастные люди. И одержимости в них нет.

А вот эданна Вакка...

Как поняла Мия, Джузеппа совершила именно ту ошибку, от которой ее саму предостерегала мать.

Джузеппа не могла менять свою внешность. Но какая-то капля крови метаморфов, наверное, в ее жилах текла. Мало того что она родилась не похожей ни на кого из родителей, отчего отец подозревал мать в измене, так еще и была весьма привлекательна для противоположного пола.

Кстати, как эданна Фьора.

Если мать хотела, никто не мог устоять перед ее обаянием. Мия это видела. Даже слуги восхищенно смотрели ей вслед, друзья отца замирали... При этом способностей к изменению своего тела у эданн Фьоры не было. А красота была.

Видимо, у Джузеппы Вакка тоже вышло так.

Но...

Вскоре после замужества она перенесла тяжелую болезнь. И лекарь приказал отпаивать ее коровьей кровью. По стакану с утра.

Что ж, это было несложно. А вот когда эданна почувствовала вкус к человеческой крови?

Когда она ощутила в себе жуткую любовную ненасытность?

Когда поняла, что может быть опасна даже для своих детей?

Ненасытность появилась вскоре после приема коровьей крови. Муж сначала радовался, а потом стал чахнуть, бледнеть и угасать.

Вкус к человеческой крови эданна ощутила после его смерти. Сначала просто царапалась и кусалась, слизывала капельки крови, потом поняла, что ей этого недостаточно, потом начала убивать...

А после первого убийства решила отдать детей своим родителям. Тогда она еще понимала, что становится опасна. Сейчас ей не было дела даже до них...

Кровь, страсть, удовольствия...

И в это могла превратиться и Мия, и эданна Фьора... только Мия, наверное, была бы страшнее. Она сильнее, хитрее, более хищная,

тренированная...

Для себя Мия решила, что если так получится... она найдет, как расстаться с жизнью.

Познакомиться с семьей эданны?

Мие не хотелось этого делать. Как она поняла, кровь там... если и было что... Надо бы мать спросить, от кого она эданну нагуляла. Но это может и потерпеть. Мия и так знала, что она не одна на белом свете. Только вот чем кончится для нее столкновение с более старшим и опытным метаморфом?

Лучше пока не рисковать.

Конечно, убила всех троих любовников – Мия.

И облик эданной приняла она, и на слуг орала она, и в обсерваторию вбежала тоже она. Может, по фигуре было и не точное сходство, все же Мия ниже ростом и объемы у нее получились поменьше. Но кто там будет разбираться?

Когда кровь...

И одежда разорвана-растрепана...

Мия специально так выстроила сцену, чтобы обращали внимание на внешний вид и не заметили различий.

А вот с крыши обсерватории полетела уже эданна.

Мия заранее убила ее, а потом уже скинула с крыши. Убила правильно, даже сама себе порадовалась. Одним ударом стилета в ухо.

В драке так не убьешь, стилет должен войти под определенным углом, но если противник обезоружен, связан, если можно зафиксировать его голову – надо пользоваться. Потому что обнаружить этот удар будет невозможно.

Кто там будет осматривать уши у трупа, если при падении куча переломов, да и просто так...

Отчего умерла?

С крыши прыгнула.

Сложно было вытолкнуть тело эданной так, чтобы никто не заметил и не понял, но Мия справилась. И теперь ждала ночи.

Душу ей грели несколько шкатулок с драгоценностями. Их она отдавать дяде не собиралась. Спрячет в своих вещах, а в столице разделит по звеньям и продаст как лом и камни. Дешевле, но получится все равно неплохо.

Это ей маленькая премия.

Итак, ждем ночи.

* * *

Примерно в три часа пополуночи Мия спустилась из башни по веревке. Потянула за нее, узел развязался, веревка свалилась ей под ноги и была хозяйственно прибрана в мешок. Обсерватория так и осталась запертой изнутри. Мия зашагала по дороге.

К утру она доберется до таверны, в которой остановился Джакомо. Сразу же настоит на отъезде. И больше в эти края не вернется. Незачем.

Мия никогда не узнает, что к вечеру того же дня приедут родители эданны Вакка, что похоронят ее как самоубийцу и постараются побыстрее забыть...

Что никто не заподозрит убийства, а поместье будет какое-то время стоять закрытым. Впрочем, все места развлечений эданны ее родители прикажут снести.

Про украденные драгоценности никто так и не узнает – никто ведь не знал их точное число.

Разве что дворецкий будет ставить свечи в память погубленных невинных душ. Но и только. А для Мии эта история закончилась, и с неплохой прибылью.

Адриенна

Девушка дотронулась до гривы коня:

– Давай быстрее, хороший мой!

Конь полетел над полями, словно птица, чувствуя настроение своей всадницы.

Адриенна действительно была безудержно счастлива. Беспечно, весело, как в далеком детстве... когда все еще было таким простым и ясным. И самым большим счастьем был жуткий леденец, купленный на ярмарке.

Как тогда было хорошо...

Но и сейчас тоже замечательно!

Из поездки вернулись дан Рокко, Джачинта и Анжело. Дан Рокко прекрасно выглядел. Поздоровел, загорел, на щеках заиграл румянец – смерть явно откладывалась. Румянец был не чахоточным, а самым обыкновенным.

Он прикупил шесть лошадей, пять кобыл и жеребца на развод, и был весьма собой доволен.

Светилась от счастья Джас.

Все же дан Каттанео сделал ей предложение. И Джас обещала подумать до осени. А если уж совсем честно...

На шее, рядом с крестиком, у нее висело подаренное даном колечко с сапфиром. Помолвочное. И надеть она его могла в любую секунду. И осенью... да, наверное, осенью она уедет. К будущему мужу.

Безумно счастлив был Анжело.

С даном Каттанео они нашли общий язык практически мгновенно. Анжело катался на Черныше, и дан Каттанео обещал подарить ему осенью жеребенка. Своего арайца.

От Черныша и Бьянки.

Вот где счастье-то беспредельное!

Адриенна тоже была за них рада. Ведь хорошо же, что так все образовалось, разве нет? Приятно, когда вокруг тебя счастливые люди.

В поместье тоже все было хорошо и спокойно. Недавно она заезжала проведать Анну, но у той все было в порядке. Муж оказался человеком толковым, и Анна уже его не дичилась. А вовсе даже поглядывала, иногда улыбалась...

Все у них образуется.

А что нужно для счастья самой Адриенне? Пожалуй что... искупаться!

И девушка решительно свернула к любимой заводи.

* * *

Джустино Кара разделся и соскользнул в воду.

Угадал!

Дождлся!

Между прочим, уже восьмой день пошел, как он тут караулит у этой заводи. Не рядом, конечно, так, чтобы его присутствия не было заметно. Даже костер не жег.

Благо по ночам пока еще так прохладно не было, лапника и одеяла хватало с избытком. Питался сушеным мясом, ждал...

Погода-то какая!

И лето заканчивается, если дана не приедет, странно будет! Последние деньки сорвать, как яблочко с деревца! И угадал!

Вот она, голубушка!

Завела коня, привязывать не стала, раздевается...

Адриенна скинула всю одежду и пошла к реке.

Джустино, который наблюдал из-за топляка, даже вздохнул едва слышно. Хороша...

Вот бы ее сейчас и по-всякому... нельзя. Когда тело найдут, на нем лишних следов быть не должно. Только утопление.

Только чистая работа.

Сейчас девчонка поплывет, он нырнет – и придержит ее за лодыжки. Он пару минут под водой выдержит, она нет. И готово...

Работа сделана, деньги он получит, и Осьминог доволен будет...

Адриенна плыла, не думая об опасности.

Вода ласкала тело, прохладные струи течения завивались, обтекали ее...

Адриенна расслабилась, легла на спину, наслаждаясь каждой минутой тишины и покоя, и тут... чьи-то жесткие руки сомкнулись на ее лодыжках, потянули вниз... в горло хлынула вода.

Адриенна даже вскрикнуть не успела, как ее голова скрылась под водой. Какое уж там сопротивление...

* * *

План Джустино полностью удался бы. Не учел он лишь одной детали, но кто бы ее предусмотрел?

Всего лишь паршивая ветка. Он топил Адриенну на границе между рекой и заводью, благо она туда и подплыла. Девушка, погружаясь в воду, взмахнула руками – и зацепила ветку, которая проплывала мимо.

Пара капель крови.

Всего пара капель крови попала в воду. Но этого хватило с лихвой.

Даже когда Адриенна еще не приняла свое наследство. Даже когда ее еще не признала Моргана, когда она не приняла свою судьбу, кровь и корону, землю и ответственность, – даже и тогда покушение на девочку кончилось для ромов весьма и весьма печально. А уж сейчас...

Хватка на ногах ослабла практически сразу.

Адриенна из последних сил, искорками угасающего разума, рванулась вверх... может, она бы и не сообразила ни куда, ни зачем, но помог тот же Джустино. Почувствовав резкую боль – в руках, ногах... да вообще по всему телу, язвы открывались быстро и болели ужасно, он невольно отпустил Адриенну и рванулся к поверхности воды.

И подтолкнул вверх саму девушку.

Адриенна вылетела наверх, словно пробка, раскашлялась...

Джустино корчился в паре метров от нее. Стонал, кричал... язвы покрывали его лицо, руки, расползались, открывая мясо... и то тоже покрывалось язвами... буквально несколько минут, за которые Адриенна едва отплеваться успела, – и мужчина скрылся под водой.

На берег вылетели стражники, привлеченные криками. По странному совпадению те же самые. И опять Бернардо кинулся в воду.

Дана голая?!

Да и плевать, а то он голых баб не видел! Пусть голая, а вот если утонет, хуже будет...

Когда Адриенну подхватили, девушка сделала самое разумное, что смогла. Сжала кулаки, чтобы не уцепиться ненароком за спасителя и не утопить его вместе с собой, и постаралась расслабить сведенное спазмами тело.

Бернардо оценил и погреб к берегу с удвоенной силой.

Адриенна висела тряпкой и не протестовала ни когда ее вытащили из воды, ни когда завернули в плащ, ни когда отпоили крепленным вином...

– Кажется, я сюда больше никогда не приду, – созналась она.

– Дана, что это за тип? – Бернардо понимал, что сейчас не время и дана в шоке, но...

– Не знаю. Он просто пытался меня утопить.

– ЧТО?!

– Я плыла, а он, наверное, поднырнул, схватил меня за лодыжки и потянул вниз.

Адриенна плюнула на скромность и выставила те самые лодыжки из-под плаща.

– Вот же... – оценил Тоно.

Так-то Джустино был аккуратен, но когда ощутил, как гниет заживо... пальцы рефлекторно сжались, оставляя синяки. На секунду, но кожа у Адриенны нежная, этого хватило.

Доказательство было неоспоримое.

Мужчины переглянулись.

– Так, дана, – принял решение Бернардо. – Мы отвернемся, а вы скорее одевайтесь. Отвезем вас домой, а там уж и решим, что делать. Вдруг он не один был?

Адриенну затрясло:

– От-твернит-тесь...

Точно, сюда она больше купаться не приедет.

На крохотную ссадину на запястье, из которой и кровь-то уже не текла, она даже внимания не обратила. Подумаешь, ерунда какая!

* * *

Пока они доехали до замка, Адриенна немного пришла в себя. И остановила стражников на подъезде к замку:

– Бернардо, Тоно, я прошу вас молчать о том, что случилось.

– Почему, дана? – Тоно был явно поглупее.

Адриенна тряхнула головой:

– Сначала надо все выяснить. А уж потом и говорить можно будет. Не накликать бы беды... не просто так этот тип сюда появился.

Это стражникам было понятно. И мужчины дружно закивали. А и то верно... то ли он плыл, то ли он шел... а репутация – дело сложное. Это не утопленницу спасать, это невесть кто рядом плавает...

Первым делом Адриенна отправилась к дану Рокко. И все ему рассказала.

Вот как есть. От и до.

И как купалась, и как ее пытались утопить, и чем это кончилось.

Дан Рокко послушал. Кивнул:

– Дана Адриенна... то есть дана Риен, вот эти ваши стражники – люди надежные?

– Вполне.

– Я сейчас их пошлю обыскать там все окрестности. Если что найдут, съезжу сам.

– Съездим, – поправила его Адриенна.

Дан Рокко спорить не стал:

– Хорошо, дана. А вы пока примите горячую ванну, отдохните – и попробуйте подремать. Вам это сейчас необходимо.

И проводил Адриенну в ее покои.

Девушка не возражала. Действительно, необходимо. И согреться, и поесть, и подремать...

Дан Рокко даже снотворное ей не подмешивал. Просто попросил добавить на поднос кружку горячего молока с медом. Адриенну и свалило. И спустя час она крепко и сладко спала.

* * *

Ничего плохого Бернардо не ожидал. Да и Тоно тоже.

За что?

Они, считай, дану спасли! Если б не они, кто знает... могла и не выплыть.

Дан Рокко тоже дураком не был, а потому и начал разговор с вручения маленьких мешочков. По двадцать лоринов на каждого.

– Это не благодарность. Это за то, чтобы вы помолчали о случившемся. А благодарность другой будет.

Стражники кивнули. Они и так не сомневались, что их не обидят. Но получить подтверждение было приятно.

– А еще у меня будет просьба. Никого другого я просить не хочу. Надо поехать на то место и внимательно оглядеть все вокруг.

– Дан? – не понял Бернардо.

– Адриенна сказала, что она плавала недолго. А потом появился убийца. То есть он был где-то неподалеку. Вы его видели, кстати?

– Нет. Он уже... того... только крик слышали.

– Адриенна его тоже не узнала. Плохо.

Адриенна и не могла узнать Джустино. Она-то его видела нищим, практически не помнила лицо. А потом он был чистым, но весь в язвах... какое уж тут узнавание. Убийцу и мать родная не узнала бы!

– Думаете, дан, не один он был? – озвучил свои опасения Бернардо.

– Думаю, ждал он ее там. Или – они. Вот если он был один, там должны поблизости вещи найтись. Если не один – следы будут. Понятно?

Стражники синхронно кивнули. Чего уж тут непонятного? Разрешите ехать, дан?

Дан Рокко великодушно разрешил.

* * *

Замковая стража – не егеря, не следопыты, не пограничная служба, поэтому осматривали лес они достаточно долго. На «лежку» убийцы совершенно случайно наткнулся Тоно, зайдя по важной нужде в кусты погуще.

И тут же вылетел оттуда с воплем: «Нашел!!!»

Бернардо сообразил быстро и полез в кусты вслед за приятелем.

Что ж, оборудовано было неплохо. Можно рядом пройти и не увидеть. Ветки лапника в куче навалены, на них аккуратно сложена одежда, рядом, на ветке, висит котомка. Все сделано, чтобы сразу выскочить из воды, одеться – и бежать.

Лошадь?

Нет, лошади рядом нет, иначе бы она могла выдать засаду. Это же конь, ему рот не завяжешь, он и всхрапнет, и заржет... а еще лошади гадят. И пахнут далеко не розами, так что почуять можно.

Лошади нет, а убийца был точно один. Будь двое, так второй бы все забрал, да и смылся.

Стражники подумали пару минут, посомневались, потом тщательно осмотрели все окрестности.

Каждое дерево вокруг почти обнюхали и облазили.

Нет, ничего...

Мужчины забрали все, что нашли, и отправились к дану Рокко.

Дан Рокко осматривал вещи убийцы не в пример серьезнее, чем их осмотрели стражники.

М-да... интересный набор.

Куча склянок не пойми с чем. Но есть подозрения, что там не притирания и не косметика. Яды, наверное. Жаль, посоветоваться не с кем.

Холодное оружие – один стилет. Арбалета нет, ничего такого нет...

Судя по рассказу Адриенны, ее смерть собирались выдать за несчастный случай.

Одежда...

Добротная, крестьянская, судя по всему, убийца жил неподалеку. Но и котта, и дублет, и плащ, и штаны, и сапоги... ага, вот сапоги – надо разузнать. Дан Рокко был внимателен, в таких сапогах половина замка ходила. Местный сапожник тачает.

Так что в них никаких сюрпризов быть не должно.

На всякий случай дан Рокко промял сапоги от голенища до подошвы, потом вызвал Тоно и приказал отправиться к сапожнику. Может, он вспомнит, для кого сапоги тачал? Вот именно эти? Конкретную пару?

Обувь ведь тоже уникальна, и нога у каждого человека уникальна, если человек в своем деле смыслит, ему эта пара о многом расскажет.

Тоно уехал.

Дан Рокко принялся изучать одежду. Внимание его привлек только плащ. Дан Рокко осторожно подпорол подкладку там, где она была подшита неровно, и извлек оттуда ленточку. Синюю. С вышитым на ней осьминогом.

– Ах ты ж... гадина морская!

Дан Рокко в столице жил. И про Осьминога знал, и про Комара, и про остальных «королей помойки». И про опознавательные знаки тоже.

Кто-то без их помощи обходился. А так... своего рода удостоверение личности. Убийца мог обратиться к местным негодьям, они бы ему помогли, а он бы взамен отдал им ленточку. И Осьминог был бы должен. Но и со своего человека он потом бы спросил.

Примерно так.
Значит, Осьминог.
Несчастный случай.

Как звали убийцу, дан Рокко так и не выяснил. Но письмо королю сел писать.

Так и так, было покушение, пытались подстроить случайность. Убийца... с ним вот так и вот этак получилось. Жду ваших приказаний. Что скажете, ваше величество, то и сделаем.

Тоно себя долго ждать не заставил:

– Сапожник сказал, что это некто Джустино Кара, работал на конюшне в трактире. «Яблоко в вине». Я не поленился, заехал туда, мне сказали, что обычный бродяга. Много их по дорогам, дан Рокко, кто на сезон нанимается, кто насовсем остается... вы знаете...

Дан Рокко знал.

СибЛевран стабильно прирастал людьми, в том числе и за счет бродяг. Не всем дорожная пыль по вкусу, кто-то, может, и осел бы на одном месте, как та же семья Бароне, да где ж хорошие условия найти? Чтобы последние жилы не вытягивали, налогами не душили, над родными не издевались?

В СибЛевране это было.

Приходили люди, нанимались на поденщину, а там, глядишь, и останется человек, и семью за собой притащит, у кого она есть, а то и друзей позовет...

Случались и проблемы, куда ж без них. Но в основном все было тихо-гладко-спокойно.

– Трактирщик сказал, что Кара вроде как остаться хотел, расспрашивал, что здесь да как... Он не препятствовал...

– Ты ему ничего не рассказал?

– Обижаете, дан. Службу знаем... сказал, что в замок на работу такой просится, реко-мен-дасия нужна, – выговорил трудное слово стражник. – А сапожнику сказал, что обувь на берегу реки нашел, надо бы хозяину вернуть.

Дан Рокко только рукой махнул.

Две версии есть, остальное люди и сами преотлично придумают.

– Тоно, я знаю, твоя семья пока еще ферму не выкупила?

– Справимся, дан. Просто у родителей чуть не полтора десятка, я старший, а им, конечно, трудно, – махнул рукой стражник.

– Я с данной поговорю. Ваша земля будет. И денег не надо.

– Дан... я не из-за того...

– Так ведь и дана Адриенна не из-за этого. Но верная служба стоит награды, разве нет? Жениться ты вроде не хочешь, дом тебе свой пока ни к чему?

– Это да... а вот Бернардо...

– Я и про него знаю. Будет ему к свадьбе домик, а работать – пусть работает, коли пожелает. Даже жалованье чуток поднимем, – прищурился дан Рокко.

Тоно улыбнулся.

Хорошо, когда дан понимающий...

* * *

Перед Адриенной дан Рокко отчитался честь по чести.

Девушка задумалась:

– Дан Рокко, но кому надо меня убивать? Зачем?

– Тому, кто знает о вашем статусе... дана.

Адриенна правильно поняла паузу.

После помолвки ее уже можно было начинать титуловать «ваше высочество». Что уж там, помолвки не расторгаются, это почти что свадьба.

– Я никому не...

– Ваш отец. Эданна Сусанна. Леонардо.

– Вы думаете?

– Наверняка. Ваш отец не мог скрыть это от супруги. Да и в столице могла быть утечка. Так что, кто угодно из тех, кому не нравится королевское решение.

Дурой была бы Адриенна, если бы о ней не подумала:

– Эданна Франческа?

Дан Рокко только хмыкнул:

– Без стальных... да что там! Алмазных доказательств – никто нам не поверит. Вы же сами понимаете, эданна Ческа тут же бросится к его высочеству, тот к королю, и все сомнения будут истолкованы в ее пользу.

– Стерва, – прошипела Адриенна. И не сдержалась: – Чтоб тебе опаршиветь!

Увы, в настоящем бешенстве Адриенна не пребывала, и серьезного проклятия не получилось. А то, что эданна Ческа подхватила лишай и несколько месяцев лечилась серными примочками, дегтем и соком грецкого ореха...

Это уже совершенно неважные для истории детали.

В конце концов, опаршиветь она могла и без всякого проклятия, дело совершенно житейское.

Мия

Феретти...

Зачем уезжать из города?

Джакомо не мог сказать, что у него деловая поездка, – Лаццо не поняли бы. Уехать, никому ничего не объяснив? Тоже невозможно! Нельзя же оставить дану Серену и дану Джулию одних? На попечении каких-то слуг?

Нереально!

Оставалось сказать правду. И даже съездить, чтобы не врать.

В Феретти.

А что немножко задержались... ну и что? Сбились немного, погода была плохая, отравились несвежими коржиками: мало ли что можно придумать?

Да и следовало съездить в Феретти. Проверить, что там сейчас творится, не сбился ли найденный Джакомо управляющий с пути истинного, а если что – вернуть его обратно...

Мия смотрела с холма на свой дом.

Нет, уже не свой.

Джакомо молчал, давая девочке время разобраться в себе. Он-то понимал, что чувствует Мия Феретти, сам таким был. Поэтому и не лез на глаза.

А Мия смотрела...

Дом, в котором она родилась, выросла, повзрослела, дом, в котором умер ее отец, дом, который был для нее целым миром.

И какой же он маленький.

И обшарпанный. И... если уж честно, сейчас Мия не хотела возвращаться в Феретти. Это как на змею натянуть сброшенную шкуру.

Она любила эти места, и здесь жили хорошие воспоминания, но возвращаться? Жить здесь самой?

Нет, этого она не хотела. Может, у Энцо будет иначе? Он восстановит дом, приведет сюда свою супругу, нарожает детей, и они снова вдохнут в Феретти жизнь?

Может быть...

Но Мия сюда не вернется. Даже случись нечто серьезное... нет, не сможет. Для нее здесь уже жизни не будет.

Странно, в городе она частенько тосковала о том, как жила дома. О маме, о папе, о том, как ей на ночь причесывали волосы, как пели за окном птицы, как пахли цветы на лугах...

Сейчас она понимала: воспоминания всегда с ней. И останутся навечно. А вот жить ими уже нельзя. Надо идти дальше, прокладывать новые дороги, строить новые дома...

Детство осталось где-то там, за спиной, и его уже не вернешь...

– Поедем, дядя?

– Поедем, Мия.

Джакомо посмотрел на решительное лицо племянницы. Да, все так. Мия пришла к тому же решению, что и он сам. Пусть прошлое останется прошлым, а будущее...

Его никто не знает, но оно – будет. И это главное.

* * *

Изменилось многое.

Изменился двор – теперь чистенький, едва ли не вылизанный.

Изменился сам дом. Конечно, многое сделать было нельзя, но стены побелили, ставни покрасили...

Не изменился Герин, который в восторге лаял и прыгал вокруг Мии. Потом попробовал поставить ей лапы на плечи и, конечно, свалил легонькую девушку. Ну и ладно...

И вовсе она не плачет, это просто пыль.

Джакомо тем временем общался с управляющим.

Ньор Маттиа Димартино свои обязанности выполнял на совесть, но с черепахи шерсти не настрижешь. Увы. Денег с Феретти получить не удастся, ни в этом году, ни в следующем, а по-хорошему так и еще бы лет пять арендаторов и крестьян не трогать, пусть отдохнут. Последнее ведь забирали...

Хоть и земля хорошая, плодородная, и оливки в Феретти замечательные, но люди с голоду пухли.

А оливковое масло делать?

Про это никто и не вспоминал.

Мия задумалась. Шкатулки с побрякушками эданны Вакка грели ей душу. Так, может...

– Ньор Маттиа, вы вообще в этом деле разбираетесь?

– Иначе не говорил бы, дана Феретти, – с достоинством парировал управляющий. – За каждый сольди могу отчитаться. Да у вас раньше масло и делали, просто потом забросили.

– Вроде как при дедушке несколько лет было неурожайных, потом пожар случился, а денег восстанавливать производство не было, – пробормотала Мия.

– Именно так, – кивнул Джакомо. – Отец наш, не тем будь помянут, вообще к делам способностей не имел. Только баб валял... гхм. Так, ты этого не слышала.

– Даже и не слушала, – отмахнулась Мия. – Дядя, а восстановить это можно? Там, бочки, пресс... что еще надо?

– Помещение, – задумался дан Джакомо. – Деревья... само сырье. Несколько лет производство все равно в убыток работать будет, но это смотреть надо...

– А мы можем посмотреть и подумать?

– Мия, а до того ли? Дом чинить надо, рухнет ведь скоро. В стенах трещины – палец просунуть можно.

– До того, – жестко ответила девушка. – Феретти должно приносить доход, а не висеть камнем на шее у брата. Давайте подумаем насчет оливок, если надо – посадим деревья...

– Надо смотреть, – кивнул управляющий. – Оливки как раз собирают где-то с ноября по февраль... лучшее масло вообще получается из смеси зеленых, полуспелых и спелых плодов.

– То есть кому и чем собирать, где хранить... по крайней мере, зерно уже уберут, и можно будет нанять крестьян на сбор оливок, – кивнула Мия.

Опять же и люди заработают.

– Мне кажется или старое оборудование осталось? – пробормотал Джакомо.

– А пожар?

– Мия, что может сгореть в гранитных жерновах? Или в прессе?

Действительно, что?

Целы были и жернова, и пресс – и то поди их утащи! Там такие каменюки...

Оливки сначала превращали в кашу жерновами, потом прессом отжимали масло, потом по-простому отстаивали получившееся масло, сливали воду...

Сейчас уж, может, и еще что придумали, поинтереснее.

Оливковые деревья тоже...

Посадить дерево можно сейчас. А вот плоды с него получить... иногда и до двадцати лет доходит.

По счастью, старые деревья были целы.

Урожай, неурожай...

Когда накрылось собственное производство, отец Пьетро и Джакомо просто разрешил собирать оливки крестьянам. Часть их он продавал... купцы приезжали.

Ньор Димартини урожай тоже собрал, но продавать не спешил. Решил сначала поговорить с хозяевами.

Получалось вполне интересно. Старые деревья были живы, давали неплохой урожай, новые можно посадить – и постепенно начать производить масло. Сначала для себя, а потом уж можно и на рынок с ним выходить.

Мия решила, что надо попробовать.

– Я поговорю с Лоренцо, посмотрим, сколько мы сможем выделить.

И подумала, что у нее еще есть бумажки ростовщика. Также деньги... почему бы и не вложить их в Феретти? У Серены и Джулии приданое постепенно набирается, а ей... ей и не надо. Кто ее замуж возьмет, она же метаморф.

Пусть будет Феретти.

Спустя почти неделю Джакомо и Мия увозили с собой большие списки всего необходимого. Что-то можно было заказать на месте, что-то купить в городе...

Но в целом – почему бы и нет? Поместье должно приносить доход, и не только от арендаторов. А деньги надо вкладывать в дело.

Мия вообще отнеслась к этому достаточно легко. Она же не трудом их зарабатывала, считай, на дурачка досталось, вот и уходило просто. Пусть будет оливковое масло. Пусть у Феретти будет доход.

Пусть в доме ее детства все будет хорошо. Даже если она туда и не вернется...

Адриенна (столица)

Когда Филиппо Третий прочитал письмо дана Рокко...

Смесь ярости и радости, вот так можно описать чувства его величества.

С одной стороны... дан Рокко описал, что именно произошло с убийцей. И Филиппо радостно потирал руки.

Адриенна действительно Сибеллин. Об этом свидетельствует все, от ее внешности до роз. От состояния самого дана Рокко (которого в столице весной бы уже на погост отнесли) до случившегося с убийцей. Последнему поделом, но...

Филиппо был умен и образован. Сволочи такими тоже бывают, это им серьезно помогает преуспевать в жизни. И хроники династии Сибеллинов он читал.

Слышал о проклятии королевской крови.

Там было примерно так. Если честь по чести вызвать на поединок – дерись, сколько влезет, побеждай, убивай. Наказания не последует.

А если ты собираешься напасть, причинить вред...

Прости, тебя предупреждали. Просто сгоришь от проказы. Быстротекущей или вялотекущей, в зависимости от ситуации.

Убийца, видимо, пролил королевскую кровь – и был наказан, мгновенно и жестоко.

И его, Филиппо Третьего, намеревались лишить этого сокровища!

Способа снять проклятие с его личной династии? С королевства?!

Ярость поднималась ураганом, вздымалась штормовой волной, выжигала душу лесным пожаром.

Осьминог, говорите?

Его величество совершенно плебейски обожал осьминогов, которых мариновали и поджаривали на вертеле. Кажется, настало время добавить в свою коллекцию еще одну зверушку?

* * *

Грязный квартал стонал и рыдал.

Его величество не разменивался на всякую ерунду вроде стражи, вот еще не хватало! Он попросту ввел в столицу войска, а с моря нацелил на Квартал корабли. И приказал хватать всех, кто попыбует вырваться.

А сопротивляться будут – убивать без жалости.

И солдаты пошли через Квартал.

Женщин и детей, правда, старались не трогать. Ну, разве что юбку кому из баб задрать, но и то командир за такое взгреть может. Так что сильно не связывались.

Да и его величество распорядился – найти Осьминога. Ему лично предоставить живым.

Остальных... по ситуации. Попадутся – допросить. Разобраться, потом задержать до выяснения.

Над Грязным кварталом повисли стон и вой.

* * *

Осьминог долгих сборов не любил.

Роскошь, конечно, жаль, ну да ладно, денег у него хватает, на бобах не останется. Прихватить кое-какие документы из тайника – и в потайной ход.

Его люди?

Какие еще «его люди»? Это не люди, это мразь помоечная, отребье и гнилье! Плесень перемойная, он таких где хочешь нагребет...

Так что мужчина помчался за документами, открыл тайник... и получил по голове так, что в него же носом и влетел. Трое самых-

самых приближенных к нему «придворных» даже и совещаться на этот счет не стали.

Сгребли все из тайника, запихнули в мешок, связали своего бывшего предводителя – так, для верности, – и потащили все это комплектом. К солдатам.

Не прогадали.

Капитан, которому под ноги бросили тушку и мешок с бумагами, великодушно отвернулся и принялся усиленно смотреть в другую сторону. Так что приближенные ушли. И потом вернулись в Грязный квартал, чтобы поделить осьминогово добро и наследство. Но это уже совсем другая история...

А самого Осьминога доставили в королевские пыточные, где и изготовили его согласно королевскому распоряжению.

Людоедством Филиппо Третий не страдал, но миловать всякую нечисть тоже не собирался. Вот еще не хватало!

Назвался груздем – полезай в кузов. Назвался Осьминогом – на жаровню. Все закономерно.

Только вот что мог сказать Осьминог?

Эданна или дана, это уж точно. Лилиями от нее воняло, хоть плачь. Голос красивый, но, похоже, она его меняла.

Деньгами отдала, не побрякушками, а на деньгах никаких меток не было. В обычном кошельке, таких – на рынке у любой бабки сорок штук на дарий купить, холщовый, дешевый, даже без вышивки.

Он, конечно, подозревал, что это эданна Франческа. Но лица не видел, только по родинке догадался. А родинка... нет, не доказательство.

И ее рассказ про эданну Сусанну – тоже. Весь двор про ее замужество знал.

А так – никаких улик, кроме догадок.

Больше от него ничего и не добились. Хотя докапывались до сути. И остатками Осьминога даже неприхотливые крысы побрезговали. Настолько изуродованное мясо и они сожрать были не готовы.

Лилии?

К сожалению, Филиппо Третий не смог привязать сюда любовницу сына. Он знал, что эданна Ческа обожает этот тяжелый и душный аромат. Понимал, что ей выгодна смерть Адриенны, именно что от несчастного случая.

Но больше-то доказательств нет! Аргумент «кому оно еще нужно»? Нет, только не для сына, который влюблен по уши.

Увы, Филиппо Третий чувствовал себя последнее время не слишком хорошо и постепенно передавал дела сыну. А как тут быть, если Филиппо взбрыкнет? Упрется, пойдет в дурь...

Нет, не получится у короля удалить эту опухоль.

Но сына он предупредил. То есть рассказал, что на Адриенну покушались, и сообщил, что исполнителей взяли всех. А потом долго и со вкусом расписывал, что именно с ними сделали.

Такой тонкий намек... и его величество не сомневался – он дойдет до адресата.

* * *

Своего сына Филиппо Третий знал просто преотлично. И если бы он видел, как выразительно зеленело лицо эданны Чески, когда принц расписывал ей Осьминожки мучения!

Ей-ей, король почувствовал бы себя отомщенным. И Адриенна, наверное, тоже.

Вместе с лишаем вполне адекватно получалось.

Ческу аж потряхивало от страха, отвращения, ненависти, а его высочество рассказывал, не особо сомневаясь, что даме это интересно. А что? Это ОН рассказывает, ценить надо! Абы кому принцы государственные секреты не выдают! Еще и добил в конце:

– Отец сказал – когда найдут заказчика, так и с ним поступят. Чтобы впредь неповадно было...

Эданна сглотнула. Представила себя во всех этих видах, и ее едва на зеркало не стошнило.

– А... не нашли?

– Пока нет. Но искать будут. И если что... впрочем, теперь точно никто не рискнет за этот заказ взяться...

Ческа сглотнула еще раз.

Ох, как-то ей паршиво стало.

Преступники за этот заказ не возьмутся. А она... она и не рискнет попробовать.

Жить ей охота. А это явно ей намек... нет, она не готова так собой рисковать! Совершенно не готова...

Пусть эта стерва пока поживет. Ческа с ней после смерти его величества разберется! А пока – потерпит! Мужа десять лет терпела, так неужели сейчас себя не смирит?

И надо подумать, может, попробовать родить ребенка от его высочества? Хотя и бастард, а все ж... королевский внук будет?

Определенно надо.

Ческа решила перестать принимать противозачаточные средства и начать активно делать малыша. Не хотелось, конечно, но хоть какая-то гарантия безопасности^[12].

А пока...

– Любовь моя, хватит говорить о страшном. Прошу, обними меня, я всего лишь слабая женщина и хочу чувствовать твою силу, защиту, поддержку...

Конечно, его высочество откликнулся на призыв.

И обнял, и поцеловал, и доказал, что эданна Ческа всегда может на него рассчитывать, даже три раза доказал...

Эданна благодарила, восхищалась, и он чувствовал себя героем. А мысль о том, КТО стоит за покушением и кому это выгодно...

Мысли в его голову сегодня уже не приходили. Да и потом тоже – зачем?!

Дураку понятно, что эданна Ческа никогда бы так не поступила, она умная, она добрая, она его любит до безумия, наконец... она просто не способна ни на что подобное!

Разве можно подозревать сей образец небесной прелести?

Никогда! И ни за что!

По счастью, эданна Ческа была умнее его высочества и предупреждению вняла.

Грязный квартал был перетряхнут вдоль и поперек. А оставшиеся «короли» активно принялись делить наследство Осьминога. Даже небольшая резня случилась, но за пределы Квартала она не вышла. Но это уже совсем другая история.

Глава 8

Лоренцо

– А теперь сорок кругов! Вон те два камня поднял – и вперед!

Энцо застонал и тут же получил от Чезаре:

– Сорок мало? Сорок два!

Нового стога не последовало. Путешествие там или нет, ярмарки там или нет, обоз...

После возвращения с Девальса хоть Чезаре, хоть Леоне лютовали аки страшные звери комары. И спасения от них не было. Никакого.

– Берсеркерство, конечно, хорошо, – глубокомысленно рассуждал Чезаре, наблюдая, как его подопечный делает по сто отжиманий. – Но если силенок маловато... вот на корабле не испугались бы пираты, так тебя бы и добились. А было б сил побольше, ты бы их перебил.

Энцо молча сопел.

Он уже попробовал сказать, что он всех спас. Ну и...

Мало ста отжиманий?

Двести будет!

И ведь никто, никто не вступится! Дядя Паскуале? Он еще и подначивает! Как и дядя Фредо! Еще и смеются, мол, на охране сэкономим... один берсерк – это сколько охранников? Два? Три? Полтора?

Дядя Джакомо? Похлопывает по плечу и говорит, что мужчина должен и обязан уметь себя защитить.

Мия? На сестру была последняя надежда, но Мия тоже ничем не помогла. Сказала, что в мужские дела не полезет, но если бы отец больше тренировался, может, и от кабана бы увернулся?

Да Энцо и не слишком-то протестовал, если по-честному.

Он прекрасно понимал, что просто так булки на дереве не растут. Что надо учиться, надо трудиться, надо работать над собой и не лениться. Тогда и добьешься чего-то...

Насмотрелся.

Ни Фредо, ни Паскуале себе лени не позволяли. Вставали с рассветом, и начиналось. Завтрак – бумаги – склады – лавки – корабли...

За день так по столице намотаешься, к вечеру ноги едва таскаешь. А ведь это не просто бегать, это еще и думать надо. Зато в обстановку одной прихожей у них больше денег вложено, чем во все поместье Феретти.

Дану не подобает?

А жену с детьми в нищете держать подобает?!

И оставлять на милость родственников, потому как позаботиться о них при жизни благородный дан попросту не смог? Этим летом Энцо в Феретти не поехал. Джакомо и Мия съездили.

А ему привезли отчеты управляющего.

Энцо почитал – и разве что не волком взвыл.

Феретти!

Поместье!

Да только чтобы дом не развалился, надо как минимум двадцать тысяч лоринов! Крыша! Стены! Фундамент!

Там чинить и чинить... ей-ей, проще новый построить!

Доходов с поместья ни в этом году, ни в следующем не предвидится. Арендаторы кое-как окупают себя, это как... как овцу обрить налысо. Обрастет, конечно, но не сразу. А шерсти с нее долго не получишь, это уж точно.

Деньги, деньги...

Хорошо хоть, кое-что у Энцо было, вот это самое кое-что он и вложил. Пиратский корабль продали – доля. Содержимое его трюмов тоже продали – и там Энцо справедливая доля причиталась. Не двадцать тысяч лоринов, конечно, но фундамент у дома в этом году подновят как следует. И припасов закупают на два года вперед, пока урожай. И кое-какой скот.

А повезет, так в следующем году и крышу перекрыть получится.

Вот отец, считай, налысо все Феретти обрил. Да, судя по дядюшкиным словам, там и дед постарался, и прадед. Со своим «благородному дану не подобает».

И почему это дану не подобает все, кроме благородной лени?

Нет уж... Энцо на все наплевать! Он работать будет и еще раз работать! Вот дана Адриенна Сиблевран...

Как всегда, от одной мысли о дане лицо юноши расплылось в улыбке.

Вспомнились синие глаза, черные локоны волос... красота же! Настоящая! А еще – Адриенна настоящая дана. Потрясающая!

Нереальная...

И в то же время она занимается делами своего поместья, хоть и не старше Мии! Она разбирается в лошадях... Паскуале о ней говорит только в превосходной степени!

Он и заказ на лошадей взял, и собирается об этом поговорить с даной СибЛевран.

Купить тех коней, которых она посоветует. Понятно, не для благородных и не арайцев, но разве мало в городе коней требуется, да и в пригороде?

Те же извозчики...

Не всем по карману собственный экипаж или паланкин. А еще отвезти-привезти, перевезти-перекидать...

Вот и появляется гильдия возчиков. И гильдия грузчиков, и отлично они сотрудничают. Кстати, и с купеческой гильдией. И лошади им нужны особенные. Крепкие, не капризные, не пугливые, не нервные, как те же арайцы...

Ладно, Черныш не такой. Но он исключение. Он знал, что его к хозяину везут, и Паскуале доверял. И Энцо...

И к дану Каттанео Паскуале тоже собирается.

Кони, пуховые изделия, лен, пенька... купец свою выгоду всегда найдет. Но ведь и Энцо кое-что получит! Прошлый раз ему честь по чести выплатили на руки жалованье охранника.

В этот раз, поговорив с дядюшками, Энцо вложил в поездку прибыль от проданного корабля. И в обозе был теперь и его товар. Его доля.

Получится – так прибавится. И он опять вложит эти деньги, если следующей весной они отправятся на Девальс. А Паскуале собирается...

Мысли Энцо опять скользнули к синеглазой дане.

Феретти и СибЛевран далеко друг от друга. И Лоренцо – последний Феретти. Можно, конечно, если у Мии будут дети, им передать и имя, и титул, или у Серены с Джулией... на это надо королевское дозволение, но получить можно. Энцо поинтересовался.

И законами, и жизнью.

И по закону можно, и по жизни, только по закону надо короля просить, а по жизни... еще надо знать, кому и сколько занести в канцелярии. Чтобы правильно прошение и оформили, и подали...

Адриенна – последняя из СибЛевранов.

Интересно, как зовут ее жениха?

Энцо пока не задумывался об этом именно в таких выражениях, но... вот если Адриенна и он... ее бывшему жениху виры хватит? Или его убить придется?

А еще... а как сама дана Адриенна к нему отнесется? В том году она Энцо практически не замечала, смотрела, улыбалась, но основное внимание доставалось Паскуале. И сейчас Лоренцо понимал, что это правильно. А в этом году как будет?

Сейчас он уже не мальчишка на побегушках, сейчас он почти компаньон, он не нищий...

Да, Энцо уже мыслил и такими категориями.

Ему есть что предложить, кроме себя и титула. Он не просто нищий дан из захолустья, он сможет семью обеспечить.

– Сто-ять!

Энцо остановился и недоуменно поглядел на Чезаре:

– Что?

– Ты уже пятьдесят кругов пробежал, – пояснил наемник, откровенно ухмыляясь. – Давай теперь на перекладину, пятьдесят раз подтянешься – и к реке. Купаться.

Энцо кивнул.

Да, вот так и выполняют упражнения. Замечтавшись.

И все же...

Какая она красивая!

* * *

Если кто-то читал про благородных разбойников, или баллады слушал, или мечтал о том, как они грабят богатых и раздают имущество бедным...

Стоило бы романтическим тонким натурам встретить на дороге «лесных братьев», ох, стоило.

О благородстве натур свидетельствовал запах, который от них исходил. Вот не предусмотрены в лесу купальни и термы, хорошо, если летом в речке поплескаться удастся. И то – зачем?

Как известно, главная вода в жизни человека – вода из крестильной купели. Вот и нечего ее смывать.

А какое благородство природы! Какой благородный лексикон!

Так и заслушаешься...

А уж как засмотришься... на небритые, нечесанные, опухшие, беззубые... да, это все тоже оттуда. Цирюльники в лесу не предусмотрены, но друг всегда может помочь. И во время пьянки удалить молодецким ударом кулака не только больной зуб, но и парочку соседних.

И опухшие они тоже...

Ночлеги в лесу не способствуют здоровью, равно как и пьянки. Так что печень, почки, желудок, кишечник... каждый «лесной брат» просто подарок для лекаря. Обойди вокруг – и иди диплом получай. Это о красоте и благородстве природы.

А на тему «грабить богатых и раздавать бедным»... разве нет?

Именно что грабить надо богатых, с бедняков-то что взять? Разве только позабавиться... и то не слишком интересно.

Ну, сунешь ты крестьянина пятками в костер.

Ну, пропустишь ты его баб по кругу...

В кошельке от этого не забренчит, а кушать каждый день хочется. А иногда так даже и жрать! Так что грабить надо богатых. И раздавать бедным.

Каждому члену шайки по доле. Атаману – две. Лесной закон, знаете ли...

Мало? Конечно, мало, атаману бы и три доли не помешали, и четыре, но тут уж – простите. Самим мало. А бедных обделять нельзя, это грех.

А еще приходится делиться с крестьянами из окрестных деревень. И кстати, с ними-то развлекаться и не стоит. Потому как стражу наведут или приют не дадут – и получишь ты себе проблем. Развлечения на денек, а гонять тебя долго будут, что того зайца по лесу.

Сейчас самое интересное и происходило в лагере «лесных братьев».

Шайка атамана Винченцо, не слышали? Вот и правильно, атаман к известности не стремился. Ему хотелось накопить денег, да и уйти со своего промысла. Может, трактир прикупить...

Но тут тоже – беда.

У мелкоты денег много не возьмешь, ювелиры, знаете ли, в одиночку по дорогам не ездят, банкиры охрану нанимают, про данов и вовсе молчим.

А у крупняка охрана тоже... хорошая.

Но тут атаману «прилетела птичка».

Слушал он внимательно, и результат его радовал.

На ярмарку едет обоз Лаццо. Там тебе и деньги хорошие... Охрана? А вот тут интересно получается. Охрана есть, но ее и не так много, чтобы уж очень, и... при Лаццо есть племянник. Вроде как дан какой...

Вот атаман и придумал хитрый план.

Украсть мальчишку – несложно. Это ж пацан, его вообще можно... мешок на голову да через плечо. Ерунда, одно слово!

А потом потребовать за него выкуп. Не слишком большой, чтобы купец платить не отказался.

Но на встречу-то он явится с охраной!

А обоз?

А обоз в это время останется... ладно, совсем чтобы без охраны, такого не будет. Но охрана та будет слабее. И смять ее легче. А если еще предварительно договориться кое с кем...

Да, у атамана Винченцо были свои знакомства. В том числе и с хозяевами придорожных трактиров. Надо же куда-то товар сбывать?

Обязательно.

Винченцо слушал информатора, смотрел в костер. При удаче...

Да, при удаче он сможет завязать со своим промыслом. А при неудаче?

Неудачи быть не должно!

Адриенна

Сейчас Адриенна так не улыбалась.

Конечно, хорошо, что отец вернулся. А вот все остальное...

Эданна Сусанна больше не чешется – жаль. Ну, ничего, при необходимости – повторим урок. Леонардо подошел с поклоном и улыбкой.

Адриенна ответила ему таким людоедским оскалом, что бедняга аж шарахнулся:

– С-сестрица?

– Поговорим, братец, – нежно пропела Адриенна, временно беря себя в руки. – Сейчас все пройдут в зал – и поговорим...

Мурлыкала она ласково, но, кажется, Леонардо это не обмануло. Как-то он очень бочком от нее шарахнулся и потом передвигался на полусогнутых.

– Что случилось, Риен? – услышал ее отец.

– Отец, я жду всех в центральном зале. Это важно.

Адриенна развернулась и направилась в центральный зал. Там сейчас тепло, хорошо, камин с утра топили... хотя сейчас и без камина всем будет жарко и весело.

И откладывать развлечение на потом Адриенна не собиралась.

Вот на что спорим – эданне Сусанне донесут о случившемся, она предупредит сына... а Адриенне очень хотелось посмотреть на Леонардо.

На его настоящее лицо.

Понимала она преотлично, что мразь! Что ничтожество. Но вот насколько? Это и требовало проверки и рассмотрения. Интересно же!

Да, теперь уже просто интересно. А раньше обидно было...

Эданна Сусанна попробовала взвизгнуть, но дан Марк направил жену в зал. Адриенна просто так паниковать не будет, и дан Рокко, который тоже появился во дворе, кивком подтвердил его опасения.

Что случилось? Что-то ведь серьезное...

В зале Адриенна заняла свое кресло и ждала, пока явятся все заинтересованные лица.

Дан Марк и Леонардо. Дан Рокко. Эданна Сусанна и Джачинта... ладно, Джас – для моральной поддержки. Она расположилась так, чтобы Адриенна ее видела, и улыбнулась: я с тобой, подруга.

Джас действительно относилась к Адриенне тепло и по-сестрински. И с радостью обучала ее очень важным вещам.

Кокетство.

Стрельба глазами по подвижной мишени. Игра веером. Как правильно приклеить мушку. Когда дане пристало пудриться, а когда румяниться. И сотни, тысячи неписанных правил света, о которых мужчины, увы, не имеют никакого представления. Или делают вид, что ничего не знают, – так оно жить проще.

Джачинта с огромным удовольствием рассказывала Адриенне все, каждую тонкость, каждую мелочь. Не заносилась, не снисходила до провинциалки, скорее благодарила и пыталась отплатить добром за добро.

Не расплатиться.

А просто поблагодарить, хоть чем. Хоть как...

Адриенна оценила. Джас действительно стала ей подругой, и девушка знала: они будут переписываться. Когда Джас выйдет замуж и уедет. Когда она будет счастлива со своим Тоньо...

Что ж. Адриенна хотя бы знать будет, что оно на свете есть – счастье. Посмотрит на чужой огонь, и на сердце станет теплее. Не для всех, но счастье есть.

Девушка улыбнулась Джас, но тут же сделала строгое лицо.

Сейчас ей никак нельзя расслабляться. Поехали!

– Эданна Сусанна, спешу обрадовать вас радостной новостью. Вы скоро станете бабушкой.

Рты открыли все. Первым закрыл его дан Марк. И поинтересовался с крестьянской прямоотой:

– Ты – беременна?!

– Я? – Адриенна демонстративно встала из кресла и провела ладонями по платью. Пожалуй, ее талии могла позавидовать иная оса. – Нет. Это дан Леонардо на стороне постарался. У него в конце осени ребенок родится. Мальчик.

– У меня? – пробормотал Леонардо. Потом понял: – Анна?

– Анна Бароне, – еще милее улыбнулась Адриенна. – Та самая, которая составляла букеты для вашей уважаемой матушки.

Леонардо поморщился:

– Адриенна, умоляю... что поделать, если у меня нет вкуса!

– А ребенок теперь есть, – кивнула Адриенна. – Признавать будете, дан?

И вот теперь она увидела истинное лицо Леонардо.

Никакого смущения от раскрывшегося неблаговидного поступка. Он же дан, ему же можно!

Никакого стыда, никаких угрызений совести.

Одно бесконечное презрение и отвращение. Брезгливость и даже усталость какая-то... Вот что за тупость? Какая-то крестьянка и благородный дан?

Она счастлива должна быть, что ее... осеменили, породу улучшили, а она – что? Еще и смеет что-то заявлять?

Озвучить это Леонардо не успел, да и не надо было. Адриенна и так все увидела. Сглотнула... едва не стошнило.

Вот ведь мерзость какая... это как корягу отвалить, а там черви, личинки, мокрицы... благородные создания, наверное. По сравнению с Леонардо в благородные можно и глистов записать.

– Какая-то девка утверждает, что она беременна от моего сына? Пф-ф-ф-ф-ф! Леонардо, мальчик мой, я же говорила тебе не связываться с деревенскими шлюхами! Ее небось все окрестные мужики перевалили, а ты... как бы еще какую заразу не подхватил! – эданна Сусанна вступила в бой.

Адриенна улыбнулась и женщине:

– Анна ничего не утверждает. Но до вашего сына она была девушкой.

– Вранье!

– Более того, других мужчин у нее не было.

– Да все они тут шлюхи, все за монетку подол задерут!

– Вы отлично осведомлены, эданна. – Ехидство в голосе Адриенны можно было ножом резать. – Опыт?

– ЧУШЬ!!!

Визг эданны ввинчивался в уши. Адриенна кивнула:

– Значит, я все сделала правильно. Анна, понимая, что ее ожидает, не стала дожидаться дана Леонардо, чтобы тот поступил как мужчина и признал ребенка. Она пыталась покончить жизнь самоубийством. По счастью, у нее не получилось, так что ваш, эданна, внук скоро родится. Но будет носить другую фамилию. И любить мужчину, который вырастит его, как родного.

Эданна Сусанна закивала. Дурой она не была и понимала, что вот это, пожалуй, лучший вариант из возможных. Правильно, девку замуж! И побыстрее... а самоубийство... грех, конечно, был бы не на

Леонардо. Но слухи о таком далеко расходятся, потом мальчику приличную невесту не найдешь. Что ж, падчерица, конечно, дрянь, но сделала все быстро и правильно, и их не побеспокоила... Пожалуй, Сусанна ей даже в благодарность румяна подарит. Или помаду. Там все равно тон слишком светлый...

— А чтобы брак был более счастливым, я дала Анне приданое. Поэтому на доход от СибЛеврана ни вы, эданна, ни вы, дан, — взгляд в сторону Леонардо, — до конца года можете не рассчитывать.

— Как?! — возмутилась эданна. — Я должна терпеть неудобства из-за какого-то ублюдка?!

— Которого сделал ваш сын.

— Да мало ли что утверждает эта шлюха!

— Тайна исповеди. — Адриенна разглядывала ногти. Надо бы подрезать покороче. — Но вы можете поговорить с падре Санто. Он и Анну венчал, и Леонардо не откажется епитимью назначить... надо же вашему мальчику грех отмаливать?

Сусанна сверкнула глазами:

— Она сама виновата!

— Поэтому деньги с вас удержаны только до конца года. — Адриенна смотрела ледяными глазами. — СибЛевран не обязан оплачивать несдержанность вашего сына, эданна. Неужели вы не научили его, что надо делать... чтобы детей не было?

— Адриенна?! — возмутился дан Марк. — А ты откуда о таком знаешь?!

— Вы не переживайте, отец, — отмахнулась наглая дочь. — Меня знахарка просветила. Есть время, в которое даже церковь дает разрешение на подобные меры. И насчет эданны Сусанны тоже. *Эти* снадобья она ни разу у знахарки не покупала.

Дан Марк изобразил сову. То есть захлопал глазами.

— Эти?!

— Кстати, зря. У знахарки баночка дарий стоила, на месяц бы с лихвой хватило, — добила Адриенна. — И лорины бы целы оказались. Откупаться бы не пришлось.

Эданна сверкнула глазами на Леонардо.

Вот болван! Ведь и правда... мог бы сказать девчонке, что это такое средство для страсти, для кожи, для рожи... да мало ли во что верят влюбленные дуры!

А так и не поспоришь. Адриенна, увы, права. И выбор сделала наилучший.

Может, она и не хотела, но о Леонардо пойдет только добрая слава. Он же о бывшей любовнице позаботился, не бросил... а что это дана СибЛевран вместо него постаралась, ну кто там будет что разбирать?

При правильной подаче ситуации про Адриенну никто и не вспомнит. Никогда. А вот Леонардо будет благородным даном, случайно попавшим в неприятную историю... Что ж! Кто из нас в молодости был без греха?

Но без подарка эта дрянь все равно обойдется!

Адриенна встала из кресла.

– Остальные наши новости всех обрадуют. Поместье процветает, все в порядке, после ярмарки подсчитаем доходы, полагаю, они будут высокими.

И вышла из зала.

Дан Марк посмотрел на дана Рокко. Тот развел руками:

– Дана Адриенна была очень недовольна, когда вот это... случилось. Анна едва при ней с жизнью не рассталась, вот дана и огневалась.

Дан Марк качнул головой:

– Адриенна все равно слишком строга к Леонардо. Я с ней поговорю. Кто из нас не был молодым, не совершал маленьких ошибок?

– Полагаю, дану разозлила не молодость, а безответственность, – пожал плечами дан Рокко. И вышел из зала. Джас последовала за отцом.

Эданна Сусанна посмотрела на мужа:

– Милый, у меня та-ак разболелась голова от всего этого! Умоляю, проводи меня в мои... наши покои?

Дан Марк и не сопротивлялся. И проводит, и раздеться поможет, и ванну принять... как тут откажешь?

Леонардо остался один, и чувствовал он себя при этом дурак дураком. И чего этой дуре вздумалось так неудачно... не могла даже нормально жизнь закончить!

Надо ей было Адриенне под руки попасть! Тьфу, идиотка!

Повидаться?

Поговорить?

Простите, с кем и о чем? С деревенской дурой и шлюхой? Вот еще не хватало!

Родительские чувства тоже Леонардо не посетили, только скука, усталость и брезгливость. И как теперь перед Адриенной оправдываться? Есть подозрение, что букет она уже не примет... а на что-то другое у него просто денег нет.

Как сложно жить в этом мире, если ты безземельный дан!

* * *

Адриенна почувствовала бы себя полностью отомщенной, если бы присутствовала при семейной сцене, случившейся этим же вечером. Эданна Сусанна, конечно, сына за волосы не таскала и пощечин ему не отвешивала, но шипела не хуже гадюки:

– Идиот сопливый!

– Мама, я...

– Не подумал?! Это не столица, где плод стравить, что высморкаться! Это деревня, здесь все на виду!

– Вот именно, подумаешь, деревенская девка...

– Забеременела от тебя. Убила из-за тебя и себя, и своего ребенка!

С такими сплетнями ты не то что на дане – на купчихе не женишься! Болван! Правда, что тебе стоило снадобье купить?!

Леонардо понурился.

Ну, не подумал. Женщины, с которыми он раньше имел дело, вдовы, проститутки, дамы полусвета – они прекрасно сами обо всем заботились. Анна же...

Деревня, вот именно! На что уж она там рассчитывала – кто ее знает! Но – вот результат.

– Будешь и в следующем году без денег, – приговорила эданна Сусанна. – Болван! И вот еще что... что за букеты?

– Ну... для Риен.

– Тьфу, болван!

А что тут еще было сказать? Просить любовницу рвать букеты для девушки, за которой ухаживаешь? Эданна Сусанна такого бы век не простила. И насчет Адриенны не обольщалась.

– Ну а что...

– То, что она узнала. Если бы ты заодно и мне букеты приносил – сошло бы с рук. А сейчас... Леонардо, нам надо искать тебе супругу.

– Мне?!

– Ну не мне же!

– Но, матушка...

– Раньше ты мог рассчитывать на СибЛевран. Сейчас Адриенна тебе и гнилого яблока не оставит, это уж точно. Значит, тебе надо за это время устроить свою жизнь. Пока она еще не вышла замуж, ты можешь сказать, что, возможно, поместье останется тебе...

– Она не подтвердит.

– А я с ней поговорю. Найдем, на чем сторговаться.

Леонардо сомневался в этом. Но если маменька так решила?

– И на ком ты хочешь, чтобы я женился?

– Помнишь эданну с вод? Мы с ней познакомились в купальнях... эданна Фабиана Маньи?

Леонардо скривился, словно ему касторку предложили:

– Матушка! Она же старая!

– Она на четыре года моложе меня, – отрезала Сусанна, которая вообще намеков на возраст не терпела. – Заметь, свободна, богата...

– Двое детей.

– И что? Ты сначала женись, а потом и третьего ей сделаешь, и посмотрим, кого наследником объявят. Сам понимаешь, Бог дал, Бог взял... вот Марк так женился, и счастливо прожили.

– И унаследовал он отдохлой вороны хвост.

– СибЛевран передается по женской линии. А Маньи только по мужской. Так что поместье ты можешь не унаследовать. А вот денег у нее хватает...

Леонардо покривился еще сильнее. Жениться на деньгах ему не очень-то и хотелось. Но эданна Маньи была не худшим вариантом.

Богата, не слишком умна... молодого мужа любить будет. С этим он справится. А радости на стороне... найдет со временем.

– Что ты предлагаешь, матушка?

– Я выберу из своих украшений что-то подходящее к случаю, напиши ей письмо и пошли подарок. Она ответит, вот и переписка завяжется.

– Так...

– Чтобы весной и свадьбу сыграли.

– Стоит ли так торопиться?

Эданна Сусанна возвела очи горе. Ну почему, почему мужчины так несообразительны! Ей-ей, она ненавидит Адриенну СибЛевран, но иногда девчонка кажется ей намного умнее Леонардо. Ей просто опыта не хватает, а соображает она неплохо.

– Леонардо, милый, у меня с Марком до сих пор нет детей. Были бы... можно бы и с королем говорить, и все остальное... а так – мы зависим от этой наглой твари, и она об этом прекрасно знает. И пользуется. Поэтому через четыре года нам предстоит решать как-то свою судьбу. И мне, и Марку, и тебе... Если ты будешь устроен в жизни...

– То вы, маменька, сядете мне на шею.

– Я тебя растила, паршивец!

Леонардо фыркнул, но возражать не стал. Полной сволочью он не был и мать любил. Пожалуй, единственную во всем мире. Кроме себя, любимого.

– Матушка, я же не возражаю. Напишу, конечно...

– Вот, сразу бы так. Возьми в библиотеке томик стихов, женщины это любят.

– Хорошо, матушка.

Эданна Сусанна ушла.

Леонардо вздохнул.

Вот ведь... подгадила ему эта девка! И не рассчитаться с ней никак... нереально! Еще благородный дан не сводил счетов с какой-то крестьянкой!

Сам виноват?

Да ну-у-у-у-у-у!

Виноват всегда тот, кто более беззащитен, то есть Анна. Но сейчас и с ней ничего сделать не получится, Адриенна не даст. Жаль, конечно...

Хорошо бы ее... того...

Леонардо облизнулся, вспоминая «сестренку». Даже сейчас она очень даже себе так аппетитная, а уж через пару лет выглядеть будет... ой, не зря матушка бесится. Рядом с падчерицей она смотрится как кусок грязи рядом с сапфиром. Ладно, может, и не грязи, мрамора, но

всем ясно, кто тут драгоценность, а кто простой поделочный камень. А еще и деньги...

Фабиана тоже не смотрится рядом с Адриенной.

Слишком высокая, костлявая, нескладная... и зубы у нее лошадиные.

Зато и состояние ей супруг оставил! Ее собственное приданое да вдовья доля... очень неплохо набирается. И она готова тратить эти деньги на Леонардо.

Разве плохо?

Мысль о том, что придется отрабатывать каждый лорин, как это сейчас делает его мать, прогибаться, поддаваться, услужать, не противоречить... как ни странно, эта мысль к Леонардо тоже не приходила. Он же МУЖЧИНА!

А если он мужчина, значит, все это должны проделывать с ним! Терпеть капризы и выходки, измены и пьянки, друзей и гулянки, услужливо прогибаться под его интересы...

Кажется, Леонардо предстояло немало неприятных открытий в этой жизни.

Эданна Сусанна могла бы его просветить. Она-то видела, что Фабиана далеко не безобидный цветочек и за свои деньги полную отдачу потребует. Но высокой ценой это не считала.

Разве это проблема?

Сын будет пристроен.

А что проституткой? Кому какая разница, если у него будут деньги и дом?! Она так всю жизнь живет, и вы завидуйте!

* * *

Адриенна вечером лежала в своей спальне и смотрела в окно. Небо, звезды...

Она чувствовала себя разбитой и усталой. Вот почему так получается?

Человек сделал подлость, она с ней разобралась, последствий... самых жутких – не случилось. А человеку даже и не страшно, и ему наплевать на все... он даже не задумывается.

Его проблемы должен разгрести кто-то другой.

Адриенна?

Почему бы и нет, раз уж она здесь хозяйка?

Тот факт, что она Леонардо сюда не приглашала, и вообще... козел!!! Вот почему, почему она должна все это делать?!

Она СибЛевран, а не поломойка, чтобы за всякими там подтирать. Может, королю написать?

Вот ее бы воля, приказала б она этого недоумка на главной площади выпороть! Чтобы хоть через нижние полушария что-то в голову вошло!

Нельзя. Отец не даст, Сусанна скандал устроит...

Вот как так получается?

Они только что приехали, а Адриенна готова уже из дома бежать... из родного, заметим, дома, лишь бы эти рожи не видеть. Что ее сегодня так зацепило-то?! Что?!

Адриенна и сама не понимала.

Может, вспомнила, как Розы ей рассказывала о своей жизни. И подумала, что поступила, как в свое время эданна Рианна. Спасла две невинные жизни. Просто так. Не требуя ничего взамен.

Может, почувствовала омерзение от эданной Сусанны. Неужели, если у Адриенны родится ребенок, она будет так же к нему относиться? И оправдывать любую подлость?

Вот...

Вот что ее корбило, вот что мучило...

Как же они легко себя оправдали. Сделали подлость, фактически убили двух человек... да, убили! Анна и ее ребенок чудом остались живы, но это не по вине Леонардо или его мамы. Более того, даже окажись они в СибЛевране... что-то бы поменялось?!

Да ничего!

Вообще ничего!

Точно так же Леонардо послал бы девчонку... да, именно туда. Точно так же она бы побежала топиться или вешаться. Две смерти могло быть у Леонардо на совести, а он этого даже не осознает. Не понимает, не чувствует...

Мразь?

Еще какая!

Только вот Адриенна никогда ему этого не объяснит. Не получится...

Да и пропади оно пропадом! Справится она со своими нервами, и вообще справится, просто... просто не видеть бы их еще чуток! А то бешенство одолевает!

В дверь деликатно постучали.

Пришлось встать и открыть.

– Дан Рокко?

– Дана Адриенна, простите, что поздно вас беспокою...

– Что вы! – Адриенна готова была расцеловать этого прекрасного, умного, золотого человека! Беспокойте меня, дан Рокко! Что угодно лучше... даже если вы мне о чуме доложите, лишь бы вот... не это... не лежать, не думать, не накручивать себя... – Что-то срочное?

– Не так чтобы срочное, дана Риен. Я получил сейчас письмо от ньора Лаццо. Помните такого?

– Ньор Паскуале? – расцвела улыбкой Адриенна. – Конечно! Он приедет?

Если нет...

Это будет как минимум обидно. Должны же в СибЛевран и хорошие люди приезжать? А не только эти... сволочи!

– Ньор Паскуале написал мне. Буквально через пять дней они будут в Альмонте, и он предлагает нам тоже приехать и встретиться там. Коней перегнать...

Адриенна задумалась.

– В пять дней не уложимся. Может, дней семь... вы уже выбрали, кого ему отгоним из молодняка?

– Я завтра списки принесу, посмотрите.

Адриенна кивнула. Так лучше, когда коней отдавать и гуртом, и в хорошие руки.

– Принесите.

Опять же у каждого коня свой характер, свой нрав... Ньор Паскуале говорил про гильдию возчиков. Туда не всякий конь подойдет, характер видеть надо, кого под седло, кого на поля, кого и в город можно... За эту зиму и весну Адриенна не просто научилась понимать коней.

Она их практически слышала.

Конюхи на дану Риен буквально молились. Какие там капризы-болезни-норовы...

Адриенна приходила в конюшню, и кони тянулись к ней, как к родной. И для каждого у нее находилось нужное лакомство, для каждого было время, слово...

Да, уже и слухок пошел, что дане Риен небось кто *лошадиное слово* шепнул. Потому она и с конями ладит. До падре Санто слух тоже дошел, кстати, но священник только головой покачал.

Вот дурни деревенские!

Девочка с малолетства при конюшнях, чего удивительного, что она во всем этом разбирается? За собой бы следили лучше, а то правда... если дана лучше конюха с лошадьми обращается, так это для конюха позор, а не для даны.

– Часть лошадей у нас сейчас на летних пастбищах, – прикинула Адриенна. – Мы их хоть и начали сгонять, но не всех... это тоже надо учесть... И что с конюхами?

– Он просит наших. Дорогу оплатит, найм тоже.

– Нам?

– Процент от суммы.

Адриенна кивнула.

Дружба дружбой, хорошие отношения тоже, но остаться без половины конюхов и надолго? Надо с Паскуале, кстати, оговорить кое-что. Чтобы часть денег конюхам отдали вперед и дан Рокко проследил, чтобы те дошли до семей. Дебоширов и дураков Адриенна не держала, но столица... искушений хватает, найдется, кому мужиков на деньги развести. Еще и без штанов приедут, не то что без денег!

– Завтра с утра займемся. И надо будет лишний раз коней проверить...

– Пока вот списки, дана. Чтобы завтра с утра уже и...

Дан Рокко протянул Адриенне лист дешевой серой бумаги. И то... не на пергаменте же такие вещи записывать?

Девушка взяла его и кивнула:

– Я посмотрю. Спасибо, дан Рокко.

– Не стоит благодарности, дана Риен. И... не рвите себе так сердце.

Адриенна даже брови приподняла:

– Так заметно?

– Тем, у кого оно есть, – конечно, заметно. Да и мне вы не чужой человек, уж простите, вы мне как родная стали. И Джас тоже вас

любит, и Анжело...

– Я их тоже люблю.

– Вот и помните: хороших людей всегда больше, чем плохих. Не рвите себе сердце. Не сумел ваш отец гадюку в кружавчиках разглядеть – так сам наплачется. А вы не горюйте. Вы все делаете правильно, и Господь вас вознаградит.

– Что-то он не торопится Леонардо наказать...

Дан Рокко даже улыбнулся.

Ребенок, ну какой же она еще ребенок...

– Дана, вы уж мне поверьте. Я человек старый, много чего повидал... в жизни обычно так бывает. Знаете, жизнь, она терпит долго. Это как на пружину давить... вот как тетиву арбалета натягивать и натягивать... И шансы жизнь тоже дает. Просто не каждый это понимает. А вот случилось в твоей жизни... нечто, и сделал ты выбор. Плохой, подлый, неправильный. И поворот, считай... и жизнь дает еще шанс. Опомнишься, исправишь свои ошибки – хорошо. Нет? Ну, так ты еще сильнее тетиву закрутишь... и рано или поздно оно так хлестнет... или глаза не будет, или руки... Понимаете, дана?

Адриенна смутно, но понимала.

– Думаете, так и с Леонардо будет?

– Уверен. Если не поймет, не одумается, не исправится – может, и плакать-то ему не придется. Господь все видит, а что не спешит, так у него впереди вечность.

– А у меня – нет.

– У всех нас так, дана. Просто мы об этом не всегда знаем...

Лоренцо

Время – тоже ценность.

Паскуале так и рассчитал, чтобы прибыть в Альмонте за пару дней до даны СибЛевран. Пока что закупит, пока продаст... как раз так оно и выйдет.

Потому что дана обещала ему два десятка коней. А это серьезно.

Два десятка коней надо сразу перегонять в столицу. Это небольшой табун, это конюхи, это корма, это много всего... разного. Поэтому Паскуале и не станет задерживаться.

Дана поймет.

А к дану Каттанео они уже заехали, до того как написать дане СибЛевран.

И погостили, и пообщались, ко всеобщему удовлетворению... дан Каттанео сообщил, что женится по весне, Бог даст. Приглашал в гости.

На свадьбу не получится – так приезжайте, как сможете, мы вам всегда рады будем! Ньор Паскуале, вы ж не откажетесь...

Ньор не отказался. Только головой покачал.

Вот ведь... жизнь – штука прихотливая и извилистая, и дороги по ней бегут, как им вздумается.

Энцо помог дане СибЛевран, она нашла Черныша, дан Каттанео поехал ее благодарить – и встретил свою любовь.

Настоящую.

А так вот расскажи кому, и ведь не поверят, сказки, мол, плетешь, а жизнь – она бывает прихотливее самых интересных историй.

Энцо был недоволен только одним. Сколько у него будет времени?

День? Два?

Слишком мало! Хотя бы месяц... и то мало! Чтобы насмотреться, чтобы наговориться, чтобы...

Ладно! Будем честны сами с собой. Чтобы просто попробовать заговорить с даной СибЛевран. А то язык как-то отнимается...

Что он ей скажет?

Что она подумает?

Как все это будет происходить?!

Энцо придумывал новые и новые варианты и не обращал внимания на то, что происходит вокруг. А происходило много всего интересного. И не всегда по-лезное...

* * *

– Здесь они, атаман.

– Лаццо?

– И данчик при нем, а то как же! – говорящий хихикнул. – Ходят по городу, чего-то покупают, чего-то продают...

– Ты следи. Где дана прихватить можно?

– Так есть одно место, прямо на самом постоялом дворе, там и до ограды недалеко, и прихватить его можно тихо. Мешок на голову – и тащим!

Винченцо довольно кивнул:

– Он один ходит?

– Обычно за ним двое охранников шарятся, но не на постоялом дворе же! Можно его перехватить, вот хотя бы Сутулого с его ребятами посадить – они справятся.

– Уверен?

– Атаман, да что там дела – сопляка упаковать? Чихнуть не успеет! Никто и не поймет, был человек – нет человека!

– Точно? Чтобы без шума обошлось.

– Сопляк же! Чего он там может? – махнул рукой подручный.

Винченцо кивнул.

Дан... сталкивался он с такими. Иных и на кол сажал...

Когда у них меч в руках, там еще можно чего-то ждать, а сами по себе даны... нет, не бойцы. Им красивую схватку надо, ту-урнир, а какой тебе в жизни рыцарский поединок? Пока ты там почесался, тебя уж три раза или дубинкой по голове, или заточкой в печеньку...

В жизни дерутся без всякого благородства.

И с этим так же будет.

Мешок на голову, или оглушить, или еще чего... и утащить, пока не видят. А потом предложить выкупить за деньги.

И атаман отдал распоряжение.

Четыре человека во главе с Сутулым выдвинулись к постоялому двору. Их задачей было украсть дана Лоренцо Феретти.

Адриенна

Альмонте!

Как же Адриенна была рада, что они наконец добрались!

Перегонять табун лошадей, хоть и небольшой... это серьезно. Это двадцать коней. И у каждого свой характер, свое мнение, а кое-кто еще и со своими страхами...

Адриенна побеседовала с каждым из коней.

Смешно?

А тем не менее. Она пришла на выпас, подошла к каждому, погладила, объяснила, и кони вели себя в дороге просто замечательно. Но все равно – с ними куча забот.

У кого камешек в копыте, кто едва ледяной воды не напился, кто животом страдает, и за всем пригляди, и всех обиходь...

Конюхи?

Безусловно! Адриенна и сама могла навоз из-под коня выгрести, ей не зазорно, но зачем-то же она им деньги платит? Не ради ж того, чтобы эданна Сусанна одно место чесала, прости Господи! Это мачеха и сама оплатить могла, не переломилась бы!

Коней надо чистить, чесать, надо купать, если попадетсЯ подходящая речушка, они еще резвятся, как дети... молодняк же! Есть и четырех- и пятилетки, но и те поддались «дорожному» настроению.

А сама Адриенна мечтала отдать коней ньору Паскуале – и выспаться.

Хорошо выспаться!

Вот и нужный ей постоянный двор. Гонца послали заблаговременно, и ньор Паскуале встретил девушку чуть не на пороге:

– Дана Адриенна!

– Ньор Паскуале!

– Как я рад, что вы не забыли старика! А вот и мой племянник. Помните? Дан Лоренцо Феретти.

Адриенна бросила взгляд на светловолосого мальчишку, который стоял рядом с Паскуале.

Ну... так. Выше, чем она, гибкий, симпатичный, волосы золотые, глаза большие, карие, улыбка теплая... в тот раз она и внимания на Лоренцо не обратила. Больно было. И не до того. И неинтересно. А вот сейчас пригляделась и увидела его по-настоящему. Красивый.

И что теперь с этим делать? А вот что!

Можно и поклониться, как учила Джачинта. И даже улыбнуться. И кокетливо стрельнуть глазами в намеченную цель, отчего у цели

мгновенно покраснели уши.

Да, вот такая она стервочка! И что?!

После Леонардо Адриенне необходимо было почувствовать себя женщиной. Симпатичной! В конце концов, она может кому-то нравиться не потому, что у нее поместье есть, а просто так?

Энцо получил еще одну теплую улыбку, тут же растаял и поклонился в придворном стиле. Его ведь не только бегать обучали, этикет тоже приходилось зубрить.

– Дана, я...

Проклятый язык решительно отказывался повиноваться хозяину. Адриенна улыбнулась еще теплее:

– Я рада вас видеть, дан. Прошу прощения, я немного устала. С вашего позволения...

– Дана Адриенна, я позволил себе заказать место и для вас, и для ваших спутников. Прямо здесь, на этом постоялом дворе. Если вы не возражаете...

Адриенна не возражала.

Коней они пригнали, но их же еще надо передать, потом искать, где остановиться...

Паскуале это решил?

КАК же она ему благодарна! Кто бы знал!

– Я буду вам очень признательна, – улыбнулась Адриенна. – И да, все верно. Кони ваши, поэтому смотрите, оценивайте, я сейчас скажу конюхам. А я все же хочу отдохнуть... Дан Рокко в курсе всех дел, можете обращаться к нему.

– Энцо, будь другом, попроси, чтобы дане в комнаты горячую воду принесли. И ванну.

– Прошу! – Адриенна поглядела такими умоляющими глазами, что Энцо метнулся стрелой. Он и сам воду нагреет! Чувствовал он себя так... поставь на него медный таз, вода не то что закипит – испарится.

Какая же она...

Невероятная!

* * *

Утром Адриенна спустилась вниз поздно. Было уже часов десять утра. Конечно, все позавтракали и разошлись. Внизу сидел только Энцо, которого не увели бы никакими силами. Вот и уводить не стали – зачем? Пусть ждет...

У каждого мужчины в жизни была *первая любовь*. И разрушать ее грубым столкновением с реальностью никому не хотелось. Рано или поздно все произойдет само собой, но мальчишка всем нравился. Хотелось бы, чтобы это прошло относительно безболезненно, оставив не саднящую рану, а тихую светлую грусть о несбывшемся.

– Доброе утро, – поздоровалась Адриенна.

Наверное, это была форма протеста с ее стороны. А может, и правильно. Вот есть ли смысл путешествовать верхом в яркой цветной одежде?

Пыльно, грязно, заляпается все... надо что-то немаркое. И добротное. Поэтому Адриенна была одета в нижнее платье из тонкой шерсти, все ж прохладно. И верхнее – из сукна. Но смысл был в цветах. Нижнее – темно-синее, с серебряной вышивкой по подолу и рукавам. Верхнее – черное. Как крылья большой птицы.

Черное и серебро.

В замужестве она обязана будет носить алое, белое, золотое. Но это были не ее цвета. Адриенне они просто не нравились. Слишком яркие, аляповатые, наглые, кричащие... заявляющие о себе. А вот в простом платье Адриенне было уютно. Впрочем, как и ее предкам. Это на парадных портретах Сибеллины были красиво одеты, а в жизни предпочитали скромность. Как выразился один из ее предков: «Я король в любой рванине». Этому правилу они и следовали. Не важно, что ты носишь, важна твоя внутренняя суть.

Энцо тоже был одет достаточно просто. Купцы вообще роскошь в дороге не понимают. Дома – пожалуйста, роскошествуй на здоровье, если деньги девать некуда. Пыль в глаза кому-нибудь пустить – тоже со всем нашим удовольствием. А в дороге – зачем? Так что рубаха на дане была из небеленого полотна, гаун из темной шерсти и брюки из нее же. Заправлены в высокие, до колен, сапоги. Сапоги, кстати, сделаны из толстой кожи, и то потерялись в нескольких местах, Энцо же большую часть времени в седле проводил.

Со стороны поглядишь – не скажешь, что дан и дана. Так... ньоры из богатых. А как присмотришься, прислушаешься, так и задумаешься.

Что именно их выдает?

То ли манеры, то ли осанка, то ли разговор – тысячи признаков, по которым узнают человека истинно благородного. Энцо поднялся из-за стола, поклонился и кое-как справился с непослушным языком.

– Доброе утро, дана.

Адриенна присела за стол. Посмотрела на Энцо, тот догадался и кивнул слуге.

– Вы будете завтракать?

Адриенна кивнула.

Такой роскоши – возить за собой повара, продукты и готовить специально для нее – она не понимала. Для такого СибЛевран был недостаточно богат. Поест то же, что и все остальные, не развалится.

– Эм-м... а что вам заказать? – растерялся Энцо. В его представлении... ладно, он понимал, что Адриенна не эфирное создание и солнечными лучами не питается, но все же...

– Что у них есть? Что вы можете предложить, ньор? – переадресовала Адриенна вопрос подбежавшему слуге.

– Каша есть, дана. Яйца отварить или поджарить можем. Ветчина – хоть королю подавай, не побрезгует. Овощное рагу есть. Хлеб пока только вчерашний, сегодняшний уже съели утренний, а новый только выпекаем... зато пироги с зайчатиной сегодняшние, с пылу с жару.

Адриенна кивнула:

– Овощное рагу. И пирог попробую.

– Как прикажете, дана. Чем запивать будете? Вино, эль...

– А есть какой-нибудь взвар? – Вино и эль Адриенна не любила.

Просто вкус не нравился.

– Грушевый взвар, дана. Только холодный уж небось...

– Все равно несите, – махнула рукой девушка.

И сунула ньору пару сольди. Дороже здесь завтрак явно не стоил.

Мужчина просиял и унесся на кухню. Адриенна попробовала поддержать застольную беседу:

– Вы давно уже приехали, дан Феретти?

– Мы здесь уже четыре дня. – Энцо смотрел на тонкое лицо даны.

На ее улыбку... какая же она – красивая?

Нет, это не то. Вот Мия тоже красивая. Но сестренка у него похожа... Энцо подумал, что если проводить параллели, то на стилет. Или на ледяную скалу. Она красивая, умненькая, но рядом с ней не

согреешься. А Адриенна улыбается – и солнце ярче, и на душе теплее становится. Так рядом с ней хорошо...

– Мы, наверное, тоже на пару дней задержимся, – кивнула Адриенна. – Надо кое-что закупить.

– Дядя говорил, что покупал что-то для дана Рокко. Кажется, ткань, железо в слитках...

– Вот как? Надо посмотреть. Я, конечно, доверяю ньору Паскуале, но...

– Но хозяйский пригляд за всем потребен. Так сам дядя и говорит, – развеселился Энцо.

– Абсолютно точно. Я и дану Рокко доверяю, но присматривать буду.

Энцо тряхнул головой:

– Вы правы, дана.

Адриенна лукаво стрельнула глазами:

– Как, дан! Вы мне не скажете, что так себя вести не подобает?

На Энцо прямо родимым домом повеяло. И отцом, который эти слова обожал...

– Никогда! – искренне сказал он. – Вы о своем доме заботитесь, это правильно. Я вот... пока не могу... но я исправлюсь. Обязательно!

– Как получилось, что ваш дядя ньор, а вы дан? – вежливо поинтересовалась Адриенна.

И Энцо принялся рассказывать свою историю.

О чем он умолчал, так это о своей вспышке ярости. Там, на корабле.

И Мия его просила молчать, и все дядюшки... и аргумент был более чем весомый. Все аргументы. Церковь не одобряет – первое и главное. Берсеркерство часто путают с безумием – второе. И на сестер тоже может тень упасть. Вот так подумают, что они тоже... ребенок-то может это унаследовать! Это третье.

Энцо внял и обещал помалкивать. Даже на исповеди.

И нет, это не грех. Энцо не в себе был, когда убивал. И вообще... пираты туда не проповедь читать приплыли, а тоже убивать. Значит, все правильно.

Адриенна слушала, поддакивала.

Тренировалась.

Как сказала Джас, самое лучшее, это когда человек начинает рассказывать о себе. А ты кивай и делай вид, что тебе очень интересно. И узнаешь что-то новое, и ничего лишнего не разболтаешь, а главное, для человека говорить о себе – любимая тема!

Адриенна и пробовала.

Энцо разливался соловьем. Такой павлиний хвост распустил – куда там настоящим павлинам! Адриенне оставалось кивать и поддакивать.

Ну и жевать потихоньку.

Взвар оказался холодным, но вкусным, овощи свежими, а пирог таял во рту. Запах от него шел такой, что Энцо тоже соблазнился.

Встали из-за стола они тоже одновременно. Чезаре и Леоне, которые сидели в другом углу зала, переглянулись, и Энцо послал им умоляющий взгляд.

Ну не трогайте нас! Дайте мне с ней поговорить!

Мужчины понимающе переглянулись. Первая любовь, да еще такая... в том году они как-то не сильно приглядывались к Адриенне. Кнопка, заплаканная, растрепанная... такая... килька мелкая. А в этом году откуда что и взялось? Осанка, взгляд, улыбка...

Девочка учится пользоваться своей красотой, вырастет... и становится действительно неотразимой. Энцо понять можно. И понадеяться, что эта не станет играть его сердцем. А то шрамы потом и по сорок лет не заживают у некоторых...

Пусть мальчик покажет себя.

Это тоже урок.

На не приметного мужичка, сидящего в углу трактира с кружкой пива и вышедшего во двор практически перед Энцо, никто и внимания не обратил. Понятно же – пиво ищет выход... напиток такой, долго в человеке не задерживается. А человек завернул за угол, но вместо того, чтобы поливать стену, опрометью бросился к своим сообщникам.

* * *

– Сутулый, данчик вышел...

– Один?

– Нет, с бабой... вроде как тоже дана...

– Берем обоих. По местам, сукины дети! Ну!!!

* * *

Постоялый двор был достаточно большим. Не двор – целый комплекс зданий.

Дома для чистой публики, для охраны, загоны для скота... Адриенна и Энцо направились именно туда. Вот между стеной трактира и хлевом их и перехватили подручные Сутулого во главе с ним самим.

Четыре человека на двух практически детей.

Должны были справиться. Не впервые. Но...

Засада прокололась на своей собственной жадности. Два дана лучше одного, верно же? Особенно если баба, за нее атаман Ченцо больше запросит. А если не заплатят, так бабу всегда в дело употребить можно. А мешок-то с крошеным табаком только один.

А второй готовить и некогда...

Так что все ясно.

Мешок на голову дану. А девке к горлу клинок, чтобы не орала. И добром пойдет. А нет, так и оглушить можно.

Вот в проход между двумя зданиями зашла Адриенна. Первой.

Вот за ней зашел Энцо.

Шаг, второй...

Сначала надо было накинуть парню мешок на голову. Но Сутулый поторопился. И в чем-то виновата была Адриенна. Солнечный луч ударил ей в лицо, заставил улыбнуться, и на долю секунды она стала просто невероятно красивой. Не девушка – эфирное создание.

Как такую отпустить? Сутулый и прыгнул вперед, буквально на пару секунд опередив Лысого и Кость, которые закрыли проход с другой стороны. Мешок у Лысого в руках, сделать шаг вперед, да и накинуть дану на голову. У него это лучше всех получается, быстро и ловко. И рост у него подходящий – Лысый не только с блестящей словно шар головой, но еще высокий и костлявый. На голову выше даже атамана.

Сутулый сделал шаг вперед и прижал нож к горлу Адриенны. То есть почти прижал... не вплотную – было неудобно, но острие ножа

оказалось в опасной близости у горла даны.

– Только пискни – убью!

И этого оказалось достаточно.

Энцо потом и сам ответить не смог, что с ним опять случилось. Но – сочетание вида обнаженной стали и опасности для любимой девушки подействовало как спусковой крючок. Не берсеркерство, сознания и разума он не потерял, но действовать на пределе сил?

О да!

Разум его заработал, словно метроном, отсчитывая даже не секунды – их доли.

Еще мгновение – и мужик с ножом дернет Адриенну за руку, притягивая к себе, и тогда вырвать у него девушку будет невозможно. С ним надо разобраться в первую очередь.

Энцо прыгнул, словно громадная кошка. Не примеряясь, но точно в цель. Тело парня врезалось в Сутуло, и мужчину унесло вперед на несколько шагов.

Лысый и Кость растерялись, до дана было не дотянуться... мешок – на голову девке? Но вроде как тогда дана надо глушить... или не надо? С ним Сутулый справится? Придушить его слегка, до потери сознания... мальчишка же...

Четвертый участник, Рохля, вопреки прозвищу, быстро сообразил, что надо хватать девку, и шагнул к ней, доставая свой свинокол. Назвать этого ублюдка ножа и длинного кинжала иначе было сложно. Здоровое и корявое изделие деревенского кузнеца устрашающе блеснуло в руках негодяя.

Если он рассчитывал, что девчонка онемееет от страха или растеряется, то зря! Наоборот, опасность помогла Адриенне собраться, придала ясность и четкость ее мыслям.

Дана СибЛевран не умела драться, как Мия или Лоренцо, но постоять за себя хотя бы несколько секунд – вполне.

Взгляд назад, осознание, что там еще двое мерзавцев, да с мешком... и попадаться им в руки не стоит, она с прошлого года ощущения помнила, хватит с нее!

Обстановка была оценена за долю секунды. Сзади – двое.

Впереди всего один. И там Энцо.

А у нападающего, совсем рядом с ней, нож...

Адриенна развернулась к нему и упала на колени:

– Дяденька, не убивайте!!!

Рохля расслабился на долю секунды – и зря. Потому что Адриенна со всей дури врезала ему в пах. Как раз достала снизу вверх.

Подло?

Зато место нежное и уязвимое. И из такой позы удара как-то не ждут... привыкли, что женщины туда коленями лупят, а вот чтобы головой, да еще благородная дана...

А головой не только думать можно. Ею еще и действуют. Удар получился на славу.

Рохля заорал и скорчился, свинок выпал из его руки, полоснул по руке Адриенны... кажется, она почувствовала боль. А может, и нет?

Не важно... что есть сил она рванула мужчину за лодыжки, и тот полетел назад... похоже, кому-то под ноги. Своим спектаклем она выиграла максимум несколько секунд, но враги приближались. И слишком быстро.

Адриенна видела, как Кость споткнулся о Рохла и рухнул на него, как вынужден был остановиться Лысый... мешок он при этом упустил, и тот выпал прямо на кучу-малу.

Табак просыпался, и оба негодяя раскашлялись.

Сначала закашляли, а потом замолчали.

Потому что Рохла на глазах покрывался язвами. Красными, багровыми, кровоточащими... он бы заорал, но горло свело от жуткой боли, а Кость при этом лежал практически на нем. И от ужаса не мог даже выдохнуть, только сипел.

Пролитая королевская кровь...

Адриенна не обратила на это внимания. Она быстро, как была, едва ли не на четвереньках поползла назад, понимая, что справиться с четырьмя взрослыми мужиками для двух подростков нереально. Надо поднимать тревогу. Просто закричи она сразу, ее бы мигом спеленали, а одновременно орать и действовать она не могла. Не получалось как-то.

Надо было оторваться от врага на определенное расстояние.

Лысый перепрыгнул через приятелей и кинулся в погоню. Если сейчас сопляки уйдут... хорошо еще, заорать не успели.

Или...

Навстречу Лысому с земли поднялся Энцо.

Победа дорого ему обошлась, Сутулый был сильнее, более тренирован, но остановить берсерка в ярости? Или не совсем берсерка?

Энцо действовал вполне расчетливо.

Перехватил руку с ножом, сломал, всадил клинок в печень врага. Только вот силы мальчишки и силы взрослого мужчины все же несопоставимы. И махнуть второй рукой Сутулый успел, в кровь разбивая парню лицо. И, кажется, пару ребер сломал.

Энцо это не остановило.

Его бы сейчас и таран не остановил. Хотя мальчишке еще повезло – когда он сломал негодяю руку, того на несколько секунд ослепила боль. А то бы он точно не справился с противником, силы-то еще не те. Мальчишка все же – и взрослый мужик! Нет, несопоставимо.

Адриенна уже бежала к нему, а за ней был враг, враг, ВРАГ!!!

УБЕЙ ВРАГА!!!

Больше в его разуме никакой мысли не было. Уцелеть? Оценить обстановку?

УБИТЬ!!!

Энцо врезался в Лысого – и они со всей дури грохнулись на подонков, которые еще не успели расцепиться и подняться.

Адриенна наконец отбежала подальше так, что ее было не достать, и истошно завизжала, аж стены дрогнули.

Разбойники поняли, что проиграли. Как только поднялся шум... все, считай – бесполезно. Надо уходить. Упаковать «товар» в минуту не выйдет, а задерживаться тоже нельзя, надо спасать свои шкуры. Кость подорвался с земли так, словно под ним змеи выползать начали. И помчался прочь. Помогать гнившему заживо Рохле? Выручать друзей?

Выручать – кого?!

В шайке друзей не бывает, там дружки и подельники. Чего им помогать – авось новой сволочи нанесет! Поэтому Кость спасал самое ценное – свою шкуру.

Лысый вырваться не мог. Энцо вцепился в него намертво и очень удачно – пережал сонную артерию. А это такая штука... верная смерть. К сожалению, не сразу. Выпавший у Рохли клинок так и валялся на земле и неудачно попался разбойнику под руку.

– НЕТ!!!

Адриенна и сама не поняла, как успела кинуться, перехватить... но что там сил у девчонки? Остановить взрослого мужика?

Нереально. Разве что направление сбить... целился в печень, получилось намного выше...

Острые вошло в плечо Энцо, но парень только зашипел и усилил нажим.

Буквально пять секунд... десять...

Тело дернулось и обмякло.

Адриенна схватила Энцо за плечи, повернула к себе.

Опасность? Еще враги?

На такие мелочи она сейчас внимания не обращала, главное – что сделали с ее защитником?! Лицо разбито, рана в плече... вроде как неглубокая... Адриенна даже не замечала, что у нее вся рука тоже в крови и с рукава на землю падают тяжелые алые капли.

– Энцо! ЭНЦО!!!

Карие глаза смотрели на нее... показалось Адриенне – или они действительно не карие? Темно-красные, вишневые, словно там, внутри, плещется пролитая кровь?

Что с ним?

Адриенна, недолго думая, прямо рукой стерла кровь с лица Энцо. Скорее размазала, не понимая, что смешивает свою и чужую кровь. Даже не осознавая раны.

Энцо замер.

Что-то... что-то вело его, звало... что-то почудилось ему такое... родное, настоящее. Запах? Вкус? Не понять... юноша действовал сейчас на инстинктах, словно дикое животное.

Он перехватил руку Адриенны, поднес ее к губам и быстро лизнул языком. Раз, второй...

Девушка от шока даже не сопротивлялась:

– Энцо?!

Лоренцо Феретти прикрыл глаза и мягко опустился на землю в глубоком обмороке.

Адриенна поднесла к глазам свою руку, посмотрела на нее с удивлением.

Кровь...

Его? Ее?

Не понять... И она автоматически слизнула несколько капель с запястья, пока те не перепачкали платье. В шоке, она даже не поняла, что одежду уже не спасти.

– Что случилось?!

Чезаре и Леоне влетели в проулок. Визг Адриенны они услышали, но пока добежали...

Уже было поздно. И для нападавших, и для защищавшихся. Адриенна стояла на коленях над телом Энцо. Рядом валялись три трупа – Рохля умер от болевого шока.

Мужчины тут же разделились. Чезаре кинулся к Адриенне, Леоне – к Энцо.

– Жив.

– Дана, вы в порядке? – затормошил Адриенну наемник.

– Н-не знаю...

Чезаре плюнул на стыдливость и принялся ощупывать девушку. Так... есть порез на руке, чуточку выше предплечья. Глубокий, он и кровоточит. Остальное в порядке. Энцо?

– Нос разбит, на плече колотая рана, – кивнул Леоне. – Может, еще что внутри, но снаружи только это. Смотреть надо лекарю.

– Утащишь его?

– Спрашиваешь!

Двое подростков. Двое носильщиков.

А вот сколько телохранителям будет взбучек... это еще большой вопрос. Нагорит им за эту... р-романтику! Первая любовь?

М-да... обычно это как-то не так проходит... и ведь убил обоих, гад! Вот кого теперь допрашивать?

Глава 9

Адриенна

– Подводя итоги, – дан Рокко жутко испугался и решил ни на шаг не отходить от даны, – у вас, дана, легкая рана. Лекарь пару швов наложил, шрама не останется. Надо денек полежать, потом можно ехать. Вашему спасителю больше досталось. Сломаны четыре ребра, лекарь наложил тугую повязку. Колотая рана в плечо заживет не скоро, ну а разбитый нос вообще не считаем.

Адриенна поежилась:

– Он меня спас. Когда эти... я даже не поняла, что происходит, а Энцо начал сразу действовать.

– Как именно? – мягко поинтересовался Паскуале.

Разговор происходил на постоялом дворе спустя два часа после драки. Как раз хватило обследовать место происшествия, притащить к пострадавшим лекаря и дожждаться конца лечения.

Энцо напоили снотворным, даже не выводя из обморока. А зачем?

Дан Феретти уснул, несмотря на все протесты Паскуале и охранников. Разбудить, расспросить... Но рана была глубокой, лекарь не пожелал ничего слушать. Вот промочит, прочистит, повязку наложит – тогда и просыпайтесь. А пока – зачем лишнюю боль терпеть? Опять же ребра...

Обязательно надо дать снотворное, чтобы не дергался да и отдохнул. И так парень еще натерпится. Будет вам еще радости... следующие несколько недель. Это все так быстро не заживет. Кстати – ребра тоже.

Поэтому мужчины сейчас расспрашивали Адриенну. Энцо тоже спросят, когда он очнется, но это не раньше утра. А то и позднее... в тот раз он трое суток проспал.

Девушка не стала ничего скрывать:

– Мы свернули в тот проход. Чтобы быстрее дойти до загонов с лошадьми. Впереди появились двое мужчин, и сзади проход закрыли... тоже двое. Кажется, они нас там ждали.

Паскуале посмотрел на Чезаре.

Охранник развел руками:

– Постоялый двор. Кого здесь только нет, всех запоминать – голова отвалится. Вроде как сидел какой-то... то ли лысый, то ли с залысынами, подавальщик и не помнит точнее. Пиво цедил...

Паскуале кивнул.

А что тут скажешь? Ругаться? Положим, что Чезаре, что Леоне – скорее не охрана, а учителя. Да и не предусмотритишь все, действительно так до смешного дойти можно, в нужник с охраной ходить. Так ведь не поможет!

Адриенна прикрыла глаза, припоминая точнее:

– У одного, который сзади, в руках был мешок.

– Был. С крошеным табаком. Но один, второго не нашли, – кивнул Леоне.

– Один мешок. Второго точно не было. – Адриенна восстанавливала картинки драки. Получалось плоховато, но хоть так. – Двое сзади, один впереди, подступил ко мне, я развернулась, он достал нож и протянул его вперед.

– Как именно? – тут же спросил Чезаре. Вытащил свой нож и аккуратно, рукоятью вперед, протянул Адриенне: – Прошу вас, дана, покажите?

– Вот так, – показала девушка. – Получилось неподалеку от моего горла... и сказал что-то... пообещал убить.

– Убить?

– Как-то... молчи – или убью. – Адриенна не помнила слова точно. – Смысл был в этом.

– Значит, убивать не собирались, хотели похитить, – кивнул Чезаре, глядя, как девушка держит нож. Не слишком умело, явно повторяя чье-то движение.

– Разве? – усомнился дан Рокко.

После того убийцы, который едва не утопил дану, управляющий весьма подозрительно относился к людям. А вдруг?

Вдруг покушались именно на Адриенну, а Энцо просто случайно оказался рядом?

– Энцо на него прыгнул...

– Сломал руку, ударил в печень... отлично сработал парень. – Леоне улыбался, довольный по уши.

– Я упала на колени перед вторым негодяем...

– Это которым?

– Тот... с язвами. Ударила его головой в... ну...

– В пах?

– Да, – согласилась Адриенна, которая начисто забыла приличное обозначение этого места. Вот вылетело из головы от шока. – Он скорчился, выронил нож... я в это время дернула его за ноги.

– Наверное, тогда вас и ранило, упавшим ножом.

– Наверное.

– Зачем они только этого прокаженного с собой таскали? Да еще такого? – удивился Паскуале. – Приметный уж очень.

Адриенна промолчала.

Положим, она знала, что произошло с негодяем. И дан Рокко догадывался. Но молчали оба.

Лучше о таком аккуратно помолчать. Или...

– Может, он у них как раз для этой цели и был, – предположил дан. – Сидит, милостыню просит... считай, и незаметен.

– Может, и так, – согласился Паскуале. – Среди нищих и похуже встречаются, бывает. Не пойму только, отчего он умер?

– Лекарь сказал, могло что-то внутри порваться, – сообщил Чезаре. – Если та же селезенка...

– Или сердце слабое, – поддержал Леоне. – Бывает.

Истинная причина смерти негодяя никому в голову не пришла, к большому счастью и облегчению Адриенны и дана Рокко.

– Третий из них... он пошел ко мне – припомнила девушка. – Энцо кинулся на него... я завизжала – и прибежали люди.

– Их было четверо? Четвертый удрал?

– Да. Кажется...

Мужчины переглянулись.

Нет, ну как же плохо! Трое мертвы, четвертый негодяй сбежал, а кому и зачем все это было надо, они так и не поняли. Спросить не у кого. Утешает одно.

Убить – не хотели. Убивают иначе, Чезаре и Леоне это точно знали.

Арбалетная стрела с крыши, кинжал в сердце, яд в бокал...

Быстро и качественно. А не вот эти... пляски с прокаженными. Но кого хотели похитить?

И снова ничего не ясно.
Придется беречься всем. Увы.

* * *

Атаман Винченцо был в ярости. Жаль, что Кости было на это наплевать.

После того как под ним заживо разлагался и гнил Рохля...

Знаете... вот уже ничего не страшно! Насмотрелся – внукам расскажет и правнукам закажет.

Правда, атаману он всего не рассказал. Сообразил на половине дороги к лагерю.

Вот берет он и рассказывает, как мальчишка уработал Сутулого, как девчонка снесла Рохлю, а тот потом сгнил... Как мальчишка – тот же! – убил Лысого...

А Кость сбежал и спасся.

Реакция атамана?

Кто сбежал, тот и крайний. Вот и все.

Жить разбойнику хотелось, и он придумал другую историю. Без зазрения совести свалил все на Сутулого, мол, вместо того чтобы дожидаться одного дана, тот захотел еще и девку скрасть. А мешок один, ну и получилось так, что девка завизжала, пока дана упаковывали. На крик его охрана и прибежала – наверное, рядом были.

Трое полегли, он кое-как удрал... пока еще кто не набежал.

Атаман поверил. Гневался, злился, но за что Кость-то наказывать? Охотились бы, как изначально решили, и никаких проблем... Сутулый все переиначил, за что и сам пострадал.

С этим атаман согласился.

Что ж. С даном не получилось. Остается другое.

Обоз Лаццо.

Там хороший куш можно взять, так что готовиться будем. Обязательно. И надо выяснить, скоро ли они назад поедут. День? Два?

Винченцо отрядил новых соглядатаев на постоянный двор и приказал всем готовиться.

Впереди хорошее дело!

Наваримся, братва! Пощиплем купца!

Адриенна смотрела на дана Рокко.

Дан Вентурини смотрел на Адриенну.

– Дана... это оно?

Адриенна медленно кивнула:

– Да.

– Вы знаете, почему это произошло?

Адриенна кивнула еще раз.

– Мне нужно это знать?

Девушка подумала несколько минут. Помолчала.

– Дан Рокко... последним королем из Сибеллинов был Лоренцо Шестой, кажется?

– Да.

– Его убили ударом в спину.

– И его убийца сгнил, крича от боли... дана?!

– Решайте сами, нужно ли вам это знать, дан Рокко.

Мужчина подумал несколько минут и покачал головой:

– Нет. Не нужно. Я вас понял, дана. И думаю, что нам надо отправляться домой... послезавтра?

– Согласна. – Адриенна только вздохнула: – Не знаю, за мной пришли или за даном Феретти, но рисковать не хочу.

– Мне кажется, что похитить пытались его. Вас бы убили. Пробовали убить...

Адриенна пожала плечами.

Она не знала. Она попросту не знала.

– Дан Рокко, я могу его навестить?

– Лоренцо Феретти?

– Да.

– Думаю, проблем не будет. Завтра...

– Нет, дан Рокко. – Адриенна сама не знала, почему так, но ей надо было – сегодня! Сейчас! Чем скорее, тем лучше! – Можно ли навестить его, пока он спит?

Дан Рокко пожал плечами:

– Я посмотрю... если у него кто-то есть... поговорю.

– Пожалуйста.

Адриенна и сама не понимала, почему так нужно. Но не сопротивлялась своему внутреннему голосу. Дан Рокко посмотрел на нее, кивнул и вышел.

* * *

Чезаре сидел рядом с Энцо.

Что случилось с мальчишкой в этот раз и каким он очнется? Да кто ж его знает?

С одной стороны, вроде бы он не шипел и дана ничего про безумие не говорила... то есть про берсеркерство.

С другой... а много дана тех схваток видела? Могла и попросту не распознать!

Парень в сознание так и не приходил...

Лучше уж посидеть, сиделка не отвалится.

Чезаре и сидел, поил Лоренцо водой... тот в себя не приходил, но опыт у мужчины уже был. С корабля.

В дверь тихонько постучали:

– Можно?

– Что случилось, дан Вентурини? – узнал Чезаре управляющего Адриенны.

– Почти ничего. У даны благодарность проснулась, – не стал врать Рокко. – Если я ее приведу... пусть посидит десять минут, подержит парня за руку. Можно?

Чезаре и задумываться не стал:

– Пускай приходит. И посидит, и подержит... вы когда уезжаете?

– Завтра вряд ли. Пусть денек полежит... послезавтра поедем. Я как раз в телеге для даны и место оборудую...

– В телеге...

– Она кареты ненавидит. Ее укачивает, – объяснил дан Рокко. – В телеге тоже плохо, но там хоть воздух свежий.

– Фургон закажите.

Дан Рокко только рукой махнул.

Заказывай не заказывай... бесполезно! В фургоне Адриенну тошнило так же, как и в карете. Кстати – после той поездки в столицу. Закрепилось, наверное...

– Так можно ей прийти?

– Конечно, можно, дан.

– Сейчас я ее приведу.

Дан Рокко вышел. Чезаре хозяйственно оглядел Энцо, который лежал под одеялом в чем мать родила.

М-да...

Он не ворочался. А одевать его...

У парня ребра переломаны, ему надо повязки менять – и натягивать на него рубахи? Нет уж! Пошла в пень та стыдливость, перебьется дана! Одеяло подоткнуть, и будет с нее.

Чезаре так и поступил. И, дождавшись еще одного стука в дверь, вежливо вышел, пропуская Адриенну внутрь.

* * *

Девушка уселась на кровать.

Энцо был такой... бледный, прохладный, светлые волосы рассыпались по подушке.

Адриенна коснулась его щеки. Все остальное было закрыто.

– Спасибо тебе, – тихо шепнула она. – Спасибо...

Ресницы Энцо дрогнули. Глаза открылись.

– Ад... риен... на...

Девушка улыбнулась ему:

– Это я.

Энцо шевельнул рукой, высвобождая ее из-под одеяла. Протянул к Адриенне, коснулся ее лица.

– Теплая...

– Да.

– Самая прекрасная...

Глаза опять закрылись. Но на этот раз Энцо не терял сознания. Он просто крепко спал.

Адриенна прикусила губу. Она не понимала Энцо. Она не понимала себя.

Она вообще не имела права здесь находиться!

Она... она чужая невеста. Если когда-нибудь его величество... ее попросту казнят. Наверное. Или в монастырь отправят, или еще что-то

придумают...

Адриенна подняла руки. Блеснуло серебро цепочки.

На шее у нее висел небольшой кулон. Ворон с расправленными крыльями. Тот самый, который она взяла некогда в маминой шкатулке... чтобы что-то мамино было рядом с ней.

Адриенна аккуратно сняла цепочку, чтобы та не зацепилась за волосы. Потом одной рукой приподняла голову Энцо, а второй надела на него цепочку. Серебряный с чернью ворон скользнул ему на шею так уверенно, словно всегда тут и был.

СибЛевран.

– Выздоровливай, Лоренцо. Пусть у тебя все будет хорошо.

Адриенна наклонилась еще ниже, воровато оглянувшись на дверь.

И коснулась губами губ Энцо.

Здесь и сейчас она знала, что именно это – правильно. Именно так.

Клеймо? Печать? Обещание?

Неважно! Оно просто – есть.

Адриенна поднялась с кровати и вышла из комнаты.

– Все, дана? – Дан Рокко ждал ее. Конечно, как же иначе?

Адриенна кивнула:

– Да. Все хорошо, он спит...

– Спит? Не без сознания? – быстро переспросил Чезаре.

– Он был без сознания? – испуганно блеснули синие глаза. – Но он сказал...

– Что? Ох... простите, дана.

Адриенна медленно заливалась краской. От лба к ушам, к шее... уши тоже покраснели. Чезаре посмотрел на эту картину и заткнулся. Действительно, парень был в обмороке, да еще снотворное дали, вот он в себя пришел, видит у кровати любимую девушку...

Неужели он ей будет о лошадях рассказывать? Или о ежиках?

Явно же что-то о любви и ляпнул.

Чезаре мысленно обругал себя дураком и шагнул в комнату.

– Посижу с ним, пока в себя не придет.

– А мы, наверное, спать, дана?

Адриенна кивнула:

– Да, дан Рокко.

Дан Вентурини молча проводил Адриенну обратно, в ее комнаты. Все он понимал. Что романтический герой, еще и раненый. Что он пострадал, спасая девушку от негодяев, которые на нее напали. Что молод и красив...

Если уж так... если поставить рядом его высочество Филиппо и Лоренцо Феретти, то его высочество проиграет с разгромным счетом. Мальчик уже сейчас красив, а каким он вырастет?

Сколько сердец разобьет?

Неудивительно, что Адриенна в него влюбилась. Или думает, что влюбилась. Но дальше-то как?!

Что делать с этими чувствами?

А может, ничего и не делать? У всех должна быть первая любовь. Просто они уедут послезавтра... Уже завтра, если быть формалистом, и расстанутся на год.

А там...

Новые люди, новые впечатления, да и Адриенна свой долг знает. Она выйдет замуж за его высочество, она не позволит себе изменить...

Но почему у дана Рокко так тяжело сейчас на душе?

Словно, уводя отсюда девушку, он совершает что-то нехорошее?

Почему?!

Нет ответа...

* * *

Энцо спал.

Повернулся на бок, подложил руки под голову, даже засопел слегка носом. Не на сломанные ребра – и ладно, и хорошо. Пусть спит, сон – лучшее лекарство.

Блеск серебра закономерно привлек внимание Чезаре. Наемник вытащил подвеску, осмотрел... Ворон.

Симпатичный.

А, ладно, пусть остается. Девчонки и не такое парням дарят, случается, равно как и парни – девчонкам. Надо бы Энцо намекнуть, пусть тоже что-то купит дане. Золотинку какую...

Любят они такие знаки внимания, бабы – они и в коронах бабами останутся. И, кстати, надо бы в столице сводить его в хороший

бордель. Пусть первый опыт получит *правильно*. Чтобы потом любимую женщину не разочаровать.

Адриенна?

А кто его знает? Может, и она будет... вон какая! Но с такой сложно...

Это с курицей – всяк орел. А если речь идет о вóроне? Сложная это птица, мудрая, жестокая и в чем-то страшноватая... и легенд о ней много сложено. У виркангов это и вообще птица верховного бога. Две птицы. Мысль и Память.

И вороном себя никто из них не метит, потому что не достоин. Могут татуировку змеи сделать, быка... да любого животного. Но не волка и не во-рона.

А... это дело Энцо, пусть он и разбирается. А пока – пусть выздоровеет для начала.

С тем Чезаре и придремал рядом. За подопечного он больше не беспокоился, выздоровеет, никуда не денется. Надо только про цепочку Паскуале сказать, чтобы никто и ничего не ляпнул не ко времени.

Подарок от любимой девушки...

Это – святое.

Лоренцо

Энцо проспал почти сутки.

Адриенна больше не решилась к нему зайти – и так уже все правила нарушила. Хорошо еще, дан Рокко не выдаст. А будь здесь отец? Эданна Сусанна?

Девушка отлично понимала, что со стороны ее поведение выглядит более чем предосудительно.

И все же, все же...

Знание, что с Лоренцо все в порядке, было для нее важнее любых приличий. Он выздоровеет, обязательно выздоровеет.

Лоренцо открыл глаза поздно ночью. У его кровати, вытянув ноги, сидел Леоне.

– Кхм?

– Очнулся? – открыл глаза наемник, словно и не спал. – Это хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – тихо сказал Энцо, прислушиваясь к себе. – Только вот пить хочется...

– Сейчас помогу.

Леоне налил в чашку воды из кувшина, подхватил Энцо под плечи, помог приподнять голову и ловко напоил.

– Спасибо. Я... долго?

– Почти сутки, – понял Леоне. И легко ответил на незаданный вопрос: – Она завтра утром уезжает. Или уже сегодня. Попрощаться успеете.

Энцо тоже покраснел:

– Я...

– Да ладно, не смущайся. Лучше посмотри, что у тебя на шее.

– А? – Энцо только сейчас заметил цепочку. – Это...

– Это – она.

Подросток коснулся пальцами теплого серебра. Вытащил подвеску.

– Д-дана...

– Адриенна. И мне кажется, что ты ей тоже небезразличен.

Энцо вспыхнул радостью:

– Ты... думаешь?

– Она же Сиблевран? И герб я посмотрел, черное и синее. Просто так подобные вещи не дарят.

Энцо светился собственным светом. Леоне покачал головой:

– Не забывай, она помолвлена. А мы тоже должны уезжать.

– Я... я должен с ней поговорить!

– Да. Обязан. Вломиться посреди ночи к благородной дане. Спящей.

Краска переползла по шее и куда-то ниже, под одеяло.

– Я... я утром.

– Вот, правильно. Утром и поговорите. Заодно подумай, что ты хочешь ей сказать.

– Я...

Энцо растерялся. А правда – что? Про любовь? Но тут надо и остальное... а он-то пока... он может любить, но что он может

предложить дане? Феретти? В котором крыша течет, а стены в трещинах? Себя? Любовь?

Безусловно, не поживи Энцо в купеческой семье, он бы так и сделал. Но... у купцов весьма прагматичный подход к любви. Хотя ты о каких чувствах пой, а семью обеспечить. Или тогда вообще не заводи!

Леоне посмотрел на лицо дана Феретти и едва слышно хмыкнул. Вытянул ноги и приготовился дремать. Лоренцо точно будет занят до утра. Думать будет...

Что сказать, как сказать... эх, молодежь!

Но почему-то Леоне было даже завидно...

* * *

Раннее утро.

Обоз собирается выезжать. Так лучше, до полудня, когда солнце взмост в зенит и примется безжалостно нагревать холки и макушки, даже защищенные шляпами и капюшонами, еще долго. Можно много проехать...

Адриенна уже сидела в седле.

Раненая рука ныла, но девушка не обращала на нее внимания. А зачем?

Лекарь вчера был, сказал, что заживает... ну и отлично! Даже швы снял, бормоча что-то о чуде... ему виднее! Хотя и было там тех швов...

Мысли Адриенны занимал Лоренцо.

Энцо...

Дан Рокко исправно приносил ей новости, она знала, что парень спит, что проспит еще долго, что с ним все в порядке, но...

Разве сердце этим успокоишь?

Адриенна хотела бы сидеть рядом с ним, держать за руку... нельзя!

Дан Рокко... он хороший, он замечательный, но не стоит забывать, кому он служит. Ей, но и второй хозяин у него тоже есть. И если до Филиппо Третьего хоть что-то дойдет...

Допустим, Адриенну пощадят. А что сделают с Лоренцо Феретти? Лучше об этом даже не думать, прозвище Змеиный Глаз его величество носит по праву, яда там более чем достаточно.

Адриенна подошла к лошади, погладила ее по гнедой гриве...

– Дана!!! – Лоренцо почти вылетел во двор. – Дана Адриенна!

Адриенна развернулась:

– Лоренцо! Дан Феретти...

– Дана, я...

– Дан, я...

И молчание.

А что тут скажешь? Когда язык может произнести только то, что говорить не стоит.

Когда остается только смотреть друг другу в глаза.

Когда и больно, и хорошо...

Адриенна медленно протянула Энцо руки.

Лоренцо взял тонкие пальцы – и коснулся поцелуем. Сначала одной руки, потом второй.

– Я вернусь.

– Я буду ждать.

Кто сказал? Кто ответил? На самом деле это совершенно неважно. Потому что глаза говорят совершенно другое.

– *Это – любовь? Правда, любовь?*

– *Это – действительно любовь? Она такая?*

А вслух ничего сказать нельзя. Она не свободна. Он не может ничего ей предложить. И остается только смотреть. И... верить в лучшее?

– Вы примете от меня подарок, дана?

– Да, Лоренцо.

Энцо медленно снял с шеи цепочку с медным крестиком, который ему надела Мия. Сестра сказала, что это хороший человек подарил. И что он помогает...

– Прошу вас, дана...

Адриенна взяла из его рук цепочку. На миг, на долю секунды соприкоснулись пальцы девушки и юноши – и словно разрядом обоих потрянуло. Такое...

Тепло?

Счастье?

Свет?

Они и сами не знали.

Цепочка с простым медным крестиком скользнула на шею к Адриенне.

А потом Энцо медленно поднес к губам цепочку с вороном и поцеловал птицу. Рассеченная губа лопнула, и на блестящем металле осталась капелька крови. Только никто на это не обратил внимания.

– Я... клянусь.

Адриенна медленно подняла руку, останавливая несказанное. Она понимала Энцо. Именно она, именно с ее даром, знала: сейчас этот юноша клялся любить ее – вечно. И служить вечность...

– Я. Принимаю. Клятву.

Цепочка была достаточно длинной. Достаточно, чтобы Адриенна сделала шаг вперед и коснулась серебра губами. Ровно в том месте, в котором касался его и Энцо.

И показалось на долю секунды присутствующим...

С небес донеслось громогласное хриплое карканье.

Показалось...

* * *

Уже уехал давно обоз, рассеялась дорожная пыль, а Энцо все стоял и стоял. И смотрел ей вслед. Пока Паскуале не коснулся его плеча:

– Энцо...

– Да, дядя?

Карие глаза были безнадежными. Она. Уехала. И солнце светит иначе. И все иначе. И... она уехала.

– Не отчаивайся. Все образуется.

– Разве?

– На следующий год мы снова сюда приедем. А через год ты и вовсе будешь завидным женихом. В этом году деньги приумножили, весной на Девальс сплаваем опять, к осени и неплохо получится. Хватит и в дом вложить, и в дело. А потом и вовсе развернешься.

– И что?

– Я, конечно, не знаю, с кем она помолвлена.

– Да...

– Дан Вентурини не сказал, только глаза вверх возводит. Но не думаю, что это кто-то очень уж высокопоставленный.

– Да?

– Энцо, подумай сам. Твоя дана – очаровательная девушка, умненькая, красивая, с приданым, но... не такого уж высокого полета птица. Нет у нее связей при дворе, нет таких невероятных родственников, а значит, и жених должен быть откуда-то отсюда. С границы...

– Так. – Энцо оживал на глазах. – И тогда...

– Помолвку можно разорвать. Поговоришь с ней, если она согласится. Поговоришь с ним, выплатишь откупные...

– Деньги...

– У вас, благородных, это еще поединком решается, помнишь? Но платить наверняка придется.

Энцо тряхнул головой.

Вот не просто так к ним ходил учитель. Законы Энцо помнил, и отлично.

В случае, если один из помолвленных хочет разорвать сговор, второй имеет право на компенсацию. Причем – разную.

Первый вариант – действительно деньги. Назначают энную сумму... нет, не с потолка взятую, а то зарядить «миллион лоринов» дело несложное.

Сумма должна быть пропорциональна упущенной выгоде. То есть приданому.

Второй вариант – ущерб чести. Тогда мужчины дерутся. А дама может выставить вместо себя защитника. И тут тоже варианты. До первой крови, до смерти...

В зависимости от результата поединка приходится или платить штраф, или судиться, или вообще откупаться...

Опять деньги.

Что ж! Если кто их и может заработать, так это Лаццо. И Лоренцо плотоядно поглядел на дядюшку. Паскуале усмехнулся и взъерошил светлые волосы племянника:

– Понял?

– Понял. Спасибо, дядя.

– Это у вас, благородных, все красиво... люблю, страдаю, помираю. А мы люди простые, купцы, нам как-то жизнь устраивать

нужно. Опять же колбаску каждый день кушать... Ты-то как? Пострадаешь – или покушаешь?

Энцо потрянул головой:

– Вот еще! И позавтракаю, и тренироваться попробую! Мало ли что!

– Так... сначала – к лекарю. А то ишь ты, разбежался...

Энцо кивнул:

– Да. К лекарю!

Надежда.

У него появилась надежда, а это самое главное.

Адриенна

СибЛевран вырос, словно маяк. Адриенна смотрела на него – и впервые не понимала чего-то важного.

Ах, как же просто было раньше! Как легко!

Есть дом, отец, есть весь остальной мир...

И как же сложно сейчас! И дом уже не кажется единственным убежищем от мира и становится... тесным?

Даже не так.

Все она понимает, но... Энцо.

Адриенна словно проснулась и смотрела на мир широко открытыми глазами.

Вот это было ДО Лоренцо. А вот это – ПОСЛЕ. И все казалось совсем другим, не таким, как раньше. Нет, не таким...

Леонардо? И вот этим... с его похабной ухмылкой и дешевыми ужимками она могла увлечься? Даже смешно...

Взгляд Адриенны мог бы и озеро без труда заморозить, Леонардо даже шарахнулся.

Отец? Интересно, он то же самое чувствует к эданне Сусанне? Или чувствовал к эданне Рианне?

Эданна Сусанна... легка на помине.

– Адриенна, нам надо поговорить.

Это притом, что она приехать толком не успела. Ни искупаться, ни переодеться, ничего. Адриенна с удивлением воззрилась на эданну

Сусанну:

– Да?

– Да.

– Вечером приходите в библиотеку, – решила Адриенна. И развернулась.

Эданна Сусанна разговаривать желает? Ну и черт с ней! Потом разберемся. А пока у нее дела поважнее. Хотя бы разобраться с привезенным, и распределить, и по деньгам посмотреть, и искупаться бы неплохо, и переодеться, и перекусить!..

И закрутилось колесо.

* * *

Поздно вечером Адриенна сидела в библиотеке. Эданна Сусанна вошла без стука, поигрывая веером, словно хозяйка.

Адриенна посмотрела на нее даже... с жалостью?

А пожалуй что.

Жалко человека, который разменял свою жизнь на игрушки, побрякушки, погульбушки... а настоящего-то у нее и не было никогда. Ни счастья, ни любви, ни понимания... ничего.

И рвется она невесть куда, и пытается под себя что-то пригрести...

А внутри все равно пустота. Как бездонный провал. И что ты в него ни кинь, он не заполнится. Можно заглушить тоску развлечениями, можно нагнать два десятка мужиков, можно... да что угодно можно.

И все равно – пустота. И чернота, и холод...

Наверное, Адриенна впервые посочувствовала эданне. Ненадолго, минуты на три.

– Наконец-то ты освободилась.

Эданна Сусанна изящно опустилась в кресло, со щелчком сложила веер. Адриенна посмотрела усталыми глазами.

Она встала рано утром, доехала до дома, тут еще сколько разбиралась...

– Что вам нужно, эданна?

– Две вещи. Первое – к Леонардо и ко мне приедет в гости наша... знакомая.

– Знакомая?

– Эданна Фабиана Маньи. Леонардо начал с ней переписываться и пригласил в гости. Она обещала приехать встречать Рождество.

– Пригласил в гости – куда? – вежливо уточнила Адриенна.

– Сюда, разумеется.

Ответом эданне была удивленно поднятая бровь:

– Неужели?

И столько всего было в этом слове... вплоть до обещания собак спустить на незваных гостей. Эданна Сусанна едва сдержалась.

Убила бы стервочку малолетнюю... но надо, надо договариваться!

– Я хочу, чтобы мой сын выгодно женился.

Адриенна кивнула:

– Допустим.

Она бы тоже не возражала избавиться от Леонардо. Сейчас он у нее вызывал омерзение. Это как громадный слизняк, который по твоему дому ползает, а ты с ним и сделать-то ничего не можешь, только на слизь везде натыкаешься... вот ведь гадость какая!

– Эданна Маньи – хорошая партия.

– Что вы хотите от меня?

– Я ее уже пригласила в гости. И намекнула, что ты выходишь замуж, так что СибЛевран... может достаться Леонардо.

– Вот как?

– Да понимаю я все! – досадливо махнула рукой эданна. – Ты не согласишься.

– Нет. Не соглашусь.

– Ну и... молчи! Просто ничего не говори!

– Лгать ради вашего удобства?

– Не лгать. Просто не опровергай мои слова, – сморщилась эданна. – Если его величество прикажет, СибЛевран может достаться Леонардо?

Адриенна фыркнула так, что стало ясно – нет. Раньше она все сожжет и земли солью засыплет.

– Я просто прошу не спорить со мной, – скрипнула зубами Сусанна. Залепить бы этой девчонке пощечину! Мигом бы поняла, кто и где главный...

Адриенна подумала пару минут.

Что ж. Без Леонардо будет проще. Так что...

– Эданна Сусанна, я промолчу. Но напрямую лгать не буду. Вас это устроит?

Эданна выдохнула:

– Вполне.

– Если ваша знакомая спросит меня напрямую... я отвечу правду.

Эданна кивнула еще раз. Понятно, она за этим проследит.

– И вот еще что. Будете должны.

– Что именно?

– Не знаю пока. Я вам помогаю выгодно пристроить сына. И не по доброте душевной.

Эданна сверкнула глазами:

– Ладно. Я... запомню.

– Клятву. По всей форме, – жестко потребовала Адриенна.

– Но я...

– Или клятву, или разговор окончен. Если эта эданна выгодная партия...

Партия была действительно выгодной. Эданна Сусанна заскрипела зубами, но руку подняла:

– Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своим чревом – да будет оно вовеки бесплодным, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Одно желание. То, которое не навредит мне или моему сыну.

Адриенна кивнула:

– Принимаю вашу клятву, эданна.

И где-то вдалеке глухо ударил колокол.

Полночь...

* * *

Эданна ушла.

Из-за книжных полок тихо вышел дан Рокко.

– Вы ей доверяете, дана?

– Нет, конечно. Ее словам цена – испорченный воздух. Но, может, хотя бы побоится? Клятва штука серьезная...

– Это в провинции. При дворе к таким вещам относятся намного легче.

– В любом случае избавиться от этого... слизняка и в моих интересах.

С этим дан Рокко спорить не мог.

– Дана Адриенна, у меня к вам тоже будет просьба.

– Слушаю?

– Со мной говорила Чинта. Она хочет сыграть свадьбу здесь, в СибЛевране.

– Здесь? – удивилась Адриенна.

– Считает, что это вы принесли ей счастье. И я тоже так считаю, дана. Не откажете?

Адриенна тряхнула головой:

– Так... когда она хочет сыграть свадьбу?

– До Крещения венчаться нельзя. А вот сразу же после...

– В январе? Джас будет зимней невестой?

– Если вы не будете против, дана Риен.

– Я буду только рада. И принять дана Каттанео, и отметить свадьбу... но что делать с *этими*?

– Ничего. Одни уедут, другие приедут, – пожал плечами дан Рокко.

Адриенна только вздохнула.

Тихой зимы в СибЛевране не будет.

А может, и не надо?

Пусть сначала будет суета и подготовка к встрече одних гостей, к Сочельнику, Рождеству, потом к свадьбе... кстати, чтобы два раза не готовиться. И заодно она не будет думать о Лоренцо Феретти.

Не будет сидеть зимними вечерами у огня и перебирать в уме те мгновения, когда они были рядом.

Секунда вечности – синие и карие глаза встречаются.

Секунда вечности – ее губы касаются теплого металла серебряной птицы.

Секунда.

Всего одна секунда, и ты понимаешь, что вы друг для друга – вечность. Это должно пройти? Правда?

А как и когда? И насколько тебе при этом будет больно?

Вот на эти вопросы ответа и нет. Но Адриенна теперь понимала, почему Леонардо не вызвал у нее никакого интереса, кроме исследовательского. Посмотреть, потыкать палочкой...

Леонардо к ней ничего не чувствовал. Он просто искал выгоду.

Энцо ее любит.

А законный жених – ненавидит. И отказаться от него Адриенна не сможет. Ладно бы еще СибЛевран, ладно бы королевский гнев... вот уж это ее не волнует ни в малейшей мере. Всегда можно уехать, можно купить землю в другой стране, можно что-то придумать.

Можно.

Но Моргана... и ее проклятие... пусть вымирает династия Эрвлинов, но ведь будут вымирать и СибЛевраны!

Кем готова рисковать Адриенна?

Собой? И оставить беспомощного младенца на руках у Энцо?

Детьми, которых родит? Над чьей могилой придется плакать – и кому?

Она не имеет права на отказ. А потому...

Эданна Сусанна пытается заполнить свою пустоту. А Адриенна попробует заполнить свою. Вдруг да получится не думать?

Или хоть что-то получится?

Дану Рокко она об этом не скажет. Но...

– Дан Рокко, давайте подумаем, хватит ли припасов. И что мы подарим невесте, и жениху, и... и вообще...

Дан Рокко широко улыбнулся. И принялся выкладывать на стол листы пергамента. Чинта поговорила с ним еще до отъезда на ярмарку, и расчетами он еще тогда занялся, просто ждал удачного момента, чтобы поговорить с даной.

Да, предстоят траты. Но... у него есть одна идея.

Лоренцо

Орать «кошелек или жизнь»?

Предлагать благородно сдаться?

Это туда же, где рассказывают про благородных разбойников. А в жизни все иначе.

Просто начинает скрипеть дерево – и валится на дорогу, медленно, словно в дурном сне. И блесит на подпиле сахарным блеском...

А сзади так же медленно падает второе дерево.

И летят, летят со всех сторон стрелы и арбалетные болты.

Падают люди, вскидываются на дыбы, ржут лошади, бьют копытами в воздухе... все смешивается в единую симфонию ужаса и отчаяния.

Крики боли, свист стрел, хрипы умирающих, лихой разбойничий свист...

А потом разбойники лезут на дорогу. И дорезают тех, кто остался в живых. Ну а если кто-то из «лесных братьев» и подойдет – какая остальным разница? Их-то доли в добыче от этого только увеличатся.

А вечером будет пир.

С потреблением всего, что найдут у пограбленного купца, с вином, жареным мясом (дохлая конина – это ведь тоже мясо, а что жесткое, так какая разница?), с забавами... если среди пленных есть бабы – хорошо, если нет – позабавиться можно по-разному. К примеру, привязать пленника к дереву и кидать в него бутылками. Или еще чем...

Или пытки...

Очень хорошее развлечение на вечер. Больше обычно никто не выдерживает, помирают, дохляки.

Винченцо хорошо знал, как это бывает, он уже не одну засаду успешно подготовил. И в этот раз рассчитывал на то же самое.

Вот уже... обоз Лаццо втянулся на дорогу. Еще немного...

Впереди идут телеги, позади гонят коней... отлично, они добавят шума... Винченцо огляделся.

У деревьев он поставил Ежа и Буклю, они опытные, хорошо момент ловят, обрушат в нужную минуту, ни раньше, ни позже.

Осталось буквально несколько секунд... ну...

Сам Винченцо удобно устроился на дереве. Первым влезать в схватку он не собирался. Он атаман, его дело все видеть и руководить... ну... пошли!

Над лесом разнесся мощный свист. И дерево начало падать.

Одно.

То, которое сзади.

А впереди...

Что происходит?!

Почему Еж оплошал?!

Винченцо ничего не понимал. А потом стало и не до понимания...

* * *

Еж стоял у дерева. Хорошего, толстого, массивного, не вдруг обойдешь, не объедешь, не отвалишь... и телегу через него не переведешь, и конь не сразу переступит. Хороший дуб выбран, разлапистый такой, толстенький, небось не один десяток лет тут растет...

Подрублен по всем правилам «охотничьего» искусства. Один хороший удар – и полетит на дорогу, в нужную сторону...

Еж был собой горд.

Недаром именно ему атаман приказал сидеть в засаде. Считай, самое важное дело доверил, дерево надо в нужный момент толкнуть, чтобы купец смяться не успел, и чтобы груз не придавить, и...

Размышления Ежа оборвал вежливый такой кашель:

– Кхм-кхм?

Еж резко развернулся. Рядом с ним стоял паренек лет тринадцати-четырнадцати, не старше. И весь такой... неуместный.

«Лесные братья» не розами пахнут и выглядят не лучшим образом. А этот весь напояженный, отглаженный, рубашка белая, словно мел, черные брюки заправлены в высокие сапоги, золотые локоны по плечам, перехваченные на лбу тонкой ленточкой, словно принц какой на огонек завернул...

– Ты... это... – даже растерялся Еж. Ненадолго. Секундой позже он бы уже сообразил, что происходит, он бы...

Энцо ему этой секунды не дал.

Свистнул клинок, входя Ежу прямо в печень. Разбойник захлебнулся булькающим страшным криком и обмяк. Какое уж тут сопротивление, тут уже жизни минута остается.

Бросились к парню Сиплый и Букля, которые были на подстраховке. Просто они чуть подалеже от дерева держались, чтобы их сразу не заметно было. Вот и не успели.

Ничего не успели.

Энцо даже двигаться не стал с места. А зачем? Сильный, но легкий – это про него. Поэтому мальчишка и использовал метательные ножи.

Его клинок остался в печени у первого разбойника, сейчас полегли еще двое...

Из кустов выбрался Чезаре:

– Неплохо, малыш.

Энцо даже на «малыша» не обиделся.

– А у тебя сколько?

– Еще четверо.

– Еще не вечер.

– Согласен. – Чезаре подмигнул Энцо: – Есть время увеличить счет.

И тут над лесом разнесся пронзительный свист. И начало падать то дерево, которое оказалось позади обоза.

Естественно, напугались кони. Рванулись вперед. Но конюхи из СибЛеврана свой хлеб недаром ели, мигом перехватили самых беспокойных, где кнутами, где словами начали успокаивать табун... да и выучены кони тоже были на совесть.

Город же!

Это в поле лошадка тянет и тянет плуг, и ничего ее не волнует. А в городе люди, животные, нищие, разные ситуации бывают... так что ж, из-за каждой коню на дыбы вставать?

Дурноезжих и вздорных коней СибЛевран не продавал. Или хотя бы предупреждал об их характере. Так что сильной суматохи не случилось.

А вот когда полетели стрелы...

По задумке атамана стрелы должны были полететь практически сразу. Но разбойники вульгарно растерялись... часть из них. А вторая...

Когда обрушилось дерево позади обоза, а впереди – нет, возчики подхлестнули коней, и телеги, фургоны, лошади принялись резво уходить из зоны обстрела. К такому разбойники попросту не привыкли. Они должны были стоять на месте, замереть... а они двигались.

А это уже совсем другое дело. Стрелять по замершей мишени – или по подвижной... тут есть свои тонкости. Упреждение, поправка на ветер... а хороших стрелков среди разбойников мало. Ну, незачем им такое! Их дело выпалить раз, ну два, и бежать резать беззащитных и напуганных. А чтобы снайперы – такие себе и другую работу найдут.

Кто-то выпалил.

Кто-то не успел.

А кто-то уже никогда и не выпалит, потому что тот же Леоне стрелял преотлично. А хороший лучник может поднять в воздух и десять стрел в минуту. А то и побольше. И все они попадут в цель...

Кого-то убили.

Кого-то просто напугали. Если ты сидишь в засаде, на дереве, собираешься резать растерянных и беззащитных... и тут рядом с тобой пролетает стрела...

Двое мерзавцев просто сверзились с дерева. И достреливать их не требовалось, и так хватило.

Винченцо взвыл раненым зверем.

Это же... это же... такой куш накрывается!!!

Но – КАК?!

* * *

Ровно двумя днями раньше

– Здоровьичка, ньор.

Ньор Паскуале посмотрел на здоровущего мужика, который переминался с ноги на ногу возле стола. И решил быть вежливым, по старой купеческой привычке. А то нет?

Вежливость – тоже товар. Ни рии не стоит, а продается очень и очень дорого.

– И вам здоровья, ньор.

– Коста я. Ньор Коста.

– Приятно познакомиться, ньор Коста. Что привело вас ко мне? – голос Паскуале был бесконечно терпеливым. И только очень тренированное ухо могло расслышать за спокойствием и уважением усталость и скуку.

Кость к таким не относился и потому выпрямился:

– Вы меня, ньор, не знаете. А вот я за вами четыре дня следил.

– Да? – Взгляд Паскуале мигом стал острым. Разговор приобретал интерес.

– За вашим даном. Феретти который. Нам атаман приказал его похитить.

Паскуале молча хлопнул по лавке рядом с собой:

– Присядьте, ньор Коста. Пива или чего покрепче?

– Эля. Мне сегодня уходить надо, коли договоримся, – не стал скромничать разбойник, уже бывший. – Атаман Винченцо... слышали о таком?

Паскуале кивнул.

Слышал, и не раз, но раньше везло, Бог миловал. А теперь?

– Договоримся, ньор? Завязать я решил...

Когда под тобой гниет твой товарищ, когда ты это видишь вблизи, чувствуешь, слышишь его крик, когда в нос тебе бьет сладковатый запах разложения...

Как-то жить хочется. Честно и долго.

Год бы Кость перевоспитывали – такого результата не добились. А тут за пять минут справились!

– Сколько? – Эту тему Паскуале подхватывал мгновенно.

– Сто лоринов, – чуть задохнувшись от жадности, объявил Кость.

Для Паскуале это были не те деньги, чтобы скупердяйничать, но...

– И что ты мне за них скажешь?

– Когда и где будет засада, – спокойно ответил мужчина. – Не совру, сможете проверить.

Паскуале задумался.

Проверить... это понятно.

– Ты мне для начала расскажи, зачем вы за парнем следили и кто?

Кость кивнул.

Это уже ни монетки не стоило, но рассказать можно было. А чего? Заодно убедятся, что он не трезвонит просто так.

Паскуале тем временем махнул рукой, подзывая к себе разносчика и давая заказ. Кувшин эля, хороший обед. Это для затравки. Коста понимающе кивнул и заговорил:

– Атаман Винченцо про вас прослышал, ну и решил руки погреть. У вас вроде как и монет много, и товара... дело выгодное получится.

Но если нападать – у вас охрана. Потому он решил сначала попробовать дана украсть, а с вас выкуп потребовать.

– Так...

– Немного. Только чтоб вы пришли в нужное место. Пошли бы?

Паскуале подумал пару минут. Пошел бы он за Энцо?

– Да.

– Там бы вас обоих и положили. А как ваши люди растерялись бы, так и бери их голыми руками.

– Приказчик есть, – буркнул Паскуале. Но и сам преотлично понимал, что план был вполне успешным.

– Четверо нас было, на одного мальчишку. Сутулый – главный, я, Лысый и Рохля. Хотели подкараулить мальчишку, мешок на голову – и ноги в лес.

– А если б заметили?

– С хозяином постоянного двора договоренность была.

– Та-ак, – недобрым тоном протянул ньор Паскуале.

– В драку он не полез бы, но по-тихому сделать... глаза в сторону, а руку в кошелёк. В наших краях чистеньким не проживешь, с каждой гадиной дружить требуется...

Паскуале скрипнул зубами, но промолчал. И молча подвинул к Косте кувшин с элем, который поставил на стол разносчик. Бывший разбойник налил себе кружку, но пить не стал, так, глоток сделал, чтобы горло промочить, и продолжил повествование:

– Засада готова была, да кто ж знал, что парень с девкой с этой пойдет... Сутулый и захотел. Он вообще по бабам ходок был...

То, что произошло дальше, Паскуале знал. Только вот...

– А тот, который сгнил...

– Рохля?! – Косту откровенно передернуло. – Сам не понял, что с ним случилось. Вот хотите верьте, ньор, хотите нет... я на него упал, смотрю, а он... это... заживо... и крик такой...

Теперь разбойник осушил всю кружку, стараясь унять нервную дрожь, поежился.

– Погоди... так он таким не был?

– Богом клянусь, – перекрестился Коста. – Чтоб мне самому такое... вот не совру!

Паскуале медленно кивнул:

– Понятно. У вас точно... никто?

Коста перекрестился еще раз:

– Я с того и завязать решил, ньор. Так не пришел бы, но деньги нужны. Кое-что у меня есть, но мало, а больше я на дорогу не хочу. Чудо меня сберегло, истинное чудо.

Паскуале промолчал. Чудо там, не чудо...

Их спас счастливый случай.

Если бы один не начал гнить, если бы второй не перепугался до истерики, одолели бы они подростков, кто бы спорил. Но случилось так, как случилось. И теперь разбойник выкладывал все остальное. И как обрушат деревья, и как начнут стрелять, и как...

Но тут Паскуале было и не жалко денег. Он уже понял, что ему не врут. И все же поставил условие:

– С тобой двое моих людей останутся. Коли все обойдется – уедешь, еще и сверху денег дам. Нет? Не обессудь...

– А ежели не отобьетесь?

– Ежели не соврал, отобьемся. И не таких отбивали, – хищно оскалился Паскуале. И Коста поверил. Почесал в затылке.

– И давайте так, ньор. Истинно – не вру, так что и подождать смогу. Только не здесь, не с вами... если меня кто из братвы увидит, беда будет.

Это Паскуале и сам преотлично понимал. Так что...

– Решим.

Коста кивнул. Обманывать он не собирался и опасался только своих. Бывших – своих. Так что...

Подождет. Деньги – они не лишние.

Паскуале сидел за столом, ждал Энцо, ждал остальных, с кем посоветоваться, и думал. И мысли у него были нерадостные.

Это даны могут преданий и сказок не знать. Им простительно, при дворе оно и ни к чему, там кланяться и извиваться нужно. Там единственная точка зрения – королевская.

А он знал.

И знал, когда человек может сгнить за считанные секунды.

Только вот что с этим знанием делать – не знал.

Подростков было двое: Энцо и Адриенна. Оба были ранены. Только вот Энцо уж сколько раз, и при нем, и на тренировках, и на корабле... Если бы что – тогда и видно стало бы.

Значит, не он.

Значит, Адриенна.

Ох... беда. Но знает ли она сама? И если да, то что с этим делать дальше? И...

Впрочем, долго над отвлеченными темами Паскуале размышлять не собирался. Отложил информацию в памяти – тоже товар. И решил подумать о насущном. О том, как отбиться.

Желательно – не вступая в драку. А зачем?

Пусть «лесных братьев» и прочую подобную мразь ловят те, кто должен. Стража, к примеру, егеря... ловят, вешают... Паскуале был только за. А ему-то чего лезть в драку?

Положить людей, задержаться в пути, упустить выгоду – во имя чего? Чтобы ему местный дан, до которого еще поди доберись, благородно десяток лоринов отжалел?

Вот еще не хватало!

Пусть сами разбираются, а ньор Паскуале подумает, как уцелеть и ноги унести. Можно чуток потрепать подонков, чтобы не погнались и своими делами занимались, но и только. А серьезно драться ему некогда и незачем. Ему домой надо.

Дело само себя не сделает, и товары в лавки не приползут.

Вот так и оказался Энцо в лесу. И не только он.

Чезаре, Леоне, еще пяток ребят из тех, что хорошо стреляют, хорошо ходят по лесу, хорошо работают с оружием... чтобы потрепать «лесных братьев» хватит. И – ноги!

Купцам некогда порядок на дорогах восстанавливать, им торговать надо! Так-то...

* * *

Винченцо слетел с дерева быстрее любой стрелы.

Сейчас он...

Сейчас... рывкнуть, организовать погоню, купец не успеет далеко уйти, его легко догнать...

А потом пришла боль.

Острая, резкая, жесткая... Винченцо открыл рот, но понял, что ничего не сможет сказать. Потому что в плече появилось что-то лишнее.

Хвост арбалетного болта. А остальной болт был внутри. Он пробил атамана насквозь, вышел с другой стороны и хищно поблескивал окровавленным наконечником.

Винченцо попробовал что-то сказать, но на губах появились только кровавые пузыри. А потом все потемнело вокруг... только трава была по-прежнему зеленой – и приближалась так стремительно...

Где должен находиться атаман, Коста тоже сдал. И Паскуале честь по чести выдал ему не сотню, а сто пятьдесят лоринов. Все отлично сложилось.

Была у атамана одна неприятная черта. Он совершенно не переносил боли.

Вот и сейчас... рана была неопасна для жизни, арбалетчик плохо прицелился, к сожалению, но атаман-то упал в обморок! И командовать не смог.

Оставшись без предводителя, разбойники растерялись, обоз ушел, помахав им конским хвостом, и на дорогах какое-то время будет спокойно.

Пока атаман выздоровеет, пока шайка... да что там! Это же твари, от неудачливого атамана они начинают разбегаться, как тараканы из-под тапка. Придут на их место новые, придут, но это еще когда будет?

Паскуале своего добился. Без единого выстрела, без шума и крика, он ехал домой. А что касается потраченных денег... Непредвиденные расходы случаются. Не жалко. Купец знает, где надо заплатить, чтобы не потерять все и сразу.

Намного больше Паскуале тревожила полученная информация. Но ею он делиться не собирался ни с кем. Даже с отцом.

За такое в наше время не просто убивают. За такое о смерти будешь просить, как о милости. Лучше уж помолчать. Потихоньку разобраться во всем – и молчать. Целее будешь.

Глава 10

Адриенна

– Фабиана, милая!

– Сусанна, дорогая...

– Странно, что у них языки не раздвоенные, – меланхолично заметил дан Рокко.

– Надо это спихнуть до Крещения, – отозвалась Адриенна. – В идеале встретим Рождество – и через дней десять пусть уезжают. Иначе эта дрянь на Антонио налипнет – не отдерешь. Джас будет неприятно.

Дан Рокко пожал плечами:

– Не думаю, что Антонио позарится... на это.

Все верно. Рядом с Джачинтой Фабиана смотрелась просто ужасно. Вся тощая, старообразная, страшная, как дохлая лошадь. Но когда это мешало таким дамочкам?

Морда мажется косметикой, обаяние заменяется наглостью – и в атаку! Не съем, так понадкусываю! И укусить они способны больно.

Во двор уже спешил Леонардо с букетом. В этот раз дану пришлось трудиться самостоятельно. История с Анной широко разошлась по СибЛеврану, по деревням и фермам, что-то рассказала Анна, что-то додумали ньоры...

В результате Леонардо пришлось довольствоваться продажными девками. Никто, никто не хотел иметь с ним дела. Бесплатно, во всяком случае. А платить не хотелось уже Леонардо.

А женщину хотелось.

Что ж, эданна Фабиана... она тоже женщина. Прикрой ей морду простынкой и представляй, кого пожелаешь. Благо возраст и темперамент позволяют. Мало ли кому и что не нравится?

Леонардо во дворе склонился над ручкой эданной.

Адриенна покачала головой:

– Да, это будут тяжелые дни...

Как в воду глядела.

– Моего обожаемого супруга, эданна, вы знаете. А это моя падчерица, Адриенна СибЛевран.

Адриенна чуть склонила голову.

Фабиана Маньи скривилась.

Адриенна выглядела непозволительно красивой. Черные волосы дана не стала заплетать в привычную косу, вместо этого распустила их и перехватила по лбу серебряной лентой. Черное платье сливалось с черным шелком волос. Серебряное нижнее платье переливалось в свете свечей. И никаких украшений. Девушкам они не полагаются, да и ни к чему.

Рядом с ней разнаряженными курицами казались и эданна Сусанна, и эданна Фабиана. И обе прекрасно это понимали.

– Рада знакомству, эданна Маньи.

– Очаровательное дитя, Сусанночка.

– Дан Вентурини. Его дочь, эданна Леони, ее сын, дан Леони.

– Какое милое дитя! Подойди сюда, малыш, хочешь засахаренную грушу?

Если Фабиана решила показать, как она любит детей, – зря. Анжело поддаваться не собирался.

– Нет!

– Я решила не брать с собой своих малышей, сейчас такая плохая погода...

– Какая жалость! – Леонардо смотрел на эданну глазами расстроенного спаниеля. Простите, собачки. – Обожаю детей. А ваши такие очаровательные и умные, так воспитаны... все в свою восхитительную маму.

Эданна расплылась в улыбке. Ах, хвалите меня, хвалите...

Адриенна потихоньку сместилась к камину. Протянула руки к огню. Такому живому, теплему, уютному, настоящему... Да, настоящему.

Танец пламени не обманывает, а вот слова Леонардо – фальшивка. И слова эданн Фабианы – тоже фальшивка, это чувствуется, как будто в зале звенят расстроенные лютни и струны перебирают корявые кривые руки.

Они поют друг другу, они фальшивят, лгут, подличают... но сказать правду – как?

Мне нужны деньги, и я согласен терпеть твое страхолудие.

Мне нужен молодой муж, и я готова за это платить.

Все присутствующие это видят, понимают... и молчат. Как сказать такое вслух? И куда потом девать и взбешенную эданну, и противного Леонардо?

Лучше уж помолчать. И пусть выписывают вензеля друг напротив друга. Авось да и сшипятся?

Адриенна смотрела в камин и думала про Энцо.

Ни весточки. Ничего...

Он не имеет права ей писать. Она чужая невеста.

Она не имеет права о нем думать. Но думает чаще, чем хотелось бы... и почему-то ей кажется, что там, далеко, в столице, сердце Лоренцо Феретти бьется в такт с ее сердцем.

Он тоже думает о ней, вспоминает, и у Адриенны становится теплее на душе. Хотя они не сказали ни слова о любви.

Наверное, и не скажут никогда. И все, что ей будет доступно, – это вот так... стоять, смотреть в огонь, чувствовать на груди тяжесть медного крестика.

Больно.

Почему так больно?

Адриенна привычно глубоко вздохнула, унимая тоску. Она знает, любая боль проходит рано или поздно. Даже самая страшная. Только вот рано – или поздно? И не будет ли это слишком поздно?

Позади ворковали «влюбленные» Фабиана и Лоренцо. СибЛевран готовился встречать Рождество.

* * *

– Дорогой, ты был сегодня восхитителен!

Эданна Ческа улыбнулась своему высочайшему любовнику. Вытянула ножку, полубовалась собой... великолепное зеркало!

Только что оно отражало весьма фривольную картину...

– Принеси вина, любовь моя. И иди сюда. – Филиппо поманил любовницу пальцем.

Эданна улыбнулась еще обворожительнее:
– Конечно, мальчик мой. Уже несу.
– Где ты взяла это зеркало? Я хочу такое же в свою спальню. Чтобы ты навещала меня, и я смотрел... ты в нем чудесна.
– Так забери его, – пожала плечами Ческа. – Таких сейчас не найдешь, это работа мастера Сальвадори.
– Мастер Сальвадори?
Филиппо о нем особенно и не помнил, вот еще... Ческа не стала просвещать любовника. К чему?
– А пока...
Она поднесла кубок к губам и сделала глоток, показывая, что не отравлено.
Алые капли вина покатались по полным губам, по груди, скатились в ложбинку, больше открытую, чем прикрытую пеньюаром из белых кружев, Ческа провела вслед им пальцем...
Кубок она протянула – и он тут же улетел в сторону, принц подтянул к себе любовницу, навалился, подминая ее, отбрасывая в сторону легкое кружево... и не заметил, как улыбнулась Ческа.
Так-то!
Ничто не заменит опыта. И никто не заменит ее в постели Филиппо! Она не позволит...
Жаль только, детей не получается. Очень жаль...
Впрочем, говорят, в столице есть знахарка, которая может и приворожить, и отворожить, и дать снадобье, которое поможет зачать ребенка... Если к весне ничего не получится, Ческа обязательно к ней сходит!
А пока – да, дорогой! О, да, да, ДА-А-А-А-А-А!!!

Мия

Столица готовилась к Рождеству.
Адвент^[13] был в разгаре. Он начался еще десять дней назад, и город украшался что есть сил. Устанавливались рождественские ели, вешались гирлянды...

К Непорочному зачатию Девы Марии все было уже готово. Пахло выпечкой, жареными каштанами... Мия их не слишком любила, но в такое время?

Церкви украшались яслями и хлевами. Пока еще без фигурки Божественного Младенца, она появится только на Рождество. Но и сейчас было на что посмотреть.

В некоторых церквях целые деревни воссоздавали!

Дома украшались венками Адвента, сплетенными из еловых веток. В венки устанавливались четыре свечи – по числу четырех воскресений до Рождества.

А после Непорочного зачатия Девы Марии начались и гулянья.

Песни, музыка, танцы прямо на улицах.

Уличные музыканты одевались пастухами, и никто не гнал их прочь. Наоборот, считалось хорошей традицией позвать их к себе в дом.

Джакомо этого не одобрял, так что Серена и Джулия сидели под замком. А вот Мия гуляла по столице в свое удовольствие.

Выпила горячего глинтвейна, съела вкусный коржик, потанцевала на одной из площадей... кто узнает в ней дану Феретти?

Никто. И лицо у нее другое, и выглядит она старше, и одежда у нее, как у ньюры. Мия хотела посмотреть город изнутри.

Пока еще идут гулянья.

За девять дней до Рождества начнется Новенна^[14]. В храмах будут читаться молитвы, дети вытеснят с улиц музыкантов и станут ходить по домам, исполняя песни или читая стихи. Им надо давать монетки и сладости, чтобы следующий год был богатым и сладким.

Потом придет время сочельника. На столе не будет мяса, будут только рыбные блюда. Королем стола станет жареный угорь. Они уже приглашены к Лаццо, и Мия очень этим довольна. У нее есть красное платье, и для девочек все тоже заказано, только другого оттенка.

В том году они Рождество не отмечали, не хотелось после эпидемии, а в этом обязательно надо, а то как же!

Но самой Мии возиться не хотелось, а вот помочь Марии – пожалуйста. Они придут к Лаццо, все вместе сходят к мессе, вернутся домой, отметят сочельник, а на следующий день настанет Рождество.

И начнется застолье.

Это семейный праздник, поэтому никто и никого не приглашает. Никто и не придет.

Будут подарки, будет стол, песни, смех, пирушка для родных и друзей... и обязательно венки из омелы. Только вот целоваться у них некому... разве что Фредо и Марии.

Вот ведь пара...

Он старик уже, да и она не молодуха. Оба полные, некрасивые... как казалось Мии с высоты ее аж четырнадцати полных лет. Но как они друг на друга смотрят! Даже завидно становится.

От таких взглядов и на душе теплее...

Сгорит в камине рождественское бревно, и Фредо торжественно выгребет пепел, чтобы сохранить его до следующего года – это должно принести удачу.

Серена с Джулией уже сделали маленький вертеп^[15] у них дома. А Мария украшает дом Фредо.

Елка, рождественская звезда, сладости...

А вот в фею Бефану^[16] Мия не верила. Ни капельки.

Да и нужно ли? Она сама отлично сыграет роль доброй феи, подарки уже куплены, в том числе и в «Товарах с кораблей». Жаль, что других зеркал работы мастера Сальвадори ей не попадается.

И отправиться по его следам она не может.

Но пока это подождет. Все подождет...

И Мия отправилась домой.

* * *

– Мия, у нас заказ.

– Дядя, на дворе Рождество! – искренне возмутилась девушка.

– Поэтому платят втрое.

Мия тут же заинтересовалась. Уселась в кресло и изобразила внимание. Джакомо усмехнулся. Да, племянница пошла в него, и это замечательно! Есть в семье здравомыслящие люди, есть!

– Дана Джильберта Риччарди.

– Кому и чем помешала дана Джильберта Риччарди?

– Кому она там может помешать? Ей всего-то четырнадцать лет...

– Моя ровесница... почти.

Джакомо поморщился:

– Мия, ты старше и умнее. Это не в годах выражается, а в жизненном опыте. Не перебивай меня, ладно?

Девушка кивнула. Ладно, не будет. Послушаем, кому так нужна смерть даны Риччарди.

– Семья Риччарди небогата. И единственное приданое Джильберты – ее красота. Да, не спорь. Она очень красива, очень набожна, благочестива, почти никогда... да что там! Она никогда не выходит из дома. Только к мессе и только по великим праздникам. Там ее и увидел дан Армандо Къеза.

Мия обещала не перебивать. Но не смогла:

– Те самые Къеза?

– Те самые.

Владельцы громадных виноградников, поставщики вина к королевскому столу... состояние – невероятное. Тех же Лаццо они могли купить... раз десять, если не больше. Причем всех и со всем имуществом. Может, еще и на сдачу останется.

– Так...

– У дана деньги, у даны очарование...

– А кроме денег у дана что? – поинтересовалась Мия, справедливо полагая, что деньги к деньгам, а вовсе не к красоте.

– Правильно, Миечка. Какая же ты умница, – расплылся в улыбке Джакомо. – Я тебя просто обожаю...

– Я вас тоже люблю, дядя. Итак?

– Армандо Къеза помолвлен с одной очаровательной и достаточно богатой даной...

– Чья красота не идет ни в какое сравнение с даной Джильбертой?

– Идет, – качнул головой Джакомо. – Поверь, я видел обеих. Сейчас как раз подходящее время полюбоваться... так вот, Джильберта красива, но и дана Мариза собой вполне хороша. К тому же Калло.

– Ага. У кого виноградники, у кого перевозки, – сообразила Мия.

– Да, две семьи прекрасно объединили бы дела. И тут – позвольте! Сынок влюбляется в какую-то там...

– А ни за кого другого дану Маризу выдать замуж нельзя?

– У нее тоже любовь. К Армандо. А его младшему брату всего восемь лет.

Мия задумчиво кивнула:

– Что ж. Пока мне все понятно, кроме двух вещей.

– Неужели я что-то не рассказал?

– Конечно, дядя. Сколько мне заплатят?

– Пятнадцать тысяч лоринов, Мия. Без торга.

Мия и торговаться не стала. Очень хорошая сумма, другие за всю жизнь и десятую часть не увидят.

– За что именно?

– Джильберта должна умереть в храме. В сочельник, на мессе.

А вот это девушку чуточку покорило:

– Именно там?

– В другом месте к ней будет намного сложнее подобраться, – взмахнул рукой Джакомо. – И кроме того, все должно быть публично, чтобы никто не подумал на Калло...

– Яд?

– Миечка, я тебя просто обожаю. – Джакомо собственным светом светился. С Иларио ему тоже хорошо работалось, но там основная тяжесть лежала именно что на Джакомо, а он не везде и подберется, даже будь он трижды даном. А тут... понятливая, бесстрашная и в меру циничная напарница – что еще надо для счастья? Да ничего! Основной риск ее, а деньги... ладно. Сейчас он ей и правда отдает львиную долю, но ведь и пять тысяч золотом на дороге не валяются. – Видишь булавочку?

Мия кивнула.

– А вот и яд. Царапнешь девушку – и уходи. Через несколько минут она умрет.

– Хорошо, дядя. В сочельник?

– Да, Миечка.

Девушка улыбнулась и кивнула.

Убийство в храме? Во время богослужения? В такой святой день? Ее эти соображения совершенно не останавливали. Храм ей не платит, а у нее семья.

Джакомо тоже улыбался.

Очаровательно, просто очаровательно.

Идеальное чудовище. Умное, хищное, без какой-либо морали и нравственности... заметим, его ручное чудовище. Самолично выращенное.

Будь братец жив, в ноги бы ему за Мию поклонился. Хоть что-то хорошее на земле от Пьетро Феретти осталось!

Джакомо, кстати, тоже никакие религиозные соображения не останавливали.

– Яд точно надежный?

– Пойдем, – даже обиделся Джакомо. Достал булавку, смочил ее в яде и кивнул Мие.

Они направлялись к курятнику.

Если слуги и удивились, что дан самолично в курятник лезет, вручив что-то дане Мии... ну так какая и кому разница? Слишком любопытные в хороших домах не служат.

Мия послушно держала булавку, когда дядя вытащил из курятника цыпленка.

– Курицу жалко. Царапнешь?

– Конечно, дядя.

Мия послушно царапнула цыпленка булавкой. Долго ждать не пришлось: пара секунд – и желтое тельце обмякло в руке Джакомо. Тот с брезгливостью отшвырнул трупик подальше.

– Надо выкинуть. Мне сказали, что яд остается во рту и желудке, есть его можно, но не хотелось бы. Еще вопросы есть?

– Конечно, дядя. Дана крупнее цыпленка.

– Так она и умрет не сразу, надо будет минут пять – десять ^[17].

Мия кивнула. Больше ее ничего не интересовало.

– Хорошо, дядя. Меня все устраивает.

Джакомо улыбался. Ему тоже было хорошо. Большие деньги, без малейшего риска, за пять минут...

Красота, да и только!

Адриенна

Если бы СибЛевран сначала отмечал Рождество, потом еще и свадьбу, да еще и гости...

Разорение, чистое разорение!

Но дан Рокко так подводить молодую хозяйку не собирался. Вместо этого он написал дану Каттанео. Не с просьбой, что вы! Какие

просьбы!

Вместо этого он писал, что дана Адриенна согласна, что свадьба состоится, но, вообще, Джачинта всю жизнь мечтала о тихой и скромной церемонии...

Дан Каттанео все понял правильно. Голубь прилетел обратно с письмом. Так и так, обоз с подарками и продуктами вышел, ожидайте. Оставалось теперь предупредить жителей деревни, где временно остановится дан, чтобы, не дай бог, никто не сунулся в замок, пока не уедут первые гости. Этих слишком роскошно принимать никто не собирался.

Явились незванными?

Берите, что дают! И хватит с вас!

Эданна Фабиана была... ужасна и вездесуща! Ее голос раздавался то здесь, то там, она придиралась ко всем, от служанок до конюхов, и явно чувствовала себя хозяйкой СибЛеврана.

Даже эданна Сусанна похоже, мечтала стукнуть наглую паразитку по голове скамейкой, а уж Адриенна-то...

Убила бы!

Но тогда останется Леонардо... И они-то потерпят да перекрестятся. А ему с этой женщиной всю жизнь жить. Или хотя бы бóльшую ее часть.

Адриенна чувствовала себя отомщенной. Еще и потому, что при Леонардо эданна Фабиана вела себя как ангел с крылышками. Такая вся тихая, нежная, очаровательная... приятно посмотреть!

А вот без него...

– До свадьбы, – мрачно предрекла Роза, наливая парного молока и дане, и своему сыну заодно. Миндального молока она не признавала – вот еще не хватало! Подоили – и пей, радуйся! А то еще миндальное молоко выдумают... понятно, назвать-то можно как хочешь, но молока там не будет! – До свадьбы они все белые и пушистые...

– А после?

– Говорят, есть такие медведи. Белые. Пушистые...

Адриенна и Марко представили эданну Фабиану на четвереньках, в медвежьей шкуре и с хвостом – и захохотали так, что молоко во все стороны полетело^[18].

– Как ты думаешь, она Леонардо сразу сожрет? Или понаядкусывает?

– Думаю, есть будет по кусочку, – хихикнула Адриенна. – И не жалко!

Марко тоже жалко не было. Разве что – быстрее бы!

И вот наступило Рождество.

* * *

Ярко украшенный зал.

Множество горящих свечей.

Песни, шум, дан Марк, который нацепил на себя какие-то невообразимые тряпки и смешил всех, эданна Сусанна, непривычно улыбающаяся, Леонардо, вьющийся вокруг своей Фабианы...

Адриенна веселилась от души.

Рождественское полено торжественно внесли в зал, и все, хоть слуги, хоть хозяева, притрагивались к нему на счастье. Зажигать его досталось Анжело, и тут уж не возразил никто.

Ребенок же!

Даже эданна Фабиана, которая весьма неприязненно относилась к Джачинте, и та промолчала.

Анжело раздувал огонек, и наконец хорошо просушенное дубовое полено запылало ярким пламенем.

И праздничный ужин.

Угря, правда, на столе не было, но рыба из собственных прудов, приготовленная во всех видах, была вкусна. Дан Марк и Леонардо ездили на охоту, так что на столе завтра появится кабанчик с яблоком во рту. Но сегодня только рыба.

А к ней овощи, фрукты, сладости – и обязательно сочиво.

Адриенна лично готовила его... ладно, помогала Розе. Мешала пшеницу с маком, орехами, изюмом, добавляла мед и молоко...

Получилось действительно вкусно.

Музыканты старались, чтобы даны и эданны остались довольны. И знали, что получают по золотой монете. Хорошие деньги и без обмана.

Падре Санто обещал приехать завтра, а сегодня...

Сегодня просто звонил колокол, изгоняя дьявола и приветствуя рождение младенца Христа. И Леонардо целовал свою Фабиану под омелой, и та не выглядела недовольной...

Адриенна понимала, что это только замена семьи. Что истинные чувства тут, может быть, только у дана Марка, и то к его Сусанне. Что она одна...

Но...

Одинокой она себя не чувствовала. Ни на секунду.

Поздно ночью, когда пришла пора ложиться спать, она подошла к окну.

Чиркнула огнивом, зажгла одну-единственную свечу, и та отразилась в оконном стекле.

Адриенна приложила ладонь к отражению, а второй рукой сжала медный крестик. Губы ее зашевелились. Едва слышно. Едва видно.

— Лоренцо.

И где-то далеко, она знала, теплом на мужских губах отозвалось ее имя.

— Адриенна...

* * *

— Ты уже послал невесте подарок?

Филиппо (Четвертый в перспективе) досадливо поморщился.

Вот еще не хватало! Подарок! Ладно еще, он поздравил эданну Ческу, подарил ей роскошное ожерелье с рубинами и предвкушал, как будет ее любить — в одном ожерелье.

А этой что дарить?

И зачем?

Филиппо Третий все понял — и треснул кулаком по столу. Благо дело происходило в кабинете и никто не видел, как его величество гневается на его высочество.

— Ты, болван, долго будешь дурака валять?!

— Отец...

— Не любишь ты девчонку — не люби! И не просят тебя об этом! Но ребенка ей заделай, а лучше двух или трех!

Судя по лицу его высочества, его просили совокупиться с тараканом. Причем особо чешуйчатым и противным.

Филиппо Третий возвел глаза к небу:

– Сын, ты ее не любишь. Ну и не надо. Но разве плохо, если девчонка тебя полюбит? Им же ничего и не требуется, в таком-то возрасте. Пара ласковых слов, пара побрякушек – и вот у тебя покорная и довольная молодая жена.

– Мне нужна только Франческа.

– Но дети тебе тоже нужны. Эданна Ческа очаровательна, но ведь она тебе не родила даже бастардов! Сколько лет вы вместе, а она пуста!

Сказано было не в бровь, а в глаз.

Его высочество поежился:

– Ну...

Филиппо Третий опустил голову в ладони:

– Сколько лет... сколько лет, сын, я боюсь за нашу династию. Я молюсь, чтобы ты никогда не пережил того, что я. Не хоронил своих детей, не опускал в землю свое будущее. Эта девчонка – наш шанс. И черные розы снова зацвели в саду, и она копия Сибеллинов... но кто их знает? Раньше короли этой династии женились только по любви. Может, и у нее так же?

– И что?

– Прояви чуточку терпения и получишь все. Будущее для Эрвлины, детей для себя... кстати, и для Франчески тоже. Неужели ей не хочется малышкой?

Об этом его высочество не задумывался.

– А если ты сможешь зачать их только с данной Адриенной? Зачем, зачем заранее настраивать против себя наивную дурочку?

Его высочество болваном все же не был. Да и отцовское отчаяние подействовало.

– Хорошо. А в том году...

– Эпидемия. Не до того.

– Хорошо, отец. Я пошлю ей подарок и напишу письмо.

– И отправляй ей письма и подарки регулярно. Хотя бы раз в два месяца. Подходящие подарки подберет казначей, а ты пиши хотя бы пару строк. Этого будет достаточно.

Филиппо-младший кивнул:

– Я займусь этим. Сегодня же.

И только когда он ушел, Филиппо Третий поднял лицо.

Какие там трагедии? Какие переживания?

Хитрое лицо расчетливого интригана, которому позарез надо свести кобылу и жеребца. А если глупые скоты упираются...

Пусть.

На то и человек, чтобы быть умнее. И не с такими справлялись...

А что напишет невесте мальчишка, надо проверить. И с эданной Ческой поговорить. Не много ли воли на себя берет каждая шлюха? Королю диктовать и в государственные дела лезть?

Побеседуем. Надо только решить – в кабинете или сразу в пыточной.

Мия

– Это та самая Адриенна?

Мия возвращалась из церкви под руку с братом.

Сегодня можно.

Приличным данам не положено, конечно, выходить из дома по такому поводу, в крайнем случае завтра с утра сходить к мессе.

То есть уже сегодня с утра.

Мия ходит, но это будет работа. А ей-то хотелось иного...

Лоренцо не возражал проводить сестер в храм. Поездив по миру, он чуточку изменил свои представления о подобающем и неподобающем. А сейчас они шли обратно.

– Адриенна СибЛевран, – сверкнул глазами Энцо.

– Дядя Паскуале рассказывал о ней, да, – кивнула Мия. – Она красивая?

– Невероятно, – выдохнул Энцо.

– И ты...

– Я...

Мия улыбнулась и сжала руку брата. Почему бы и нет? Любит – и хорошо, женится – тоже ладно. А что плохого-то? Рано или поздно ему придется род продолжать, почему бы и не с этой даной... СибЛевран. Интересная фамилия...

– Поедешь к ней этой осенью?

– Обязательно, – потрянул головой Энцо.

– А она тебя любит?

– Не знаю. Но мне кажется, я ей не безразличен.

– Что ж. Это лучше, чем равнодушие, – согласилась Мия. – Но ты все же уточни при случае?

– Не смогу, – поморщился Энцо. – Она помолвлена и пока не имеет права говорить со мной о чувствах.

Мия хмыкнула. Где права, а где чувства...

– Ты не понимаешь. – Вот ведь любимая отговорка всех дураков. – Адриенна дала слово и обязана его держать. Нарушать нельзя...

Мия пожала плечами:

– Ладно-ладно, не переживай. Помолвка – не свадьба, может, там еще и жених помрет...

И подумала, что если уж она ради чужих интересов грех на душу берет, то родному брату порадеть и вовсе богоугодное дело получается.

Помолвлена?

Посмотрим, что будет дальше. Но законы Мия знала не хуже Паскуале и брата на поединок отпускать не собиралась, вот еще не хватало. Или какой-то штраф платить! Она для того эти деньги зарабатывала?

Не дождетесь!

Если что, она прогуляется в провинцию. Жених, говорите? Ну и говорите дальше. Главное, не мешайте.

* * *

А оставшись один, в своей комнате, Энцо подошел к окну.

Достал честно припрятанную свечу, поставил ее на подоконник и зажег.

Дрожащий огонек отразился в оконном стекле.

Подросток прижал к нему ладонь и тихо-тихо позвал:

– Адриенна...

И показалось ему, наверное. Но где-то за окном захлопали вороньи крылья, а подвеска на груди потеплела. Там, далеко, за горами и долами, в СибЛевране, Адриенна тоже думала сейчас о нем. И Энцо знал это.

Она. Его. Любит.

Ночное богослужение отдельно, утреннее отдельно.

Приличным данам не подобает шляться по ночам, Мия это помнила еще со времен Феретти. Поэтому они шли в храм с утра.

Вот и сейчас она шла в храм. Джакомо был неподалеку, Мия видела его, но подходить не собиралась. Здесь они не знакомы.

Да и сама Мия... кто узнал бы ее сейчас?

В храм шла седая эданна, которую разве что ветром не шатало. Этакая благородная древняя бедность.

Черное платье, потертое и кое-где подштопанное, но с недавно пришитой алой оторочкой, черная шаль на седых волосах... такие были модными лет сорок назад, уж никто и не помнит, когда именно...

Единственное, что могло выдать Мию, было надежно спрятано под подолом юбки. Сапожки девушка надела свои.

Удобные, легкие, не мешающие двигаться и почти бесшумные. Это было важно.

А вот и храм.

И семейство Къеза в полном составе, в том числе и Армандо Къеза. Еще бы, надо же где-то показать родным свою избранницу?

Надо-надо, особенно если родные ее в глаза не видели и одобрять не собираются.

Ничего так, симпатичный.

Высокий, стройный, черные кудри по плечам, глаза карие, горячие... не отрываясь смотрит на дверь храма. А на него смотрит симпатичная пухленькая девушка.

Мариза Калло. Кто бы сомневался.

Дядя не врал, она действительно если и не ослепительная красотка, то вполне хороша собой. Каштановые локоны, большие голубые глаза, высокий лоб, тонкий носик... губки подгуляли. Тонкие, плотно сжатые...

С такими губами не просто соперницу прикажешь уничтожить – целый полк на марше остановишь.

Любовь?

Мия откровенно не понимала этого чувства.

Наверное, оно есть.

Наверное, это важно. Но чтобы вот такое устраивать?

А с другой стороны...

Армандо Къеза – это не только любовь. Он еще и выгодная партия. Молод, хорош собой, богат, без предосудительных наклонностей... и такого отдавать другой девчонке? Да хоть бы она какая золотая была! Перебьется!

Вот это Мия могла понять, и преотлично. Равно как и Маризу.

Так, а это что?!

Армандо восторгнулся, как будто Мия с него начала и иголкой ткнула. В дверях появилась девушка.

М-да...

Мия невольно хмыкнула. Что ж, Армандо она могла понять. Дана, стоящая в дверях храма, была прелестна. Даже не так.

Восхитительна!

Неотразима!

Рядом с ней не смотрелась бы и Мия, в естественном своем виде. Да что там! Эданна Фьора – и та в подметки не годилась бы юному совершенству.

Платиновые волосы девушки, словно лучи лунного света, были сплетены в прическу, но видно, что они и длинные, и густые... уже эти локоны могли украсить любую девушку. А еще добавьте сюда громадные черные глаза! И точеное личико, и изящную фигурку...

Да, Марица рядом с ней выглядела взбешенной свиноматкой.

Девушка обвела глазами храм, на миг задержала свой взгляд на Армандо – и пошла к скамье. Но этой доли секунды Мии хватило, чтобы удавить в себе всякую жалость.

Девушка преотлично знает, как стрелять глазками, как улыбаться, как привлечь к себе внимание. Искренности в ней нет. Вообще.

Кто тут любит, а кто ищет выгодную партию, еще вопрос. Поэтому Мия решительно приняла сторону даны Калло.

Дана Джильберта Риччарди шла по проходу в сопровождении какой-то толстой тетки. Няньки, видимо? Или кто она ей? Служанка?

Наверное. Зевает вон во весь рот. Это дане надо в храм, а ей бы сейчас подремать в свое удовольствие, вот и по сторонам не смотрит...

Мия сидела у прохода.

Так естественно...

Так просто...

Эданна пожилая, эданна старенькая, у эданной выпал молитвенник, как раз под ноги служанке. Конечно, эданна ахнула, потянулась его поднять, и служанка тоже отвлеклась, подняла молитвенник...

И именно в эту секунду эданна едва не рухнула со скамьи, и смазанная ядом иголка коснулась руки Джильберты. Тихий вздох девушки был заглушен торопливой старческой скороговоркой, которую все отнесли не к уколу – того никто и не заметил, – а к молитвеннику.

– Умоляю простить меня, деточка... возраст... ах, неужели когда-то и я была столь же молода и прекрасна?

Дана Риччарди сверкнула глазами так, что Мия окончательно разуверилась в образе кроткой голубицы, но что тут скажешь?

Да ничего!

Только молиться и осталось. А укол...

Его и не видно. Даже капелька крови не набухла.

Джакомо с восхищением посмотрел на Мию. Ах, племянница! Ты великолепна! Сам бы поверил, если б не знал!

* * *

Служба началась.

Мия наблюдала, оставаясь равнодушной. Да и что тут такого?

Дан Къеза смотрит на Джильберту, дана Калло впивается глазами в Армандо. И главное, у всех такие горячие взгляды... хоть ты свечки поджигай!

Мия спокойно ждала. Не уходить же со службы? Это уж вовсе ни к чему...

Жаль, насладиться до конца ей не дали.

Дана Риччарди спокойно сидела на скамье. Со своего места Мия видела только ее затылок, украшенный сплетенными прядями. А потом...

Потом дана пошатнулась.

Молитвенник выпал из ослабевших рук.

Служанка подхватила ее... но дана неумолимо сползала вниз... и Мия, даже не видя лица, уже могла определить – подействовало. Живые так не двигаются.

Прыжком леопарда, перескочив через скамейки и людей, рванулся к любимой Армандо.

Не успел...

И опустился на колени рядом с телом...

Певчие заткнулись.

Служба остановилась, началась суматоха... и в этой суматохе Мия увидела улыбку на лице...

Нет, не Маризы.

Матери Маризы Калло.

Хм... приятно знать, кто был твоим заказчиком. Не сама дана Мариза, не ее отец или брат, нет... матушка решила поспособствовать дочке.

Может, оно и правильно, за своего ребенка хорошая мать хоть кого порвет в клочья. А уж какую-то постороннюю девицу отравить? Чтобы жизнь дочери не порушила, ее судьбу не перехватила?

Да и поделом!

С тем Мия и выбралась из храма, и заковыляла по дороге.

Аккурат до нужной подворотни, в которой наконец и смогла распрямиться, сбросив противную черную шаль вместе с избытком возраста.

– Племянница, ты была великолепна!

– Дядя, здесь и так тесно, – фыркнула Мия, быстро выворачивая плащ с черного на серый и накидывая на голову капюшон. Вот так, теперь еще алые ленты оторвать, все равно кое-как пришиты, на живую нитку, – и в карман их, нечего добром разбрасываться. Шаль – другое дело. Пусть уж ее... надоела противная тряпка.

– Я тебя жду.

Дан Джакомо честь по чести подал племяннице руку. Правда, теперь Мия выглядела чуть ли не в два раза моложе своего «старческого» возраста.

– Проводите почтенную эданну, – согласилась девушка, опираясь на дядину руку. – Когда я получу свои деньги?

– Завтра же, Мия. Завтра же...

– Как обычно?

– Разумеется.

Мия улыбнулась. Больше ее ничего не волновало.

Дело сделано, заказ выполнен.

То, что она постепенно превращалась в бесчувственное жестокое чудовище... да разве она такая? Если бы кто-то сказал ей об этом, она бы искренне удивилась.

Но ведь так оно и было. Сначала один шажок, потом второй, а потом р-р-р-раз – и покатилась! И под горку кувырком.

Сначала она убила для самозащиты.

Потом попробовала воровать, шпионить, потом убила случайно, а теперь...

На мессе!

В храме!!!

И чем Джильберта Риччарди была виновата перед Мией? Да ничем! Она просто была молода и красива, она могла занять чужое место... хотя кто определил, где то место?

Мия равнодушно и спокойно выполнила заказ. И Джакомо понимал, что она с той же милой улыбочкой, что и в храме, убьет кого угодно.

Не важно, кого, где, когда... разве что...

– Мия, а если будет заказ на ребенка?

Девушка решительно мотнула головой:

– Нет.

– Не убить. Просто похитить.

– Ну... похитить – возможно. Но убивать детей я не хочу. Неприятно как-то.

Джакомо мысленно поставил галочку и здесь. Если теоретически Мия допускает такую возможность... ну и все остальное она тоже сможет. Просто не сразу, а постепенно.

Хотя Джакомо это тоже не нравилось. С детьми сложно...

Своих у него не было, но к малышке Кати он привязался искренне, и каждые два-три дня заходил к Лаццо, поиграть с девочкой. Приносил ей сладости, игрушки, Кати узнавала его и называла «Комо». Полностью «Джакомо» она выговорить пока не могла, но ручки протягивала, обнимала, целовала...

Нет, заказы на детей он брать не будет.

Просто приятно понимать, что Мия на это способна.

Хм... не случится ли так, что рано или поздно выращенное им чудовище обернется против него? Джакомо думал над этим вопросом не слишком долго, а потом решительно ответил сам себе.

Не случится.

Ради денег Мия готова на все. А он не собирается ее обманывать, он и так получает более чем достаточно.

Джакомо улыбнулся и показал Мие на ярко украшенный пуансеттиями магазин:

– Посмотрите, эданна, какая великолепная гирлянда! Просто восхитительно...

Мия склонила голову:

– Да, пожалуй... нам бы тоже парочка таких не помешала. Надо купить, показать девочкам.

Джакомо просчитался только в одном. Мие не нужны были деньги. Ей нужно было, чтобы ее родные были живы, здоровы и в безопасности. А если ключом к этому будут деньги или чужая смерть – что ж? Пусть так и будет.

Пока она все равно полностью зависит от Джакомо...

А потом?

А потом как Бог даст, так и будет. И она последовала вместе с дядюшкой в магазин.

Гирлянда?

Восхитительно! И надо еще прикупить сладостей и поспать... после обеда они снова отправляются к Лаццо. Веселиться и праздновать.

Про убийство Мия больше не думала.

Адриенна

Гостей убивать нельзя.

Даже когда очень-очень хочется.

Даже когда чешутся руки.

Даже...

Все равно нельзя. Не полагается. Но как тут удержаться, когда эта высокомерная дрянь глядит сквозь тебя и цедит: «Милейшая Сусанночка, как вы только терпите наглую девчонку? Давно надо было выдать ее замуж...»

А эданна Сусанна вздыхает и кивает. Да-да, давно надо бы, но муж так против, что вот против... и опять же СибЛевран передается по женской линии, поэтому жених нужен подходящий. Ведь если Адриенна отсюда уедет, то замок... вы понимаете, дорогая Фабия?

Фабиана понимала.

А потому... вскоре после наступления нового года разыскала Адриенну в библиотеке.

Пока в замке были гости, девушка облюбовала библиотеку для себя. Камин тут есть, кушетка удобная, можно сидеть и читать. А если надоест, можно лежать и читать. Или считать.

Или в свое удовольствие поболтать с даном Рокко.

Но – не в этот раз. Сейчас в библиотеку прошла хозяйским шагом эданна Маньи.

– Сидите, дана? – ласково поинтересовалась она.

Адриенна подняла глаза. Да, по правилам ей следовало бы встать, изобразить поклон...

Сил уже не было. Она и так каждый день считала, когда ж эта зараза уберется?! Оставалось еще два дня, а терпения уже не было. Никакого.

– Вы тоже хотите что-то почитать, эданна?

– Я? Вот еще... для женщины это просто неприлично. И морщины могут появиться...

Было б кому чего бояться, зачесался язык у Адриенны. Но пришлось промолчать. Ей только скандала не хватало.

– Я знаю, что СибЛевран не может быть передан без вашего согласия. И хочу узнать ваши планы, дана.

Адриенна даже брови подняла от такой прямоты. Однако...

– Когда я выйду замуж, я передам СибЛевран достойному человеку. Желательно, конечно, моему родственнику.

Эданна чуточку расслабилась. Хотя и зря. Адриенна не знала, есть ли в мире еще люди крови Сибеллинов, но намеревалась поговорить об этом с Морганой. Когда вновь сможет увидеть прабабку. Не одна ведь она в мире? Пусть более отдаленные, не по прямой линии, но есть родные? Вот и пусть забирают...

– И когда же случится сие радостное событие?

Адриенна подняла брови:

– Я помолвлена. Эданна Сусанна рассказала вам об этом?

– О да, милочка.

– Но замуж не могу выйти до семнадцати лет. Таков договор.

Не совсем договор, но его величеству проще подождать пару лет, чем угробить свой единственный шанс на спасение династии. Эданна Маньи покривилась:

– Странные капризы.

– Это не каприз, это необходимое условие, – не стала точнее разъяснять Адриенна.

– Допустим... значит, еще три года.

Адриенна кивнула:

– Да. Еще три года.

– Что ж. Я это учту.

Адриенна вежливо наклонила голову. Учитывайте, описывайте, рассчитывайте... только ради всего святого, меня не трогайте! Сил никаких на вас нет!

Эданна Фабиана удалилась, шурша юбкой нижнего платья, и спустя десять минут на пороге появился Леонардо:

– Адриенна!

Каким чудом девушка не застонала? Видимо, время такое, чудесное.

– Что случилось?

– Фабиана была здесь?

– Да. Была. Спросила про наследование СибЛеврана. Ушла, довольная ответом, – ровно сообщила Адриенна. Можно и заорать. И запустить в голову Леонардо стаканом вишневого взвара. Только вот потом все равно отвечать придется. А времени у нее съедят не в пример больше.

Леонардо кивнул. Но вместо того, чтобы уйти, присел на кушетку.

– Адриенна... мы так и не поговорили...

– О чем? – почти стоном вырвалось у Адриенны. Книга легенд виркангов откладывалась на длительное время.

– Я собираюсь жениться на Фабиане.

– Да.

– Ты... ты не жалеешь?

Адриенна даже подняла брови.

Она? После знакомства с Лоренцо? После всего, что было? Да ни секунды! Наоборот, радуется! Но произносить это вслух не стоит. Вот

ведь как...

– Ты подло поступил с Анной.

– С тобой я бы так не поступил. Она всего лишь дешевая девка...

– Хм. Ты знаешь, с кем я помолвлена. Ты рискнул бы навлечь на себя гнев его отца?

Леонардо замялся:

– Ну...

– Не решился бы, – подвела итог Адриенна. – Меня могли бы и пощадить... запереть в монастыре, к примеру. А тебя бы точно казнили.

Леонардо потер шею, словно к ней уже примерялся палач.

– Ну...

– Делаем вывод. Ты намеревался и влезть на елку, и не уколоться. Каким образом? Не знаю. Но будущего у нас с тобой быть не могло.

Леонардо вздохнул:

– Я бы постарался, чтобы ты не пострадала. Честное слово.

Адриенна посмотрела почти с жалостью. Вот ведь... убогий!

– Так же как Анна? Леонардо, мне тебя очень жаль, но поверь, с эданной Фабианой тебе будет хорошо. Она неглупая и хозяйственная.

А еще справится с тобой и будет держать в узде. Но об этом пока помолчим. Мужчины к такому очень негативно относятся. Непонятно почему, но факт.

– Она старая и страшная.

– Зато с деньгами. И тебя любит. А я не люблю. И денег у меня нет. Ты сам видишь, СибЛевран небогат, а чтобы он приносил доход, здесь надо жить. О нем надо заботиться. Ты этого не сможешь и не захочешь, тебе нужна столица. Это тебе может дать она. Не я.

Эданна Сусанна, которая притаилась под дверью библиотеки, довольно кивнула.

Надо бы что-нибудь подарить девочке. Хотя бы платок, что ли? Она нашла правильные слова, подходящие...

– Ты могла бы...

– Жить в СибЛевране? Ты бы приезжал, делал мне ребенка и возвращался в столицу? Леонардо, я помолвлена...

Дан Манчини только вздохнул:

– Не поверишь, но мне жаль.

– Почему же. Верю, – согласилась Адриенна. Только вот ей жаль не было. Она радовалась.

Господь отвел ее от негодяя. И лучше тут никак не скажешь.

Леонардо встал и вышел. А наутро сияющая эданна Сусанна и такой же довольный дан Марк поздравляли их с эданной Фабианой.

На пальчике Фабианы поблескивало изумрудом колечко.

Помолвка состоялась. А вот свадьба будет осенью.

Эданна решительно хотела быть осенней невестой. Это для плодородия полезно и важно. И вообще... хочется!

Адриенна не спорила. До осени она Леонардо потерпит. Но какое ж это счастье – избавиться от непрошенных гостей!

Теперь надо готовиться к свадьбе.

* * *

Эданна Франческа чувствовала себя отвратительно.

Идешь ты по дворцу, а тебя вдруг хватают – и на лицо опускается отвратительно воняющая тряпка. Вдох, другой – и ты теряешь сознание, не успев даже вскрикнуть.

А когда ты приходишь в себя...

Наверное, есть такие люди, которые счастливы оказаться в пыточной.

Повисеть на цепях, полюбоваться на «железную деву», сунуть пальчики в тиски или ножку в «стальной сапог»^[19].

Такие люди есть, их называют мазохистами, но не в этом времени. А что до эданной, она вообще таких развлечений не понимала. Посмотреть на публичную казнь? Что ж, это можно. А вот поучаствовать – простите. Не хочется. Тем более в главной роли.

А, кажется, придется.

Палач здесь, его подручные здесь, сама эданна сидит голая, как палец, зато во рту у нее кляп... она даже сказать ничего не может.

И есть подозрение, что ее не станут слушать. А жить так хочется...

Эданна замычала, но палач даже головы к ней не повернул, продолжая обсуждать, что лучше. Плеть или кнут. Или хлыст взять?

Тоже хороший вариант, главное, уточнить пожелания клиента. А то, может, ему захочется...

Если дану возвращать не придется, то ее можно и того... по кругу. И не раз, вон какая холеная...

Через полчаса Франческу уже трясло.

Но с появлением «клиента» легче не стало. Его величество Филиппо Третий смотрел так, что эданну затрясло еще сильнее.

А уж когда он сделал палачам знак удалиться и брезгливо, двумя пальцами, выдернул у эданной кляп, та минут десять и слова не могла сказать.

Кое-как шевелила онемевшей челюстью и пускала слюни.

Его величество хмуро наблюдал за этим процессом. Радовало одно: хоть не обгадилась. Но возможно и такое... просто все еще впереди.

Наконец эданна решила, что может говорить:

– В-ваше велич...

– Гадаешь, зачем ты здесь?

Франческа кивнула. Благо голову ей не привязали намертво.

– Д-да, ваше...

– Правильно гадаешь. Ты что о себе возомнила, подстилка?

Эданна захлопала глазами.

– Ты решила, что можешь моим сыном вертеть, как пожелаешь? В государственные дела лезть? А если ты сейчас исчезнешь? И никто не узнает?

Ческа замотала головой что есть силы. Могла бы – на колени упала.

– Государь! Умоляю!!!

– Я, конечно, искать тебя буду. Не найду. А сын погорюет да и утешится. Заменить тебя несложно, поняла? Еще раз ты попробуешь что-то моему сыну не то сказать... ты поняла?

Франческа закивала.

Его величество недобро усмехнулся:

– Запомни. Таких шлюх, как ты, – много. А чтобы память лучше была...

Дверь пыточной открылась. Палачи и их подручные, всего шесть человек, вернулись обратно.

Мия

Угрызения совести Мия испытывала нечасто. Но сейчас вот...
Заболела Джулия.

Началось вроде бы и несерьезно, девочка холодного миндального
молочка выпила, бывает...

А к вечеру она уже металась в горячке. И не помогали ни
припарки, ни компрессы... ничего не помогало.

Встревоженный Джакомо послал за лекарем.

Ньор Марио Рефелли себя ждать не заставил. Прибыл, осмотрел
девочке руки и грудь, приоткрыл горло, покачал головой:

– Дана, ну разве можно так беззаботно...

– Что именно? – недобро уточнила Мия.

– Девочка сильно простужена. Наверняка она играла во дворе, а
потом выпила что-то холодное – и готово дело. Случилось воспаление
белой желчи...

Белой там или зеленой – Мия разбиралась слабо. Но на Барбару
посмотрела без всякой симпатии:

– Мы тебя зачем нанимали?!

Барбара сделала шаг назад.

Вот скажи кому, что малявки испугалась? Смешно же! Что может
сделать та же Мия? Да ничего... дана она и дана, просто живет
свободнее других, и дядя ей сколько всего позволяет... не след бы так.

А как посмотрит – аж мороз по хребту бежит! И жутко
становится! И...

Словно смерть из глаз выглянула. Красивых, карих... ледяных.

Спас служанку ньор Рефелли. Заговорил, и Мия отвела взгляд.
Барбара тут же удрала подальше от греха, на кухню... ведь, ей-ей,
убьет и глазом не моргнет!

– Дана Мия, я оставлю траву. Ее надо заваривать и поить девочку.
Оденьте ее потеплее...

– Она и так вся горит!

– Вот и прекрасно. Знаете, как тушат пламя?

– Как?

– Встречным огнем.

Мия кивнула:

– Хорошо, ньор Рефелли. Поить травами, закутать потеплее...

– Кормить бульоном. Поить горячими соками, все только горячее,
чтобы внешний огонь выжег внутренний.

– Сседить дурную кровь не надо?

Ньор Рефелли качнул головой:

– Желчь не сразу проникает в кровь. Если на третий день не станет легче, тогда попробуем.

Мия кивнула:

– Спасибо, ньор. Какие еще будут рекомендации?

– Пожалуй, это все. Если девочке станет хуже, посылайте за мной.

– Хорошо, ньор Рефелли.

Мия проводила лекаря. Вернулась в дом – и первое, что сделала, это отвесила пощечину служанке. Барбара ахнула, схватилась за щеку.

– Молись, дура, чтобы моя сестра выздоровела. Если она умрет, и ты на этом свете не удержишься.

Дана Оливия промолчала.

Слышала она кое-что про дана Джакомо. Про очаровательного, милого, любезного дана. И твердо считала, что лучше со всеми змеями Эрвлины поссориться, чем с одним даном Феретти.

А что до его племянницы...

Видимо, яблоко от дерева недалеко упало. Недаром же дана и ее дядя неразлучны. Пошлые мысли в голову даны Оливии не приходили, к ее чести и уму. А вот остальное...

Лучше не рисковать.

Так что она взяла залившуюся слезами Барбару за руку и вывела из кухни, где Мия отдавала распоряжения по заварке трав.

– Иди-ка ты к себе. И посиди там, не мозоль глаза. И как ты так не уследила?

– Да разве ж за ними угонишься? Нанимали б двоих, – проворчала служанка, которая в глубине души признавала правоту Мии. Небось в деревне за восемью следила – живы и здоровы были. А тут не справилась...

Дана правильно ругается. Но уж больно обидно...

* * *

Мия сидела у кровати сестры. Уход за ней она решила никому не доверять. Вот выздоровеет Джулия, тогда можно будет жить дальше.

А если умрет?

Мию мучили угрызения совести.

Рядом присела Серена, подсунулась Мие под руку.

– Миечка...

Мия погладила темные волосы сестренки.

Если они с Энцо были копиями матери, то Серена и Джулия удались в отца. Обе темноволосые, сероглазые, с симпатичными личиками... настоящими красавицами им, может, и не бывать. Но девушки вырастут очень приятные.

Носики аккуратные, лобики высокие, бровки словно нарисованные, да и глазки вполне себе большие. Симпатичные девочки.

Только вот Джулия – выживет ли?

– Все будет хорошо, Рени. Все будет хорошо.

– Джу тоже умрет? Как мама?

– Нет, Рени. Я о ней позабочусь, и она не умрет. Обещаю.

– А мама умерла. И папа тоже...

Что могла сказать на это Мия?

– Так случается, Рени. Так просто случается. А вот мы с Энцо живы, и дядя жив, и мы вас любим.

– И тетя Кати умерла.

– Зато Мария жива, и малышка Кати у нас появилась, – напомнила Мия.

– Все равно мне страшно, – честно призналась Серена.

Мию еще раз укусила совесть.

Вот убивала – не страдала. Подумаешь, ерунда какая, человеком больше, человеком меньше. А сейчас так и свербит, так и вымазживает душу...

Мама умерла. И Мия должна была ее заменить. Обязана. А она решила, что служанки-учителя-няньки могут заменить родных и близких. И занялась своими делами.

Сколько раз она заходила к девочкам?

Сколько с ними разговаривала? А ведь могла бы, могла...

Не делала. И оправдания тут нет. Хоть бы полчаса выкроила, авось не переломилась! Но Мия решила, что важнее заработать денег.

Для кого?

Вот они, деньги. Лежат себе, кушать не просят. А вот сестра. Лежит и бредит. И просит пить.

С другой стороны, без денег тоже плохо.

И где тут золотая середина?

Мия этого не знала. Но Серену прижимала к себе, и успокаивала, и убаюкивала, и когда малышка уснула, кое-как укрыла ее прямо в кресле.

Переложить?

Так девочка уже немаленькая, двенадцать лет почти. Джулии десять с половиной, и весят они обе соответственно. Мия просто не поднимет ни одну, ни вторую...

Может перевернуть, обтереть влажной тряпкой, напоить – и сидеть дальше.

* * *

Джакомо заглянул после полуночи:

– Мия, как она?

– Бредит. Не спит, – отозвалась Мия.

– Попробуй подремать прямо здесь. – Джакомо подтолкнул девушку к кушетке. Подумал, подвинул кушетку так, чтобы та была поближе к кровати... – Вот. Возьмешь ее за руку – и попробуй подремать. А я пока посижу.

– Дядя?

Джакомо даже головой покачал:

– Мия, я не человек уже?

– Ну...

– Пороть тебя надо. Да поздно уже, – проворчал Джакомо. – Я же понимаю, что никому постороннему ты сестру не доверишь, Мария придет только завтра, а ты к тому времени сама свалишься от усталости. И толку будет чуть. А так я с ней посижу, а ты поспишь. И с утра будешь бодренькой. И завтра к вечеру я с Джулией посижу. Вот этим поить?

– Да, дядя. Только она глотает плохо, ей надо горло массировать...

– Справлюсь. Давай ложись...

Джакомо посмотрел, как племянница неловко опускается на кушетку, как берет сестру за руку, покачал головой.

Ладно... в чем-то Мия была права, он здесь не из благородства ошибался. Вот еще!

Если дан, так и дурак? Не дождетесь!

Все намного проще!

Джулия тоже может быть метаморфом, как и Мия. И тогда две девочки будут куда как лучше одной. Есть повод ее выхаживать. Это первое.

Мия должна быть не просто привязана к дяде деньгами, она должна быть еще и благодарна – это второе.

Ну и, конечно, не стоит выматываться. Мало ли что? Это третье.

А еще... даже если допустить самый худший вариант, Мия все равно будет ему благодарна. И это тоже правильно.

За все это посидеть чуток с больным ребенком? Ничего страшного. Пусть Мия поспит. И Джакомо уверенно принялся вливать Джулии в горло горькую траву.

Никуда ты не денешься, маленькая, все ты выпьешь. И выздоровеешь. Обязательно...

* * *

Энцо прибыл на следующий же день.

Энцо, Мария, Мия, Джакомо, Серена – все, сменяя друг друга, по очереди сидели у постели Джулии. Слуги помалкивали. Оценила даже Барбара, которая хоть и была обижена на Мию, но признала, что дана сестричку свою действительно любит.

Она-то, Барбара, думала, дане и дела нет, а поди ж ты!

И сидит, и бережет...

И даны, и ньюра Мария... ладно еще последняя. А даны-то?

Неприличие? Лучше уж помолчать. А то можно потом и костей не собрать. Дана Джакомо в доме все же побаивались. Вот ведь странность? Вежливый, воспитанный, учтивый, а слуги искренне старались дана не раздражать. И стороной обходить при случае. Страшновато как-то... а он вроде как ничего такого и не делает, и не говорит, и вообще... и хозяин хороший, и жалованье не задерживает...

А все ж... вот так!

Вот сосед, дан Имальди, тот и тарелками в прислугу швыряется, и лавочнику задолжал за три месяца, и собак может спустить на какого посыльного, а все равно к нему слуги относились теплее, чем к дану Джакомо. Странно?

Но тем не менее факт.

Мия над этим не думала. И на мнение слуг ей было плевать.

Спустя два дня у Джулии прошел кризис. И присутствовавший при этом ньор Рефелли от души порадовался за девочку.

Теперь-то выживет, никуда не денется...

Только поить ее побольше, чтобы дурные соки из тела выходили, бульончиком кормить, лучше рецепта, чем куриный бульон, сливки и красное вино, еще не придумали.

Так и поступили.

А Мия еще кое-что взяла себе за привычку.

Теперь она обязательно хоть полчаса в день, но проводила с сестрами. И с Энцо поговорила. Мальчишка поворчал, но начал раз в три дня приходить к малышам.

Все же они друг у друга одни. Других не будет. Вот и нечего разбрасываться.

Глава 11

Адриенна

Гонец летел по заснеженной дороге.

Конь под ним горячился, хороший конь, нравный, но быстрый...

СибЛевран... и надо бы поторопиться.

И так гонец задержался из-за сильного снегопада... Его величество поймет, конечно, но гневаться все равно будет. С другой стороны, это не срочное донесение, это обычное письмо, обычный пакет, сколько он таких развез...

Опять метель начинается.

Успеет ли он добраться до какого-нибудь постоянного двора?

Маленькое удовольствие – ехать в такую погоду...

Прилетевшего арбалетного болта мужчина и не увидел. Только боль в груди вспыхнула...

Заржал конь, сбрасывая неподвижного всадника и уносясь дальше. Из метели выступила фигура.

Не мрачная, не зловещая... просто деловитая. Которая подошла к гонцу и принялась обшаривать его карманы.

Ты можешь быть даном, и гонцом, и можешь быть облечен доверием его величества.

А убить тебя могут самые обычные разбойники. Арбалетной стрелой.

Правда, они стараются не связываться с королевской властью, но иногда... иногда и у разбойников нет выбора.

Так что скоро, очень скоро атаман Винченцо сидел у костра, перебирал между пальцами янтарные бусины ожерелья и читал коротенькие строчки.

А в строчках было много чего интересного.

Его высочество писал дане Адриенне СибЛевран, поздравлял с Рождеством и выражал надежду, что та здорова и благополучна.

Его высочество.

Провинциальной дане... хм-м-м-м?

А интересно ведь... атаман подозвал своих подручных и приказал разузнать о ней все, что можно.

Это было несложно, кто знал, кто слышал, кто и бывал... так что вскоре Винченцо уже знал и про СибЛевран, и про тех, кто в нем живет.

И про намечающееся торжество в том числе.

* * *

– Говоришь, свадьба? Это хорошо, это правильно...

Свадьба – это веселье, пьянка, гулянка... и хоть ты охрану к воротам прибей, все равно должного усердия не добьешься. Хоть ты с ними что делай!

Этим и собирался воспользоваться атаман Винченцо.

После неприятных событий осенью атаман потерял много людей. Кто был убит, кто ранен, кто ушел из шайки. А кушать-то хочется... и хорошо жить тоже. И плечо болит до сих пор... зараза!

И авторитет укреплять надо, что это за атаман такой: чуть что – и в обморок! Вот шайка и разбегается кто куда.

А когда народу мало, на серьезную добычу не нападешь, нет. Остается всякой мелочью довольствоваться, да много ли с мыши шерсти настрижешь? Уже, считай, не удачливый атаман, а так себе, атаманишка...

Так, глядишь, и под руку к кому придется идти. А новый атаман, как оно у «лесных братьев» и полагается, старого прирежет. Два волка в одном логове не уживутся, это уж завсегда так.

Винченцо нужно было серьезное дело. Тут-то и услышал он о СибЛевране.

Все сложилось один к одному, и гонец, которого все равно подстрелили, и эданна Фабиана, которая ехала из замка и остановилась на ночлег на том самом постоялом дворе. «Яблоко в вине».

А слуги...

Слуги всегда болтают. У них такая работа.

Вот и выяснилось, что в замке свадьба, в замок приехал дан Каттанео, богатый, привез обоз с продуктами, с деньгами, с разными приятными и полезными вещами... а вот охраны при нем, считай, и

нет. Всю услал в деревню. Пока та охрана добежит, Винченцо три раза весь замок не то что захватит, еще и вырежет.

Стоит попробовать?

Всенепременно стоит!

Искать его будут? Будут, конечно... но ведь и так ищут! И так и этак повесят, а то и чего похуже придумают, скажем, колесование с четвертованием... могут!

Так что...

План был прост.

Провести двух-трех своих людей в замок, пусть сидят тихо. Или вообще самому пройти. Как пирушка начнется, так они ворота и откроют. А там уж...

Там Винченцо и возьмет все в свои руки!

Там он и развернется!

Замок выгребет дотла, подожжет и растает в ночи. Деньги там быть должны, ему хватит! И на зимовье, и даже...

А кто знает?

Винченцо тоже не мечтал всю жизнь разбойничать на дорогах. Ему бы куда в свой дом, свое дело завести, жену, детей...

Не трактир, как тому же Косте, который, кстати, свою мечту и выполнил. Паскуале тогда отпустил его с деньгами, Коста и ушел. До зимы, считай, где шел, где с попутчиками ехал, и осел в деревне подальше от этих мест. Нашел себе вдовушку, сговорился... по весне и свадьбку сыграть собирались.

Но то – Кость.

А атаману такого мало было! Что ему та деревня?

Что те ньюры?

Ему хотелось в город! Хотелось блистать. Хотелось быть принятым при дворе – что удивительного? Почему он не может выдать себя за дана? Дан Винченцо Кастелло, к примеру? Если хватает денег, кого интересуется твоё происхождение?

Хотелось-то многого. Осталось только воплотить свои планы в жизнь.

СибЛевран, говорите?

Отлично! СибЛевран...

Замок не знал ни о чьих планах.

Замок готовился к свадьбе. Да-да, замок тоже, не только его обитатели.

Замок чистили, украшали, в замке появились музыканты и шуты... этих пригласили из деревни.

Летом бродячие менестрели встречаются на дорогах, ярмарках, торжествах... да где их только не встречаешь весной, летом, осенью...

Никто не задумывается, где они проводят зиму. То время, когда легко замерзнуть, когда не переночуешь в поле, не проживешь денек без еды – завтра найдется что-то...

Зимой менестрели стараются не гулять.

Зимой они просят приюта в деревнях и селах, в трактирах и на постоянных дворах. У кого-то есть деньги, и он договаривается повыгоднее, у кого-то нет...

Тогда приходится либо отрабатывать музыкой, либо чем-то еще... чистить навоз сумеет даже великий певец. Не нравится?

Иди ищи что-то получше. Никто не держит.

Зимние вечера – длинные, люди собираются в трактиры, в общинные избы, и везде их надо развлекать. Вот и получается у менестрелей пережить зиму.

В СибЛевран никого не приглашали.

Раньше.

Но ради свадьбы? Адриенна приказала посмотреть по окрестным деревням и привести, кого найдут. Нашли четырех человек – скорее всего, этого хватит. А если нет – придется вынести побольше вина.

Слуги сбивались с ног, на кухне готовили и готовили...

Зимняя свадьба – это хорошо. Можно многое сделать впрок, и ничего не пропадет. Летом с этим сложнее, да и осенью.

Впрочем, Леонардо не будет праздновать свою свадьбу в СибЛевране. Об этом Адриенна уже уведомила эданну Сусанну.

Та попыталась возразить, но наткнулась на самый жесткий аргумент из возможных.

Деньги.

Дан Каттанео целый обоз прислал. А эданна Сусанна заплатит за сына? Ах нет? Простите, но СибЛевран не может себе позволить такие траты. И так с рыбы на воду перебиваемся... из своего пруда.

Дан Марк покривился, но спорить тоже не стал. Дорого. Ох уж это страшное слово, с которым он познакомился благодаря второй супруге.

Ах, как же дорого исполнять все капризы супруги...

И вообще... лично дан Марк предпочитал тишину и спокойствие, уединение и уют... вот с любимой супругой в спальне, к примеру. А тут – ни покоя, ни отдыха...

Невесте перед свадьбой положено сидеть и переживать? Думать о женихе, вышивать ему рубашку или что там еще нужно, к примеру, расшивать гульфик драгоценными камнями.

Джачинта такими глупостями не занималась.

Они с Адриенной в эти дни не расставались и носились по всему замку, от одного Очень Важного Дела к другому, из одного угла в другой... замок перетряхивался от чердака до подвала.

Если бы не Джас, Адриенна никогда не смогла бы и половины сделать. Просто не знала бы, за что сначала взяться.

Вести хозяйство? О, с этим она знакома. Но организовать праздник? Свадьбу?

Да еще для аристократов? Это намного сложнее... даже если речь идет о захолустном замке. И каким образом умудряются распространяться слухи?

Адриенна не знала, но опозориться было нельзя.

– Дана Риен? – отвлек ее дан Рокко. – Прилетел голубь от его величества.

– Голубь? От его величества?

Адриенна протянула руку. Конечно, птицу ей не принесли, а вот кожаную трубочку с лапы голубя – да. Нераспечатанную.

Адриенна скovyрнула ногтем капельку воска и достала тоненький свиточек.

Прочитала, качнула головой, протянула дану Рокко:

– Напишите ответ, дан.

– Дана?

– Там ничего личного.

Все верно, письмо содержало лишь один вопрос: добрался ли гонец?

Адриенна удивленно поглядела на дана Рокко:

– Разве что-то такое было?

– Нет, дана.

– Тогда?..

Дан Рокко качнул головой. Ребенок, какой же дана еще ребенок...

– Дана Адриенна, если его величество отправлял к нам гонца, тот должен был вернуться. И если прошли все сроки...

Адриенна кивнула:

– Напишите, что гонца не было. Все равно голубиная почта...

То есть непонятно, кто пишет. Голубь же птица не слишком крупная, лист пергамента он не унесет, только клочок, на котором поместится от силы несколько слов, нацарапанных крохотными, для экономии места, буквами. Голубю все равно, король там, не король, у него грузоподъемность небольшая, это не страус.

Дан Рокко кивнул и отправился писать.

Адриенна тут же выкинула все это из головы. Некогда. Не до того.

– Белье? Джас, а что у нас с бельем?

И снова – хлопоты, хлопоты, хлопоты...

* * *

– Возлюбленные чада мои, сегодня мы собрались здесь, чтобы...

Падре Санто светился от радости. Приятно же, когда тебя приглашают по такому поводу!

Свадьба! Это всегда радость. А еще хорошая оплата и подарки. От хозяйки замка – отрез добротного сукна на мантию. От невесты, по традиции, пирог, от жениха еще один кошель с деньгами... и, судя по весу, он не поскупился.

Приятно...

Так что падре венчал пару, аж светясь собственным светом от удовольствия.

Да и посмотреть приятно!

Всякое случается, кто любит, кто не любит, для кого брак и вовсе каторга... видел падре и такое. И невеста стоит чернее тучи, и жених бывает... хоть ты им ворон на огороде распугивай. Понятно, что он все равно обвенчает, кого скажут, но разве в этом много приятного?

А тут-то как хорошо!

Жених светится от счастья, невеста кажется ангелом – тоже явно счастлива. И сын ее счастлив, и отец... да и все, кто смотрит... вот даже самые завистливые сейчас рады. Потому что такое пачкать – это как на алтарь нагадить. Остается только прижать хвост и порадоваться.

До чего ж они хороши!

И как смотрят друг на друга!

Пусть жизнь их будет долгой и счастливой, а брак радостным и плодовитым!

Так что падре Санто тоже улыбался. Радость угодна Богу, а уж такая – вдвойне.

А потом был пир.

И целовались жених с невестой, и лилось рекой вино, и... и падре Санто, слегка перебрав, напился и заснул прямо за столом. С кем не бывает?

А вот утро выдалось не слишком радостным...

* * *

Адриенна не пила.

Ни капельки. Вообще ничего. Она обнаружила недавно, что ей не нравится вино. Вот просто – не нравится вкус. И все.

Неважно, белое, красное, разбавленное, с медом, с сахаром...

Если там есть вино – ей неприятно.

Наверное, объяснить это могла бы Моргана, но где прабабка – и где Адриенна? Та не ответит...

Поэтому Адриенна на пару с Анжелло пила из специально поставленного для нее кувшина вишневый компот. По цвету почти то же самое. А радовалась и веселилась она и без всякого вина.

Хорошо, когда вот так все складывается. И Джас не боится.

Адриенна от нее узнала подробнее, что происходит между мужчиной и женщиной. Но все равно... страшновато. А ей нет. Она знает, что ей никто не причинит вреда...

Вот у Адриенны такой уверенности нет. И выбора тоже нет. И думать о грустном не хочется.

Только вот не получается...

Адриенна пронаблюдала, как дан Каттанео уносит Джачинту Каттанео в специально отведенные для них покои, как запирается за ними дверь, отдала засыпающего Анжело в заботливые руки Розы – и кивнула дану Рокко:

– Я пройду. Хочется воздухом подышать.

– Вас сопровождать, дана?

– Кто причинит мне вред в моем же доме?

Адриенна накинула капюшон и вышла на улицу.

В замке было весело и шумно. А тут – тишина...

Никого, ничего... Адриенна прошла мимо сторожевого пса – наелся и спит.

Минуту?

Дар девушки сбоев не давал, и она приспособилась тренировать его на животных, в том числе на собаках. Собаки тоже думают, чувствуют, видят сны... самые разные, от приятных до кошмарных. Это знает любой, кто хоть раз общался с собаками.

А сейчас что?

Тишина.

Мертвая собака принимает такую позу, что кажется спящей.

Адриенна шагнула вперед, прислушалась, уже уверенно толкнула собачью тушу носком ботинка. Мертв.

Закричать? Или...

Не успела.

Из темноты выступила фигура высокого мужчины.

– Дана Адриенна, – чуточку с издевкой произнес он.

Адриенна и не шелохнулась. Разве что бровь подняла:

– Зачем вы отравили мою собаку?

Атаман Винченцо, а это был именно он, даже чуточку смутился от ее тона.

Да-да, сам атаман лично пожаловал в замок. А больше послать особенно было и некого. Его люди хороши, конечно, но... это уже не те люди и не та шайка. Те, кто поумнее, удрали. А с остальных...

Может, они и сделают все правильно. И в нужный момент отравят собаку, откроют калитку...

А может, и нет. Поэтому Винченцо лично прибыл в замок под видом менестреля. Благо петь он умел неплохо, внешность подходила,

в лицо его никто не знал (выживших не было), да и чего б не рисковать? Особенно когда и риска серьезного нет.

За несколько дней он успел наглядеться на всех обитателей замка.

Дан Марк – тряпка и приживал.

Эданна Сусанна – шлюха придворная... но аппетитная... ее Винченцо, если что, оставит для личного употребления... дня на три. Потом все равно ребятам отдаст.

Леонардо? Слякоть.

Дан Каттанео? От этого можно ожидать серьезного сопротивления, но у него баба... вот если ей нож к горлу или ее выщенку, тут он и сломается, видал Винченцо таких.

Дан Рокко? От щелчка улетит, как жив-то еще, болезный?

Адриенна?

Девчонку Винченцо вообще в расчет не принимал. Сопля еще, чего на нее смотреть? Ну, бегают, ну, по хозяйству чего-то там крутит... только что с того? Она и меч-то не поднимет! Пф-ф-ф-ф-ф-ф!

А тут стоит, и в глазах у нее... любопытство? Но ни капельки страха. Вообще. Почему?

А Адриенна действительно почему-то не боялась. Вообще: стояла, склонив голову, смотрела.

Разбойник. Безусловно, разбойник. И в замке, что плохо. А ей не страшно. Вот совсем... она потом еще разберется, почему так.

Винченцо шагнул вперед, доставая из ножен на поясе хороший такой кинжал. Острый, хищно блестящий.

– Будете умницей, дана, останетесь жить. Будете умницей? Вот, и кричать не надо. Ни к чему...

Адриенна подняла брови. Теперь уже обе.

– И что же вы планируете, раз говорите такие глупости? Открыть ворота своим друзьям? Ограбить замок? А заодно перерезать всех, кто здесь присутствует? Наверняка...

И по удивлению поняла: угадала! Попала в точку!

Покачала головой:

– Его величество этого не простит.

– Ничего, два раза не казнят. – Винченцо сделал еще шаг вперед. – Иди сюда. Ну!

Не так уж ему и нужно было, чтобы дана подошла. Но сразу убивать ее не хотелось. Она еще годится побаловаться.

Опять же мало ли где и какие тайники? Девчонка их тоже знать должна, а расспрашивать бабу всегда проще, чем мужика. Мужиков ломать приходится, иногда часами, а бабе только под подол полезь, она сразу визжит, да еще и умоляет не трогать.

Вот еще экое сокровище...

Потом сами бегают, добавки просят...

Кинжал грозно заблестел в лунном свете.

Адриенна вздохнула. Вообще, она давно хотела проверить одну свою теорию. Просто не на ком было, но сейчас... сейчас она ничего не потеряет.

Сколько сообщников у этого негодяя? Где они? Адриенна не знает. Но закричать ей точно не дадут, просто убьют сразу. Она жива потому, что с ней хотят еще и поиграть напоследок. Неутешительно, зато честно. И единственное, что она может сделать...

– Не смейте меня трогать...

Девушка выставила ладонь вперед, словно пытаясь ею защититься от удара.

Винченцо даже хихикнул про себя.

Говорите, не каждая баба – дура? Врете! Каждая, он еще умных не встречал! Она что, надеется его остановить таким образом? Смешно даже! Нелепо как-то! Ну да ладно, главное – не орет!

Сейчас он ее...

Каким образом лезвие кинжала встретилось с рукой девушки, Винченцо так и не понял. Он ли неловко взмахнул рукой, она ли повернулась...

Нет, не понять.

Но на снег упало несколько капель темной, почти черной крови.

– Ай! – Дана совсем по-детски поднесла ладошку ко рту, слизывая капли.

Винченцо протянул к ней руку, намереваясь... он и сам пока не знал, что именно с ней сделает... что-то!

Притянуть к себе, оглушить, связать... ну и полапать чуточку...

А потом...

Потом пришла БОЛЬ.

Внезапная. Жестокая, острая, пробившая все тело от головы до пяток... и Винченцо закричал.

Заорал так, что звезды на небосклоне дрогнули и шарахнулись в разные стороны. И был для этого повод... кто бы не заорал, видя, как по коже руки бегут страшные кровавые язвы, как расползаются они во все стороны... и под одеждой происходит то же самое...

Он-то чувствовал.

И кричал, кричал...

Последним, что он увидел гниющими глазами, был выпавший из ослабевших рук кинжал. И носок сапожка даны, который наступил на него...

* * *

Адриенна могла больше не стараться. Чего орать?

Разбойник сам орал так, что на шум высыпали все. А кое-кто...

– Хватайте его!!!

Темную тень, которая отделилась от толпы, метнулась к калитке, Адриенна заметила сразу. Что ж, разумно. Это был единственный выход для негодя – потом прибывших на свадьбу перетрясут, допросят и, конечно, его найдут. А если сейчас, пока народ стоит и смотрит на тело второго негодя, сбежать...

Хоть какой, но шанс.

Бросились в погоню те, кто соображал лучше... догнали уже у калитки, сбили с ног, слышались хэканье и звуки пинков.

– НЕ УБИВАТЬ!!! – надсаживаясь, заорала дана.

Услышали.

Поволокли к ней...

– Дана Риен?! – примчался дан Рокко.

Леонардо уже на ногах не стоял, дан Марк и Сусанна уединились в его покоях, а остальные...

Слуги и слуги. Их работа слушаться, а не рассуждать, хотя сплетни все равно пойдут... ну да ладно! Под одеждой ничего толком и не видно...

– Все в порядке. Вот этот и еще один хотели кого-то впустить в замок, – Адриенна указала носком сапожка сначала на тело в снегу, потом туда, откуда волокли второго негодя. – Сейчас доставят... и предлагаю переместиться... да вот хотя бы в часовню. Расспросим...

Ну да.

В замке сейчас царило веселье, всем было не до того... да и чего в замок дохлятину тащить? Даже если эта дохлятина пока еще жива? Адриенна в судьбе второго негодяя не сомневалась. Жалеть его, что ли? Вот еще не хватало! Расспросить – и в расход.

Ах, невинный человек?

Да где вы среди разбойников невинных видели? Такая же мразь, также над людьми издевался, также убивал, грабил, мучил... и сюда пришел не книжки почитать. Что он – не понимал, что вырежут всех? Да преотлично соображал! И был с этим согласен...

Повесить – и все тут. Но для начала расспросить.

Слуги приволокли мерзавца, бросили в снег у ног Адриенны. Девушка задумчиво потыкала носком сапожка и в него.

– Не сдох?

– Нет, дана. Живой...

– Тащите в часовню. И связать не забудьте. И вот это тоже...

Сама Адриенна подобрала нож, повертела в руках.

Нож, м-да.

Кинжал. Хороший, из качественной стали, уж настолько-то она разбирается. А еще – дорогой. С гравировкой, богато украшенный... не булат, но тоже не из простых.

Получается, что и разбойник из крупных? Из первых подручных главаря? Так, что ли?

Абы у кого такого добра не будет. Или пропьют, или проиграют... разбойники – они ведь одним днем живут. Много – двумя.

Знают, завтра могут в землю лечь, вот и не откладывают, все тратят. А вот кто поумнее... те да, копят. Но те и в рядовых не ходят, быстро выбиваются или в главари, или в подручные...

В часовне слуги свалили рядом и разбойника, и труп, при виде которого связанный дико завращал глазами, заскулил, попытался отодвинуться... из-под него поползло вонючее пятно...

Адриенна поморщилась.

Впрочем, атаман Винченцо и правда был неаппетитным зрелищем. Язвы, язвы... вид у него был такой, словно он последние двадцать лет проказой болел. Только что уши и нос не отвалились... а так...

Увидь такое Адриенна — бежала бы без оглядки. С криком омерзения. Даже впереди своего крика.

Дан Рокко хмыкнул. Он-то такое уже видел, но комментировать не стал. Он догадывался, что произошло.

— Дана, вы ранены.

— Это... так. Царапина, — показала ладонь Адриенна.

— Промыть, перевязать...

— Не надо. Какое-то время подождет — успокоила его дана. — Лучше пока... пока вот это в нужном состоянии...

Дан Рокко признал ее правоту и присел рядом с разбойником:

— Имя?

— Крыс...

На крысу негодяй действительно был похож. Серенький, какой-то остролицый...

— А имя, не кличка?

— Ньор Микеле Бьянко, — с трудом вспомнил разбойник.

— А это?

— Атаман Винченцо.

— Вот как? — Дан Рокко даже присвистнул. — Дана, это мы хорошую птицу поймали! За него награда назначена.

— Большая?

— Сто лоринов.

— Ну, хоть какой клочок с паршивой овцы. — Отказываться даже от небольших денег Адриенна не собиралась. К тому же — почему небольших? Арайца купить можно! — Потом отвезем в город, пусть выплачивают.

— Что вы здесь делали? Хотели ворота открыть?

Крыс поежился:

— Я что... Мне атаман сказал...

Адриенна с отвращением посмотрела на него.

— Дан Рокко, может, сразу его в пыточную? И пятками в костер?

Пятками Крысу точно не хотелось. Так что допрос пошел, хотя и медленно.

Адриенна все правильно угадала. Атаман собирался именно что ограбить замок. Взять крупный куш, а то шайка последнее время захирела. Считай, новичков никого, удачных дел мало, всякую мелочь грабили, зимовку по деревням и то окупить не удавалось.

Вот атаман и решился.

Свадьба же...

Да еще королевского гонца перехватили, все одно к одному...

— А что бы с вами его величество сделал? — ласково уточнила Адриенна.

Крыс только что плечами пожал.

До Бога высоко, до короля далеко, авось и не дотянется. Открыл бы атаман ворота, ну и...

— Остальные ваши где?

Как оказалось, ждут сигнала. СибЛевран все же в холмистой местности, есть где подождать... не так чтобы рядом с замком, но получаса хватило бы. И добраться, и ворваться... кто там им окажет сопротивление — со свадьбы-то? И пошла бы потеха!

Теперь уже не пойдет.

— Что делать будем, дан Рокко?

Адриенна даже не сомневалась, что надо махнуть рукой на оставшихся разбойников, еще не хватало по сугробам за ними бегать, но... вдруг дан Рокко предложит что-то другое?

Он и предложил:

— Как рассветет — повесим обоих. Так, чтобы далеко видно было. Те, кто по кустам прячется, увидят главаря, поймут и уберутся.

Адриенна была полностью согласна с даном Рокко. А что еще с этой дрянью делать? Носиться по всем оврагам и искать разбойников? Найти ты их найдешь, это понятно. А цела останешься?

Ночь-полночь, кто пьяный, кто выпивши, а разбойники готовились в замок ворваться. Они-то трезвые, злые и замерзшие...

Нет уж.

Иногда самое лучшее, что можно сделать, — ничего. И тут мысли дана и даны полностью совпадали. В данном случае — само рассосется.

Разбойники тоже не дураки, без атамана или передерутся, или еще что, но не нападут. Крысиная шайка — это вам не регулярная армия.

А пока...

Допрашивал, конечно, дан Рокко. Адриенна училась.

Где, сколько, кого грабили, когда... Дан записывал ответы, сверял их с уже сказанным, потом записывала Адриенна...

Где-то Крыс пытался соврать, но его неумолимо давали вопросы. А утром...

Вытащили два тела, принесли веревку – и над воротами замка повисли два «украшения». Одно еще подергалось, да и замерло.

Шайка атамана Винченцо существовать перестала.

А Адриенна лишний раз убедилась – с атаманом ее работа.

Ее кровь...

Ее наследство.

Она приняла себя как последнюю из Сибеллинов, она подняла этот груз, и вот результат. Тот, кто прольет ее кровь, долго не проживет. И выглядеть это будет... неприятно.

Как понимала Адриенна, это сработает с любым.

А если... ну, в первый раз? Между мужчиной и женщиной? Там ведь тоже кровь проливается, Джас говорила?

Но, наверное, там это не работает. Есть разница между попыткой убийства и постелью. Ромы хотели ее если и не убить, то похитить, они осознанно причинили ей вред. Те негодяи в переулке тоже...

И вот сейчас.

Если бы она не выставила руку, атаман ее не ранил бы. Но убить-то он ее хотел? Просто не сейчас, это убийство было отложено. Ненадолго. На день-два, пока не наиграются.

Так это и работает. Но на конкретного человека.

Если, к примеру, атаман приказал бы Крысу, а тот ранил Адриенну, кто сгнил бы? Крыс? Атаман? Оба? Наверное, все-таки Крыс.

Вспоминая историю, убить последнего Сибеллина приказал его величество. А выполнил приказ подонок и предатель. Сгнил заживо предатель, а король получил в нагрузку проклятие от Морганы.

Постаралась прабабушка сгоряча. Да так, что не расплеться...

Теперь вот расхлебывай, Адриенна, радуйся жизни с его высочеством. Счастья-то...

Впрочем, деваться все равно было некуда.

* * *

Дан Каттанео только к полудню узнал, какой опасности избежал ночью.

– Разбойники?! – ужаснулась Джас.

Выглядела она потрясающе довольной. Такая картина безмятежного счастья, так она льнула к мужу... Дан Марк смотрел и улыбался. Хорошо, когда еще кто-то счастлив.

Вот радости вам да детишек побольше... нам бы с Сусанной тоже, да вот пока никак... Разбойники?!

Откуда?!

Адриенна еще спала, так что отдуваться за всех пришлось дану Рокко. Он же и попросил дана Каттанео направить приехавший с ним отряд в ту самую ложбинку, где, по утверждению Крыса, находился разбойничий лагерь. Проверить кое-что...

Дан Рокко предполагал, что сейчас разбойники наспех соберутся, да и рассосутся кто куда. Но вдруг несколько человек да останется?

Как оказалось, он был полностью прав в своих предположениях.

Осталось.

Человек пять на месте лагеря. Мертвых. Видимо, кто-то хотел уйти, кто-то остаться, вот и не нашли общего языка. А в процессе обсуждения слегка порезали друг друга.

Дан Рокко этим заморачиваться не стал. Ни к чему.

Приказал закопать падаль и сел писать его величеству.

Сначала с голубиной почтой, а там и с самой обычной. С гонцом. Голубь быстро долетит, гонец медленнее поедет, а его величество ждать не любит.

С голубиной – кратенько, что гонец нашелся. Письмо отправлено.

С обычной...

Адриенна, которая успела выспаться, очень просила дана Рокко не рассказывать его величеству всех подробностей про атамана Винченцо.

Коротенько надо, были разбойники, перехватили гонца, хотели пробраться в замок и всех перерезать.

Их поймали, кого убили, кто убежать успел...

Мало?

Более чем достаточно! Зачем его величеству лишние подробности про какие-то язвы? Про все остальное?

Не надо. У него и так много государственных дел...

Дан Рокко подумал, да и махнул рукой. Действительно, зачем? Главное его величество и так знает наверняка. А в мелочи ему вникать не обязательно. Да и не донесет никто.

Когда атамана вешали, было еще темновато, никто особенно на его язвы не глядел.

Когда снимали – было поздно. Птицы, знаете ли, существа плотоядные, особенно вороны и зимой. Так что расклевали негодяя очень неплохо.

Падре Санто приехал только через пять дней после свадьбы, так что повисеть трупы успели. Отпевал он их вообще формально, не приглядываясь...

Словом, для Адриенны все прошло более-менее спокойно.

И потянулись уютные зимние дни, спокойные и теплые. Уехала к мужу Джачинта, забрав сына, и Адриенна все чаще коротала вечера с даном Рокко. Беседовала о том о сем, обсуждала книги, спорила, задумывалась...

Раньше дан Марк не слишком поощрял интерес дочери именно в этом направлении: а зачем? Что должна знать женщина?

Вести хозяйство – желательно. Ну, коли уж она так хорошо с животными ладит, пусть возится. Так вот. Вести хозяйство, счета проверить, чтобы не обманули, ну и все. А больше-то зачем?

Поэзия какая-то, философия, мудрецы...

Бабе ум ни к чему!

А вот сейчас Адриенна с удовольствием знакоилась с неизвестной доселе областью жизни. И дан Рокко помогал ей.

Королю он служил.

Адриенне был искренне благодарен. И за подаренные ему несколько лет жизни, и за дочь...

Как тут не отблагодарить?

При дворе его дана не будет выглядеть неотесанной деревенщиной.

Время шло...

Мия

– Опять Девальс...

Мия ворчала, как заправская жена. Но – надо!

Энцо дома не удержишь, все равно уедет. Да и ей надо бы...

Хорошо, что брат уезжает. Девочки еще маленькие, а вот Лоренцо начал приглядываться, соображать, задавать ненужные вопросы. Ни к чему.

Зимой Мия не работала, заказов на их с дядей услуги не было. Но ведь оставалось все остальное!

Оставалась учеба у самых разных специалистов, оставались тренировки, которые Мия теперь и бросать-то не хотела, оставались книги – Джакомо и об этом позаботился.

Языки в том числе...

Мало ли куда их занесет?

Мало ли кого закажут?

Лучше быть готовыми ко всему, даже к самому неожиданному повороту. Понадобилось же Мии научиться готовить? И на лютне играть – тоже пригодилось...

Пусть учится.

Только вот младших девочек такому обучать не стоит. Зачем Серене или Джулии умение открыть замок без ключа? Нет, не нужно...

Джакомо приглядывался к девочкам, но признаков берсеркерства (а случалось такое и у женщин) или, как у Мии, оборотничества не видел. Самые обычные девочки, в меру бестолковые, в меру домовитые...

Играют в куклы, плетут косы, разговаривают о мужчинах... малявки, а туда же! Можно подумать, он не знает, кто из библиотеки романы берет, а потом возвращает!

Мия таким не увлекается.

Хотя Мия...

Она и на мужчин-то не смотрит. Так, равнодушно, словно на скульптуры. И это Джакомо не нравилось. Об этом он и хотел поговорить с племянницей сегодня. Но начал с сообщения о Лоренцо:

– Скоро корабли опять отправятся на Девальс.

Что ж, неудивительно, что девушке это не нравилось.

– Мия, твой брат хочет заработать достаточно денег... кстати, он тебя подозревает.

– В чем именно?

– В торговле собой. За большие деньги.

Мия от души фыркнула:

– Энцо решил, что я – куртизанка? Вот болван!

– Его сбивает с толку, что ты ночуешь дома. Слуг он расспрашивал, те ответили, что уходишь ты утром, возвращаешься когда в обед, когда вечером, иногда с покупками.

Мия сморщила нос:

– Мне поговорить с братом?

– Вряд ли он поверит. Я с ним уже поговорил, но...

– И вам, дядя, он тоже не поверит. Если решит, что вы...

– Твой сутенер. Называй вещи своими именами, так проще.

– Но это не подобает благородной дане.

Джакомо фыркнул, узнавая цитату братика:

– Я хотел поговорить с тобой именно об этом. С Энцо, кстати, уже поговорили.

– Да? И о чем?

– Мия, ты хочешь замуж?

– НЕТ!

Ответ последовал мгновенно. И, кстати, сильно порадовал Джакомо. Мия явно не врала, так врать не получится ни у кого.

– Нет – это хорошо. А ты до конца дней своих намерена прожить девушкой?

Мия прищурилась:

– Не знаю, дядя. Это важно?

– Энцо сводили в бордель, – глядя в стену чуть повыше макушки Мии, сообщил Джакомо, – чтобы он научился правильно обращаться с женщинами, не попал в беду, не подцепил дурную болезнь. Да и вообще – пора.

Мия задумчиво кивнула:

– Дядя, я правильно понимаю, что вы предлагаете мне то же самое?

Джакомо даже покраснел.

Ну что за молодежь пошла? Убивать было однозначно проще, а вот обсуждать такие темы, да с собственной племянницей... с молодой девушкой... даной...

Оказывается, некоторые вещи никаким жизненным опытом не вытравишь.

Мия фыркнула:

– Дядя, вы уверены, что мне это нужно?

– По крайней мере, не будешь паниковать, оказавшись в сложных ситуациях, – буркнул Джакомо, справившись с собой.

– Я и так не паниковала у эданны Вакка.

С этим спорить было сложно. Джакомо вообще с трудом представлял, что именно может повергнуть в панику его племянницу. Такое чудовищеросло – залюбуешься! Рассудительное, спокойное, хладнокровное, циничное... небось Пьетро в гробу извертелся.

– Я не об этом. Если ты не собираешься замуж, девственность для тебя не принципиальна.

– Согласна, – задумалась Мия. – Но вдруг?

– К тому же ты женщина.

– Я в курсе, дядя.

– А у вас есть странная привязанность к первому мужчине. Любовь и все такое прочее... что тебе – нельзя. Вообще нельзя.

Мия кивнула.

Ну да, метаморф. Любой мужчина ее сдаст. Увидит ее способности и побежит в храм с воплем: «Жгите нечисть!!!» Доказывай потом, что ни креста не боишься, ни серебра!

Прабабка хоть бабушку и родила, но не стоит забывать – она находилась под покровительством ее величества. Как уж тогда звали королеву – кто ее знает?

И что там сделали, чтобы муж не заподозрил неладного?

Да что угодно, у королев власти хватает, могла и с поручением отослать, и еще что придумать. А у Мии такого не будет.

Вряд ли какой-то муж потерпит, если его жены месяцами дома не будет.

Любовь?

А нужна ли Мии эта любовь? Или... мама тоже говорила, что о замужестве и мечтать не стоит. А если так...

– Дядя, я ничего не подцеплю в вашем борделе?

Джакомо качнул головой:

– Есть специальные приспособления, чтобы ничего не подцепить.

Ими воспользуются.

– Допустим. Я не забеременею?

– Они и от этого защищают.

– Я подумаю, дядя. Или у вас есть какой-то свой интерес?

Джакомо качнул головой:

– Не так чтобы сильный. Но сейчас ты и половиной своих способностей пользоваться не можешь.

– Разве?

– Потому что девушка. Соблазнить, залезть к кому-то в постель... это ведь не для тебя сейчас.

– Мне еще шлюхой быть не хватало!

Джакомо сдвинул брови:

– Это – для работы. А не потому, что зачесалось. Вспомни дана... как же его...

– Доменико Скалла, – напомнила Мия.

– Вот. Надо было украсть, а ты убила.

– Пф-ф-ф-ф-ф-ф!

– Понимаю, ты об этом не жалеешь. Но все же? Зачем создавать себе лишние трудности?

Мия задумалась, а потом решительно кивнула:

– Хорошо. Энцо отправится на Девальс, а я... я согласна разобраться с этой стороной вопроса. Но только тогда.

Джакомо выдохнул:

– Уф-ф-ф-ф... Лучше б я кирпичи таскал! Сложно это...

Мия пожала плечами.

Сложно? Ну, так не заводил бы об этом разговор. Ей-то что?

Мысль о том, что дана Скаллу она убила, не желая лечь в постель с кем попало, Мия даже не отгоняла. Та просто не пришла в голову.

Такой вот прогресс.

Около года назад она убила, чтобы не спать с нелюбимым.

А сейчас спокойно собирается пойти в бордель и расстаться там с девственностью. Чтобы просто узнать – как это и что такое. Ну и не зависеть от своего тела...

Спать с кем-то? Почему бы и нет?

Ради выполнения задания да за хорошие деньги...

Мия стремительно менялась, и не в лучшую сторону, но кто мог сказать ей об этом? Разве что дан Джакомо. Только вот это было не в его интересах.

Чудовище росло.

В столице

Выпить молока с яйцом черного дрозда. Тогда обязательно забеременеешь.

Засунуть туда (да, именно туда и поглубже!) нагретую морковку. И поступать так перед... ну, перед этим самым. А потом уже к мужику в постель. Морковку, понятно, вытащить. И обязательно, не на первый раз, ну на второй-третий так точно, затяжелеешь.

Ребеночка хочешь? Так читай молитвы у иконы Божьей Матери, вот список, дочь моя. И пожертвовать на храм не забудь, а то как же...
[\[20\]](#)

За зиму эданна Франческа перебрала все средства, от церковных до народных. А результат?

Ноль!

Пустота!

Ни-че-го!!!

Ни ребенка, ни намека на ребенка, лунный цикл совпадал с точностью до дня! Какое там! Едва не до минуты! А ей-то надо! Ей-то важно...

Ну откуда, откуда среди лекарей и знахарок столько шарлатанов?

Ческа рассчитывала дни по звездам, слушала астрологов, пила снадобья, от которых то понос начинался, то запор, даже... да! Даже нагретую морковку засовывала!!!

Той бабке бы ее затолкать... до глотки!!!

Результата все равно не было.

Оставалось последнее средство. Ну... или еще не совсем последнее.

Сегодня эданна Ческа шла к одной ведьме... Раньше она хоть с ведьмами не связывалась, но тут... время идет, моложе она не становится, а его величество поглядывает с плотоядным интересом.

Да не с тем!

Ладно б речь шла о постели, это не страшно!

А вот интерес – на колбаску тебя пустить или на котлетки... то есть убрать от сыночка тихо или убрать громко...

Знаете, как страшно?!

Франческе хотелось жить. И она понимала, что лучше беременности ее не защитит ничего.

Вот и шла она по темным переулкам.

Вот и дрожала от страха... Служанка, которая стучала позади зубами, словно кастаньетами, тоже не добавляла оптимизма. Но Ческа была целеустремленной.

Вот и нужный дом.

Старый, покосившийся, весь кривой... и окно одно выбито, словно зубья торчат... страшные. Голодные.

Ческа решительно постучалась в дверь. Молоточка не было, понятно, ну она и ногой постучит, ничего страшного.

Медленно, очень медленно и с противным скрипом дверь распахнулась, словно приглашая войти.

Или... Лучше не входить?

Темно, страшно... и где-то вдалеке замаячил огонек свечи.

* * *

М-да. За свечку держалась такая карга, что Ческе захотелось тут же удрать подальше. Ведьм такими и рисуют! Вот каноническая, абсолютная... хоть ты бери – и на костер! Не ошибешься!

Седые космы, желтые клыки, морщины, горб, жутковатые лохмотья...

Да это-то что! Самым страшным в ведьме были ее глаза.

Черные, ясные, пронзительные... и Ческа невольно опустила глаза под этим испытующим взглядом.

– Ну, заходи, коль пришла. А девчонку тут оставь, подождет, не разломится.

Служанка задрожала еще сильнее, но... Ческе тоже было страшно. Так что...

Убежать?

И отдать Филиппо? И все свои привилегии, и место, и... и вообще?!

Не дождетесь!

Франческа Вилеcci решительно шагнула вслед за старой ведьмой, и дверь захлопнулась перед носом остолбеневшей от ужаса служанки.

Старуха шла, не особенно и торопясь, ворчала что-то себе под нос...

Эданна прислушалась. Просто чтобы не оглядываться по сторонам, не дать захлестнуть себя липкому холодному ужасу... вот паутина с потолка свисает, вот что-то белое мелькнуло... брр! Жутко! Просто – жутко!

– И ходют, и ходют... а чего ходить? Тут делать надо... яд, понятно, для соперницы прикупить можно, так потом же самой хуже будет...

Ческа только вздохнула.

Убийца не вернулся. И по столице прокатилась волна перестановок... какой там Осьминог? Какой там Грязный квартал!

Ческа и так не знала, каким святым молиться, чтобы миновало, чтобы обошлось... Повезло. Но это один раз, второго его величество точно не простит. Впору молиться, чтобы с Адриенной СибЛевран все в порядке было. А то ведь удавят как кутенка. Намекнули уже, она поняла, ей хватит!

Вот и комната.

Брр... если в коридоре было жутковато, то здесь – откровенно страшно.

Паутина с потолка свисает, шар на столе слабо светится, а в углу... ой, мамочки! Это что – скелет?!

Ческа дернулась было, но дверь с сильным хлопком закрылась, едва не попав дане по носу.

– Садись, дана, в ногах-то правды нет. – Ведьма опустилась рядом с шаром на стул и положила на него руки. Повинуясь ее жестам, шар засветился чуточку ярче.

Ческа рухнула на соседний стул. Неудобный – жуть. Хорошо хоть, под ней не развалился, а то бы и на полу оказалась.

– Ты, дана, сюда ручки-то положи. Посмотрим, чего тебе надо...

Ведьма смотрела, шурилась...

Только вот и Ческе отступать было некуда. Она выдохнула – и положила руки на шар.

Тот потеплел, рассветился под ее пальцами... Старуха внимательно смотрела, словно и правда там что-то видела. Для самой Франчески все было словно красным маревом затянуто, она в этом шаре не видела ничего. Наконец ведьма покачала головой:

– Любовник у тебя хороший. Даже не любовник, он-то любит, так? Вот, сердце рядом с тобой вижу, прямо под каблучком...

Ческа кивнула. Ну, в чем-то так и есть. Он любит, она нет...

– Есть у тебя что от него? Кровь, волосы... хоть что-то?

Вообще-то это считалось государственной изменой. Но платок с каплями крови Филиппо у Чески был. Мало ли что...

Вот он и перекочивал в цепкие пальцы бабки, которая и набросила его на минуту на шар, прямо поверх рук Чески. И свои приложила.

Подождала пару секунд, а когда шар полыхнул вовсе уж ярко – сдернула тонкую ткань, вгляделась.

– Соперница есть. Вот она... рядышком. Только не по любви, а по проклятию, что ли? Любит он только тебя, но и с ней связан. Крепко так... На семье твоего дружка какие проклятия есть?

Ческа пожала плечами.

Вот уж чего она не знала, того и не знала. И подозревала, что не стоит – целее будет.

– Не знаю.

– Ну и ни к чему тебе. Ты только знай, что с тобой он через любовь связан, а с ней через проклятие. Не женится, так и протянет недолго.

Ческа прикусила губу:

– А снять это как?

Ведьма покрутила шар, подумала пару минут...

– Ты никак не снимешь. Знаю, что ты хочешь. Соперницу убрать, а ребеночка любовнику родить, верно?

– Верно.

– Не получится.

Ческа не смогла сдержать вздоха разочарования:

– Но почему?! Что не так?!

– В тебе-то? Все так, от любого другого мужика рожай – хуже не будет. А от этого никак не получится, вот у него черная птица над головой... с кем бы ни лег, детей не будет.

– А от... нее?

– От нее – будут. У нее и крылья за спиной, вот, вижу...

– Так это она его прокляла?

Убила бы гадину мелкую! Ческа даже дернулась, но остановил скрипучий ведьминский смех.

– Она?! Да тому проклятию уж лет сто! И проклинала не твоя соперница, это точно. Такие сейчас к нам не приходят... Высокий Род.

Не слышала, дана?

– Н-нет...

– Ну, так послушай. Высокий Род – это не даны и не короли. Они были другими.

– Нечисть? – заинтересовалась Ческа.

– Тьфу, дура, – даже сплюнула бабка. – Какая такая нечисть? Иные, сказано же тебе! И-ны-е!

Франческа на «дуру» даже не обиделась. Какие уж тут обиды?

– В чем иные-то? Летать, что ли, могли?

Старуха задумчиво смотрела в шар, поворачивала его то так, то этак, и Ческе казалось, что внутри шара, в алом мареве летит, бьет крыльями из последних сил громадная черная птица.

– И летать. И не только летать... Они были... Говорят, что прежде Евы, для Адама Бог создал Лилит. Слышала о такой?

Ческа кивнула.

Библию она всяко читала, ну и слышала...

– Грех. И ночная демоница...

– Дура. Какой же грех, когда она такое же творение Господне, как и Адам, и Ева? Или ты Его замыслы постичь хочешь?

– Н-нет...

– То-то и оно. Говорят, от Евы пошло колено человеческое. А от Лилит – колено иное. А поскольку сначала была создана Лилит, а потом Ева, то и дети Лилит считаются старше. Высокий Род...

Франческа вспомнила Адриенну.

Вспомнила яркие синие глаза, черные волосы, вспомнила ее взгляд...

Высокий Род? Да, это ей подходило. При всей ненависти... Франческе многое приходилось играть, над многим она работала. Адриенна же просто была.

– Вот. Они плоть от плоти и суть от сути этой земли. И земля приняла и полюбила их. А за что Лилит изгнали... есть и такая версия. Она не хотела подчиняться, она хотела свободы и дорого заплатила за это. Адам остался с Евой и до конца дней тосковал о той... которая ушла за горизонт. И увела за собой своих детей.

– Детей?

– Точно никто и ничего не знает. Но, по преданиям, ее потомки ушли туда, где нет ни дня, ни ночи, ушли, чтобы стать свободными...

– И Бог не покарал их?

– За что? Он создал людей по своему образу и подобию, за что тут карать? Все в них и в нас – это Он.

Ческе было откровенно жутко. Стоило кому-то услышать эти речи...

Костер.

А до того еще и пытка. Но она молчала и слушала.

– Это было давно. И ушло. Говорят еще, дети Лилит потом возвращались к нам. Лечить, учить, помогать – долг старших. Люди не принимали их, и они опять уходили. А кто-то – оставался.

– Оставался... – шепнула Ческа.

– Именно. И могли они иметь детей с обычными людьми, и были у них внуки и правнуки.

– Она... так она...

– Кровь от крови. Не сама, но явно – кровь. Не знаю, что там случилось в давние времена, но вижу ясно: на роду твоего любимого проклятие. И наложено оно кем-то из Высокого Рода.

– И что теперь?

– Да помрет твой любимый, – хмыкнула бабка. – Помрет, рано или поздно.

– А...

– Если на той, второй, не женится. И дети у него только от нее могут быть. Все остальные... Сделать тебе ребенка он может. Но ты ж его и похоронишь. Ребенка, понятно, не мужика.

Ческа поежилась.

Вот уж чего ей не хотелось, так это своих детей хоронить. Дети – это... это инвестиция! Сначала ты девять месяцев их носишь, портишь фигуру, потом они долго растут, и еще неизвестно, какими вырастут и сможешь ли ты их выгодно пристроить...

А тут – сразу.

Ты будешь выкладываться, а пользы не будет. Вообще. Помрет ребенок – и точка. А раз так... стоит ли портить себе фигуру и тратить время? Нет, не стоит.

Родить от кого-то другого?

А получится?

Ладно, допустим, она кого-то найдет, не от конюха же рожать! Но дальше-то как? Ребенок ведь растет и будет похож на мать...

допустим! А если на отца?

Бабка словно ее мысли прочитала:

– От другого родить хочешь?

– А это возможно?

– Смотря что потом будет. Слышала, может? Слово есть сила...

– Н-нет...

– В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...

Слышать ведьму, которая цитировала Евангелие от Иоанна, было попросту дико. Даже и страшно как-то. Ческу аж передернуло.

– Я... но как?

– Ты же не скажешь, что ребенок этот от другого мужика, верно?

Ты скажешь, что он от твоего... любовника.

– В этом и весь смысл, – кивнула Ческа.

– То-то же. И он сына там или дочку признает. Своей кровью.

– И...

– Правильно понимаешь. Им и усыновлять никого нельзя, потому как в их роду останутся. Не просто имя примут – род примут. Семейю. Кровь. Ну и проклятие на весь род...

Ческа вздрогнула:

– Безвыходно?

– Ну, почему же... вот от той он детей иметь может. И проклятие будет снято.

– И она наверняка об этом знает, – процедила Ческа, вспоминая кое-какие моменты жизни. – Я в этом уверена!

– Ты ко мне пришла узнать правду. Я тебе сказала все честно, а что сказанное не нравится – ну так врать я тебе и не буду. Ты мне не за то платишь...

Франческа вздохнула:

– Я понимаю... и выхода никакого нет?

– Дети появятся – проклятие уйдет. А уж кто будет тех детей воспитывать... – хитро поглядела бабка. – Или можно новых нарожать?

Франческа задумалась:

– Допустим... только допустим, что мой мужчина женится на этой. Она рождает и умирает при родах?

– Такое бывает.

– А потом умирает и ее ребенок?

– Умрут и все остальные. Те, кто к их смерти был причастен, уж всяко. Это Высокий Род.

Ческа в ярости топнула ногой:

– Она вообще, что ли, бессмертная?

– Нет. Убивали и не таких... да вот тебе и пример. До Эрвлинов тут Сибеллины были. – Бабка ухмылялась вовсе уж ехидно. – Говорят, первый из Эрвлинов и заказал, чтобы последнему королю в спину ударили.

– И?

– Убийца и пяти минут не прожил. Говорят, сгнил заживо несчастный...

– Господи, помилуй, – перекрестилась Ческа. Вот этого ей точно не хотелось.

– Он-то помилует. А вот *кровь*... Тут же еще как? Они – старшие. Что случается с братоубийцами, знаешь? С теми, кто на старшего в роду руку поднял?

Ческу окончательно затрясло:

– Я... я не хочу.

– Понятное дело, не хочешь. Но выход у тебя только один, чтобы жить спокойно. Пусть твой... этот... женится. Пусть сделает детей, лучше двоих-троих. А потом... ты ж не дура, найдешь и что, и как сделать... и чьими руками.

Франческа кивнула:

– Н-наврное. Н-найду...

– Ну а коли так... иди себе. Деньги на пол положи, не на стол, поняла?

Франческа медленно отстегнула от пояса тяжелый мешочек, положила его на пол.

– Я... могу...

– Если хочешь, чтобы он к тебе не охладел? Ну, приходи. Составлю напиток, будет у него только с тобой счастье...

– А...

– И с ней. Но там узел завязан, не мне его и развязывать.

Франческа подумала пару минут. Вообще... если вспомнить кое-что...

– А если жертву принести или что-то такое...

Ведьма издевательски захохотала:

– Что-то! Кто-то, как-то... ты, дура, с Высоким Родом справиться хочешь? Жизнь не дорогá?

Ческа вспыхнула от гнева:

– Я...

– Да пойми ты, – устало сказала ведьма, убирая руки с шара, отчего в помещении стало значительно темнее. И неуютнее. – С ними тягаться нельзя. Только того и добьешься, что на тебя переползет... Вот есть два рода, есть цепь между ними, есть способ ту цепь разрубить. И не надо в это никак лезть. Судя по тому, что я видела, там уже все... ладно, не предрешено, но все ведь согласны?

– Согласны, – кивнула эданна.

– То-то же. Все поняли, приняли, решили – остается только ждать. Если чего другого захочешь, приворожить там или отворот сделать, я тебе помогу. Даже возьму поменьше. Но в дела Высокого Рода не суйся. Это как двухлетнему ребенку с десятилетним драться. Кто проиграет? Во-от...

Ческа злобно зашипела:

– Ничего, ничего нельзя сделать!

– Я сказала, а ты слышала.

Франческа медленно кивнула:

– Хорошо. Я поняла и слышала. Могу я еще прийти?

– Можешь.

Эданна кивнула и вышла из комнаты, не прощаясь.

Старуха несколько секунд сидела молча. Потом подобрала с пола мешочек, сунула его в карман, накинула на хрустальный шар тяжелую шаль – и вышла из комнаты.

Коридор, поворот – и вот она входит в большую светлую комнату.

Правда, симпатичнее она от этого не стала, разве что наоборот. Свет подчеркнул и горб, и морщины, и прочие уродства... и стало ясно, что ведьма-то настоящая. Не поддельная...

Вот какая есть, такая и осталась.

Мужчину, который сидел в кресле с высокой спинкой, это не смутило:

– Была?

– А то ж... и была, и ушла уже. Денег оставила – год кормиться хватит.

– Деньги ты себе оставь. А мне... она еще придет?

– Придет, никуда не денется.

– Вот и хорошо. Ты ей мази или напитки какие дай... только чтобы не отравить никого.

– Это запросто, дан. Есть такие, чтобы любовный аппетит возбудить...

– Вот... пусть возбуждает. Главное, чтобы не передавила. На мессу ее проводи, что ли...

Старуха качнула головой:

– Ей пока не нужно. Да и рано... это через полгода-год...

– Вот и пускай. Мне торопиться некуда, ей тоже. Пока ее соперница подрастет, еще года три пройти должно.

– Три года?

– Да. Договор – до семнадцати лет девку не трогать, так что еще три года. А что?

– Ничего, дан, – махнула рукой старуха. – Только и того, что время есть.

Мужчина поглядел на нее с подозрением, но промолчал. Встал из кресла, попрощался...

* * *

Ведьма дождалась, когда за ним закрылась дверь, и упала в кресло сама. Рассмеялась... горько, недобро...

– Три года еще... три года... и такая сила!

Продолжая смеяться, она достала из-под кресла порошок, зачерпнула из свертка ногтем белую пыль, высыпала на тыльную сторону кисти и глубоко вдохнула.

Закашлялась, потом открыла заслезившиеся глаза.

– Три года... идиоты! Против такого замышлять... она же вас всех сметет, как в силу войдет! А я на это смотреть буду и любоваться...

Смех перешел в хриплый, каркающий кашель.

– Три года... если доживу.

Вот с доживанием были бо-ольшие проблемы. Но об этом пока никто не должен знать. Всему свое время.

Всему. В том числе и смерти. Только вот – чьей?

Глава 12

Мия

– Надеюсь, в этом году ты обойдешься без приключений?

Мия провожала брата.

В этом году, как и в прошлом, должен был состояться рейс на Девальс. Паскуале опять хотел закупить предметы роскоши там, продать повыгоднее здесь... все как обычно.

В этот раз и Энцо решил вложить побольше денег.

– Постараюсь, – кивнул Энцо. – И ты тут... береги себя.

Мия улыбнулась.

Ах, Энцо, знал бы ты о моих делах – закрыл бы меня в доме. И ключ выкинул... Но разве у меня есть выбор? Я метаморф, моя природа – моя жизнь. Не отказываться же мне от нее?

И Мия перекрестила брата.

Энцо взбежал по сходням одним из последних, матросы втащили их на корабль, медленно, рывками, поднимался из воды тяжелый якорь...

«Голубка» расправляла крылья.

Мия махала ей, пока та не скрылась с глаз долой. А потом повернулась к стоящему рядом Джакомо.

– Дядя... когда?

– Послезавтра? – предложил дан Феретти. – Ты еще раз подумаешь, а я как раз договорюсь.

– Хорошо. Послезавтра ночью.

* * *

Энцо смотрел на удаляющийся берег. Чезаре скользнул к подопечному, но коснуться плеча не удалось: мальчишка повернул голову:

– Что?

– Все в порядке?

– Не знаю, – честно сказал Энцо. – Все размыто, неопределенно... будет меня ждать Адриенна или нет, любит или нет, во что ввязалась Мия...

– Это и называется взросление, – рассмеялся Чезаре. – Именно это. Детям проще, за них все решают родители, а дети просто принимают результат. Ты уже можешь решать сам, но и все остальное тоже... ты понимаешь.

– Понимаю, – вздохнул Энцо. – Все я понимаю. Но ведь от этого не легче?

– Никогда не легче. Пошли потренируемся?

Энцо качнул головой.

На него накатывала уже привычная тошнота.

– Нет уж. Я полежу пока... а там посмотрим.

Следующие несколько дней ему предстояло провести на койке, страдая от морской болезни. Потом он придет в себя. Потом будет бегать по кораблю, как ни в чем не бывало. Но несколько дней – беда...

Где тут подветренный борт?

О-о-о-о-ох...

* * *

В бордель Мия вступала с определенным... протестом?

Интересом?

Она не могла для себя определить, что именно она чувствует. Но тем не менее...

В черной шелковой маске, которая скрывала все лицо, под руку с даном Джакомо, она выглядела то ли содержанкой, то ли чьей-то неверной женой...

Цвет волос и внешность решили не менять. Равно как и фигуру, и все остальное. Особых примет у Мии и так не было. Родинок, всякого прочего...

А вот как метаморф поведет себя, когда...

Да, вот именно – когда...

Удержит она искусственный облик – или так не получится? Мия решила не рисковать.

И вот Джакомо вел ее в гнездо порока.

На пороге «гнезда» их встретила очаровательная эданна лет сорока, не больше. Невысокая, пухленькая, с таким обширным бюстом, что цепочки на нем лежали, словно на тарелке. Цепочки, ожерелья, дорогое верхнее платье из синего бархата, нижнее из легкого шелка – кажется, дела в борделе шли замечательно.

– Дан Джакомо! Какая встреча!

– Эданна Россана! Рад нашей встрече!

Поцелуи были вполне искренними. Надо полагать, дядя тут хороший клиент и платит, не скупясь.

– Что с вами за очаровательная юная дана? Вам нужно... уединение?

Джакомо качнул головой:

– Россана, умоляю! Вы же в курсе моей семейной ситуации! Нет-нет, эта дана желает познакомиться со взрослой стороной жизни. И ей нужен кто-то из ваших мальчиков, чтобы все прошло красиво, чисто, аккуратно и с удовольствием.

Эданна только вздохнула:

– Ах, какая жалость!

– Жалость? – удивилась Мия.

– Конечно, дана. Вы ведь еще девушка...

– Я потому сюда и пришла, – не поняла Мия.

Эданна качнула головой, досадуя на что-то... разъярил Джакомо.

– Эданна имеет в виду, что она могла бы выставить твою девственность на аукцион. И за нее дорого заплатят. А так... в ее глазах ты потеряешь часть цены – просто так. Задаром.

Мия хмыкнула:

– Аукцион... это хорошо звучит. Но я не хочу достаться какому-нибудь извращенцу или негодяю. И маску снять не смогу...

– Это преодолимо, – усмехнулась эданна. – Вполне.

– А остальное? Я и детей не хочу.

– И на это есть свои средства.

Джакомо только головой покачал:

– Куколка, ты это – всерьез?

Мия сдвинула брови. Они с дядей договорились, что в борделе он называет ее куколкой, она его – даном Джакомо, чтобы не было потом проблем.

– Дан Джакомо, а почему нет? Я все равно решила повзрослеть... почему на этом не заработать? Это будут большие деньги?

– Если правильно устроить аукцион... не меньше пяти тысяч лоринов.

– И еще столько же эданна положит себе в карман, – хмыкнул Джакомо.

– Пожалуй, я не стану возражать, – решила Мия.

– Ты серьезно?

– Почему нет? У меня два условия. Это не должен быть урод или извращенец – первое. Я не хочу, чтобы меня искалечили, – второе.

– Без повреждений, – кивнула эданна. – Я могу это устроить, почему нет?

В карих глазах эданнны загорелись огоньки жадности, похожие на отблеск золотых монет. Но и Мия...

Пять тысяч лоринов!

За которые не надо убивать, воровать... ну ладно! Она даже себя не продает, в принципе. Она так и так собиралась расстаться с девственностью, так пусть ей за это еще и заплатят! Это будет... забавно!

Да, именно забавно!

Мия улыбнулась и принялась обговаривать условия сделки. Джакомо не препятствовал.

С каждым днем племянница радовала его все больше и больше. Такой замечательный шаг! Такие поступки!

Беспринципность, возведенная в абсолют!

Это же прелесть, а не напарница! Одно слово – сокровище!

* * *

«Голубка» уверенно рассекала волны.

Корабль мотало, трепало, он стонал и скрипел, словно живое существо. Пассажирам оставалось только молиться. Шторм налетел неожиданно и резко.

Хуже всего приходилось Энцо, который так и не успел прийти в себя от морской болезни. И тут же корабль попал в ураган.

Мальчишка лежал в убогой каюте, на койке... помочь ему было некому. Чезаре и Леоне были на палубе. Работы хватало всем, сбивались с ног матросы, шторм уже снес одну из мачт – не успели вовремя убрать паруса.

Плотники старались кое-как заделать пробоину в трюме, чтобы та не расширилась...

Энцо кое-как поднялся с койки.

Ладно... доберется он... тут два шага до носа судна. Забавно... красивые фигуры на носу кораблей как раз и маскируют отхожее место...

Энцо кое-как вышел из каюты. Вдоль борта были натянуты канаты, в которые он и вцепился, глядя на море. Синее, серое, черное, оно ревело, словно дикий зверь, бесновалось, неукротенное, издевалось над попытками людей уцелеть. Волны вздымались одна выше другой, свистел ветер, бил в борт, рвал паруса...

Кое-как мальчишка дополз до нужного места. Где на коленях, а где и на четвереньках... что ж. И так бывает.

А теперь надо еще проделать обратный путь. Энцо выбрался из гальюна и вцепился в веревки.

– ИДЕ-О-О-О-Т! – раздался чей-то дикий крик.

Энцо невольно посмотрел в том направлении и ахнул.

Шла ВОЛНА.

Жуткая, невероятная, громадная... она перечеркнула все небо своей тушей, она поднималась все выше и выше, сверкала белым оскалом пены... она облизывалась на корабль... показалось Энцо – или там, наверху, мелькнула ухмылка?

Жадная, голодная...

– ДЕРЖАТЬСЯ!!!

Второй крик был страшнее первого. Энцо что есть сил вцепился в канаты, проклиная момент, когда его понесло из каюты.

Держаться, только держаться...

И на палубу обрушился безумный поток соленой воды...

С Лоренцо ничего бы не случилось, окажись он чуточку в другом месте. Но...

Именно здесь.

Именно этот борт...

Волна ударила в фальшборт, небрежно сломала доски, словно спички, оборвала канаты – и слизнула с палубы несколько человек, в том числе и Лоренцо, который цеплялся за веревки что есть сил.

Держаться.

Только держаться...

Адриенна

Девушка почувствовала *это* как внезапную резкую боль.

Словно что-то сдавило сердце, закололо в боку, заломило в висках, мгновенно заledenели руки...

Повезло хотя бы в одном.

Все это происходило в ее покоях, и никто не видел, как сползла на пол дана СибЛевран, как скорчилась, поскуливая от боли...

Что происходит?!

Она не понимала, но спазмы боли простреливали ее все чаще, все сильнее... она поднесла руку к носу и увидела под ним кровь.

Что случилось?!

Меня отравили? Меня пытались убить?

Но – нет. Она каким-то шестым чувством понимала, что это не так. Ее не тошнило, не рвало, ей просто было...

Ей было больно.

Она ощущала себя так, словно ее ранили и через эту рану утекают ее силы. Словно она изо всех сил пытается что-то сделать...

Что?!

Она и сама не знала.

Дотянуться?! Докричаться?!

Что-то отдать?! Но что?! Она не понимала, что чувствует, что делает, но на инстинктах, на каком-то подсознательном уровне знала – если она сейчас это оборвет, закроется...

Она – может.

Она может и оборвать, и закрыться, и сделать что угодно. Но тогда...

Тогда...

Будет что-то очень плохое. Только где? С кем? Что именно?

Отец? Нет... не он.

Дан Рокко? Чинта? Анжело? Нет, снова нет...

Лоренцо...

И стоило только произнести это имя, как *накатило*.

На долю секунды Адриенна словно утратила себя. А вокруг было... вокруг была темнота. И хаос. И все было горьким, соленым и холодным, и было больно, так больно, что даже не страшно. Просто рано или поздно скорее рано остановится сердце.

Это случится уже скоро, она знает!

Больно, как же ей больно... До слез, до крика, который рвется из груди. Только вот ничего она сделать не может...

Или может?

Адриенна не знала.

Поднесла руку к горлу, окровавленными пальцами сжала медный крестик, такой горячий, словно раскаленный...

Только... отдавать свои силы?

Держаться? До последнего... не зная, что произойдет, как это будет... Что она может?

Да только одно.

Дать Лоренцо еще немного времени. И осознание – он не один.

– Я здесь, любимый, – шепнули побелевшие губы. – Я с тобой...

И словно теплом в ответ скользнуло по щеке:

– Да...

Адриенна поняла – где-то там, далеко, в невообразимой дали, Энцо перестал паниковать. Почувствовал ее, а может, просто вспомнил, успокоился, выдохнул – и чуточку расслабился.

И начал искать путь к спасению.

Адриенна словно была рядом. Словно за руку его держала.

И парню было легче и спокойнее.

Адриенна не знала, что он сейчас изо всех сил цепляется за кусок деревяшки.

Не знала, что шторм несет его все дальше и дальше от «Голубки», и докричаться Энцо не сможет при всем желании. Ни до кого.

Не знала, что вокруг море.

Что любой другой человек уже замерз бы в нем... свело бы ногу судорогой, и все... но у Энцо ничего такого не произошло. Плохо было Адриенне.

Через их связь, через – что?!

Она знала только, что Лоренцо на грани смерти, – и терпела. Понимала, что это его единственный шанс.

Сколько терпела?

Она не знала. По ощущениям – вечность.

Рук и ног она уже давно не чувствовала, разум застывал, словно муха, попавшая в студень... держаться. И еще раз – держаться.

Давно остановилась бегущая из носа кровь. Адриенна понимала, что скоро погибнет сама. Но – молчала.

А что, что она должна сделать? Закричать и позвать на помощь она уже тоже не сумеет. А прийти к ней... никто не придет. Никто...

Покои заперты изнутри, все подумают, что она спит, и беспокоить не будут.

Значит, она умрет.

Это не больно и не страшно. Это просто бывает...

И она держалась. Держалась, пока невдалеке от Энцо не мелькнуло что-то белое.

Парус?!

Мальчишка приподнялся из воды и закричал. Слабо, хрипло, но его услышали. И крохотная фелука поменяла курс.

Мелькнул борт корабля, кто-то прыгнул в воду, и Адриенна поняла, что все. Они дождались.

Они – выдержали.

И только тогда она позволила себе уйти в глубокий обморок.

* * *

Наутро ее нашли на полу. Окровавленную, обессиленную, с воспалением легких...

Дан Рокко только ахнул и послал за лекарем. И как так могло получиться? Ведь ничего... и никак... и вообще, вечером дана была здорова. А утром – уже вот!

И ведь на ковре лежала, не на голом камне, и окно закрыто. А ощущение такое, что всю ночь на морозе.

И кровь из носа.

И бред...

А, кто там прислушивается к тому бреду? Море какое-то, холод, страх...

Чего девчонке не привидится! Никто и рядом не задумался... и близко не было.

Адриенна проболела почти месяц. И в бреду пролежала неделю. И когда вышла из комнаты, спокойно могла врагов пугать, такие там были ямы под глазами... даже эданна Сусанна не стала издеваться. Только рукой махнула, мол, откармливать и откармливать такую, а то кому покажи – решат, что дану год в темнице голодом морили.

Но Адриенна помнила ту ночь.

И не жалела ни об одной секунде.

Она помнила, как по натянутой пуповине утекали куда-то в темноту ее силы.

Она помнила страх, боль, холод, отчаяние...

Она помнила теплые руки, которые подхватили ее из воды. И осознание – СПАСЕНЫ!

Они спасены!!!

А остальное? А вот остальное было ей решительно не важно. Энцо жив! А дальше... дальше и жить будем. Но делиться своим знанием она не станет даже с даном Рокко. Это уже похоже на колдовство. Хотя Адриенна была свято уверена, что это наследство Морганы.

Она может заходить в храм, молиться, она верующая христианка, она спокойно примет причастие... и крестик, кстати, по-прежнему на ней и не обжигает.

И все же, все же!

Кровь не спрячешь.

Если бы Адриенна видела себя со стороны... после болезни она стала вовсе уж копией прабабки. Но кто мог об этом знать? Уж точно не дан Марк и не эданна Сусанна.

А кровь сказывалась. И просыпалась старая сила. Теперь оставалось только ждать.

– Пойдем, Филиппо! Старуха Масса обещала сегодня аукцион!

– Аукцион?

Его высочество лениво покосился на приятеля. Дан Акилле Фабиани, его верный приятель по всяким проказам, лишь в одном не разделял склонности принца.

Филиппо был по уши влюблен в эданну Ческу. А вот Акилле искренне считал, что надо попробовать все. И то, и это... и по борделям он таскался, да. А что такого?

Он же не просто так... он... вот! Он о своей будущей супруге заботится! А то достанется женщине абы что, и потомков не будет! Если не знать, что в кровати делать! Вот!

– Она дня три назад объявила. Говорят, выставит там благородную дану.

– Серьезно? – с немалой долей иронии уточнил Филиппо.

– Вполне. Вроде как дана из обедневшей семьи...

– И не явилась ко двору? Попросить милости у его величества?

– А... всякое бывает. Разве нет?

Филиппо невольно заинтересовался.

Не то чтобы все было так легко и просто. Но теоретически дана могла так поступить. Кинуться к ногам его величества, умолять... замуж бы ее точно выдали. Хоть за кого...

– Ну, давай сходим.

Он же не станет изменять Франческе? Так... посмотрит...

* * *

Сегодня в лучшем борделе столицы был аншлаг.

Эданна Россана Масса принимала гостей, светясь от удовольствия.

Не то чтобы раньше она такого аукциона не проводила – еще как! Деревенские девки... этих хоть лопатой отгребай! Но ведь именно что деревенские девки!

Не дана!

Тем более такая!

Благородная, красивая... если бы Джакомо решил представить ее ко двору, она пользовалась бы вниманием. Но почему-то она этого не

желает.

Интересно...

Хотя – нет. Некоторые вещи лучше не знать. Пусть Джакомо разбирается сам со своими делами. А эданна... слышала она о нем кое-что. С нее хватит!

Жить будет дольше.

Так что она объявила аукцион – только для своих. Для самых-самых избранных. И теперь принимала гостей.

Сделано все было достаточно умно.

Мия находилась в специальной комнате со множеством смотровых окошек. Там ее купали, переодевали, причесывали, подкрашивали...

Лицо девушки скрывала белая полумаска.

Золотые локоны рассыпались по обнаженной спине, служанка проводила по ним щеткой...

Мия сидела совершенно спокойно. Ей некуда было торопиться. Условие она поставила, остальное – дело Джакомо. Он заберет деньги, он же проконтролирует эданну Масса.

А Мия...

Она прекрасно может за себя постоять. Здесь нет никого, представляющего для нее опасность. Разве что толпой навалятся...

Но это – вряд ли. Так что девушка сидела, смотрела в зеркало и подсчитывала прибыль. И лицо ее было спокойным и безмятежным.

Она очень далеко ушла от даны Мии Феретти. Может быть, даже слишком далеко...

* * *

Его высочество понаблюдал за происходящим в комнате.

И внезапно для себя...

Что именно ощутил Филиппо?

Пожалуй, желание побыть благородным спасителем. Или притяжение? Или все сразу? В конце концов, оно прекрасно совпадает. Он может быть благородным, а дана может его отблагодарить за спасение. Разве нет?

Акилле увидел, что друг заинтересовался. И ухмыльнулся.

Отлично.

Надо только шепнуть эданне, кто почтил ее своим присутствием. Пусть проконтролирует... Филиппо не понравится, если он упустит добычу.

* * *

Не подозревая о мужских взглядах, Мия готовилась к интересной ночи.

Да, интересной.

Она с эданной уже побеседовала, она даже посмотрела, как это происходит у других, нашла процесс достаточно забавным...

Девушки от него удовольствия не получали, это Мия тоже видела. Мужчины?

Мужчинам нравилось, иначе они бы не приходили в бордель. Но в чем смысл? Все равно принцип один и тот же. Одно тело в другом теле, несколько движений, иногда дольше, иногда быстрее...

Это должно быть приятно?

Эданна Масса объясняла, что да, если с умелым и опытным мужчиной, но в бордель приходят не ради того, чтобы доставить удовольствие женщинам. В борделе стремятся получать удовольствие сами.

Да, у нее есть мальчики. И если дана пожелает, она предоставит потом кого-нибудь в ее распоряжение.

Мия не возражала.

Ей было... не то чтобы интересно. Но это – ее тело. И она должна быть ему полновластной хозяйкой.

А какая же она хозяйка, если в этой области она останется пугливой дурочкой?

Нет, так дело не пойдет. И Мия спокойно готовилась к выходу на сцену.

* * *

Действительно, сцена.

И даже две девушки по бокам, обнаженные, с факелами. И собственно Мия.

– Уважаемые даны! – Эданна аж лучилась от гордости. – Сегодня вашему вниманию представляется первая ночь с самой очаровательной девушкой столицы.

Мия насмешливо подумала, что это слишком уж преходящий титул. Одну такую она недавно... вот, на Рождество, сама убила.

И вышла на сцену.

Белое платье из тонкого шелка подчеркивало каждую линию девического тела. Филиппо даже облизнулся.

Хороша!

– Она девственна, она еще не знала мужчины, более того, даже ни с кем не целовалась...

Кто-то распустил ленту, стягивающую волосы Мии, и золотые локоны закрыли ее до талии.

– Начальная цена за ночь с благородной даной – тысяча лоринов.

– Даю полторы, – тут же отозвался кто-то из угла.

– Две.

– Две двести...

Цена росла. На плечах белого платья расстегнули пряжки, позволяя мужчинам рассмотреть во всей красоте нежную девичью грудь с подкрашенными сосками.

– Три пятьсот...

– Три восемьсот...

– Пять тысяч!

Платье окончательно упало на пол. Обнаженное тело матово поблескивало в сиянии свечей. Капельки пота сползали по белой, словно мраморной коже.

– Семь тысяч.

– Семь с половиной...

– Восемь...

На пол упала белая маска.

Мия решила снять ее – ненадолго. И поменять свое лицо. Теперь она была копией той самой Джильберты. Разве что с чуточку утрированными чертами. Высокий лоб, четкие дуги бровей, громадные голубые глаза, точеный носик, полные губы...

Было чем восхищаться.

Правда, на обычное лицо Мии не слишком похоже, но это ведь уже мелочи, правда? Потом она все равно наденет маску. Это обязательное условие...

– Десять!

– Пятнадцать! – перекрыл все ставки Филиппо.

– Шестнадцать... – начал было кто-то, но его высочество было уже не остановить.

– Двадцать!

Больше желающих не было.

– Продано, – хрипло огласила эданна. – За двадцать тысяч лоринов, дану в зеленой маске.

Дан Акилле посмотрел на друга и полез в карман. Были у него подозрения, что с собой у приятеля столько нет. Он же не ишак на себе такие тяжести таскать?

* * *

Мия, уже в платье и маске, сидела на кровати.

Ждала.

Страшно?

Нет, страшно ей не было. Сегодня она заработала минимум десять тысяч лоринов, а то и больше дядя вытряхнет из старой шлюхи. Разве это плохо? Это замечательно!

А постель...

Вот и посмотрит и в лучших, и в худших ее проявлениях. И то и другое...

Филиппо вошел в комнату и остановился напротив Мии:

– Встань.

Девушка молча подчинилась.

– Как тебя зовут?

– Франческа. – Мия решила не говорить настоящего имени. Лицо у нее было чужое, ну так и имя будет чужое. И неясно, почему мужчина так вздрогнул...

Самые обычные имена для любой пьесы – Франческа и Паоло.

Франческа...

Словно призрак.

Но даже появившись здесь эданна Франческа, его высочество уже не остановился бы.

– Сними маску.

– Не надо. Пожалуйста, – тихо попросила Мия.

– Почему? Я ведь тебя уже видел.

– Но настолько хорошо не запомнили.

Филиппо кивнул:

– Почему ты не представлена ко двору? Ты ведь действительно дана?

– Дана, – согласилась Мия. – Но мне нельзя.

– Почему?

– Зачем вам чужие горести, дан?

– Потому что я тебя купил! – внезапно разозлился Филиппо. – Хотя бы на одну ночь! И теперь здесь мое право.

Мия кивнула и медленно опустилась на колени:

– Ваше право, дан.

И гнев куда-то исчез. Действительно, зачем он допытывается? В каждой семье есть свои скелеты в шкафу, он тоже не рвется рассказывать всем о прокля-тии...

Филиппо думал не больше секунды, а потом опустился на колени рядом с девушкой.

– Тебя еще никто не целовал? Правда?

– Клянусь.

– Тогда... дай мне твои губы... я тебя научу.

* * *

Каких-то противоестественных наклонностей у Филиппо не было. Так что утром Мия выскользнула из комнаты вполне довольная собой и жизнью. За такую-то сумму!

И чего все это так преподносят?

Ну... больно, конечно. В первый раз – особенно.

Потом только неприятно. А так... мужчины забавные. И не страшные. И... ей понравилось? Во всяком случае, плохо ей не было. Филиппо заботился о партнерше.

Мия честно пыталась получить какое-то удовольствие, потом махнула рукой на все и просто фиксировала, что с ней происходило.

Позы, движения, что мужчине нравится больше, что меньше... а вдруг да пригодится?

Дядя встретил ее в кабинете эданны Масса:

– Куколка?

– Все в порядке, – успокоила его Мия. Хотя даже не сомневалась, что в комнате есть смотровые отверстия. И дядя уже все преотлично знает.

Может быть, кроме одного.

Он не знает, что на цепочке на шее у Мии висит перстень с рубином.

Филиппо все же проявил благородство.

– *Франческа, я не знаю твоих обстоятельств. А ты... ты знаешь, кто я?*

– *Нет.*

– *Этот перстень ты можешь передать королевскому секретарю. И получить помощь.*

Мия не стала спорить. Поблагодарила и поклонилась. А что еще она должна была сделать? Пусть будет. Все же какая-то память о первом мужчине.

Хотя...

– Дядя, сколько я отнесу сегодня в банк?

– Четырнадцать тысяч лоринов.

А вот эта память ей нравится намного больше. Кольцо и десятой части не стоит. Мия кивнула и принялась переодеваться. Джакомо вежливо отвернулся.

Эданна Россана поблагодарила Мию и пригласила заходить в гости. Если захочется...

Дана всегда будет у нее дорогой гостьей. Старая сводня рассчитывала на тысячу, может, две золотом. А тут – шесть!

Да еще такой клиент!

И ведь доволен остался... Может, и еще придет? Вот хорошо-то будет!

– Интересно, с кем я провела ночь?

Мия шла по улице, держала дядю под руку и выглядела благоднейшей юной даной.

Джакомо аж поперхнулся:

– Он тебе не сказал?

– А должен был?

– Это его высочество. Филиппо... в будущем Четвертый.

Мия фыркнула:

– Что ж. Я хорошо начала свою карьеру продажной девки, на этом ее надо и закончить. Если не считать короля, дальше можно только спускаться вниз.

Джакомо посмотрел на племянницу широко открытыми глазами.

Подумал.

И захохотал в голос:

– Ну, Мия! Ты... ты просто чудовище!

– Я? – обиделась девушка. – Меня просто никто не понимает.

Наверное...

– И не любит?

– Почему же. Ночь любви удалась. Но повторять как-то неохота, – честно созналась девушка.

– Он же тебя не обидел?

– Нет. И старался, – кивнула Мия. – Просто, наверное, я такая.

Скучно это все как-то...

Дан Джакомо хмыкнул:

– Как пожелаешь, так и будет. Мне главное, что с тобой все в порядке.

– А свою долю денег не потребуете? – подначила Мия.

Джакомо даже оскорбился:

– Я убийца, а не сутенер!

– Простите, дядя. Это, конечно, серьезная разница.

Джакомо хотел дать нахалке подзатыльник, потом сообразил, что его просто дразнят, и махнул рукой:

– Вредная девчонка.

Мия развела руками.

Да, вредная. Ну так что поделать? Она не хотела, так само собой получилось. А вообще – на что может рассчитывать метаморф? Просто – на что?!

Семьи у нее не будет, дети... разве что внебрачные. Всю жизнь прятаться, скрываться... мечтать, что найдется герой и полюбит тебя за прекрасную душу?

Это как раз всю жизнь и промечтаешь. Лучше брать судьбу в свои руки и идти вперед. И только вперед.

Но для начала – в банк.

* * *

– Мы не можем никуда уйти!

– У нас нет другого выбора.

Капитан смотрел грустно и серьезно. Вот уже два дня они бороздили море в поисках или Лоренцо Феретти, или его тела.

Но – увы.

Море не желало отдавать свою добычу.

Слишком сильной была та волна, слишком яростным шторм... видимо, его просто захлестнуло и поволокло сразу в глубину, на дно... никак он не мог уцелеть.

Хоть ты тут еще сто лет проплавай!

Кого-то находят. А кого-то и нет.

Паскуале это отлично знал, но смиряться не хотел:

– Он не может быть мертв! Я бы почувствовал!

Капитан только головой покачал. Но купец и сам все понял, развернулся и помчался к себе в каюту. Чезаре и Леоне ждали его там.

– Нет?

– Капитан сказал, что все бесполезно. – Паскуале упал на койку и закрыл лицо руками. Кроме Энцо шторм унес жизни шестерых матросов, но это же не его племянники! Да и привязался он к мальчишке!

– Может, мне с ним поговорить... – задумался Леоне.

– Не поможет. На корабле он в своем праве, – мрачно откликнулся Паскуале.

Мужчины переглянулись.

Ну да. Вдвоем они со всеми не справятся. А и справились бы...

Будет ли толк? Смогут ли они найти Энцо?

Вряд ли... море холодное, если они его не нашли в первые несколько часов, то уж сейчас...

И как же было больно и обидно. Как же тоскливо и горестно.

А еще им предстояло вернуться домой, поглядеть в глаза Мии, Джакомо... да и всех остальных Феретти и Лаццо.

Бог дал – Бог взял?

Скажите, а почему эта фраза совершенно не утешает?

В столице

Филиппо Третий прочел отчет от дана Рокко и довольно улыбнулся.

Дана Адриенна выздоровела, чувствует себя пока не слишком хорошо, но уже пытается заниматься делами поместья. Надо бы послать ей какой-то подарок от имени сына.

Или самому сыну напомнить?

С недавних пор Филиппо не то чтобы сильно переменялся, но повзрослел, что ли? И как-то... Франческу он по-прежнему любил, но раньше словно был к ней прилеплен, а сейчас сделал маленький шаг в сторону.

Его величество не отказался бы узнать, что так хорошо повлияло на сына или кто, но Филиппо молчал как рыба.

Друзья упоминали о какой-то девушке из борделя, но король верил в это с трудом.

Шлюха?

Смешно и нелепо...

Хотя если бы он решил поговорить с сыном по душам... да, виновата была Мия. То есть Франческа, как она представилась принцу. Именно после ночи с ней чуточку поблек образ эданны Чески.

И то сказать...

Мия была хороша собой, свежа, бесхитростна, она не скрывала своих реакций и не стыдилась их. Она училась в ту ночь.

Изучала Филиппо и знакомилась заново со своим телом.

А когда видишь естественность, без прикрас, начинаешь видеть и искусственное.

И юность, конечно.

Не просто так боялась молодых соперниц эданна Ческа, ох не просто так. Рядом с Адриенной она смотрелась роскошной женщиной. Но Адриенна ведь и развивалась позже...

А рядом с Мией...

Увы, тут эданна проиграла бы по всем фронтам. И Филиппо нет-нет да вспоминал свою нечаянную любовницу. Франческе об этом никто не говорил, но она была умна. И догадывалась, что кто-то был.

А кто?

Как?

Худшее было в другом. Свято место пусто не бывает. И если раньше Ческа заполняла все мысли, сны, время и силы его высочества, то сейчас...

Сейчас образовалась щелочка.

И в нее начали просачиваться... разные. Вот и сейчас...

— Моя племянница. — Кардинал аж светился от радости, представляя ко двору дану лет тринадцати. — Дана Алессандра Карелла.

Дана низко склонилась перед его величеством, ну и заодно перед его высочеством. А потом подняла голову и улыбнулась.

И была она прехорошенькая.

В отличие от эданной Франчески, кардиналу не пришлось думать и гадать. О происшествии с его высочеством дан Анджело Санторо узнал из самого надежного источника — от самого принца.

Тайна исповеди?

Так ведь он и не покушается на тайну-то... тайна осталась при кардинале. А вот что он нашел девушку, которая оказалась похожа на ту, из борделя...

А почему нет?

Тоже молоденькая, светловолосая, кареглазая... ладно! Волосы у нее крашенные и высветленные! Но остальное-то натуральное?

Ясно же, его высочество потянуло на ровесниц или на тех, что помоложе, и эту нишу надо заполнить. Все равно кто-нибудь да расстарается.

Или канцлер, или казначей, или еще кто...

Зачем кардиналу нужны конкуренты? Лучше уж он сам подсуется, найдет подходящую девушку, кое-как натаскает... даны из бедных готовы на многое.

Мия, кстати, тоже чудом избежала этой судьбы. Но окажись дан Джакомо чуточку другим? Поступи он с семьей брата по-подлому?

Не будь у нее таланта превращаться?

Слишком много всяких «если» и «но». А результат в любом случае один и тот же. Мия из этого выбралась и продавать свое тело не собиралась.

А вот у даны Алессандры выхода не было. Ей надо было искать мужа, ей надо было как-то устраивать жизнь... а если она будет любовницей принца...

Кардинал обещал о ней позаботиться.

Может, и принц в стороне не останется? Тоже вероятно... так что дана поймала взгляд его высочества и снова поклонилась, показывая ложбинку в глубоком вырезе. И улыбнулась...

Филиппо подумал да и пригласил дану на танец.

А эданна Вилецци?

Она никуда не делась. Она и танцевала потом с принцем, и ночевал он в ее постели. Но всем стало ясно – появилась трещина.

И побежала, побежала, расширяясь... пока еще рано кусать поверженную львицу. А вот посмотреть, чем это закончится?

Это – надо. Это будет весьма и весьма интересно.

* * *

Спустя несколько дней, ночью, эданна Ческа снова постучалась в дверь старого дома.

На миг ей показалось, что все повторяется в точности как и первый раз.

Тот же темный коридор, тот же злорадный шепоток за спиной, те же тени... жуткие. Кошмарные...

И та же ведьма, и тот же шар, и теплый хрусталь, от которого согреваются иззябшие ладони.

На этот раз ведьма смотрела в шар еще дольше. Думала, качала головой, мяла в пальцах платок со следами принца... нет, не крови, другой жидкости... ну, что было, то Ческа и принесла, зато, считай, свеженькое, вчерашнее.

– Не знаю, что и сказать, эданна.

– Правду.

– А если правду... вот – между вами как крыло пролегло. Но ведь не с той бабой он лежал, верно?

– Верно.

Если бы Адриенна СибЛевран побывала в столице, Ческа узнала бы. Но ее не было.

Более того, в это время она сильно заболела, и эданна (она тоже живой человек!) втайне бегала, ставила свечки за упокой соперницы. Не помогло, ну так хоть душу отвела...

– А все одно... вот как хочешь, но и та, и эта – связаны.

– Может, она подослала кого?

Ческа говорила, но и сама понимала, что это бред, бред!!! Кого там могла подослать дана СибЛевран?! Девку из борделя? Чушь!

Эданна, конечно, на исповеди не была, но дана Фабиани и отловила, и расспросила. И дан Акилле, который давно мечтал попасть в постель эданны Чески, рассказал ей о том случае.

Но что в нем такого?

Ну, девка... даже дана! Решила продать свою девственность на аукционе? Да при дворе таких «аукционов» на любой вкус и вид! Каждая вторая, считай, продается повыгоднее. Правда, на ком-то и жениться можно... но это не о Филиппо! Ему как раз жениться и нельзя!

В этом для него ничего нового нет!

Красивая?

Так ведь и красивых тут... лопатой отгребай! И сама Ческа не из уродин! То есть не в красоте дело?

А в чем тогда?

Вот – в чем?!

– Это не приворот? – Ческа подумала и выдвинула новую версию.

Ведьма качнула головой:

– Нет. Это уж точно не то. Чужое колдовство я бы почуяла.

– А не может это быть еще одна... Ну... Высокая? – кое-как сформулировала Ческа.

Ведьма опять уставилась в хрустальный шар:

– Нет... не вижу. Ощущение, словно это не человек... Да. Но и не Высокого Рода. Не понимаю... не сталкивалась я с таким, эданна. И денег с тебя не возьму.

– И сделать ничего не сможете? – упало сердце у Франчески.

– Сложно сказать... смогу, не смогу... тут думать надо.

– А порчу на нее напустить?

– На ту девку? Не получится, сразу тебе говорю. Она словно и лица не имеет... вот такая... иная. Как пятно белое. Была – и ушла. И все. Ее проклинать, что на воду кричать, утечет – и все.

Ческа схватилась за голову.

Еще какой-то иной ей не хватало! На ее место!

На ЕЕ принца!!!

Налетели, сволочи, как мухи на то самое!!!

– А что я вообще могу сделать?

– На ту бабу сделать ничего не получится. Ни отворота, ни заговора. Разве что к тебе его покрепче приворожить... это я могу. Хочешь?

Ческа подумала пару минут.

Еще крепче?

Но... в свое время она мечтала, чтобы Филиппо ее оставил. Вот он сделал шаг в сторону – и что?

И она желает вернуть его обратно! Даже не столько принца, сколько все, с ним связанное!

– Что нужно для приворота?

– Ничего особенного. Придешь сюда в полнолуние, я все и сделаю. Можешь еще какую его частичку принести, посвежее, так оно лучше сработает.

Ческа кивнула. Посчитала...

– Но ведь еще почти три недели!

– Я луной не управляю.

– А...

– Раньше – никак. Все ритуалы проводятся только в свой срок, ты ж, эданна, не хочешь, чтобы вместо приворота – отворот получился?

– Не хочу...

– Тогда приходи ко мне в полнолуние. И приноси, что сказала. Проведу я для тебя ритуал.

– А... напиток? Или еще что?

Ведьма от души рассмеялась. Закаркала, словно та ворона:

– Ой, насмешила, эданна, потешила! Напиток! Напитками и порошками пусть тебе ромские бабы на ярмарке торгуют, у них оно хорошо получается! Чай, все дуры к ним стадами и табунами бегают. Погадать, отгадать, приворожить, отворожить... тьфу, идиотки!

– А... – заикнулась Ческа.

– Настоящий приворот не так делается. Увидишь – поймешь.
– Д-да?
– Ты просишь – я делаю. Не за спасибо, понятно...
Франческа кивнула. Это она как раз понимала.
– Деньги будут.
– Вот и ладненько. Приворожу я твоего милого, никуда не денется...

* * *

Проводив эданну, старуха еще долго сидела в кресле, размышляла. Что ж, вот и первый шаг сделан. Или второй?
Сначала ей потребовалось погадать. Теперь – управлять судьбой. А дальше и дорожка быстрее завьется?
Да, вполне...
Хозяин будет доволен.
Хозяева...
И ведьма залилась жутким каркающим смехом. Эданна Франческа сама отмерила себе тяжелое будущее. Но остановить ее было некому.

Мия

Сходни полетели на берег.
И Паскуале спустился по ним...
А Энцо?!
Где Энцо?!
Где ее брат?!
Мия огляделась по сторонам так, словно это могло что-то изменить или исправить. А за Паскуале уже шли Чезаре и Леоне. И тоже выглядели так...
Что с Лоренцо?!
ЧТО?!
Мию непроизвольно затрясло, Джакомо схватил ее за руку:
– Мия!

— Паскуале? Дядя!!!

Мия не смотрела ни на кого. Только на Лаццо. И увидела, как дрогнули губы, как в темных глазах на секунду блеснули слезы.

— Миечка...

– HET!!!

– Я... его смыло за борт во время шторма, – словно камень скинул с горы Паскуале. И уже вслед, лавиной: – Мы его искали...

– HET!!!

Мия дернулась, не понимая, что происходит.

Энцо?!

Нет, нет, это же ошибка, пусть это будет кто угодно другой, не Энцо, не ее брат, не мальчик, которому она расчесывала волосы, не...

Это! Неправда!!!

Так не может быть, не бывает, не должно, она этого не хочет... так ведь нельзя, правда?!

Джакомо перехватил ее, прежде чем Мия метнулась невесть куда, кое-как опрокинул, придавил... за что и получил тут же по ребрам. Девушка выгибалась, дралась, пыталась выбраться – и хорошо, хоть не убивала специально. Словно напрочь забыла все, чему ее учили.

А то бы трупов прибавилось.

Подросли Чезаре и Леоне, Мио придавили к грязной пристани, шарф слетел с ее головы, золотые волосы путались в грязи...

– HE-E-E-E-E-E-E-E-ET!!!

Вой неся над пристанью, над морем...

Никто не лез. Все понимали...

Mope.

Жестокое, капризное, ревниво собирающее свою дань... это – бывает.

– Э-Э-Э-Э-Э-Э-ЭНЦО-О-О-О-О-О-О-О-О!!!

В голосе девушки уже не было ничего человеческого. И Джакомо, плюнув на все, ударил ее в подбородок, оглушил, пока не стало слишком поздно, он видел, что у Мии начинают опасно краснеть глаза... еще немного, и она потеряет контроль над собой. А на что способен обезумевший метаморф?

Мия резко обмякла.

– Чего стоите, помогите, – рыкнул Джакомо. Это в красивых историях о любви герой подхватывает героиню на руки. А в жизни...

У него что – спина цельнолитная? Знаете, как по утрам ноет?

Возраст уж не тот, да и силы тоже. Так что Чезаре и Леоне переглянулись, подхватили Мию за руки, за ноги и потащили туда, где ждала карета.

Да уж...

Потерять брата...

А что тут скажешь? Да нечего и сказать. Кто понимает – тот и понимает. А кто не поймет, тому лучше и помолчать.

* * *

Мия пришла в себя поздно ночью.

Горела свеча, сидел рядом с кроватью Джакомо. Он же и за руку ее держал, и проснулся, когда Мия шевельнулась, приходя в себя.

– Малышка...

Мия посмотрела на него невидящими глазами:

– Энцо?

– Да. Тебе не почудилось. Его смыло за борт.

Мия тихонько застонала от боли.

Энцо, Энцо... его больше нет? Не верится! Ее брат не мог умереть, не мог, НЕ МОГ!!! Она бы почувствовала, поняла... ну, хоть что-то было бы! Правда?!

Правда же?!

Джакомо вздохнул:

– Паскуале мне все рассказал. Был шторм, и Энцо волной смыло за борт. Несколько дней они его искали, но не нашли ни тела, ни следа.

Мия дернулась:

– Не нашли?!

– Мия... так бывает.

– Он может быть жив? – Карие глаза требовательно впились в лицо Джакомо: – Он! Может! Быть! ЖИВ!!!

Мужчина вздохнул:

– Мия... это шторм. И весеннее море. Оно холодное...

Мия опять застонала. Просто представила, как холодные волны захлестывают ее брата с головой, как тянут вниз, в темноту, как заливается в глаза, уши, рот горько-соленая вода...

Она ненавидит море...

Как же она ненавидит море!!!

– И все же?!

– Мия, надежды – нет.

Девушка закрыла лицо руками.

Джакомо смотрел и понимал, что все правильно. Лица он не видел, и это было хорошо. Ему и рук хватало. И волос...

По рукам Мии пробегали... словно волны. То это были девичьи руки, то старческие, то вообще – лапы с когтями...

Меняли цвет волосы, от черного до седого и вовсе уж какого-то странного, зеленого и синего...

Мию корчило и корежило, словно в припадке из-под рук рвался то ли стон, то ли вой... Джакомо следил. Мало ли что...

– Выпьешь?

Мия оттолкнула стакан с лекарством. Ни к чему...

Глушить себя, чтобы забыть?! Но тогда она забудет и Энцо! А она хочет помнить! Каждую минуту помнить!!!

– Нет...

Уже лучше. Хоть какие-то слова, не крики, не вой...

Несколько минут Мия молчала. Потом...

– Дядя... вы теперь наследник Феретти.

– НЕТ!!!

Вот теперь настала пора Джакомо отпираться. Да сдалось ему то Феретти! Век бы не видеть, и жить, и радоваться! Лучше уж сразу камень на шею!

– Дядя?

– Нет, Мия, – чуть мягче, но так же решительно повторил Джакомо. – Феретти наследуют дети Серены или Джулии.

– Но... королевское дозволение.

– Это я возьму на себя. Получим...

Мия задумчиво кивнула. Горе... да, оно съедает без остатка. Но, как и тогда, с отцом, с матерью...

Мие было о ком думать, о ком заботиться. У нее были девочки. И ради них она выдержит.

Джакомо смотрел на племянницу.

Что ж.

Приятно, что она думает о Феретти. О деньгах, о делах...

Брата Мия любила. Но, видимо, не настолько, чтобы впасть в отчаяние. Это хорошо. Да, Феретти...

– Нам торопиться некуда, платить тоже неохота, подам прошение в канцелярию, и будем потихоньку идти законным путем. Года за три справимся.

Мия задумчиво кивнула:

– Три года... это так долго...

– Куда нам торопиться? – пожал плечами Джакомо. – Времени много, ты замуж не собираешься, а девочки еще маленькие.

Мия кивнула:

– Да, дядя.

Джакомо помялся немного:

– С тобой посидеть?

– Нет, дядя. Спасибо, я лучше побуду одна...

Джакомо с явным облегчением кивнул и вышел. Мия повернулась и уткнулась в подушку. Разум девушки работал холодно и спокойно. Первый порыв прошел, и она была способна размышлять хладнокровно.

Энцо – умер?

Его тела никто не видел. Смыло за борт – не доказательство. А значит – он жив. Мия была уверена, она бы почувствовала, ощутила... ну хоть что-то! А она была спокойна.

Значит, Энцо – жив.

Прощение? Не будем с этим торопиться, пусть путешествует по канцелярии, сколько ему заблагорассудится. Надо только сходить к грамотному стряпчему.

С одной стороны, Феретти может пойти в приданое Серене или Джулии. С другой...

А почему бы Мии не забрать его себе?

Девочки растут умничками, и она им уделяет время. Но... положи руку на сердце. Если Энцо вернется, Мия тут же отдаст ему поместье. Когда бы он ни пришел. Каким бы ни явился!

В ту же секунду!

А девочки?

Их мужья?

Мия задумалась.

Допустим... только допустим. Вообще, на Девальс много кто плавает... то есть ходит, как утверждают сами моряки. Плавает у них содержимое нужника...

Ладно, пусть их с морскими заморочками. Плавают или ходят... не слишком-то Мии и интересно было. Она в море вообще выходить не собирается. А если подумать...

Тело Энцо не нашли. На Девальс ходит много народа... ага, по воде ножками ходит... так, не отвлекаться на эти глупости! Мог его подобрать кто-то другой?

Преспокойно!

Мог Энцо продержаться дольше в ледяной воде?

Тоже мог. Мия знала, что она сильнее, выносливее, опаснее обычных людей в ее возрасте. Старалась не показывать, но была уверена – Джакомо об этом догадывается. И если Энцо такой же, как она...

Брат не совсем такой же. Но что-то и у него есть. Какие-то способности, безусловно, он унаследовал. Так что...

Он может быть жив. И другого Мия допускать не собирается. А вот как его искать...

Никак.

Не стоит себе врать – найти Лоренцо Феретти лично она никак не сможет. Разве что поговорить с Лаццо. Завтра же.

То есть уже сегодня. И продумать разговор. А то начнется...

Ах, бедная девочка, ах, помешалась от горя...

Какими словами объяснять, что Мия разумнее их всех, вместе взятых? Вот это и есть самая загадочная тайна мира. Ну, ничего!

Она справится.

* * *

– Дядя Фредо, дядя Паскуале, скажите, вы же торгуете с другими странами?

– Безусловно, – кивнул Фредо Лаццо.

Энцо ему было жалко до слез. И девочку. Но ведь держится... и разговаривает разумно... Паскуале ему рассказал, что с Мией

творилось на пристани – страх смотреть. Даже оглушить пришлось. Боялись, умом тронется, но вроде как обошлось?

Уберег Господь.

– Дядя, у меня к вам будет просьба.

– Да, Миечка?

Фредо готов был выполнить многое. Даже если девочка звезду с неба попросит. Такое горе...

Да и косвенно Фредо чувствовал себя виноватым. Что пробовал приставить дана к делу, что отправил корабль на Девальс... глупо?

Вот и Мия его не винит. А внутри все равно неприятно. Свербит, мозжит, и жена горюет, плачет...

– Дядя, пожалуйста, сообщите компаньонам... я понимаю, что Энцо вряд ли выжил. Но если они что-то узнают о Лоренцо Феретти? Вдруг?

Мужчины переглянулись.

Мия и без слов поняла, о чем они думают. Бедная девочка... пусть хоть что-то... конечно, пообещать ей можно. Делать?

А зачем?

Мия качнула головой:

– Дядя, неужели я так много прошу? Это ведь не стоит денег, не стоит ничего. Просто если Лоренцо выжил, мы о нем рано или поздно узнаем. А если нет... то нет.

Мужчины чуть-чуть устыдились.

– Хорошо, Миечка, – кивнул Фредо. – Я поговорю с компаньонами.

Мия вздохнула:

– Дядя, я понимаю. Вы сейчас думаете, что это все глупо, что выжить Энцо не мог... но это единственное, что я могу сделать для брата. Что мы все можем для него сделать. Разве нет? Это не так много, это несложно...

Мужчины устыдились побольше.

– И компаньоны вас не осудят. Наоборот, поймут и посочувствуют. Пока жива надежда... – тихо шепнула Мия.

И поняла – выиграла!

Мужчины действительно будут... ладно, не искать! Но хотя бы что-то они сделают. Тут слух пойдет, там шепоток...

Больше она для брата ничего сделать не может, но Энцо и сам не дурак. Справится...

Мие оставалось только верить в это. Конечно же, справится. Иначе и быть не может!

* * *

Далеко от Эрвлино к берегу в небольшом порту причаливала арайская фелука.

– Эмин-фрай, – поклонился капитан таможеннику^[21].

– Керем-фрай, – поклон таможенника был скорее простым кивком. И то! Он важный человек, на государственной службе, а это – так. Контрабандист мелкий.

Можно бы и вообще не кланяться, но даже мышь способна притащить золотую монету. Так что Эмин был вежлив просто по привычке.

– Как ваши дела? Все ли благополучно?

– Благодарение Небу, Керем-фрай, все спокойно. Налетал небольшой шторм, но его ярость выдохлась далеко в море.

– Шторм принес мне удачу, – усмехнулся капитан. – Смотрите, что я выловил из волн, Эмин-фрай!

По сходням вели крепко связанного молодого парня. Красивого, светловолосого, явно благородного происхождения...

Лоренцо Феретти молчал.

Радоваться ему было нечему, благодарить не за что. За спасение жизни?

Не факт, что жизнь окажется лучше смерти. Из воды его, конечно, выловили. Но связали, кинули в трюм... все отобрали. Даже подвеску Адриенны, вот она сейчас на капитане.

Сволочь такая!

– Отличная добыча, – порадовался за контрабандиста таможенник. – Неверный?

– Да, Эмин-фрай.

– Хотите продать? На невольничьем рынке Ваффы он принесет вам хорошие деньги.

Капитан задумчиво кивнул:

– Да, пожалуй. Я думал продать его в школу евнухов, он как раз подойдет, может, даже для султанского гарема...

– Боюсь, он у вас староват. Обычно они лучше переносят кастрацию, пока маленькие, а сейчас ваш пленник может просто истечь кровью. Или не пережить боли.

– Да, тогда я останусь ни с чем...

Капитан уже примерялся к добытым деньгам. Уже чувствовал их тяжесть в своем кошельке.

Лоренцо скрипнул зубами. Он даже половины не понимал, о чем они говорят. Да что там – третьей части! Но основное...

– За меня могут заплатить хороший выкуп.

Теперь интерес проявил таможенник.

Керем объясняться с пленником не стал, потому что понимали они друг друга... отвратительно. Матросы на фелуке вообще никакого языка, кроме арайского, не знали. Лоренцо тоже арайский не учил, так, нахватался по верхам: да, нет, спасибо, здравствуйте.

На этом разговор не построишь.

А вот таможенник...

У него работа такая, он обязан быть умнее и образованнее.

– Как тебя зовут, неверный?

– Я – дан Феретти. Лоренцо Феретти.

Эмин кивнул в ответ на слова Лоренцо:

– Я служу таможенником в порту благословенной Ваффы. Можешь обращаться ко мне Эмин-фрай.

– Эмин-фрай, – Энцо уважительно склонил голову. Уважения в нем не было ни на грош, но показывать это? Чему-то его работа в лавке научила.

– Дан... и кто же заплатит за тебя золото?

Эмин сразу понял, что юноша не врет. Действительно дан. И осанка, которую не испортили даже веревки, и золотые волосы, и тонкие пальцы рук, не знавшие тяжелого труда...

– Дядя. Дом Лаццо... торговый дом Лаццо.

Лоренцо был в этом полностью уверен. Если что... сестра небо и море перевернет.

– Лаццо, – протянул Эмин, стараясь что-то вспомнить. – Лаццо... это очень далеко. И долго... надо писать им, потом ждать ответа, а кто тебя будет все это время кормить, неверный?

– Я... я могу отработать. Возместить.
– Дан? – удивился таможенник.
– Мой дядя – купец. У нас в семье бездельников не водится, – сдвинул брови Энцо.

Эмин задумался.

В принципе...

Если подумать, никто не мешает ему получить свою выгоду? К примеру...

– А что ты умеешь делать, дан?

Энцо задумался. А правда – что?

– Я помогал в лавке. Неплохо дерусь... грамотен...

Мужчины переглянулись.

– О чем говорит этот неверный, Эмин-фрай? – поинтересовался капитан.

– Говорит, что его семья богата. Что за него заплатят выкуп.

– Все они так говорят, Эмин-фрай.

– Керем-фрай, с ним было что-нибудь? Что может подтвердить его слова?

Капитан замялся.

– Эмин-фрай...

– Керем-фрай, – в голосе таможенника отчетливо зашуршали листы взысканий.

Капитан неохотно снял с шеи цепочку с вороном:

– Вот, Эмин-фрай. Это было у него на шее... и он очень хочет ее вернуть.

Эмин принял цепочку и внимательно осмотрел ее.

Что ж, все верно. Старое серебро, с чернением, и какая искусная работа... сейчас такого не делают.

– Это твое, неверный?

– Это подарок. Любимой женщины, – ровно ответил Энцо.

Ему безумно хотелось вырваться, ударить негодяя, отобрать подвеску... но уже попробовал в трюме. Два дня без воды очень хорошо учат.

Энцо понимал, что все обратимо. Но надо для начала выжить. То есть не нарываться выше меры.

– Возможно, он действительно дан. – Эмин смотрел на капитана: – Может быть, его семья достаточно богата, чтобы заплатить

выкуп.

– Но я предпочту продать его здесь и сейчас. Не подскажете ли, Эмин-фрай, куда выгоднее пристроить этого раба?

– В школу гладиаторов. После недавних игр у них осталась треть состава, но какой вдохновенной получилась схватка со львом!

– Львом?

– Да, – закатил глаза таможенник. – Это было просто вдохновенно! Двенадцать человек, с сетями, но без оружия, – и против них лев. Если они поймали бы его...

– Если?

– Оставшиеся в живых получили свободу. То есть умерли свободными, – усмехнулся Эмин. – Хозяин мог бы позаботиться о своем имуществе, а так... их просто выкинули за ворота, в канаву.

Энцо не понимал ни слова.

Капитан поклонился таможеннику:

– Уважаемый Эмин-фрай, объясните, прошу вас, этому варвару, что я намерен с ним сделать. Мне не хочется портить товар перед продажей...

Эмин кивнул.

Тоже верно. Привести к покорности можно любого, но в школе гладиаторов лучше демонстрировать товар лицом. И лицо это должно быть чистым, привлекательным, достаточно спокойным...

Слишком буйных рабов убивают. А потому...

Эмин повернулся к Энцо:

– Слушай, раб. Твой хозяин – достопочтенный Керем-фрай.

Вот где Лоренцо по достоинству оценил свою работу в лавке. Дану не подобает? Ничего, он послушает. И найдет возможность поквитаться... потом. А начини он орать, ругаться... что сейчас из этого получится?

Да ничего. Кроме его избиения.

– Я... слышу.

– Ты умный. Это хорошо. Ты будешь хорошим рабом, – согласился Эмин. – Достопочтенный Керем-фрай не желает писать письмо твоим родным.

– Почему... уважаемый?

– Потому что письмо дойдет не скоро, если вообще дойдет, если твои родные захотят за тебя заплатить... все это время ты будешь

камнем на шее Керем-фрая. Ему проще один раз продать тебя – и получить деньги.

– Меньше.

– Кто знает. В школе гладиаторов сейчас мало бойцов. Если ты дан – ты должен владеть оружием.

Энцо пожал плечами. Получилось плохо – у связанного.

– Я... умею.

– Значит, ты будешь доволен. У гладиаторов есть все. Вино, женщины, их любит народ...

Энцо даже не фыркнул. И порадовался своей выдержке.

Арайцы!

Ей-ей, Черныш – самый умный из местных обитателей.

Конечно-конечно, гладиаторов любят... и судьба у них – сдохнуть на арене. Во время очередного боя. Или убить такого же бедолагу...

Ему придется убивать, чтобы выжить. Но вот это Энцо как раз не волновало. Словно что-то ушло, очень важное, в ту ночь, когда он боролся за жизнь. Ушло, отсекло все...

Осталось только одно желание.

Вернуться.

Что ради этого придется сделать? Кого убить, предать, продать?

Арайцы были приговорены все, скопом. Будь они тут хоть какие золотые, Энцо с ними церемониться не собирался.

– Что вы хотите от меня?

– Покажешь, на что ты способен, – твой хозяин продаст тебя выгодно.

– А если не покажу? – попробовал прощупать почву Энцо. Увы, он тут был даже не тысячным...

– Тогда тебя избыют плетями и продадут в школу, но евнухов. Там красивые мальчики тоже в цене. Или в наложники...

Энцо передернуло. Он знал о противоестественных отношениях, но... вот именно что!

Противоестественных!

Такое не одобряют ни люди, ни Бог. И обычно в цивилизованных странах за это сажают на кол. Так сказать – употребляют по назначению.

А эти арайцы – дикари, у них такое процветает.

Гадость...

Эмин улыбнулся довольно.

Неглупый раб. С одной стороны, это хорошо. С дураками сложно.

С другой стороны, умный раб всегда будет стремиться к свободе. Но это *не его* раб. Не его проблема.

– Я вижу, неверный, ты понял...

– Понял, – кивнул Энцо. – И попрошу вас об одной услуге, почтеннейший Эмин-фрай.

– О какой же?

– Может быть, вы все же решите написать моим родным? Мое имя Лоренцо Феретти, дом Лаццо.

Таможенник подергал свою бороду. Ухоженную, окладистую, крашенную, по последней моде, хной, в рыжеватый цвет.

Что ж... это можно и сделать. Денег он не потратит, а передать письмо с оказией – возможно.

– Если хочешь, неверный, напиши о себе сам. Твою руку узнают?

– Вполне, почтенный. Скажите, знаете ли вы наш письменный язык?

– Нет, – отозвался Эмин. – Я не умею на нем читать.

Еще бы Энцо в это поверил.

– Тогда прошу развязать мне одну руку. Я обещаю, что здесь и сейчас не причиню никому вреда.

Таможенник обратил внимание на эту оговорку. И кивнул Керему. Объяснил ситуацию... Предсказуемо капитан возмутился:

– А я? Я его спас! И ничего не получу?

Эмин пожал плечами:

– Вы получите за него деньги, Керем-фрай.

– Но если будет вознаграждение...

– А если не будет?

– Уважаемые, – рискнул вмешаться Лоренцо. – Попрошу меня простить, но я не понимаю, о чем вы спорите. Может быть, я могу как-то это... разре-шить?

– Достопочтенный Керем-фрай считает, что нехорошо будет позволить мне получить всю награду, если найдутся ваши родственники, дан, – вежливо ответил Эмин.

А почему бы и нет?

Если кто-то найдет, если привезет деньги... да, это не обязательно. Но вдруг? Ему ведь для этого ничего не придется

делать...

Энцо пожал плечами:

– Пусть уважаемый Керем-фрай скажет мне свое имя и название корабля. А я напишу о нем.

– Керем-фрай. И корабль «Стрела», – сдал с потрохами жадину таможенник.

Энцо кивнул. Размял пальцы, получил у Эмина лист плохой тростниковой бумаги и быстро написал несколько строчек.

«Дядя Фредо (Паскуале, Джакомо)!

Я чудом остался жив, меня спасла фелука «Стрела» и ее капитан Керем-фрай.

Сейчас я нахожусь в рабстве в Ваффе.

Уважаемый Эмин-фрай, таможенник, будет знать, кому меня продали. Надеюсь, вы щедро вознаградите моих спасителей и поможете мне выкупиться на волю.

Дан Лоренцо Феретти».

Так, не запечатывая, Энцо и протянул письмо Эмину.

И понял – угадал! О, как он угадал!

Знает этот гад их язык, знает и читать умеет... но Энцо нужно было не это.

Керем-фрай и «Стрела». Эмин-фрай.

Энцо обязательно их убьет. А у первого еще и подвеску заберет.

Лоренцо Феретти начал составлять свой личный список смертников.

* * *

Два часа спустя он и цену свою узнал.

Двадцать шесть золотых. Местный золотой где-то в полтора раза тяжелее лорина, так что... пусть сорок лоринов, для ровного счета. Не так уж и много.

Распорядитель методично осмотрел всего Лоренцо, от ног до ушей, даже туда заглянул, куда и не стоило бы... промял мышцы, послушал сердце, посмотрел зубы...

Энцо терпел.

Ему надо выжить и вернуться домой.

Если для этого придется притвориться покорным и безмозглым – он потерпит. И список расширит еще на одно имя.

Убить?

И что такого?

Здесь он будет убивать людей, чтобы выжить. А работоторговцы и те, кто выставляет людей умирать на потеху публике... это – не люди. Это так...

Твари. Даже не Божии, они Христа не знают, они невесть кому поклоняются...

Наконец торги были закончены, и распорядитель повернулся к нему:

– Мое имя Зеки-фрай. Ты понял, раб?

– Да, Зеки-фрай.

Распорядитель кивнул.

Что ж. Этот раб не смирился – это хорошо, яростнее драться будет. Он хочет на свободу? Все они этого хотят... Этот умный, он будет слушаться... какое-то время. И это тоже отработано на тысячах и тысячах других рабов.

– Ты – имущество школы. Пять дней ты ешь и спишь. Потом будешь тренироваться.

– Да, Зеки-фрай.

– Через месяц мы выставим тебя на Арену первый раз.

– Да, Зеки-фрай. Могу ли я просить о милости? – подобрал слова Энцо. Даже поклонился, авось спина не переломится.

Распорядитель поднял бровь.

Кажется, этот раб еще умнее? О чем он хочет попросить, интересно...

– Слушаю тебя, раб? И помни, если просьба будет наглой или глупой, ты получишь пять плетей. На первый раз.

Энцо еще раз поклонился:

– Зеки-фрай, я не знаю арайского. И хочу научиться... хотя бы что-то понимать. Если кто-то сможет учить меня и языку...

И снова поклон.

И благодарность дяде. Как же хорошо, что Энцо научился в лавке определять «на глазок» покупателей. Вот и этот...

Какая разница – три штуки шелка или Энцо? Этот покупатель будет выжимать всю выгоду до капли из своего приобретения. Так почему бы не сделать его более ценным?

Зеки немного подумал.

Что ж. Просьба не лишена смысла.

Варварам приходится буквально вколачивать истинную речь, чтобы тупые дубины хоть что-то понимали. А тут... если варвар сам хочет приобщиться – почему нет?

– Сегодня тебя не будут пороть, раб. Я прикажу учить тебя – и слушай внимательно. Иначе все же не избежешь плетей.

Энцо поклонился:

– Благодарю вас, достопочтенный Зеки-фрай. Я постараюсь выучить ваш язык как можно скорее.

– Умный раб. Это хорошо, но не перехитри сам себя, – припечатал Зеки.

Энцо еще раз поклонился.

Ничего... он справится! Выживет, вернется...

Зеки улыбнулся. Сколько раз он такое видел... и мысли такие слышал. Фактически с лица считывал.

– Учись, раб. А сейчас тобой займутся. Не смей сопротивляться, иначе – плеть.

Энцо и не собирался.

Чтобы бежать, надо знать, куда бежать, как, надо иметь достаточно денег или сообщника, надо... очень много всего надо. А попросту дергаться...

Глупо.

Он постарается быть умнее.

* * *

Вечером Лоренцо Феретти лежал на койке в бараке для гладиаторов. Да, пока – тут.

Потом его могут в качестве поощрения перевести в отдельную комнату. Могут дать своего слугу и женщину. Могут лучше кормить.

Хотя кормят тут и так неплохо. Но сегодня Энцо дали только чашку бульона и ломоть хлеба. Завтра обещали больше. После

путешествия на корабле ему нельзя много есть, будет плохо.

В школе гладиаторов Ваффы знали, как привести товар в форму. Впрочем, это вполне отвечало намерениям Энцо.

Сегодня его искупали, его отвели к массажисту, который промял каждую косточку в его теле. Его отвели в кузницу...

И на шее Лоренцо Феретти заклепали железный ошейник. Правда, не грубый – скорее, обруч. Аккуратный, не стесняющий движений, отлично влезающий под доспехи...

Энцо трясло от гнева.

Но – здесь и сейчас он ничего не сможет сделать. Надо выжить. Надо – выжить...

Старик, который водил его по школе, заодно показывал ему предметы, называл их на арайском, требовал повторить. Энцо слушался.

Получалось плохо, но лучше, чем вовсе ничего. Не страшно, он научится. Память у него хорошая, цепкая... а на личные темы он пока говорить не будет.

Сейчас этот старик сидел в углу барака. Зачем?

Энцо не понимал – сначала. Потом, когда начали собираться гладиаторы, сообразил.

Если их не стеречь... это мужики. То есть начнутся беспорядки, может быть, драки или случки, может быть, кто-то и хозяйское имущество повредит.

А хозяевам это не нужно. Гладиатор должен сдохнуть на Арене, а не на койке, под каким-нибудь любителем острых ощущений... вот и сидит в углу барака старик, и рядом с ним – небольшой, но явно звонкий гонг.

А учитывая, что старик отлично знает языки... и Эрвлина, и арайский, и кто его еще знает, какие именно... лучше помолчать. И не делиться информацией о себе.

Ни с кем.

Его зовут Энцо.

Все.

И, чтобы проверить свою теорию, Энцо притворился спящим. Если он правильно догадался, будить его не станут. Вряд ли это одобряют местные хозяева...

Притворился да и уснул.

Измученное тело требовало отдыха. Даже на убогой деревянной койке. Даже на тощем соломенном тюфяке. Утешало одно – насекомых тут не было. За этим следили.

Спать, спать, спа-а-а-ать...

* * *

Во сне Энцо видел Адриенну.

Дана СибЛевран лежала на кушетке у окна и смотрела куда-то вдаль. Розовые губы шевелились. Энцо знал, здесь и сейчас она думала о нем.

Он даже знал, о чем думала Адриенна. И обещал ей во сне выжить и вернуться.

Рано или поздно, так или иначе...

Он вернется.

Все будет хорошо.

Время, пространство, обязательства... для него это было неважно. Мы пока не вместе, любовь моя, но мы обязательно будем вместе. Я вернусь, я приеду, я буду с тобой рядом... ты самая замечательная девушка всех миров...

Ты меня только дождись.

Да, так получилось, что я попал в западню, но это не страшно. Я выберусь, и неважно, скольких мне придется загрызть. Я приду.

Только дождись...

И Адриенна слышала его.

И – отвечала.

Она будет ждать.

Она будет верить, молиться, любить... она точно знает, что с Энцо случилась беда. Но также она знает, что непоправима лишь смерть. Он жив?

Все остальное можно решить.

Она дождется, а он придет. И все будет правильно.

Не хорошо, не плохо, а именно правильно.

Они должны быть вместе.

Они связаны навечно.

Они – две части друг друга, которые поместили так далеко... Но это все пустяки!

И рвутся из самого сердца слова, которым нет преграды:

– *Жду... люблю... верю...*

– *Иду... люблю... вернусь...*

А где-то тихо перекатывает свои волны река всемогущего времени.

Она качает и баюкает, она увлекает за собой и Энцо, и Мию, и Адриенну, и всех остальных живущих на земле. И иногда в шепоте этих волн слышится смешок.

Смертные...

Выдержат ли ваши чувства испытание временем? Останутся ли сиять, словно золото? Или поржавеют, словно железо?

Время покажет.

Время посмотрит...

А вечность... вечность – ждет.

---

notes

Примечания

Евангелие от Матфея, 18, стих 6. Относится не только к сексу, но и к противоправным действиям. *(Прим. авт.)*

Не путать сорбет и шербет. Сорбет того времени напоминал бланманже и готовился из куриной грудки, риса, миндального молока, сахара и специй. Подавался между жареными и вареными блюдами, чтобы не смешивать вкус. Не десерт! (*Прим. авт.*)

Между прочим, вкусно и не особенно долго готовится. Только приправ много, ну и осьминогов лучше покупать тех, которых убивать не придется. (*Прим. авт.*)

Рагу из кабана по-провански. Но тут многое зависит от маринада и кабана. *(Прим. авт.)*

Первый банк мира – 1472 год, Италия. *(Прим. авт.)*

Тексты молитв в книге изменены. *(Прим. авт.)*

Впервые черный флаг отмечен в 1694 г. Подозреваю, оно и раньше было, просто означало, что пощады не будет. Выживших тоже. Рассказать в итоге некому. *(Прим. авт.)*

Не стоит бегать от снайпера – умрешь уставшим. С. Е. Лец.
(Прим. авт.)

Купеческая каррака 1400–1450 гг. вмещала до 200 человек. Мы столько не берем, у нас и корабль поменьше, и экипаж. Шлюп – корабль без классификации, вмещал до 120 человек («Бигль»), но управлять им можно было и с меньшим числом людей. *(Прим. авт.)*

У дана был туберкулез легких, который плавно перешел в стадию ремиссии, а она может длиться долго. (*Прим. авт.*)

Свинка. *(Прим. авт.)*

Как вариант, в Средние века предохранялись семенами дикой моркови. Нет, не вместо и не туда. По ложке каждое утро натошак. Вот насчет действенности – не знаю. Но отравиться могли. (*Прим. авт.*)

Предрождественский период у католиков. (*Прим. авт.*)

Традиционная молитвенная практика у католиков: чтение определенных молитв девять дней подряд. *(Прим. авт.)*

Рождественский вертеп – воспроизведение сцены Рождества Христова с помощью скульптуры или картин. *(Прим. авт.)*

Католический аналог Деда Мороза. (*Прим. авт.*)

Похожее действие у яда кураре, о котором Европа впервые узнала в 1617 г. (*Прим. авт.*)

Сладкий миндаль выдерживали в воде до мягкости и измельчали. Получалось миндальное молоко. Хранилось дольше коровьего, активно использовалось в кулинарии. (*Прим. авт.*)

Испанский сапог. (*Прим. авт.*)

Автору и похлеще советы приходилось и слышать, и читать. Это еще не самое страшное. *(Прим. авт.)*

Фрай – обращение в Араие. Примерный аналог – «уважаемый». К женщине – фрайя, к примеру, Нурчан-фрайя. *(Прим. авт.)*